

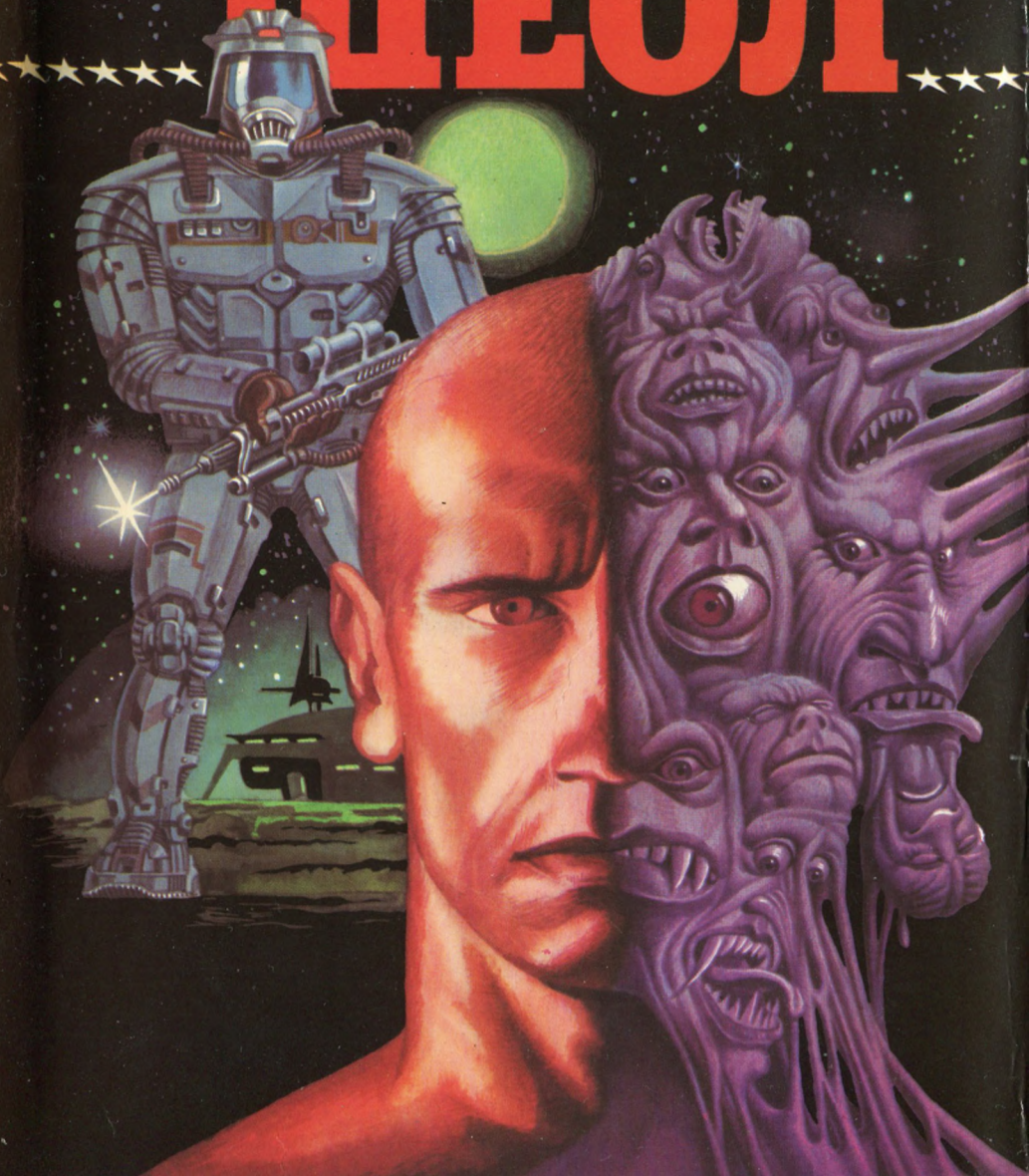

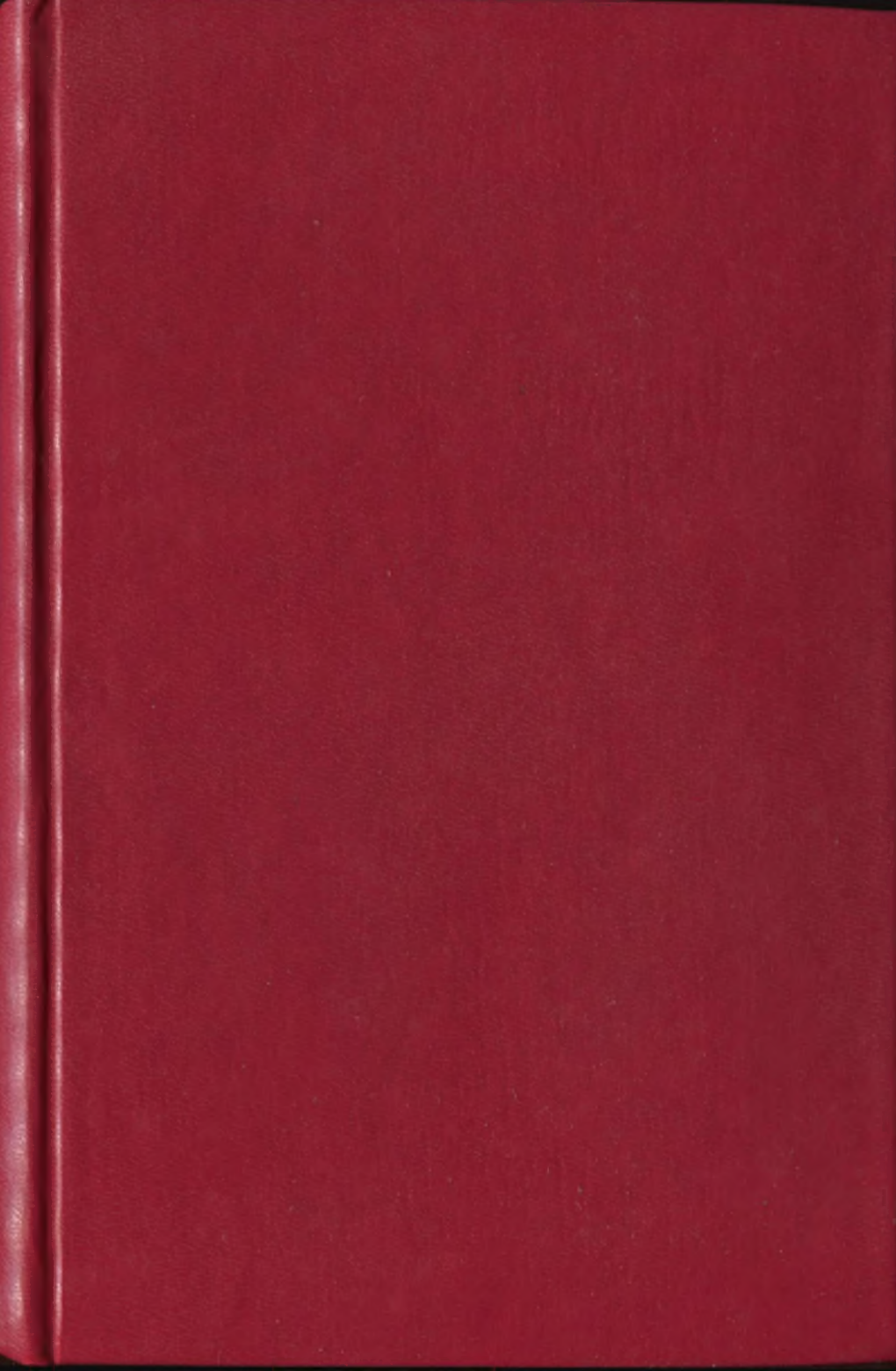
Зал
славы
зарубежной
фантастики

КОРДВЕЙНЕР СМИТ ПЛАНЕТА ШЕОЛ

КОРДВЕЙНЕР СМИТ

C. Smith

K. SMITH

ПЛАНЕТА

ШЕОЛ

C. SMITH

THE PLANET

SHAYOL

Зал славы зарубежной фантастики

Р.С.М.М. ПЛАНЕТА
☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆☆
THE PLANET

Перевод с английского

ШЕОЛ

#ALWAYS
C. SMITH

SHAYOL

Київ
"Альтерпрес"
1995

ББК 84.7 США
С48

Редакційна колегія серії:

П.Хазін

В.Каплан

М.Шпулак

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

Мир произведений К.Смита — это мир далекого будущего, где создан эликсир вечной жизни и открыта тайна мгновенных межзвездных перемещений, мир удивительный и понятный, забавный и трагичный.

В книгу вошли лучшие произведения американского писателя-фантаста — роман “Покупатель планет”, повести “Подвиг и преступление капитана Суздаля”, “Планета Шеол”, “Бульвар Альфа Ральфа”, “Планета ураганов” и другие повести и рассказы.

Сміт Кордвейнер

С48 Планета Шеол: Пер. з англ. — К.: МСП “Альтерпрес”, 1995. — 511с.: іл. — (Зал слави зарубіжної фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-4759-5

Світ творів К.Сміта — це світ далекого майбутнього, де створено еликсир вічного життя і відкрито таємницю миттєвих міжзоряних переміщень, світ дивовижний і зрозумілий, світ забавний і трагічний.

До книги увійшли найкращі твори американського письменника-фантаста — роман “Покупець планет”, повісті “Подвиг і злочин капітана Суздаля”, “Планета Шеол”, “Бульвар Альфа Ральфа”, “Планета ураганів” та інші повісті і оповідання.

Ж 4703040100-03
95 без оголош.

ББК 84.7США

© Упорядкування, художнє оформлення, емблема і назва серії.
МСП “Альтерпрес”, 1995

ISBN 5-7707-4759-5

© Супер-обкладинка. С.Павленко,
1995

ЛЮДИ И КОШКИ ПОЛКОВНИКА ЛАЙНБАРДЖЕРА

*Средь множества иных миров
Есть, может, и такой,
Где кот идет с вязанкой дров
Над бездною морской.*

Вадим Шефнер

Города, страны, планеты, звезды, которые невозможно найти на картах и глобусах... Это миры, созданные разумом и воображением писателей-фантастов. Вспомните Бробдинггег и Глаббдобриб Джонатана Свифта, Глупов Михаила Салтыкова-Щедрина и Колоколамск Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Макондо Габриэля Гарсия Маркеса и Йокнапатофу Уильяма Фолкнера, Ибанск Александра Зиновьева и Егупец Шолом-Алейхема. Каждый из них удивителен по-своему. Разве можно спутать Зурбаган и Лисс Александра Грина с Великим Гуслияром Кира Булычева, Солярис Станислава Лема с Омеласом и Хейном Урсулы Ле Гуин, Транай Роберта Шекли с Лалангаменой Гордона Диксона, Эмбер Роджера Желязны с Парром Гарри Гаррисона? Вам, дорогой читатель, предстоит знакомство с еще одним миром — миром Кордвейнера Смита.

Это странный мир далекого будущего, история которого длится уже шестнадцать тысячелетий. Мир, в котором живут люди-кошки, люди-черепахи, люди-медведи, люди-быки, где киты и медузы летают, а кораллы растут на воздухе. Мир, в котором создан эликсир вечной жизни — струн, правда стоящий очень дорого, но разве есть цена у бессмертия? Мир телепатов, где возможны путешествия во времени, а самое страшное наказание для преступни-

ков — стирание памяти. Мир, овладевший тайной мгновенных межзвездных перемещений путем перехода из трехмерного пространства в двухмерное и обратно на плоскостях. Мир со своим “раем” — планетой Старой Северной Австралией и “адам” — страшной планетой-тюрьмой Шеолом (в переводе с древнееврейского “шеол” означает “место, лишенное света”, то есть “ад”), а также с планетой ураганов — Генриадой, планетой слепцов — Олимпией, планетой воров — Вьолой Сидерией, планетой мужчин — Аракозией. Мир, управляемый элитной кастой — Содействием, — в котором долгие тысячелетия так называемые “квазилюди”, или “гомункулы”, то есть люди-животные, а точнее животные, искусственно превращенные в людей учеными Земли, борются за равные права с земными людьми и жителями других планет — гоминидами и в конце концов добиваются равноправия. Пестрый, невероятный мир, напоминающий восточные сказки.

Кто же такой Кордвейнер Смит? Впервые это имя стало известно в 1950 году благодаря недолго просуществовавшему американскому журналу “Фэнтэзи бук”. Именно тогда увидел свет рассказ “Сканнеры живут напрасно”. Имя автора ничего не сказало любителям фантастики, но рассказ за короткое время издавался еще дважды.

Ныне Кордвейнер Смит по праву считается одним из наиболее ярких писателей-фантастов США. Но парадокс заключается в том, что, вместе с тем, об этом авторе до сих пор мало что известно не только в нашей стране, но и на его родине. Вплоть до самой смерти писателя его личность была окружена тайной подобно тому, как это было с другим писателем, жившим три века назад в Англии, с классиком мировой литературы Джонатаном Свифтом, любителем розыгрышей и мистификаций, частная жизнь которого была тщательно укрыта не только от всех любопытных, но даже от знакомых и друзей. А что же мы знаем об авторе “Сканнеров”? Почему он скрывался от читателей?

Доктор Пол Майрон Энтони Лайнбарджер (1913 — 1966) не считал зазорным свое увлечение научной фантастикой. Как-то, давая интервью газете “Балтимор сан”, он заметил, что фантастика привлекала больше внимания докторов наук (Айзек Азимов, Норберт Виннер, Артур Кларк, Ф.Хойл и др.), чем любой другой жанр литературы. Но создается впечатление, что ему не очень хотелось общаться с читателями и тем более становиться объектом “изучения” дотошных литературоведов и любителей сенсаций. Ему нравилось слыть человеком-загадкой, “человеком-невидимкой”. Ведь он был мифотворцем, а создатель мифов сам должен быть в какой-то мере мифическим персонажем, вроде Матфея или Заратуштры.

Между тем жизнь Лайнбарджера была полна необыкновенных событий. Уже в семнадцать лет он от имени своего отца, крупного финансиста, вел деловые переговоры с китайским правительством. Позже, несмотря на слабое здоровье, он стал полковником армейской разведки. И, хотя он родился в Милоуки (отец хотел, чтобы Пол родился на территории США, думая о возможной баллотировке сына в президенты), но годы становления провел в Японии, Китае, Франции и Германии. Он изучил шесть языков и хорошо знал культуру Востока и Запада. Путешествуя вокруг света, он посетил Австралию, Грецию, Египет и многие другие страны. Совсем молодым человеком он побывал и в России, познакомился с русской культурой, отголоски этого путешествия будут звучать потом в его книгах (достаточно вспомнить имена некоторых персонажей: капитан Суздаль, Повелители Жестокост (Жестокость), квазидевочка Истина).

В возрасте двадцати трех лет Лайнбарджер получил степень доктора политологии в университете Джона Хопкинса (Балтимор), где позже на протяжении многих лет занимал пост профессора азиатской политики. В звании полковника разведки американской армии он консультировал британские вооруженные силы в Малайе и восьмую американскую армию в Корее, но во вьетнамской войне участвовать отказался. Вершиной его карьеры стала должность советника президента Джона Кеннеди.

В детстве Пол зачитывался фантастикой. В числе его любимых авторов — Жюль Верн, Герберт Уэллс, Артур Конан Дойл и особенно немецкий писатель XX века Альфред Деблин. В 30-е годы доктор Лайнбарджер начал тайно вести дневник, на страницы которого попали идеи многих его собственных будущих произведений.

Его судьба писателя-фантаста сложилась довольно необычно. Хотя первый написанный им фантастический рассказ “Война N 81-Q” был опубликован, когда Полу было всего пятнадцать лет, лишь после войны, во время работы в Пентагоне, у него родилась идея “Сканнеров” — произведения, которое можно считать началом его большого литературного пути. Рассказ отказались печатать все, кроме “Фэнтэзи бук”, взявшегося за публикацию лишь через пять лет после того, как он был написан.

В этом рассказе впервые появляется верховный орган будущих поколений землян — Содействие, которое позже будет фигурировать во многих рассказах Кордвейнера Смита.

Что же такое — Содействие Человечеству, управляющее людьми, контролирующее их поступки и деятельность, которого боятся даже всемогущие сканнеры — капитаны космических кораблей?

Лайнбарджер воспитывался в религиозной семье католиков (его дедушка был священником) и стал глубоко верующим человеком. А согласно римской католической теологии священник не что иное, как «осуществляющий содействие Богу». У Кордвейнера Смита Содействие Человечеству является одновременно политической элитой и кастой священнослужителей. Его власть распространяется повсюду таинственно и искусно, воплощая в себе как политическую, так и духовную мощь. Повелители Содействия не считают себя правителями или политиками. Они всемогущие распорядители человеческих судеб.

Но мировоззрение писателя складывалось не только под воздействием католицизма. Его разнообразные знания о культуре многих народов и наций сформировали неповторимую, хотя и кажущуюся противоречивой, концепцию человеческой природы и морали. Он восхищался кодексом чести самураев, его увлечение восточной культурой отражалось даже на обстановке его дома. Но он не принимал осященные религиозными традициями Востока фатализм и равнодушие к человеческой жизни. Смит был убежден в том, что жизнь каждого человека священна, она настолько бесценна, что ею недопустимо жертвовать ради какой бы то ни было идеи.

Рассказы, включенные в данный сборник, расположены в хронологическом порядке, в соответствии с историей эры Содействия. Временной цикл — шестнадцать тысячелетий. Хронология воссоздана по дневникам писателя.

... В прошлом остались Дикие Войны, в результате которых на большей части Земли остались звери, машины и непрощенные, а люди расселились в немногочисленных изолированных городах, при этом все нации постепенно слились в одну человеческую общность. Воспоминание об этом времени можно найти в «Сканнерах». Время действия «Сканнеров» — вторая эра покорения космоса — шестое тысячелетие эры Содействия (первая эра относится ко второму тысячелетию и называется у Смита «забытой»). Земля заселяется заново. Идет бурная экспансия ближайших звезд. Жители колонии Парадиз-7 заселяют планету Старая Северная Австралия. В седьмом тысячелетии изобретается струн — средство, позволяющее продлить человеческую жизнь практически до бесконечности. В девятом тысячелетии начинается широкое распространение плосколетов, изобретенных в восьмом. К этому времени относятся рассказы «Поединок с крысодраконом» и «Самосожжение». Земляне расселяются на тысячах планет. В десятом тысячелетии возрастает роль роботов и квазилюдей, их используют все больше и больше. В одиннадца-

том тысячелетии люди активно приспосабливаются к жизни на “странных” планетах, таких, например, как Вьола Сидерия. В тринадцатом тысячелетии самые серьезные противники Содействия, в том числе Блестящая Империя, набирают силу. К этому времени относится “Подвиг и преступление капитана Суздаля”. Четырнадцатое тысячелетие — время появления Повелителя Джестокоста, а Пятнадцатое — его партнерши Повелительницы Мор, которым принадлежит идея возрождения древних человеческих культур. Шестнадцатое тысячелетие, озаглавленное предоставлением всех прав квазилюдям и распространением движения Возрождения, находит в сборнике наиболее полное отражение. Это “Малиньские катята” Матери Хиттон”, “Бульвар Альфа Ральфа”, “Баллада о потерянной К’мель” и “Планета Шеол”. В том же тысячелетии объявляется эмбарго на религию, упоминаемое в повести “Планета ураганов”.

Личные пристрастия и жизненные коллизии Пола Лайнбарджера не могли не наложить отпечатка на произведения Кордвейнера Смита. Так его любовь к кошкам нередко вдохновляла писателя при создании сюжетных коллизий. Капитан Суздаля использует кошек в борьбе с коварными аракозийцами. Кошки сражаются с крысодраконами. Женщина-кошка К’мель борется за равноправие квазилюдей с людьми и гоминидами. Что это: чудачество, любовь к маленьким домочадцам или желание выразить мысль о единстве человека и животного, человека и природы? Вспомните киплинговское “Мы с тобой одной крови”. А частое пребывание в больницах, зависимость от медицинской техники, вероятно, сформировали в нем еще и идею о единстве человека и машины, природы и техники.

В 60-е годы по странам Запада прокатилась волна “сексуальной революции”, вызвавшей резкое неприятие писателя. Отголоски ее слышны в рассказе “Самосожжение”, где в определенной степени снижается обычное для Смита восторженное отношение к будущему человеческому обществу. Практическое бессмертие (благодаря изобретению струна) делает жизнь героев Смита безопасной, но, одновременно с этим, более бессмысленной.

Кордвейнер Смит во всех своих произведениях настойчиво проводит мысль, которую можно считать моральным кредо писателя. Это мысль о праве на гуманное отношение к себе не только земных людей, но и любых мыслящих и чувствующих существ, кем бы они ни были: сканнерами, гоминидами, квазилюдьми-гомункулами. Даже отвратительные аракозийцы вызывают у него жалость и сочувствие. Недаром все “униженные и оскорбленные” у Смита часто оказываются более смелыми, одаренными, тонко чув-

ствующими, чем те, кого судьба обласкала высоким званием: настоящих людей (вспомним удивительных квазилюдей — кошку К'мель и черепаху Истину, сканнера Мартела, отважных Партнера светострелков — кошку Леди Май и кота Капитана Гава).

Героиня повести "Планета ураганов", квазидевочка Истина, пытается объяснить Кэшеру О'Нейлу смысл своей трансформации из черепахи в человека: "Какой был смысл в первой моей встрече с хозяином?.. Любовь. Любовь — смысл всех вещей. С одной стороны — любовь, с другой — смерть". Вот так-то у Кордвейнера Смита! Любовь или смерть. Третьего не дано. Тот же эмоциональный мотив звучит в устах призрак О'теликели, сообщающему Повелителю Жестокости правду о чувстве К'мель: "Ее любовь сильна. Сильнее смерти, сильнее жизни, сильнее времени. Вы никогда не расстанетесь".

Кордвейнер Смит, будучи последовательным гуманистом, одновременно является и последовательным романтиком. Его герои — натуры цельные: обычно если уж они решаются на что-то, то действуют либо в соответствии со своей внутренней этикой индивида, либо — с этикой того общества, в котором живут. Так, сканнер Мартел стратегию своей борьбы с Содействием, установившим четкий "кодекс чести" отдельно для людей и отдельно для сканнеров, выбирает исходя из своего внутреннего "я", а его друг — Парижански — исходя из морали общества. Герои рассказа "Бульвар Альфа Ральфа" — влюбленные Поль и Вирджиния — несмотря на всю похожесть их эмоционального мира, все же идут разными путями: она, трансформировавшись в представительницу французской нации, так и не сумеет никогда освободиться от предрассудков своего общества, презрительно относящегося к квазилюдям, а он — сумеет, за что и получит в награду жизнь.

Романтизм Смита проявляется и в огромной силе характеров героев. Отважный капитан Суздаль совершает подвиг и одновременно преступление по двум причинам: во-первых, он высаживается на Аракозию благодаря своему уменью сочувствовать, готовности протянуть руку помощи гибнущей человеческой цивилизации; во-вторых, — потому что ему удастся очень умело использовать хронопатическое устройство корабля: создать кошек, готовых сразиться с аракозийцами, благодаря чему он в итоге спасает Землю. Храбрый капитан Тальяно — еще один романтический герой Смита ("Самосожжение") — тоже совершает подвиг — он дает "сжечь" свой мозг, но долг свой выполняет до конца. Даже вор Бенджамин Бозарт ("Малинькие катята" Матери Хиттон) не лишен благородных побуждений: он остается патриотом своей планеты, ради ее благополучия и возможности снова занять достойное место

в обществе Содействия идет на огромный риск, из-за чего в конце концов погибает. Повелитель Джестокост ("Баллада о потерянной К'мель"), которому уж никак не пристало нарушать законы, освященные этикой Содействия, и тот решается на героический поступок: он жертвует своим положением, свободой и жизнью во имя идеи, которая кажется ему справедливой: уравнивать в правах квазилюдей с настоящими людьми.

Эпицентром всего сборника можно считать рассказ "Бульвар Альфа Ральфа", в котором наличествуют и люди, и квазилюди (гомункулы), и гоминиды, и Содействие со своей неограниченной властью, в котором на первый план выступают вечные категории — борьба и любовь, жизнь и смерть. Здесь мир Кордвейнера Смита представлен, пожалуй, наиболее полно, и в то же время с непривычной точки зрения представлен современный нам мир. Для героев рассказа, Поль и Вирджиния, только что "обращенных" благодаря движению Возрождения, наше с вами время потеряно безвозвратно в призрачном прошлом и приоткрывается медленно и постепенно, высвобождаясь из скудных свидетельств полузабытой истории. В "Бульваре Альфа Ральфа" не случаен даже выбор имен главных героев: Поль и Вирджиния, а сюжет что-то неуловимо напоминает...

.. На затерянном в Индийском океане острове Иль де Франс встречаются Поль и Вирджиния. Выходцы из разных слоев общества, дворянка Вирджиния и крестьянский сын Поль, свободны от тщеславия и корысти, от сословных предрассудков. Их любовь возникает и крепнет среди девственной природы острова, его птичьего царства. Но однажды на фоне заходящего солнца начинают метаться, чувствуя приближение смертоносного урагана. Все вокруг словно ополчается против влюбленных и страшная развязка неизбежна...

Перед вами краткое содержание повести классика французского сентиментализма Жака-Анри Бернандена де Сен-Пьера "Поль и Виржини", опубликованной накануне Великой французской революции, в 1787 году. Что же привлекло современного американца к полузабытой повести XVIII века? Может быть, это ощущение тревоги, предчувствие приближающейся неминуемой трагедии краха гармоничного общества, гибели культуры, растоптанной сапогами очередных революционеров-разрушителей? Трудно сказать.

Мир, созданный воображением Кордвейнера Смита, воплощенный в опубликованных и лишь задуманных произведениях, намного большее, величественнее и разнообразнее, чем наше знание о нем — мы так никогда и не узнаем, какая же империя завоевала когда-то Землю и заставила платить ей дань, из-за чего столь

основательно разрушился бульвар Альфа Ральфа, по которому проходил завоеватель. Мы вряд ли угадаем, что стало с людьми-кошками, созданными капитаном Суздаем и заброшенными на Аракозию.

Что же стало с людьми после Возрождения и с квазилюдьми после того, как их освободила К'мель? Смит кое-где лишь намекает на это.

Писатель знал о своем мире намного больше, чем успел рассказать нам. Его творчество навсегда сохранит свои загадки и тайны нераскрытыми. Но ведь и само знакомство с произведениями писателя-фантаста — это встреча с неизвестной жизнью, настолько же реальной, насколько и таинственной. И мне хочется пригласить вас в этот мир, удивительный и понятный, забавный и трагичный, мир людей и необыкновенных живых существ, мир Кордвейнера Смита. Добро пожаловать!

Н. Труханова

САМОСОЖЖЕНИЕ

New York 1972

I ДОЛОРЕС О

Это очень неприятно, скажу я вам, очень неприятно, очень страшно, потому что нет ничего ужаснее, чем падать и снова взмывать ввысь, лететь и не лететь одновременно, рассекать межзвездное пространство, как мотылек, снующий тут и там среди листьев в летнюю ночь.

Из всех людей, управлявших плосколетами, не было более храброго, более сильного, чем капитан Магно Тальяно.

Уже давно ушли в небытие сканнеры, а ионаидальный эффект сделался таким простым, таким доступным, что для пассажиров огромных кораблей преодолеть расстояние в световой год стало легче, чем перейти из одной комнаты в другую.

Для пассажиров — да.

Но не для экипажа.

И менее всего — для капитана.

Капитан ионаидального лайнера, находившегося в межзвездной дали, всегда испытывал ни с чем не сравнимую боль и подвергался огромному напряжению. Это можно было сравнить разве что с легендарными подвигами древних, которые водили свои морские суденышки через бурные воды океанов.

Итак, капитаном “Бу-Фейнштейна” — лучшего среди кораблей своего класса — был Магно Тальяно. О

нем говорили: "Этот человек пройдет через преисподнюю, и у него ни один мускул не дрогнет. Голова его справится с верходалью лучше, чем любое оборудование..."

Жену капитана звали Долорес О. Ее фамилия, японского происхождения, восходила к древнейшим временам. Долорес О была когда-то красавицей, такой красавицей, что у мужчин при виде ее захватывало дух. Мудрецы из-за нее становились дураками, юноши зажигались страстью и вожделением. Где бы она ни появлялась, мужчины всегда ссорились из-за нее.

Но Долорес О была очень гордой. Она отказалась пройти через общепринятое омоложение. Душевные волнения сотен лет наложили отпечаток на ее внешность. И она, наконец, сказала себе, посмотревшись как-то в зеркало: "Но это же я! Должно же во мне быть еще что-то, кроме красивого лица и нежной кожи. Разве я останусь самой собой, если верну молодость? Разве юная плоть будет соответствовать моей душе?"

Но еще до этого она познакомилась с капитаном Тальяно и вышла за него замуж. Это был роман, о котором судачили сорок планет, и несколько запланированных на то время полетов были отменены.

Магно Тальяно тогда только начинал свою головокружительную карьеру. Потому что космос, скажу я вам, штука суровая. Капитанов там подстерегает столько опасностей, что только самые умные, быстрые и отважные могут выжить и победить.

И самым лучшим среди своих товарищей, превзошедшим учителей и руководителей, был Магно Тальяно. Его женитьба тогда на самой прекрасной женщине сорока планет напоминала романтическую историю любви Элоизы и Абеляра.

Корабли, которыми командовал Магно Тальяно, становились с каждым веком все прекраснее и прекраснее. Успех сопровождал гению капитана, и ему всегда доверялось управление самыми последними моделями кораблей, штурмовавших двухмерное пространство.

Те, кто работал с Тальяно, считали себя избранныками судьбы и всегда смотрели на своего капитана с восхищением и обожанием.

У Магно Тальяно была племянница, которую по моде того времени называли не просто по имени, а еще и по названию местности, откуда она была родом: Дита из Грейт Саут Хаус.

Вступив на борт "Ву-Фейнштейна", Дита уже многое знала о своей родственнице Долорес О, женщине, которая когда-то очаровала многих мужчин из разных миров. Но Дита не была подготовлена к тому, что увидела на корабле.

Долорес встретила ее очень вежливо, но за этой вежливостью явно скрывалась тревога, за дружелюбием — презрительная насмешка, и их встреча по сути превратилась в нападение со стороны жены Тальяно.

"Что с ней такое?" — подумала Дита.

И, как будто отвечая на ее мысль, Долорес вслух сказала:

— Приятно познакомиться с женщиной, которая не хочет увести у меня Тальяно. Я люблю его. Ты мне веришь? Веришь?

— Конечно, — кивнула Дита. Она посмотрела на истерзанное временем лицо Долорес О, увидела тоску в ее глазах и поняла, что эта женщина прошла через все кошмары жизни и стала настоящим демоном отчаяния, высасывавшим из своего мужа все его жизненные силы. Она ненавидела людей, боялась дружбы и даже простого контакта со знакомыми, потому что страшилась потерять Магно Тальяно и из-за этого потерять себя.

Вошел Тальяно.

Он увидел жену и племянницу вместе.

Капитан, конечно, очень любил свою жену. В глазах Диты Долорес была страшнее самой отвратительной рептилии, выбрасывающей вперед свою ядовитую голову в слепой ярости и жажде убийства. Но Магно Тальяно эта уродливая женщина, стоявшая рядом с ним, казалась прекрасной девушкой, о которой он когда-то мечтал и на которой женился сто шестьдесят четыре года назад.

Он поцеловал Долорес в увядшую щеку, погладил сухие редкие волосы и заглянул в злые, полные ужаса глаза, как будто это были глаза ребенка, которого он очень любит. Тальяно ласково сказал ей:

— Будь добра к Дите, дорогая.

Потом он вышел из комнаты и пошел по коридору в сектор управления. Его уже там ждали. Через открытые иллюминаторы на корабль проникал благоухающий ветерок прекрасной планеты Шерман, рядом с которой они находились.

“Бу-Фейнштейну”, самому лучшему судну своего класса, не требовалась металлическая обшивка стен. Этот корабль построили таким образом, что, пролетая среди звезд, он был защищен броней собственного устойчивого самовосстанавливающегося силового поля.

Пассажиры приятно проводили время, наслаждаясь комфортом просторных кают, весело болтали и прогуливаясь на зеленых лужайках, которые трудно было отличить от настоящих, под чудным пологом неба, удивительно похожего на земное.

Тальяно и его светострелки умело бросали плосколет из одной компрессии в другую, неистово перескакивая пространство иногда протяженностью в один световой год, а иногда — в сотни; скачок — еще скачок — еще скачок, и все это — благодаря тренированному мозгу отважного капитана, проводящего судно по миллионам миров через все многочисленные опасности, для того чтобы в какое-то мгновение легче пушинки посадить его на узорный ковер живописной местности, где пассажиры могли бы погулять и отдохнуть после своего путешествия, как будто они ненадолго оказались за городом, чтобы насладиться красотами реки и ее берегов. И только сейчас, в секторе управления кораблем, капитан узнал, что произошло нечто непредвиденное.

II ЛОКШИТЫ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ

Магно Тальяно кивнул своим светострелкам, которые склонились перед ним в поклоне. Он серьезно, но по-дружески посмотрел всем в глаза и заговорил, соблюдая принятый этикет:

— Джентльмены и коллеги, все ли готово к ионаидальному эффекту?

- Да, сэр и капитан.
- Локшиты на месте?
- На месте, сэр и капитан.
- Пассажиры в безопасности?
- Пассажиры в безопасности, находятся под контролем, сэр и капитан.

Наконец он задал самый важный вопрос:

— Мои светострелки надели шлемы и готовы вступить в бой?

— Готовы вступить в бой, сэр и капитан.

— Магно Тальяно улыбнулся своим светострелкам. А все они подумали об одном и том же: “Как может такой удивительный человек быть столько лет женатым на ведьме по имени Долорес О? Разве это привидение могло быть когда-то красавицей? Неужели это та самая чудная Долорес О, чей образ навсегда запечатлелся в сердцах стольких мужчин?”

Воистину Тальяно был женат на ведьме, которая питалась его жизненной энергией. Но ему удавалось оставаться при этом приятным доброжелательным человеком, и сил у него хватало на двоих. Разве он не был капитаном самого большого и современного межзвездного лайнера?

Светострелки улыбнулись в ответ на улыбку Магно Тальяно, и он нажал на золотой церемониальный рычаг: это был единственный механический прибор на корабле, потому что управление другими осуществлялось телепатически или с помощью электроники.

Сектор управления был единственным помещением судна, из которого были видны черные лоскуты космического пространства, вскипавшего вокруг корабля, как вода у подножия водопада, пока пассажиры в своих каютах наслаждались иллюзией голубого неба Земли.

Магно Тальяно сидел в своем капитанском кресле, уставившись в стену напротив и ощущая всей своей плотью, что через триста-четырееста миллисекунд в его мозгу сформируется образ-модель, который позволит ему определить местонахождение корабля и подскажет, как двигаться дальше.

Он управлял плосколетом с помощью импульсов собственного мозга, а стена была превосходным подспорьем мозговых процессов. Дело в том, что на ней располагалось

несметное множество локшитов — пластинчатых карт, до ста тысяч на каждый квадратный дюйм. Стена была смонтирована таким образом для того, чтобы оказать помощь капитану в любых непредвиденных обстоятельствах, чтобы корабль в каждое следующее мгновение был способен преодолеть нужные расстояния, совершая прыжок в пространстве и времени.

В поле зрения капитана появилась новая звезда.

Магно Тальяно ждал, когда стена покажет ему их местонахождение, и он сможет бросить корабль в очередном прыжке туда, откуда начнется прямой путь возвращения домой.

Но ничего не произошло.

Ничего?!

Впервые за сто лет в его мозгу начала зарождаться паника.

Не может быть! Не может. Они сфокусируются. Локшиты всегда идеально фокусируются.

Он телепатически обследовал стену и понял, придя в ужас всем своим человеческим существом, что они сбились с курса, и локшиты не помогут. В результате какого-то невероятного стечения обстоятельств с ними произошло то, чего не происходило ни с одним кораблем: локшиты вышли из строя.

Теперь они были безвозвратно потеряны в космосе: может, в пятистах миллионах миль от Земли, а может, в сорока парсеках.

Локшиты вышли из строя.

Все они погибли.

Через несколько часов, когда силовое поле корабля ослабнет, на них обрушатся холод, темнота и смерть. И все будет кончено: погибнет “Ву-Фейнштейн”, погибнет Долорес О.

III

ТАЙНА ТЕМНЫХ ГЛУБИН МОЗГА

А за стенами сектора управления пассажиры “Ву-Фейнштейна” и не подозревали о том, что брошены на волю случая.

Долорес О качалась в своем древнем кресле-качалке. Ее уродливое лицо было равнодушно повернуто к воображаемой реке, весело плещущейся среди зеленых лужаек. Дита из Грейт Саут Хаус сидела на подушечке у ее ног.

Долорес рассказывала о путешествии, которое она предприняла в молодости, когда еще была удивительной красавицей, приносившей вечные раздоры в общество мужчин.

— ... И тогда охранник убил капитана, пришел ко мне в каюту и сказал: “Вы должны выйти за меня замуж. Я все бросил к вашим ногам”, а я ответила ему: “Я никогда не говорила, что люблю вас. Конечно, то, что вы дрались из-за меня, льстит моей красоте, но это совсем не значит, что всю оставшуюся жизнь я должна посвятить вам. Кто я такая, по-вашему?”

Долорес О вздохнула коротким старческим вздохом, словно треснула ветка под напором сильного ветра и продолжила:

— Видишь ли, Дита, быть красивой — это еще не все. Женщина должна оставаться самой собой, пока не выяснит, что она собой представляет. Я вот знаю, что мой муж и повелитель, мой капитан, любит меня, несмотря на то, что красота моя давно померкла, значит, он любил всегда меня саму, а не мою красоту.

Вдруг на веранде появилась странная фигура. Это был светострелок в полном боевом снаряжении. Светострелки никогда не покидали сектор управления, поэтому его появление здесь, среди пассажиров, свидетельствовало о чем-то чрезвычайном.

Он поклонился обеим леди с преувеличенной учтивостью и сказал:

— Дамы, пройдите, пожалуйста, в сектор управления. Нужно, чтобы вы срочно увиделись с капитаном.

Долорес схватила рукой за горло, словно у нее перехватило дыхание. Жест был стремительным, как прыжок змеи. Дите вдруг показалось, что тетка сотню лет ждала какого-то большого несчастья, что она страстно желала смерти своего мужа, как другие страстно желают любви.

Дита молчала. Долорес — тоже.

Так же молча они обе последовали за светострелком в сектор управления.

Дверь за ними тяжело захлопнулась.

Магно Тальяно с суровым видом сидел в своем кресле.

Он заговорил очень медленно, как пластинка на замедленной скорости в проигрывателе древней конструкции.

— Мы сбились с курса, дорогая. Мы сбились с курса, и я подумал, что если твой мозг поможет моему, может, нам еще удастся вернуться домой.

Но первой собралась заговорить Дита, и светострелок подбодрил ее:

— Говорите, говорите, дорогая, у вас есть какие-то предложения?

— Надо во что бы то ни стало попытаться вернуться. Нужно воспользоваться локшитом чрезвычайных мер. Мир простит Магно Тальяно эту единственную неудачу после тысяч блестящих удач.

Светострелок, приятный молодой человек, был спокоен и дружелюбен, как доктор, который сообщает кому-то о перспективе пожизненной инвалидности:

— Случилось невозможное, Дита из Грейт Саут Хаус. Все локшиты вышли из строя, в том числе и локшиты чрезвычайных мер.

Теперь женщины поняли все. Они знали, что космос все равно разорвет их на куски, что либо они будут медленно часами умирать, пока их тела не распадутся на молекулы, либо они погибнут сразу, если капитан предпочтет медленной смерти самоуничтожение. Им же остается только молиться.

Светострелок обратился к суровому капитану:

— Нам кажется, что в самой глубине вашего мозга хранится нужная нам модель. Может, мы посмотрим?

Тальяно медленно кивнул.

Светострелок не двинулся с места.

Обе женщины внимательно наблюдали. Ничего заметного не произошло, но они знали, что в эти мгновения совершается нечто очень важное. Светострелки начали проникать в мозг оцепеневшего капитана в поисках хоть малейшей зацепки, которая могла бы их всех спасти.

Прошли минуты. Но они показались часами.

Наконец светострелок заговорил:

— Капитан, в вашем подсознании мы обнаружили модель звезды, которая видна на наших экранах и может по-

служить ориентиром, — он нервно засмеялся. — Мы хотели бы знать: вы сможете повести корабль только с помощью импульсов мозга?

Магно Тальяно посмотрел на вопрошающих полными боли глазами. Он не выходил из оцепенения, потому что это был единственный способ удержать плосколет на месте. Он медленно спросил:

— Вы имеете в виду, смогу ли я вести корабль без помощи локшитов? Да ведь я сожгу свой мозг, и судно все равно погибнет...

— Но мы потерялись среди звезд! — закричала Долорес О. Ее лицо ожило дикой жадой глобальной катастрофы. — Да проснись же, дорогой, давай умрем вместе! И мы будем принадлежать друг другу уже навсегда!

— Зачем же умирать? — возразил светострелок. — Поговори ты с ним, Дита.

— Почему бы не попытаться, сэр и дядя? — сказала Дита. Очень медленно Магно Тальяно повернул лицо к племяннице. И снова зазвучал его глухой голос:

— Если я это сделаю, то превращусь в ребенка, или в ненормального или в мертвого человека, но ради тебя я это сделаю.

Дита хорошо понимала, что тех непомерных перегрузок мозга, которые предстояли дяде в этом полете, не в состоянии выдержать даже самый мощный интеллект. Ради спасения находившихся на корабле людей капитан рисковал в конце концов превратиться в идиота.

Магно Тальяно протянул к жене руку, сжал ее пальцы и медленно произнес:

— Когда я перестану быть самим собой, ты, наконец, обязательно поймешь, как сильно я тебя люблю.

И снова женщины ничего не увидели. Они подумали, что их позвали только для того, чтобы в последний раз увидеть того Магно Тальяно, каким он был.

Сектор управления ожил. Странные небеса пенились вокруг них, как молоко, взбиваемое в масло.

Дита поняла, что ее частичные способности к телепатии необходимо включить на полную мощность. Она мысленно ощупывала мертвую стену локшитов. Она чувствовала, как движется “Ву-Фейнштейн”, как неуверенно совершает корабль каждый новый прыжок — словно чело-

век, перепрыгивающий с льдины на льдину и неуверенный в том, что в следующий раз приземлится благополучно.

Она почти физически ощущала, что кора головного мозга ее дяди испепеляет себя раз и навсегда, что с помощью светострелков капитан сжигает свой мозг от клетки к клетке, пытаясь найти тот курс, которым должен следовать корабль. Это его последний полет.

Долорес О наблюдала за своим мужем с подавляющей все остальные чувства голодной жадностью.

Постепенно мускулы его лица расслаблялись, и на нем проступало выражение безмерной глупости.

Дита видела, как сгорают последние мозговые клетки капитана, как испепеляется самый удивительный и блестящий интеллект своего времени.

Неожиданно Долорес О упала на колени к ногам мужа и, схватив его руку, забилась в рыданиях.

Светострелок взял Диту под руку:

— Мы достигли места назначения.

— А мой дядя? — спросила она.

Светострелок странно посмотрел на нее.

И она поняла, что говорит с ним не открывая рта, что они разговаривают телепатически.

— Разве вы ничего не поняли?

Она недоуменно покачала головой.

Светострелок мысленно продолжил разговор с ней:

— Ваш дядя испепелил свой мозг, но вы вобрали в себя все его умения и способности. Чувствуете? Теперь вы станете капитаном, вы могущественнее нас всех.

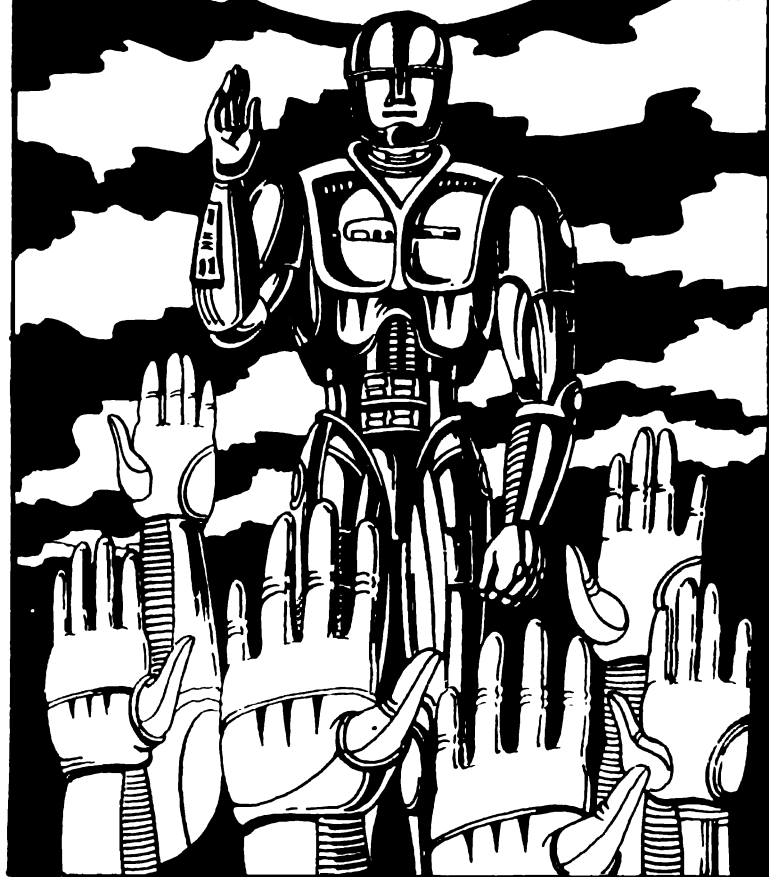
— А он?

Светострелок послал ей мысль, которой выражал свое сочувствие.

Магно Тальяно поднялся со своего кресла и безропотно побрел за своей женой Долорес О в другую комнату. На лице бывшего капитана застыла безмятежная улыбка идиота, губы подрагивали, весь его вид впервые за прошедшие сто лет выражал полную покорность женщине.

СКАННЕРЫ ЖИВУТ НАПРАСНО

New York 1972

Мартел злился. Он даже не пытался овладеть собой. Он мерил шагами комнату, ничего не видя вокруг. Заметив, что стол рухнул на пол, Мартел посмотрел на Люси — по выражению ее лица он понял, что грохот был ужасный. Тогда он взглянул вниз — не сломалась и ножка? Она не сломалась. Сканнер до мозга костей, он умел сканировать себя. Его движения были рефлексорны и автоматичны. Он действовал ногами, животом, руками, лицом, спиной, в которую было вмонтировано зеркало, но главное — контрольным блоком на груди, содержащим одновременно весь инструментарий сканнера. Мартел вспомнил о своем гневе и снова рассердился. Он заговорил вслух, хоть и знал, что жена терпеть не может пронзительного звука его голоса и всегда просит пользоваться сканнерским блокнотом.

— Я говорю тебе, что я должен обратиться. Я должен обратиться.

Люси ответила — но он смог прочесть по ее губам только часть слов: — Дорогой... ты мой муж... я люблю тебя... опасно... делай... опасно... подожди...

Он посмотрел на нее и снова вложил всю силу своих легких в голос, зная, что ранит ее этим:

— Я говорю тебе, что буду обращаться.

Уловив выражение ее лица, он раскаялся и стал мягче:

— Неужели ты не понимаешь, что это значит для меня? Вырваться из ужасной тюрьмы собственного мозга. Снова стать человеком — слышать твой голос, ощущать запах дыма. Снова чувствовать — чувствовать землю под ногами, ветер в лицо. Разве ты не знаешь, что это значит для меня?

Ее широко раскрытые, обеспокоенные глаза снова начали раздражать его. Он опять прочел лишь несколько слов на ее губах:

— ... Люблю тебя... ради тебя самого... слишком часто... он сказал... они сказали...

И тогда он зарычал на нее, понимая, что голос его поистине ужасен. Он знал, что этот голос заставляет ее страдать не меньше, чем слова:

— Ты думаешь, я хотел, чтоб ты выходила замуж за сканнера? Разве я не говорил тебе, что мы такие же ничтожные существа, как и хабермены? Мы мертвы, говорю я тебе. Мы должны быть мертвы, чтобы делать свое дело. Как иначе можно выйти в открытый космос? Ты думала об этом? Я предупреждал тебя. Но ты вышла за меня замуж. Хорошо, ты вышла замуж за человека. Ну так дай же мне стать человеком! Дай мне слышать твой голос, ощущать тепло жизни, дай!

По ее потупившемуся взгляду Мартел понял, что он выиграл. Он не хотел больше, чтоб она слышала этот голос. Наоборот, он вытянул из контрольного блока свой блокнот и ногтем правого указательного пальца, с помощью которого общаются сканнеры, написал быстро и четко: "Другая, плжст, где провд обрщия?"

Люси достала из кармана фартука экранированный провод. Золотой экран упал на пол. Быстрыми искусственными движениями послушной жены сканнера она обмотала провод обращения вокруг головы, шеи и груди Мартела. Она даже не воспользовалась инструментами из его контрольного блока. Мартел механически поднял ногу: Люси просунула провод между ногами и натянула его. Она вставила вилку в регулятор напряжения возле сердечного подблока мужа, а затем помогла ему сесть и сложить руки так, чтобы они поддерживали голову в шлеме на спинке кресла. Потом Люси полностью повернулась к нему — и он мог легко читать по ее губам.

Стоя на коленях, она присоединила свободный конец провода к экрану, встала и повернулась к мужу спиной. Он сканировал ее, но ничего не увидел в этой фигуре, кроме горя, которое могло укрыться от глаз любого, но не сканнера. Люси заговорила: Мартел видел, как движутся

мышцы ее груди. Она спохватилась, что стоит к нему спиной, и повернулась, чтобы он видел ее губы:

— Готов?

Он утвердительно улыбнулся.

Она снова повернулась к нему спиной. (Люси не в состоянии была видеть его мучения под проводом). Она подбросила экран, и тот повис в силовом поле. Вдруг он накалился. Все было кончено. Все — за исключением внезапного безумного рева Мартела, каждый раз сопровождающего возвращение к жизни. Возвращение на болевом пороге.

Когда Мартел очнулся, он не сразу осознал, что обращение закончено. Несмотря на то, что обращение было вторым за неделю, он чувствовал себя вполне сносно. Он лежал в кресле и вслушивался в звуки, окружавшие его. В соседней комнате была Люси — он слышал ее дыхание. Вокруг витали тысячи запахов: бодрящий, свежий — кондиционера, кисло-сладкий — увлажнителя, а еще запах обеда, который они съели, запахи одежды, мебели, людей. Ощущать все это было удивительным наслаждением. Мартел даже пропел несколько фраз из своей любимой песни: “Открытый космос — для хабермена, для ха-бермена!”. Он услышал, как посмеивается в соседней комнате Люси, стал прислушиваться к шороху ее платья, зная, что она вот-вот появится в дверях.

Люси озабоченно улыбнулась:

— Ты выглядишь неплохо. Как ты себя чувствуешь?

Даже теперь, когда Мартел обладал всем богатством человеческих ощущений, он не мог заставить себя не скаанировать.

Он снова пользовался арсеналом своей плоти, наслаждаясь ее профессионализмом. Глаза его впились в контрольный блок: там могло что-то измениться. Все было в порядке, и только стрелка нервокомпрессора находилась в положении “Опасность”. Мартела это не беспокоило: обычное явление после обращения. Пройти через провод без изменения в нервокомпрессоре было невозможно. Когда-нибудь стрелка перевалит за отметку “Перегрузка” и подкрадется к следующей — “Смерть”. Так всегда заканчивают хабермены. Но ниче-

го не поделаешь. Выход в открытый космос дорого обходится.

И все же нужно быть осторожнее. Он сканнер. Хороший сканнер. И если он не сможет сканировать себя, то кто будет делать это за него? Обращение сейчас было не слишком опасным. Опасным, но не слишком.

Люси протянула руку и взьерошила ему волосы. Как будто читая его мысли, она сказала:

— Ты знаешь, тебе не следовало этого делать. Не следовало!

— А я сделал, — усмехнулся Мартел.

Веселость Люси была явно наигранной, когда она предложила:

— Пойдем, милый, развлекаться. У нас в холодильнике лежит почти все, что ты любишь. И у меня, кроме того, есть две пластинки с новыми запахами. Я пробовала их сама — и даже мне они понравились. А ты знаешь, как мне нелегко...

— И какие же они?

— Что какие, милый?

Мартел положил ей руку на плечо и увел из комнаты. (Он чувствовал землю под ногами, запахи жизни, не было скованности и неуклюжести. Как будто обращение стало реальностью. Как будто ему приснилось в кошмарном сне, что он хабермен.) Но он был хаберменом и сканнером.

— Ты знаешь, Люси, что я имел в виду... Эти новые запахи... Который из них тебе понравился?

— А-а-а, — протянула она, — по-моему, это бараньи отбивные. Удивительная штука.

— А что это — бараньи отбивные?

— Подожди, сейчас я включу. А ты попытайся вообразить, что это такое. Кстати, этому запаху много сотен лет. О нем узнали из очень старых книг.

— А бараньи отбивные, они из мяса животного?

— Я тебе не скажу. Подожди. — И она засмеялась.

Усадив Мартела в кресло, жена расставила перед ним тарелки с его любимыми блюдами. Потом включила музыку. Он напомнил ей об обещанных новых запахах. Тогда она достала длинные стеклянные пластинки и вставила одну из них в смеллер.

Странный, пугающий и возбуждающий запах разнесся по комнате. Ничто в мире не могло с ним сравниться. Он что-то напоминал ему. Рот Мартела наполнился слюной. Пульс участился. Ему пришлось сканировать свой сердечный подблок. Что же это за запах? Пародируя хищника, Мартел сгреб Люси в охапку, заглянул ей в глаза и прорычал:

— Скажи мне, любимая! Скажи! Не то я съем тебя!

— Все правильно.

— Что правильно?

— Я говорю, что ты прав. Тебе хочется меня съесть, потому что это мясо.

— Мясо? Но чье?

— Не человека. Животного. Люди когда-то ели его. Это барашек. Молодая овечка. А ведь ты видел овец у диких, помнишь? Так вот. Отбивная готовится из серединки. Отсюда! — И она показала себе на грудь.

Мартел уже не слышал ее. Все его подблоки сигналили: “Тревога! Опасность!”. Он заглушал рев собственного мозга, силясь стряхнуть с себя возбуждение. Как легко быть сканнером, когда ты находишься вне своего тела и смотришь на себя со стороны! Тогда им можно управлять. Но осознавать, что тело управляет тобой, а не ты телом и твой мозг ударяется в панику, — это страшно.

Он силился вспомнить, каким он был, когда у него еще не было блока хабермена, когда он был подвержен буре эмоций, которые мозг поставляет в тело, а тело — в мозг. Тогда он не умел сканировать. Он не был сканнером.

Мартел уже знал, что поразило его в запахе, который включила Люси. Он помнил кошмар открытого космоса, когда их корабль разбился на Венере, и хабермены хватались за обрушившийся на них металл голыми руками. Тогда он сканировал: все на корабле находилось в опасности. Блок хаберменов зациклился на отметке “перегрузка”, постепенно переходя на следующую: “смерть”. А Мартел разгребал тела и сканировал каждого по очереди. Он сжимал тисками сломанные ноги и вставлял жизнеспособные клапаны тем, чье состояние казалось безнадежным. Люди проклинали его за боль, которую

причиняло сканирование, но он с удвоенным усердием продолжал выполнять свой долг. Он поддерживал жизнь в мучительной агонии космоса. И тогда он впервые столкнулся с этим запахом. Запах просачивался в его перерожденные нервы, несмотря на физические и умственные барьеры организма сканнера. Запах был чудовищно сильным в этот страшный миг разыгравшейся в космосе трагедии. Мартел помнил, что он чувствовал себя так, как будто был обращен: но вместо наслаждения ощущал только ярость и боль. Он даже перестал сканировать себя самого, боясь быть уничтоженным агонией космоса. Но он выдержал. Все его индикаторы остановились на отметке "Опасность", но не на "Перегрузке"! Он исполнил свой долг и заслужил благодарность. Потом прошло время, и он забыл о горящем корабле.

Он забыл все, но не запах. И этот запах снова был рядом: пахло паленым мясом.

Люси озабоченно вглядывалась в его лицо. Она боялась, что обращение в этот раз слишком глубоко внедрилось в организм Мартела:

— Тебе нужно отдохнуть, милый.

— Убери вон... этот... запах... — прошептал он.

Люси не сказала ни слова. Она выключила смеллер и бросилась к кондиционеру, чтобы впустить свежий воздух.

Мартел поднялся, уставший и ожесточенный (индикаторы были в порядке, и только сердце билось учащеннее, а стрелка нервного подблока подкралась к отметке "Опасность".) Он медленно заговорил:

— Прости меня, Люси. Мне не следовало обращаться. Во всяком случае, так скоро. Но я должен иногда выходить из своего состояния. Как иначе мы можем быть вместе? Как иначе я могу становиться человеком — слышать собственный голос, ощущать жизнь, пульсирующую в жилах? Я люблю тебя, дорогая. Неужели я никогда не смогу быть рядом с тобой?

— Но ведь ты сканнер.

— Я знаю, что я сканнер. Ну и что же?

И Люси начала повторять слова, которые произносила и раньше тысячи раз, чтобы ободрить его и себя:

— Ты храбрейший из храбрых, искуснейший из искусных. Все человечество преклоняется перед сканнерами за

то, что они воссоединяют колонии Земли. Скanners — покровители хаберменов. Они хозяева открытого космоса. Они помогают людям выжить там, где это невозможно. Они самый уважаемый отряд живых существ на Земле, и даже Повелители Содействия преклоняются перед ними!

С горечью Мартел возразил ей:

— Люси, мы все это слышали и раньше. Но как возместить...

— Скanners трудятся не ради возмещения. Они великие стражи человечества. Неужели ты забыл об этом?

— Но наша жизнь, Люси? Что тебе с того, что твой муж — сканнер? Почему ты вышла за меня замуж? Ведь я становлюсь человеком только после обращения. А все остальное время ты знаешь, что я — машина. Человек, которого превратили в машину. Человек, который умер, а потом воскрес, чтобы исполнить какой-то долг. Неужели ты не понимаешь, чего мне не достает?

— Понимаю, милый. Конечно, понимаю.

— Ты думаешь, я помню свое детство? Думаешь, я помню, что значит быть человеком, а не хаберменом? Испытывать настоящую человеческую боль вместо того, чтобы ежеминутно проверять по блоку, жив ли ты еще? Как я узнаю о своей смерти? Ты думала об этом, Люси?

Она не поддержала его, а лишь спокойно предложила:

— Сядь, милый. Я дам тебе чего-нибудь выпить. Ты слишком возбужден.

Но Мартел выпалил, автоматически сканируя:

— Нет! Послушай меня! Ты представляешь, что такое быть в открытом космосе с экипажем, который полностью зависит от тебя? Неужели ты думаешь, что так приятно — сканировать день за днем, месяц за месяцем? Агония космоса пронизывает каждую клеточку твоего тела, просачиваясь через блоки хабермена. Мне приходится выводить людей из коматозного состояния — и они ненавидят меня за это. Я понимаю их: боль космоса ужасна. А ты видела, как сражаются хабермены и как их блоки заклиниваются на отметке “Перегрузка”? И после этого ты смеешь упрекать меня в том, что я хоть два раза в месяц хочу побыть человеком?

— Я не упрекаю тебя, милый. Давай будем наслаждаться твоим обращением. Садись и выпей.

Мартел сел, закрыв лицо руками. И пока Люси делала ему коктейль, он с горечью думал: “Зачем она вышла замуж за сканнера?”.

В тот момент, когда Люси поднесла ему бокал, зазвонил видеофон. Они вздрогнули. Видеофон был отключен, но он звонил: наверное, работала система экстренного вызова. Мартел подошел к аппарату и включил изображение. Перед ним был Вомакт. Сканнерская выучка Мартела сработала безошибочно. Не успел Вомакт открыть рот, как он уже сообщил ему самое главное:

— Нахожусь в обращении. Занят. — И выключил аппарат. Видеофон зазвонил снова. Люси нежно сказала:

— Не волнуйся, милый, я все узнаю сама. Не подходи!

Никто не имеет права тревожить сканнера, если он обращен. Старик это знает.

Видеофон продолжал звонить. Мартел с яростью бросился к аппарату и включил изображение. На экране снова появился Вомакт. И прежде чем Мартел успел заговорить, Вомакт вошел в контакт с его сердечным подблоком. Сканнер подчинился дисциплине:

— Сканнер Мартел ждет ваших указаний, сэр.

— Экстренный случай.

— Сэр, я обращен.

— Экстренный случай.

— Сэр, вы не понимаете? Я обращен! Непригоден для выхода в космос!

— Экстренный случай. Явиться в Центральную.

— Но, сэр, никакой экстренный случай не может...

— Правильно, Мартел. Но это особо экстренный случай. Явиться в Центральную. Выходить из обращения не надо. Явись таким, каков есть.

Экран погас. Мартел беспомощно повернулся к Люси:

— Прости меня.

Она подошла и ласково поцеловала его. Ей так хотелось смягчить боль его разочарования.

— Береги себя, милый. Я буду ждать.

Мартел скользнул в свой сканнерский костюм. У окна он остановился и помахал жене рукой. Она воскликнула:

— Удачи!

Почувствовав, как тело рассекает воздух, Мартел вдруг понял, что ему удивительно легко лететь. Он подумал, что впервые за одиннадцать лет полет ощущается внутри: это потому, что он был человеком!

Центральная сияла строгостью и белизной. Мартел всматривался вдаль: ни ослепительного сверкания приземляющихся кораблей, ни вспыхнувших ярким пламенем систем, вышедших из-под контроля. Все было спокойно, как и положено в вечер выходного дня. И все же Вомакт звонил. Очевидно, этот экстренный случай связан не с космосом, а с чем-то другим, но не менее серьезным. С чем же?

Мартел вошел в зал и увидел, что по крайней мере половина сканнеров уже на месте. Он поднял палец, которым общались его собратья. Большинство из них стояли по двое и разговаривали, читая по губам. Самые нетерпеливые скребли в своих блокнотах, а потом совали эти блокноты в лица товарищей. Лица были скучными, неживыми, взгляды — тусклыми. Мартел знал, что большинство присутствующих думает о том, чего не выразишь языком сканнера.

Вомакта не было: наверное, он еще обзванивает остальных. Свет видеофона загорелся и погас: раздался звонок. Мартелу показалось странным, что из всех присутствующих он один услышал этот громкий звонок. (Он понял, почему люди так не любят находиться в обществе сканнеров и хаберменов.) Обведя глазами комнату, Мартел оставил взгляд на Чанге.

Чанг был его другом. Сейчас он объяснял одному молодому сканнеру, что не знает, почему звонил Вомакт. Недалеко стоял Парижански. Мартел прошел вперед, да так ловко, что всем стала понятна его обращенность. Некоторые устали на Мартела своими мертвыми глазами и попытались улыбнуться. Но вместо улыбки их лица исказились жуткими гримасами, поскольку они не могли контролировать свои лицевые мышцы, (Мартел сразу же поклялся себе, что больше никогда не будет улыбаться — разве что будучи обращенным).

Парижански поднял свой сканнерский палец, приглашая Мартела к разговору:

— Ты обращен?

Парижански не слышал своего голоса: он напоминал рев, похожий на человеческий голос в испорченном телефоне. Мартел изумился, что Парижански понял его состояние. Но он также знал, что тот спрашивает его без злого умысла. В коллективе сканнеров не было более благодушного существа, чем Большой Пол.

— Вомакт звонил. Экстренный случай.

— Ты сказал ему, в каком находишься состоянии?

— Да.

— И он заставил прийти?

— Да.

— Значит, это связано не с работой. Ты не смог бы вылететь.

— Конечно.

— Зачем же он нас вызвал? — И Парижански по-человечески всплеснул руками. При этом он ощутило задел стоящего сзади немолодого сканнера.

Звук от удара был очень силен, но никто, кроме Мартела, его не услышал. Мартел инстинктивно сканировал Парижански и того, кого Парижански задел. Немолодой сканнер спросил, почему он сканирует. Мартел объяснил, что слышал звук удара, так как только прошел обращение. Тот быстро отошел — видимо, поскорее рассказать присутствующим, что среди них — обращенный.

Даже сенсационное сообщение немолодого сканнера не могло отвлечь собравшихся от тревоги, вызванной звонком Вомакта. Один из присутствующих молодых драматично написал в своем блокноте, обращаясь к Мартелу и Парижански: “Что, Вмкт сшл с ума?”

Более зрелые сканнеры покачали головами. Мартел, учитывая молодость новичка, дружески улыбнулся и заговорил нормальным человеческим голосом:

— Вомакт — глава сканнеров. Он не сошел с ума. Блок у него надежный.

Мартел медленно повторил последнюю фразу, чтобы молодой сканнер его понял. Тот скривился в улыбке, напоминавшей комическую маску, а в блокноте написал: “Ты прав”.

Чанг оставил своего собеседника и подошел к Мартелу. Его полукитайское лицо тускло светилось в вечернем освещении.

“Странно, — подумал Мартел, — что среди сканнеров больше нет китайцев. А может, это и не странно, если учитывать, что они не добирают своего процента в хаберменах. Китайцы слишком любят жизнь. Но те, которые становились на этот путь, обычно бывали хорошими сканнерами”. Чанг тоже заметил, что Мартел обращен, и заговорил вслух:

— Ты бьешь все рекорды. Люси, наверное, не хотела тебя отпускать?

— Она привыкла... Чанг, это странно.

— Что?

— Я ведь слышу сейчас. Твой голос...Он совсем как человеческий. Как ты этому научился?

— Я работал с фонограммами. Как забавно, что ты заметил. Я единственный сканнер на всех землях человеческого, который может сойти за человека. Мне помогли зеркала и фонограммы.

— Но ты не?..

— Нет, конечно, я не чувствую, не слышу и не обоняю. Вкусовые рецепторы тоже не работают. А моя нормальная речь счастья не приносит мне. Но я замечаю, это приятно людям, которые со мной общаются.

— Для Люси это значило бы очень много.

Чанг понимающе кивнул:

— Мой отец настаивал на этом. Он говорил: “Ты можешь гордиться, что ты сканнер. Но жаль, что ты не человек. Скрывай свои недостатки”. И я старался. Я хотел рассказать старику об открытом космосе и о том, чем мы там занимаемся. Но для него это было неважно. Он все повторял: “Конфуций любил самолеты, и я тоже”.

Старый плут! Он гордится, что китаец, а читать на древнекитайском не умеет. У него удивительно здравый ум, и он всегда обращается с теми, кто чего-то стоит.

Мартел улыбнулся. Чанг усмехнулся ему в ответ. Его лицевые мышцы работали безукоризненно: сторонний наблюдатель никогда не принял бы его за хабермена. Мартел позавидовал Чангу, когда, обернувшись, снова увидел мертвые, холодные лица сканнеров. Сам он выглядел прекраснo. А почему бы и нет? Ведь он обращен.

Повернувшись к Парижански, Мартел проговорил:

— Ты видел, что рассказал Чанг о своем отце? Старик все еще летает.

Парижански начал двигать губами, но звуки выходили бессмысленные. Тогда он что-то написал в блокноте и показал Мартелу и Чангу: “Ха-ха. Старый мошенник”.

До Мартела донесся звук шагов: кто-то шел по коридору. Он уставился на дверь. Остальные, увидев его реакцию, сделали то же самое.

Вошел Вомакт.

Присутствующие молниеносно выстроились в четыре параллельных ряда, сканируя друг друга. Руки одних как по команде потянулись к контрольным блокам других, чтобы поправить индикаторы жизненной силы. Какой-то сканнер обнаружил, что у него сломан палец, и сразу же наложил повязку.

Вомакт подошел к трибуне, красное сияние которой озарило всю комнату. Сканнеры отдали старшему честь и подали знак: “Здесь и готовы!”.

Вомакт принял позу означавшую: “Я старший. Слушайте мою команду!”.

Пальцы сканнеров поднялись в ответном жесте: “Согласны и повинемся”.

Вомакт поднял правую руку и согнул ее в запястье так, будто она сломана. Этот странный жест означал: “Есть ли среди нас люди? Все ли сканнеры здесь? Сканнерам все ясно?”

Только один Мартел услышал странный шорох, который издавали сканнеры, внимательно изучая друг друга и направляя свет своих поясных фонариков в темные углы комнаты. Когда они снова сосредоточились на Вомакте, тот сделал следующий знак: “Все в порядке. Слушайте, что я скажу”.

Мартел заметил, что он единственный, кто сумел расслабиться. У остальных это не получалось, потому что их мозги были заблокированы и принимали сигналы только через зрительные каналы. Их тела осуществляли связь с мозгом через нечувствительные нервы и контрольные блоки. Мартел подумал, что он один может услышать голос Вомакта. Но с двигавшихся губ главного сканнера не слетело ни звука, когда он задавал свои вопросы:

— Когда первые люди, которые вышли в открытый космос, долетели до Луны, что они там нашли?

— Ничего, — ответил молчаливый хор губ.

— А потом они полетели до Марса и Венеры. Корабли вылетали каждый год, но ни один из них не вернулся. Так было до первого года Космической эры, когда вернулся первый корабль с первыми результатами исследований. Сканнеры, я спрашиваю вас, что это были за результаты?

— Никто этого не знает. Никто.

— Никто никогда и не узнает. Слишком много лет прошло. Но что мы понимаем под первым результатом?

— Великую агонию космоса, — ответил хор.

— А что было потом?

— Потом была смерть.

— А кто преградил ей дорогу?

— Генри Хабермен, в восемьдесят третьем году Космической эры.

— Я спрашиваю вас, сканнеры, что он сделал?

— Он создал хаберменов.

— А из чего он создал их?

— Он создал их из срезов. Мозг — из срезов сердца, легких, ушей, носа, рта, живота. Из срезов желания и боли, из срезов Вселенной.

— А как, сканнеры, мы контролируем живую плоть?

— У нас есть встроенные блоки, которые управляют ею.

— А чем живы хабермены?

— Тем, что умеют управлять своими блоками.

— Откуда же взялись хабермены?

В ответ прозвучал жуткий рев:

— Хабермены — это отбросы общества. Это самые слабые, самые жестокие, самые негодные из живущих. Они обречены на смерть. Они всегда одиноки. Космос их убивает, но живут они для него. Они ведут корабли. Они испытывают на себе страшную агонию космоса, а люди в это время спят холодным сном перехода.

— Братья, я спрашиваю вас, хабермены мы или нет?

— Мы хабермены по плоти. Наш мозг и наша плоть разделены. Мы всегда готовы выйти в открытый космос. Мы все прошли превращение.

— Значит ли это, что мы хабермены? — глаза Вомакта загорелись и засверкали, когда он задал этот ритуальный вопрос.

И снова в ответ раздался рев:

— Да, мы хабермены. Но, мы больше, чем хабермены. Мы избранные. Те, кто стали хаберменами по собственной свободной воле. Мы разведчики Службы Содействия Человечеству.

— А что люди говорят о нас?

— Они говорят: “Вы храбрейшие из храбрых, искуснейшие из искусных. Все человечество преклоняется перед сканнерами за то, что они воссоединяют колонии Земли. Сканнеры — покровители хаберменов. Они — судьи открытого космоса. Они помогают людям выжить там, где это невозможно. Они — самый уважаемый отряд живых существ на земле, и даже Повелители Содействия преклоняются перед ними!

Вомакт вытянулся по струнке и расправил плечи:

— А что мы называем тайным долгом сканнера?

— Держать в тайне наш закон и уничтожать любого, кто посягнет на его секретность.

— Уничтожать — как?

— Сначала двойная перегрузка, а потом смерть.

— А когда сканнер умирает, что делают остальные сканнеры?

Вместо ответа все сжали губы (молчание и было ответом на этот вопрос).

Мартелу, хорошо знакомому с ритуалом, начала надоедать церемония. Заметив, что Чанг тяжело дышит, он потянулся к легочному подблоку друга и произвел коррекцию, чем заслужил благодарный взгляд. Вомакт заметил это и сверкнул глазами. Мартел попытался придать лицу выражение холодной отчужденности. Это было очень тяжело — ведь он был обращен.

— А если сканнер умирает, что делают остальные сканнеры? — повторил Вомакт вопрос.

— Они сообщают об этом в Содействие, а потом все вместе принимают наказание. Сканнеры сами разрешают конфликт.

— А если наказание окажется слишком суровым?

— Тогда корабли не выйдут в космос.

- А если сканнеров перестанут уважать?
- Тогда корабли не выйдут в космос.
- А если сканнерам перестанут платить?
- Тогда корабли не выйдут в космос.
- А если люди и Содействие перестанут выполнять свой долг по отношению к сканнерам?
- Тогда корабли не выйдут в космос.
- А что произойдет, о сканнеры, если корабли не выйдут в космос?

— Земля распадется на части. Вернутся дикие. Вернутся старые машины и звери.

Каков первый долг сканнера?

— Не спать в открытом космосе.

— А каков второй долг сканнера?

— Забыть страх.

— А каков третий долг сканнера?

— Использовать провод Юстаса Обратителя с величайшей осторожностью, с величайшей уверенностью, — несколько пар глаз метнуло взгляд в сторону Мартела. — Обращаться только дома, только среди друзей, только для релаксации или для зачатия новой жизни.

— Каков пароль сканнера?

— Верность — даже в смертный час.

— Каков лозунг сканнера?

— Бодрствование — даже в одиночестве.

— В чем заключается работа сканнера?

— Трудиться на благо человечеству в самом глубоком космосе и сохранять верность Братству в самых глубинах земли.

— Как можно узнать сканнера?

— Мы знаем друг друга. Мы мертвы, хоть и живы. Чтобы общаться, нам нужен блокнот и наш указательный палец.

— Каков код нашего общения?

— Наш код — это древняя мудрость сканнеров, которую можно выразить одной фразой: “Верность друг другу”.

На этом церемония должна была заканчиваться. Последние фразы сканнеров были:

— Церемония окончена. Есть ли для сканнеров работа?

Но Вомакт неожиданно произнес:

— Экстренный случай. Экстренный случай.

Сканнеры подали знак: "Здесь и готовы".

Вомакт начал говорить, и все впились глазами в его губы.

— Что вы знаете об Адаме Стоуне?

Мартел увидел задвигавшиеся губы:

— Он чем-то занимался на Красном Астероиде.

— Так вот, Адам Стоун явился в Содействие и заявил, что закончил свои исследования резервов человеческого организма и теперь знает, как избавить человечество от убийственной силы космоса — от его агонии. Он считает, что люди могут работать в открытом космосе. Что во время полета космического корабля им не обязательно погружаться в сон. Он говорит, что человечество больше не нуждается в сканнерах.

Фонарики сканнерских поясов заиграли огнями по комнате: сканнеры заявляли о своем желании высказаться. Вомакт подал знак, предоставив слово одному из "стариков":

— Сканнер Смит, говорите.

Смит медленно двинулся в сторону полосы света, глядя себе под ноги. Он встал так, чтобы все видели его лицо:

— Я утверждаю, что это ложь. Я утверждаю, что Стоун — лгун. я уверен в том, что Содействие обмануто. Он замолчал, а потом, как бы отвечая на немой вопрос собравшихся, заговорил снова: — Я призываю вас выполнить тайный долг сканнеров. — Смит поднял свою правую руку, желая придать значительность тому, что хотел сказать. — Я считаю, что Стоун должен умереть.

Мартел вздрогнул, услышав ропот, стоны, крики... Сканнеры поворачивались друг к другу. Фонарики поясов вспыхивали тут и там: каждый хотел высказаться. Парижански благодаря своей массивной фигуре оттеснил остальных и повернулся лицом к собравшимся:

— Братья сканнеры, ваши глаза.

Но они не слушали его, начав горячее обсуждение. Тогда Вомакт стал перед Парижански и сказал:

— Сканнеры! Не забывайте, кто вы. Обратите к выступающему свои глаза.

Парижански не был хорошим оратором. Его губы двигались слишком быстро. Он размахивал руками, отвлекая

присутствующих от своих губ. И все же Мартелу удалось следить за ходом его мысли:

— ... Этого допустить нельзя. Может быть, Стоун действительно преуспел. И если это так, то сканнерам конец. Это конец и хаберменам. Никому из нас не нужно будет выходить в открытый космос, а потом лезть под провод, чтобы хоть несколько дней побыть человеком. Люди останутся людьми, а хабермены будут постепенно вымирать. Откуда вы знаете, что Стоун лжет?

Фонарики засветили ему прямо в лицо (самое страшное оскорбление, которое мог нанести сканнер сканнеру).

Вомакт призвал собравшихся к порядку. Он встал к Парижански лицом и сказал ему что-то. Никто не услышал, что, но Парижански сошел с трибуны и понуро пошел на свое место.

Вомакт повернулся лицом к сканнерам:

— Думаю, что не все согласны с братом Парижански. Я предлагаю продолжить через пятнадцать минут, после того, как вы обсудите нашу проблему в кулуарах.

Мартел хотел подойти к Вомакту и попросить разрешения уйти. Он был обращен и имел полное право не присутствовать на этом собрании. Но Вомакт уже успел присоединиться к одной из групп.

Мартелу все вокруг казалось странным. Большинство собраний, на которых он присутствовал, были формальными, но своим торжественным ритуалом они поднимали дух, напоминая сканнерам об их исключительности. Тогда Мартел обращал на свое тело только же внимания, сколько обращает мраморный бюст на свой пьедестал, и легко переносил долгие часы церемоний.

На этот раз все было иначе. Он пришел сюда обращенным и способным воспринимать окружающее так, как воспринимает нормальный человек. Он смотрел на своих друзей и коллег как на отряд чудовищных призраков, разыгрывающих ничтожный ритуал своего проклятия. Какой смысл во всей этой болтовне, если ты уже хабермен? К чему эти разговоры о сканнерах? Хабермены — преступники и еретики, а сканнеры — джентльмены-добровольцы, но все они по сути в одной лодке. Сканнеры, правда, устаиваются тех мгновений, когда они могут побыть людьми. Хаберменов же держат в глу-

бокой спячке и будят только тогда, когда они в очередной раз должны сослужить службу, для которой предназначены. На улице редко можно встретить хабермена: только за особые заслуги им позволяют взирать на людей из скорлупы своего механизированного тела. И разве сканнеры жалеют хаберменов? Разве они уважают их? Только в случае, если хабермен особо рьяно исполняет свой долг. Что сканнеры сделали для хаберменов? Они нередко убивали их, если хабермены вдруг начинали выходить из повиновения. Они не могут чувствовать как люди. Но что знают люди о жизни корабля? Ведь они спят в своих цилиндрах, пока сканнеры и хабермены доставляют их к месту назначения. Что они знают об открытом космосе, когда смотришь на жалающую, едкую красоту звезд и начинаешь ощущать боль, которая проникает в кости, в нервы, в мозг, во все тело? Тогда начинаешь страстно желать остаться в одиночестве и умереть.

Он был сканнером. Да, конечно, он был сканнером. Он стал сканнером с того момента, когда в полном рассудке предстал перед Повелителями Содействия и поклялся:

— Я клянусь человечеству своей жизнью. Я жертвую собой по доброй воле во благо людей. Принимая на себя эту серьезную ответственность, все без исключения свои права я передаю Повелителям Содействия и досточтимому Братству сканнеров.

Он поклялся и прошел превращение.

Мартел всегда помнил о своем проклятии. Оно должно было продолжаться сотни лет — и все без сна. Он научился не видеть, а ощущать глазами, потому что на его глазные яблоки надели специальные пластины, которые не давали ему возможности изучать собственное превращенное тело. Он научился не осязать, а чувствовать кожей. Он хорошо помнил то время, когда, чтобы рассмотреть рану в боку, ему приходилось пользоваться специальным зеркалом. (Сейчас с ним этого не случилось, потому что он в совершенстве овладел умением управлять своими подблоками). Он помнил, как впервые почувствовал боль космоса, несмотря на то, что был лишен человеческих ощущений. Он помнил, как убивал

хаберменов и спасал жизнь людям, как месяцами нес вахту возле уважаемого пилота-сканнера, не смыкая глаз. Он помнил, как ступил на Землю-4 и не ощутил радости. Тогда он понял, что его уже ничего не спасет.

Мартел стоял в кругу своих коллег. Он терпеть не мог их неуклюжие движения, их оцепеневшую неподвижность. Он ненавидел странные запахи, которые они, конечно, не замечали. Его тошнило от их гоготанья, хрюканья, кудахтанья — ведь они были глухи и не слышали себя. Он ненавидел их — и себя тоже.

Как его терпела Люси? Все индикаторы его подблоков находились на отметке “Опасность”, когда он ухаживал за ней, повсюду таская за собой свой провод и не заботясь о том, что частые обращения могут закончиться для него перегрузкой. Мартел добивался ее руки, не смея думать, что произойдет, если она скажет “да”. И она сказала “да”.

“И всю оставшуюся жизнь они прожили счастливо”, так обычно писали в старых сказках. Но не в их жизни. За последний год он обращался восемнадцать раз, и Люси до сих пор любила его. Да, она любила его — он это знал. Она мучительно волновалась за него, когда он был на задании. Она старалась сделать их дом уютным: приготовить обед, от которого он был бы в восторге, даже не ощущая его вкуса, всегда быть желанной, даже если он не мог ее поцеловать. А может, все это ему только казалось: ведь тело хабермена не более, чем мебель. И все же Люси была очень терпеливой.

И вот появился Адам Стоун, который может перевернуть их сканнерскую жизнь.

Да благословит господь Адама Стоуна!

Мартелу стало жаль себя: долг будет поднимать его по команде еще двести лет. А ведь он мог бы позволить себе какое-то расслабление. Он смог бы забыть о своем космосе — пусть им занимаются люди. Он смог бы обращаться всегда, когда ему этого захочется. Он смог бы быть почти нормальным столько лет, сколько ему еще отпущено. По крайней мере, он смог бы быть рядом с Люси. Он смог бы отправиться с ней к диким, где еще сохранились звери и старые машины. Может, он и погиб бы где-нибудь там

во время охоты на древних животных или в схватке с непростительными, которые все еще наводняют земли диких. Но он смог бы жить и умереть, а не быть мертвым всегда, оживая только для того, чтобы корчиться от боли, которую порождает космос.

Мартел беспокожно ходил из угла в угол. Его уши были настроены на нормальную речь, и ему не хотелось вглядываться в губы товарищей. И вдруг он понял, что они приняли какое-то решение. Вомакт двинулся к трибуне, а Мартел, поискав глазами Чанга, направился в его сторону. Чанг прошептал:

— Ты ходишь как неприкаянный. Что случилось? Заканчивается обращение?

Он успел просканировать Мартела, индикаторы были в порядке.

Загорелся яркий свет, призывая присутствующих к вниманию. Вомакт стал лицом к собравшимся.

— Братья сканнеры! Я призываю вас голосовать. — И он принял позу: “Я старший. Слушайте мою команду”.

— Сейчас мы проголосуем по вопросу о судьбе Адама Стоуна. Во-первых, мы должны убедиться, действительно ли он преуспел в своих исследованиях, не лжет ли он. Мы все хорошо знаем, что преодоление агонии космоса — только одна из заслуг сканнера. (“Но важнейшая из них!” — подумал Мартел.) Мы наверняка убедимся в том, что Стоун не в состоянии справиться с проблемой дисциплины в космосе, решение которой также является заслугой нашего Братства...

— Опять этот треп, — прошептал на ухо Мартелу Чанг.

Мартел молча кивнул, в очередной раз поразившись тому, насколько натурально звучит голос друга.

— ... Ведь наша дисциплина хранит космос от войн и раздоров. Шестьдесят восемь дисциплинированных сканнеров контролируют весь космос. Благодаря клятве, которую мы дали, и благодаря статусу хаберменов мы лишены всех земных страстей. И если Адам Стоун завладел секретом преодоления агонии космоса, то люди разрушат наше Братство и принесут в космос раздоры и вражду, которые все еще царят на землях человечества. Даже если Адам

Стоун не завладел секретом преодоления агонии космоса, то все равно, слухи о его исследованиях разлетятся по всем колониям человечества и определенно принесут ему вред. Содействие и так не может обеспечить нас необходимым количеством хаберменов. А дурные слухи приведут к уменьшению числа рекрутов и ослаблению дисциплины в Братстве. То есть, в любом случае, само существование Адама Стоуна угрожает безопасности Братства. Поэтому он должен умереть. — И Вомакт подал знак голосовать.

Мартел взволнованно замигал своим поясным фонариком. Но Чанг, опережая его, бросился вперед и первым просигналил “против”.

Оглядевшись вокруг, он увидел, что из сорока семи присутствовавших сканнеров только пятеро или шестеро поддерживали его. Но чуть позже зажглись еще два фонарика, затем еще и еще. Вомакт стоял как оцепеневшая статуя, и глаза его загорались при виде новых сигналов. Наконец он спохватился и сделал жест, обозначающий. “Прошу уважаемых сканнеров подсчитать количество голосов”. Три пожилых сканнера подошли к трибуне и для подсчета голосов.

В голове у Мартела пронеслось: “Эти чертовы привидения решают жизнь настоящих людей! Живых людей! Они не имеют на это никакого права.” — Он подумал о Люси и о том, что для нее значило бы открытие Адама Стоуна. Он просто не мог смириться с тем, что происходило вокруг.

Лишь восемнадцать сканнеров проголосовали “против”. Вомакт вежливым кивком головы приказал счетчикам удалиться с трибуны. Потом он снова повернулся к присутствующим и принял позу: “Я старший. Слушайте мою команду!”

Поражаясь собственной отваге, Мартел просигналил несколько раз фонариком; с его стороны это был неслыханный по наглости шаг. Он знал, что стоящие рядом сканнеры могут дотянуться до его сердечного подблока и настроить его на “Перегрузку”. Мартел почувствовал, как Чанг хватает его за ворот костюма. Но он высвободился и стремительно бросился к трибуне, лихорадочно соображая, что скажет сейчас. Зывать к здравому смыслу было бесполезно.

Мартел вскочил на трибуну, встав рядом с Вомактом, и принял позу: "Сканнеры" Это незаконно!" И потом, когда он уже начал говорить, он оставался в той же позе, хотя это было грубым нарушением ритуала.

— Собрание не имеет права голосовать за смертную казнь большинством голосов. Нужны две трети.

Мартел почувствовал, как Вомакт бросается на него сзади, сталкивает с трибуны, как он сам падает на пол, разбивая ладони и колени. Потом его поднимают и сканируют. Кто-то тянется к его контрольному блоку и уменьшает напряжение. Мартел становится спокойнее, отстраненнее — и ему невыносимо противно. Он бросает взгляд на трибуну и видит Вомакта в позе "Порядок!".

Сканнеры выстроились в ряды. Двое стоявших возле Мартела взяли его за руки. Мартел закричал на них, но они отвернулись, дав понять, что не будут с ним разговаривать. Заговорил Вомакт:

— Сканнер, находящийся здесь, обращен. Я прошу за это прощения, уважаемые сканнеры, — наш друг Мартел не виноват. Он прибыл сюда, выполняя приказ. Я просил его не терять времени на выход из обращения. Мы все знаем, как счастливо женат Мартел. Я люблю Мартела. Я уважаю его мнение. Я хотел, чтобы он был на собрании. Я знаю, что и вы хотите этого. Но он обращен и поэтому не может сейчас разделять с нами нашу нелегкую, но благородную миссию. Я предлагаю честный и справедливый выход из положения: лишить Мартела права голоса. Не будь он обращен, прощения бы не было. Я прошу голосовать.

Вомакт принял позу, призывающую к новому голосованию. Мартел попытался дотянуться до своего фонарика, но железные руки сжали его мертвой хваткой. Засигналил чей-то фонарик, желая ободрить его: наверное, Чанг.

Вомакт снова обратился к собранию.

— Получив поддержку уважаемых сканнеров, я хочу внести предложение. Собрание может возложить на меня ответственность за выход из чрезвычайной ситуации посредством ликвидации Адама Стоуна, чтобы на следующем собрании только я держал ответ перед досточтимым Брат-

ством. Но только перед Братством Сканнеров, а не каких-либо других существ.

В глазах Вомакта сверкнул триумф, когда он увидел, что против прогolosовало ничтожное количество сканнеров — намного меньше четверти.

Вомакт снова заговорил. Свет падал на его высокий спокойный лоб, на безжизненные расслабленные скулы. Впалые щеки и острый подбородок были слабо освещены, рот казался резким черным пятном: он был жестоким и властным, даже когда Вомакт молчал. Все знали, что главный является потомком одной леди, жившей в незапамятные времена, но сумевшей каким-то необъяснимым образом пересечь сотни лет за одну-единственную ночь. Ее имя — леди Вомакт — стало легендой. Кровь этой дамы и ее жажда власти продолжали жить в немом, но могущественном теле старшего сканнера. Мартел смотрел на трибуну и думал, какая же непостижимая мутация сохранила на Земле подобных хищников? Одним движением губ, но громко и звучно, Вомакт произнес:

— Я считаю, что процедурой приведения приговора в исполнение должен руководить старший сканнер. Я прошу вручить мне эти полномочия, благодаря которым я смогу назначить исполнителей приговора — одного или нескольких. Однако, я буду нести ответственность за исполнение приговора, а не за средства, которыми он будет осуществлен. Мы выполняем благородную миссию, защищая человечество и утверждая непревзойденную ценность сканнерства. Средства же, которыми будет исполнен приговор, должны быть самыми простыми — это мое мнение. Мы не очень хорошо знакомы со способами устранения людей на Земле. Здесь простое снятие цилиндра со спящего, которое вызывает верную смерть в космосе, не подойдет. Люди на земле умирают неохотно. Братья сканнеры, вы знаете, что лишить человека жизни на Земле для нас непростая задача. Поэтому я и прошу предоставить мне выбор исполнителя. Иначе нас ждут неприятности. Чем больше сканнеров будут знать исполнителя, тем вероятнее предательство. Но если я один приму на себя ответственность, то вам легче будет сохранить все в тайне. Особенно, если Содействие начнет расследование.

“И кому же ты предназначил быть убийцей? — подумал Мартел. — Ведь он среди нас и скоро узнает об этом. И будет знать всегда. Если ты только не заставишь его замолчать навеки”.

Вомакт принял позу, приглашающую голосовать. И снова в знак протеста мигнул фонарик Чанга.

Мартел представил себе, как улыбается Вомакт: жестокой радостной улыбкой на мертвом лице, улыбкой существа, уверенного в своей правоте и знающего, что его правота основана на силе. Мартел попытался еще один — последний — раз освободиться. Но крепкие руки держали его. И он знал, что его отпустят, когда этого пожелают их владельцы. Без этой цепкости сканнер не мог бы быть сканнером. И тогда Мартел закричал:

— Почтенные сканнеры! Это же хладнокровное убийство!

Никто не услышал его. Он был обращен, а значит, одинок. И все же он закричал снова:

— Этим вы угрожаете безопасности Братства!

Никакой реакции. Эхо его голоса прокатилось из одного конца комнаты в другой. Никто не обернулся. Ни один сканнер не встретился с ним взглядом.

Мартел знал, что скоро они забудут о нем. Он видел, что никто не хочет с ним разговаривать. Он видел также, что в глубине души они жалеют его и посмеиваются: ведь он сейчас выглядит смешно, нелепо, как человек. Но только он один мог понять сейчас весь ужас создавшегося положения. Только он — обращенный сканнер — мог понять, какую бурю протеста среди людей вызовет это преднамеренное убийство. Он знал, что Братство подвергает себя смертельной опасности: ведь с древнейших времен убивать имело право только государство в соответствии со своими законами. Даже древние народы в эпоху Войн, еще до того, как люди вышли в космос, знали это. Государства исчезли, наступила эра Содействия, и теперь именно оно взяло на себя функции государственной машины и никому не прощало вмешательства в дела человечества. Сканнер мог убивать в космосе — это было его право, и Содействие в такие дела не вмешивалось. Оно мудро оставило космос сканнерам, а те, в свою очередь, не смели вмешиваться в дела Зем-

ли. А теперь Братство хочет нарушить этот закон — как группа бандитов, глупых и безрассудных, ничем не лучше племен непрощенных.

Мартел понимал все это потому, что был обращен. Будь он сейчас в шкуре хабермена, он думал бы только о сохранении сканнерства.

Вомакт в последний раз взошел на трибуну и объявил:

— Собрание приняло решение, и его воля должна быть исполнена.

После этого он принял позу: “Я старший. Требую подчинения и спокойствия”.

В это же мгновение Мартел почувствовал, что пальцы рук, державших его, разжались, и начал лихорадочно думать, что же ему предпринять. В обращении он будет еще как минимум один день. Он мог бы действовать и в обличи хабермена, но ужасно неудобно разговаривать при помощи блокнота. Мартел искал глазами Чанга. Его друг стоял в укромном уголке, терпеливый и неподвижный. Мартел медленно двинулся к нему так, чтобы не привлекать к себе внимания. Он посмотрел Чангу в лицо и зашевелил губами:

— Что будем делать? Ты ведь тоже не хочешь, чтобы они убили Адама Стоуна. Ты понимаешь, что для нас значит его открытие. Не будет сканнеров и хаберменов. Не будет агонии космоса. Если бы все они были обращены, как я, они приняли бы другое решение. И мы должны остановить их. Но как это сделать? А Парижански? Что думает он?

— На какой из твоих вопросов я должен прежде всего ответить?

Мартел рассмеялся. (Смеяться для него было истинным удовольствием.)

— Ты можешь мне?

— Нет, нет и еще раз нет.

— Не можешь?

— Нет.

— Но почему?

— Я сканнер. А сканнеры уже сказали свое слово, и я должен подчиниться. На моем месте ты бы сделал то же самое.

— Дело не в том, что я сейчас обращен. Разве ты не видишь: то, что они собираются сделать — глупость, безрассудство и бездушие? Это, наконец, убийство.

— А что такое убийство? Разве ты не убивал? Ты не человек. Ты сканнер. Ты не будешь жалеть о том, что совершишь.

— Но почему же ты тогда голосовал против Вомакта? Наверное, ты понимал, что для нас значит Адам Стоун. Да, сканнеры будут жить напрасно. И слава Богу! Разве это не ясно?

— Нет.

— Но ты разговариваешь со мной, Чанг. Ведь ты мой друг?

— Я разговариваю с тобой. И я твой друг. Почему бы и нет?

— И ты ничего не собираешься делать?

— Ничего, Мартел, ничего.

— Ты мне не pomoжешь?

— Нет.

— Даже если речь идет о жизни Адама Стоуна?

— Нет.

— Тогда я обращусь за помощью к Парижански. Он скорее поймет меня.

— Это ничего не даст.

— Почему? В нем больше человеческого, чем в тебе.

— Он получил задание. Это его Вомакт назначил убить Адама Стоуна.

У Мартела перехватило дыхание. Он прервался на полуслове и принял позу: “Благодарю тебя, брат, и ухожу”.

Обведя глазами присутствующих, Мартел остановил взгляд на Вомакте. Ему пришлось принять позу почтительного прощания. Вомакт увидел это, и его жесткие губы скривились в улыбке:

— ... Береги себя...

Не дожидаясь увидеть что-нибудь еще на губах Вомакта, Мартел отступил к окну и вылетел. Очувившись вне поля зрения сканнеров, Мартел развил максимальную скорость. Он тщательно сканировал себя во время полета. В лицо ему бил холодный ветер.

Адам Стоун должен быть в Главном Космопорту. Он должен быть там. Он, наверное, удивится. Его наверняка поразит появление первого ренегата в среде сканнеров. Мартел вдруг почувствовал свою значительность: Мартел-Предавший-Сканнеров! Нет, звучит пренебрежительно. А если Мартел-Спасший-Человечество? Разве такая цель не оправдывает средства? Если он победит, то по-настоящему обретет Люси. А если проиграет, то терять ему нечего. Конец один: перегрузка и смерть. Но что это значит по сравнению с жизнью человечества, жизнью Люси?

Мартел думал о том, что сегодня вечером у Адама Стоуна будут два посетителя. Два сканнера. Два друга. Мартелу очень хотелось, чтобы Парижански остался его другом. И от того, кто придет первым, зависело будущее человечества.

Множеством огней засверкал в тумане Главный Космопорт. Мартел увидел фосфоресцирующие очертания башен города, ставших непреодолимым барьером для диких, будь то звери, машины или непрощенные. И тогда он обратился к Богу: "Прошу тебя, помоги мне сойти за человека".

Мартел тщательно застегнул пиджак, прикрыв грудь с вмонтированным контрольным блоком. Он посмотрелся в сканнерское зеркало, чтобы увидеть свое лицо со стороны и придать ему больше жизни. По лицу должен струиться пот — так он будет больше похож на человека, только что вернувшегося из длительного полета. Оправив одежду и спрятав свой блокнот, Мартел подумал: а куда же девать сканнерский палец? Если кто-то увидит его ноготь, то сразу поймет, кто он. К нему отнесутся с почтением, но его сразу опознают. Потом его наверняка остановят люди, которыми Содействие окружило Адама Стоуна. А если сломать свой ноготь? Но разве можно сделать это?! Ни один сканнер за всю историю Братства не сделал этого добровольно! Это будет отказом от сканнерства. А такого не случилось никогда. Единственный выход потом — это открытый космос. Мартел поднес палец ко рту и откусил свой ноготь. Палец без ногтя представлял собой странное зрелище. Мартел вздохнул.

Направившись к воротам города, Мартел спрятал руку и придал своим мышцам силу вчетверо больше нормальной. Он начал сканировать себя, но вспомнил, что все индикаторы замаскированы. "Нужно действовать решительно", — подумал он.

Дежурный остановил его, направив в грудь контроллер.

— Вы — человек? — произнес невидимый голос.

Мартел подумал, что будь он сейчас хаберменом, сила его поля мгновенно отразилась бы на экране.

— Я — человек.

Мартел знал, что с тембром голоса у него сейчас все в порядке. Он надеялся, что его не примут за кого-то из диких, которые постоянно маскируются, чтобы проникнуть в города и порты человечества.

— Имя, номер, звание, цель, деятельность, время отбытия.

— Мартел, — он с трудом вспомнил свой старый номер (не сканнерский — тридцать четвертый). — Четыре тысячи двести тридцать четыре. Родился в семьсот восемьдесят втором году Космической эры. Звание — капитан. — Он не лгал. Это было его реально существовавшее звание до того, как он стал сканнером. — Цель исключительно личная, ни в коем случае не угрожающая законам города. Отбыл из Внешнего Космопорта в две тысячи девятнадцатом часу.

Теперь все зависело от того, поверят ему или будут проверять через Внешний Космопорт.

Спокойный, однотонный голос произнес:

— Сколько времени вы хотите пробыть в городе?

Мартел ответил стандартной фразой:

— Сколько позволит ваше почтенное терпение.

Мартел стоял на холодном вечернем ветру и ждал.

Неожиданно тот же монотонный голос произнес:

— Капитан Мартел, номер четыре тысячи двести тридцать четыре тире семьсот восемьдесят два, входите в город. Добро пожаловать. Нужны ли вам еда, одежда, деньги, общение?

В голосе не было того гостеприимства, только деловитость. Да, в обличьи сканнера его принимали бы иначе. Пришли бы младшие офицеры, направили бы ему в лицо свои фонарики и начали бы ожесточенно шевелить губами

или кричать в его глухие сканнерские уши. Значит, вот так принимают капитана: сдержанно но довольно спокойно. Неплохо. Он ответил:

— Мне ничего не надо. Но у меня одна просьба, и я прошу город отнестись к ней благосклонно. Здесь находится мой друг — Адам Стоун. Мне нужно срочно поговорить с ним по личному делу.

— У вас назначено свидание с Адамом Стоуном?

— Нет.

— Город разыщет его. Какой у него номер?

— Я забыл.

— Вы забыли? Разве Адам Стоун не высокопоставленное лицо в Содействии? Вы действительно его друг?

— Да, — Мартел намеренно заговорил раздраженно. — Дежурный, если вы во мне сомневаетесь, позовите старшего.

— Я не сомневаюсь. Но почему вы не знаете номера своего друга? Ведь я должен его зарегистрировать.

— Мы дружили в детстве. Он пересек... — Мартел хотел сказать “открытый космос”, но вспомнил, что этот термин в ходу у сканнеров, а не у людей. — Он перебрался из этой колонии в другую, а теперь вернулся. Я хорошо знал его когда-то сейчас разыскиваю. Да поможет нам Содействие!

— Мы верим вам. Адам Стоун будет найден.

Рискуя (на экране мог появиться сигнал тревоги, идентифицирующий нечеловека), Мартел просунул руку под пиджак и включил свой сканнерский спикер. Он попытался писать в блокноте своим затупленным пальцем, но тщетно. Его уже начала охватывать паника, когда он обнаружил у себя расческу, один из зубцов которой вполне мог исполнить роль ногтя. Мартел написал: “Сканнер Мартел вызывает сканнера Парижански”. Ответ пришел незамедлительно: “Сканнер Парижански занят”.

Мартел выключил спикер. Он уже знал, что Парижански где-то недалеко. Неужели он уже в городе? Неужели он проник тайно? Нет, его бы засекли, поднялась бы тревога, и пришлось бы обращаться за помощью в высокие инстанции. Вероятней его будут подстраховывать другие сканнеры, притворяясь, что явились в город поглазеть на

хорошеньких женщин из Галереи Наслаждения или посмотреть новые фильмы. Парижански где-то рядом. Но вряд ли он проник тайно. Центральная сообщила, что он занят. Значит, они регистрируют все его перемещения.

Опять раздался голос дежурного. В нем сквозило удивление:

— Адама Стоуна нашли. Его пришлось поднять с постели. Он просит извинить его, но он не знает никакого Мартела. Хотите встретиться с ним завтра утром? Город гостеприимно примет вас.

Мартел исчерпал себя. Ему трудно было выдавать себя за человека, потому что он вынужден был лгать. Он еле слышно произнес:

— Скажите ему, что он просто забыл меня, но мне необходимо с ним поговорить.

— Будет исполнено.

И снова тишина, и враждебность звезд, и ощущение, что Парижански где-то рядом. Сердце Мартела учащенно забилося. Он снизил напряжение в контрольном блоке — и стал спокойнее. Сканировать ему было нелегко.

В этот раз голос звучал дружелюбнее:

— Адам Стоун согласился встретиться с вами. Входите, добро пожаловать.

Арка яркого света сфокусировала Мартела, а потом перекинула на одну из самых высоких башен: наверное, это гостиница, и он в ней никогда не останавливался. Мартел двинулся спортивной походкой по направлению луча и взлетел, видя перед собой цель: открытое окно в башне зияло, словно распахнутый рот великана.

У входа в башню стоял часовой:

— Вас ждут, сэр. Вы носите оружие?

— Нет, — проговорил Мартел, радуясь, что это правда.

Мартела пропустили через экран, чтобы проверить его слова, и он увидел, как на экране вспыхнул огонек, предупреждая о том, что в гости пожаловал сканнер, но часовой не заметил этого.

— Предупреждаю вас, что Адам Стоун вооружен. У него есть разрешение на ношение оружия во благо города и Содействия. Об этом мы предупреждаем всех, кто к нему приходит. Мартел понимающе кивнул и вошел.

Адам Стоун оказался низеньким, тучным и очень приятным человеком. Его седые волосы стояли ежиком, низкий лоб не портил румяное и веселое лицо. Он был очень похож на жизнерадостного гида из Галереи Наслаждения, но никак не на человека, который побывал на самом краю открытого космоса и победил его агонию.

Адам Стоун уставился на Мартела. Взгляд его выражал удивление, даже некоторое раздражение, но никак не враждебность. Мартел сразу пошел ва-банк:

— Вы меня не знаете. Мне пришлось солгать. Но меня действительно зовут Мартел, и я не причиню вам зла. Я солгал, потому что мне очень нужно было увидеть вас. Я знаю, что вы вооружены. Можете направить оружие прямо на меня...

Стоун улыбнулся:

— А я ведь так и делаю.

Мартел увидел пистолет в ловких пухлых руках Стоуна.

— Отлично. Держите меня на мушке. Так вы мне будете больше верить. Только прошу вас, снимите экран. Никаких сторонних наблюдателей. Это вопрос жизни и смерти.

— Чьей жизни и чьей смерти? — лицо Стоуна оставалось спокойным, голос — ровным.

— Вашей, моей и человечества.

— Вы странный человек. Ну, да ладно, — Стоун позвонил часовому. — Снимите экран, пожалуйста.

Мартел услышал легкий шум возни, а потом в комнате стало очень тихо.

Адам Стоун спросил:

— Итак, сэр, кто вы? Что вам нужно?

— Я сканнер номер тридцать четыре.

— Вы сканнер? Я вам не верю.

Вместо ответа Мартел распахнул на груди пиджак и показал свой контрольный блок. Стоун изумился. Мартел объяснил:

— Я обращен. Разве вы ничего подобного раньше не видели?

— Видел. Но я наблюдал это на животных, а не на людях. Поразительно! Чего же вы хотите?

— Правды. Ведь вы не боитесь меня?

— Только не с этим, — и Стоун показал на свой пистолет.

— Что именно вас интересует?.

— Правда ли то, что вы открыли секрет агонии космоса?

Стоун заколебался, подыскивая слова.

— Прошу вас, быстрее. У нас мало времени. Расскажите, как вы это сделали, но так, чтобы я мог вам поверить.

— Я загрузил корабли жизнью.

— Жизнью?

— Да. Я не знал, что такое великая агония космоса. Я обнаружил ее уже в ходе эксперимента. Я отправлял в космос массы животных и растений. В центре масс жизнь сохранялась. Я построил корабли — небольшие, конечно, и отправил на них кроликов, обезьян...

— Это животные?

— Да. Маленькие животные. И они возвращались живыми и здоровыми. Они оставались живы, потому что стены кораблей соприкасаясь с органической жизнью, становились непроницаемыми для убийственной силы космоса. Я испробовал многие виды животных и решил попробовать, как будут вести себя существа, живущие в воде. Я остановился на устрицах. На устричных садках. Большинство устриц погибло, но те, которые находились в центре садка, выжили. Пассажиры тоже не пострадали.

— Пассажирами были животные?

— Не только. Я тоже.

— Вы?

— Я сам находился на корабле во время эксперимента. За период полета я не только спал, но и бодрствовал. И, как видите, остался жив. Если хотите, позовите своих братьев-сканнеров и посетите мой корабль. Я буду рад принять на нем сканнеров. Завтра я буду показывать корабль Повелителям Содействия.

Мартел спросил:

— Вы действительно один пересекли открытый космос?

— Да, один, — запальчиво ответил Стоун. — Посмотрите журнал своих сканнеров, если не верите мне. Они не закупоривали меня в бутылке во время полета.

Лицо Мартела засияло:

— Я верю вам. Это правда. Слава Богу! Никаких сканнеров, никаких хаберменов больше не будет. И не нужно будет обращаться.

Стоун выразительно посмотрел на дверь, но Мартел, не понимая его намека продолжил:

— Я должен сказать вам, что...

— Сэр, скажете мне утром. Наслаждайтесь своей общенностью. Разве это не приятно?

— Да, это очень приятно. Это ощущение нормальности — на некоторое время. Но послушайте. Сканнеры поклялись уничтожить вас и ваше открытие.

— Что?!

— Они собрались вместе, проголосовали за вашу смерть и поклялись привести приговор в исполнение. Ведь благодаря вашему открытию Человечество не будет больше нуждаться в сканнерах. Значит, сканнеры будут жить напрасно. Адам Стоун заволновался, но взял себя в руки:

— Вы сканнер. Вы собираетесь убить меня... или пытаться?

— Поймите же наконец, я предал Братство. Берегите себя. Позовите охрану, когда я уйду. Я постараюсь задержать того, кому поручили вас убить.

И тут Мартел увидел в окне пятно. Пятно материализовалось и приняло облик Парижански. Мартел понял, что Парижански запрограммирован на экстра-скорость. И не думая о своей общенности, Мартел сунул руку в контрольный блок и настроил себя на ту же экстра-скорость. Волны огня — точь-в-точь как при великой агонии, но еще горячее — захлестнули его. Он напрягся и повернул лицо к Парижански так, чтобы тот сумел прочитать по его губам: "Экстренный случай".

Стоун медленно отступал, а Парижански одними губами беззвучно произнес:

— Уйди с дороги! Я выполняю приказ!

— Я знаю. Но я не пушу тебя. Не пушу. Открытие Стоуна необходимо спасти.

Мартел с трудом читал по губам Парижански — боль застилала ему глаза. Он думал: "Боже! Помоги мне! Дай мне выдержать эту перегрузку!"

Парижански тем временем настаивал:

— Уйди! Не препятствуй выполнению решения Братства.

Он подал знак: “Я выполняю свой долг. Нуждаюсь в помощи”.

Мартел задыхался, хватая ртом воздух. Он попробовал в последний раз:

— Парижански, друг, друг мой, остановись. Остановись!

“Никогда еще сканнер не убивал сканнера”, — пронеслось у него в мозгу.

Парижански подал знак: “Ты непригоден для исполнения своего долга. Я принимаю исполнение на себя.”

Мартел подумал: “Впервые! За всю историю Братства!” — и, бросившись к мозговому подблоку Парижански, поставил регулятор в положение “Перегрузка”. Глаза Парижански расширились от ужаса: он понял. И тут же начал оседать на пол.

Мартелу все же хватило сил дотянуться до своего собственного контрольного блока. Он не знал, сможет ли отключить экстраскорость. Действуя вслепую, он мог убить себя, подвинув регулятор к отметке “Смерть”. Ему хотелось крикнуть: “Сканнеров! Позовите сканнеров! Помогите!..” Но на него упала ночь. И тиски абсолютной тишины сжали мозг.

Очнувшись, Мартел увидел лицо Люси. Он широко раскрыл глаза и обнаружил, что слышит (слышит!) ее счастливый плач, ее дыхание. Он слабо произнес:

— Еще обращен? Жив?

И тут второе лицо всплыло рядом. Лицо Адама Стоуна. Мартел настроился читать по его губам, но не смог. И вдруг понял, что слышит голос Адама Стоуна:

— ... Не обращен. Понимаешь? Не обращен!

Мартелу хотелось крикнуть: “Но я слышу! Я ощущаю!”. У него ничего не получилось, но они поняли его без слов.

Адам Стоун заговорил снова:

— Вы прошли обратное превращение. Из сканнера в человека. Вы первый! Я не представлял, как это получится, но теория сработала. Вы все думали, что Содействие

выбросит сканнеров на свалку? Конечно, нет, вы все станете людьми. Лишь хабермены будут умирать по мере возвращения из полетов. Они больше не нужны. А сканнеров мы сделаем людьми. Понимаете? Вы стали первым. Успокойтесь, пожалуйста.

Адам Стоун улыбнулся. За ним промелькнуло лицо одного из Повелителей Содействия. Оно тоже светилось улыбкой. Потом оба исчезли. Мартел попытался сканировать себя, но не смог. Люси смотрела на него с любовью и нежностью:

— Любимый, мы снова вместе! Ты вернулся!

Мартел провел рукой по груди в поисках своего контрольного блока. Там ничего не было. Блок исчез. Он стал человеком. И остался жив.

Едва успокоившись, Мартел заволновался снова. Еще одна мысль встревожила его. Он хотел было написать — ведь Люси любила, когда он писал, а не ревел, — но не обнаружил у себя ни сканнерского пальца, ни блокнота. Тогда он заговорил:

— А сканнеры?

— Да, милый, что?

— Что со сканнерами?

— Со сканнерами? У них все в порядке. Некоторых остановили, когда они пытались бежать, включив экстраскорость. Содействие обнаружило их всех, и они сейчас счастливы. Ты, знаешь, милый, — она засмеялась, — многие не хотели становиться людьми. Но Стоун и Содействие убедили их.

— А Вомакт?

— У него все отлично. Сейчас он обращен и скоро превратится в человека. Он уже вел переговоры в Содействии о новой работе для сканнеров. Вы будете верховными представителями человечества в космосе. Правда, хорошо? А Вомакт будет над вами главным. Сканнеры будут водить корабли в космос, и ваше Братство не исчезнет. А сейчас обратное превращение проходит Чанг. Скоро ты его увидишь.

Вдруг ее лицо помрачнело. Она взглянула на него озабоченно и сказала:

— Я должна признаться тебе. Ты же все равно будешь спрашивать. Один несчастный случай все-таки произошел.

Но только один. Твой друг забыл просканировать себя в нужную минуту и умер от перегрузки.

— Мой друг?

— Да. Твой друг... Парижански.

Он силился вспомнить, каким он был, когда у него еще не было блока хабермена, когда он был подвержен буре эмоций, которые мозг поставляет в тело, а тело — в мозг. Тогда он не умел сканировать. Он не был сканнером.

Мартел уже знал, что поразило его.

ПОДВИГ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАПИТАНА СУЗДАЛЯ

New York 1972

Не читайте этот рассказ — быстро переверните страницы. Он может расстроить вас. И потом вы, скорее всего, уже знаете эту историю. Это очень печальная и очень известная история. О подвиге и преступлении капитана Суздаля уже писали тысячу раз. Но не думайте, что все это правда.

Это неправда. Здесь правды нет ни капли. Нет планеты под названием Аракозия, нет людей, которых называют клопами, нет Кэтляндии — мира, населенного кошками. Все это чистейший вымысел. И ничего подобного никогда не происходило. Забудьте об этом и почитайте что-нибудь другое.

НАЧАЛО

Капитана Суздаля послали исследовать самые отдаленные уголки нашей Галактики. Его корабль назывался крейсером, но он был единственным человеком на борту. Суздаля снабдили гипнотическими веществами, чтобы создать иллюзию человеческого окружения, иллюзию большого дружеского коллектива, который в любой момент мог возникнуть в его сознании. Содействие даже предложило ему выбрать себе воображаемых товарищей, каждый из которых был помещен в маленький керамический куб, содержащий мозг какого-нибудь небольшого животного. Этот мозг был превращен в копию реально существовавшей человеческой личности.

Суздаль, коренастый человек небольшого роста с веселой улыбкой на лице, был непреклонен, когда начался разговор о снаряжении корабля:

— Мне нужны два хороших офицера безопасности. Я умею управлять кораблем, но если столкнусь с чем-то непонятным, мне нужна будет помощь.

Офицер, отвечавший за погрузку корабля, улыбнулся:

— Я никогда не слышал, чтобы капитанам крейсеров нужна была помощь офицеров безопасности. Считается, что они совершенно бесполезны.

— Ну, — сказал Суздаль, — я так не считаю.

— Разве вам не нужны партнеры для шахмат?

— Я умею играть в шахматы. Но все, что мне нужно, — это простые компьютеры, которые начинают проигрывать, как только я уменьшаю их мощность. Если они работают на полную мощность, то всегда выигрывают.

Офицер бросил на Суздаль изумленный взгляд. Он посмотрел не то, чтобы враждебно, но с некоторой неприязнью:

— А что еще? — и в его голосе прозвучал смехок.

— У меня есть книги. Несколько тысяч. А лететь я буду всего несколько земных лет.

— Это зависит от того, куда вы попадете. Может пройти и несколько тысяч лет. Хотя время начнет совершать обратный виток, когда вы будете возвращаться на Землю. Впрочем, я не книги имел в виду, — и в голосе офицера снова прозвучал смехок.

Суздаль покачал головой, будто его что-то внезапно встревожило. Проведя рукой по своим волосам песочного цвета и глянув голубыми глазами прямо в глаза офицера, он сказал:

— Что же вы имеете в виду, если не книги? Навигаторов? У меня они есть, не говоря уже о людях-черепахах. Они — хорошая компания, если помедленнее говорить и давать им побольше времени подумать. Не забывайте, что я и раньше бывал...

Офицеру наконец надоело ходить вокруг да около:

— Женщины. Для любви. Разве они вам не нужны? Мы можем даже вашу собственную жену зарядить в куб

и настроить на вас. Она будет с вами всегда, когда вы будете просыпаться.

Суздаля посмотрел на него с отвращением.

— Элис? Вы хотите сказать, что засунете мне на корабль ее призрак? А как будет себя чувствовать настоящая Элис, когда я вернусь? И не говорите мне, что мою жену втиснут в мозг какой-то мыши. Вы мне навязываете бред сумасшедшего. Мои мозги будут качаться на огромных волнах космического времени, из-за чего я и так буду не вполне нормальным. Не забывайте, что я уже был там. А возвращение к настоящей Элис для меня — один из самых сильных стимулов, который поможет мне вернуться домой, — на этом месте голос Суздаля понизился и стал более доверительным. — И не говорите мне, что многие капитаны крейсеров хотят лететь с женами-призраками. По-моему, это просто отвратительно. Многие этого хотят?

— Мы здесь для того, чтобы обеспечить разумную загрузку вашего корабля, а не обсуждать, чего хотят, а чего не хотят другие капитаны. Иногда мы считаем полезным для капитана иметь в сопровождающих женщину, пусть и не настоящую. Иначе может случиться такое, что, встретив среди звезд нечто, напоминающее женщину, вы станете и уязвимым.

— Женщину? Среди звезд? Глупости!

— Иногда случаются странные вещи...

— Но не те, о которых вы говорите. Боль, безумие, искривление пространства и времени, паника, помешательство на еде — да, все это может случиться и обязательно случится. Но женщины — нет. Их там нет. Я люблю свою жену и не могу придумать себе других женщин. В конце концов, у меня есть черепахи, а они будут постоянно давать потомство. У меня будет возможность наблюдать их семейную жизнь и принимать в ней участие. Маленьким я даже буду устраивать рождественские вечера.

— Что это за вечера? — удивился офицер.

— Просто смешной древний ритуал, о котором я слышал от одного пилота. Вы дарите всем малышам подарки — раз в год; конечно, в зависимости от того, что считается годом.

— Неплохо, — голос офицера звучал устало. — Вы все-таки отказываетесь от женщины на борту? Вам ведь не придется активировать ее, пока не возникнет потребность.

— Вы ведь сами не летали?

Офицер покраснел и ровным тоном произнес:

— Нет.

— Вам нужно прежде всего думать о корабле. Я человек жизнерадостный, очень дружелюбный. Давайте-ка я буду уживаться со своими черепахами. Они не очень-то подвижны, но разумны и надежны. Две тысячи лет — это не так уж и мало. Никаких решений я больше принимать не буду. Мне достаточно забот с управлением, оставьте меня с моими черепахами.

— Суздаль, вы капитан, и вам решать.

— Отлично. Вы, может, исполняя служебные обязанности, перевидали здесь немало странных типов, но я не отношусь к ним.

Мужчины улыбнулись друг другу, и загрузка корабля закончилась.

Корабль вели черепахи, которые, как известно, очень медленно старятся. И пока Суздаль следовал по внешнему краю Галактики, преодолевая в своем холодильнике тысячелетия галактического времени, черепахи размножались, учили свое потомство управлять кораблем, рассказывали им о Земле, которую они уже никогда не увидят, обрабатывали данные компьютеров и будили Суздаля только тогда, когда возникала необходимость во вмешательстве человека. Суздаль просыпался время от времени, делал свою работу и снова засыпал. Ему казалось, что в космосе он не более нескольких месяцев.

Месяцев! Он был в полете уже более десяти тысяч галактических лет, когда натолкнулся на капсулу-Сирену.

Внешне это была обыкновенная капсула, несшая в себе сигнал бедствия. Такие часто посылают в космос, чтобы сообщить о постигшем человека среди звезд несчастье. Эту капсулу, очевидно, послали издалека, и от нее Суздаль услышал историю Аракозии.

История эта была лживой. Умы целой планеты — гении злобного и несчастного народа — работали над

проблемой: как заманить в ловушку пилота со Старой Земли. Свою историю капсула пела удивительным контраalto, и этот голос ассоциировался с образом прекрасной и яркой женской индивидуальности. Суздаль слушал ее рассказ, и он звучал как оркестровый фрагмент великой оперы.

Сейчас все знают правду об Аракозии, страшную историю планеты, которая была раем, а превратилась в ад. Историю о том, как люди, по сути перестали быть людьми.

Он бы, конечно, улетел, если бы знал правду. Но он не понимал тогда того, что понимаем сейчас мы.

Людям нельзя было встречаться с ужасным народом Аракозии, который стремился только к одному: найти землян, попасть вместе с ними на Землю и принести человечеству самое большое горе, которое может быть, самое страшное безумие, которое может существовать, чуму, которую вряд ли можно сравнить с "черной смертью" XIV века. Аракозийцы стали нелюдьми, но все же по способу мышления они остались людьми. Они славали песни, прославлявшие свою метаморфозу, песни, восхвалявшие то ужасное, чем они стали, но все же в их песнях и балладах всегда повторялась одна и та же строчка:

"Я оплакиваю человеческий род..."

Аракозийцы знали, что они собой представляют, и не навидели себя. И в своем несчастье они винили человечество.

Содействие приняло надежные меры предосторожности против аракозийцев. Оно опутало сетями обмана весь тракт края Галактики, чтобы этот народ никогда не нашел нас. Содействие охраняет все миры человечества. Метаморфоза, постигшая Аракозию, никогда не обрушится на людей. Пусть аракозийцы охотятся на людей. Им нас никогда не найти.

Но разве мог знать об этом Суздаль?

Это был первый случай встречи с аракозийцами, и решающим здесь оказался чудный голос сирены, певшей о страданиях обитателей неизвестной планеты на чистейшем ста-

ром человеческом языке. В сущности, история, о которой пел удивительный голос, была очень проста. Такой ее услышал Суздаль, и такой она дошла до нас с тех давних времен.

Аракозийцы были переселенцами. Переселенцы могли посылать в космос небольшие суда, разбрасывавшие на пути следования свои контейнеры-ловушки. Это был один из их способов охоты на людей.

Второй способ заключался в том, что охотниками становились пилоты аракозийцев, управлявшие плосколетами и способные с борта корабля многократно выходить в открытое пространство.

А на очень больших расстояниях использовался третий способ. Контейнеры-ловушки запаковывались в гигантские суда типа корабля Суздаля. И пока аракозийцы спали в своих холодильниках, а приборы управляли кораблем, лишь время от времени по мере необходимости поднимая своих разумных живых сопровождающих, корабль неся со скоростью света вперед, преодолевая гиперпространство и устремляясь к выбранной цели. Только очень храбрые аракозийцы отваживались на подобные полеты. Ведь если цель полета не достигалась, приборы прокладывали новый курс, и корабль мог остаться в космосе навечно. В этом случае тела замороженных аракозийцев постепенно разрушались, и из них уходила жизнь.

Корабли-контейнеры были созданы человечеством в связи с тем, что ни Старая Земля, ни дочерние планеты не могли справиться с темпами роста населения. На борта таких кораблей всходили отважные романтики, иногда даже преступники. Человечество неоднократно теряло из поля зрения эти корабли. Исследователи-первопроходцы в самых отдаленных уголках мироздания, где находились планеты, подобные Земле, не раз натыкались на целые города и культуры, малоразвитые и высокоразвитые, племена и роды, которые вели свое начало от экипажей кораблей-контейнеров, падавших на планету, как огромные умирающие насекомые, и создававших новый мир, новых мужчин и женщин.

Аракозия оказалась планетой, вполне приемлемой для жизни людей, которые высадились на ней: прекрас-

ные пляжи с отвесными скалами, напоминавшие бесконечные ривьеры Земли, две ярких луны в небе, и недалеко от них — солнце. Приборы предварительно взяли пробы воздуха и воды и рассеяли по планете образцы жизни Старой Земли, чтобы люди, проснувшись после своего долгого сна, услышали пение птиц и увидели в океанах в огромном количестве привычную их взору рыбу. Жизнь, казалось, обещала быть прекрасной и безбедной. Все шло отлично.

Все шло действительно отлично. Эта часть истории, которую пропела сирена, была правдой. Но отсюда начинается неправда.

Капсула ничего не рассказала об ужасной, плачевной судьбе Аракозии. Голос, телепатически исходивший от капсулы, был теплым, счастливым и принадлежал женщине зрелой, обладавшей великолепным контролем.

Суздаль даже представил себе ее, настолько реальной она ему казалась. Откуда он знал, что его обманывают, заманивают в ловушку?

Голос звучал очень, очень правдиво:

“А потом на нас обрушилась аракозийская болезнь. Не высаживайтесь на этой планете! Держитесь от нее подальше. Но поговорите с нами. Расскажите, что вы знаете о способах лечения. Наши дети умирают без причины. Наши фермы полны скота, а пшеница дает еще большие урожаи, чем на Земле. И персики наши налиты соком больше, чем земные, и цветы наши белее. Все прекрасно — но люди умирают. Умирают дети...” — и голос перешел в рыдания.

“Есть ли какие-то симптомы?” — успел подумать Суздаль, а голос уже отвечал, как будто заранее знал вопрос:

“Они просто умирают — и все. Наши медицина и наука бессильны. Они умирают. Население резко уменьшается. Люди, не забывайте нас! Человек, кем бы ты ни был, быстрее, быстрее, постарайся помочь нам! Но ради своего же блага, не высаживайся на планете! Понаблюдай за нами и поскорее передай людям, что потерявшиеся среди звезд дети человечества умирают!”

Как странно все это было!

Но правда была еще более странной и страшной. Суздаль безоговорочно поверил в правдивость рассказа. Ведь

он был послан в этот полет, потому что был добрым, храбрым и умным человеком, а призыв, который он услышал, вызвал ко всем этим качествам.

Позже, намного позже, когда он был арестован, его спросили:

— Суздаль, идиот, почему же ты не проверил эту информацию? Ты рисковал безопасностью всего человечества ради какого-то дрянного голоса!

— Но голосок не был дрянным. Капсула пела печальным, удивительным женским голосом, и информация была проверена.

— Кем? — вяло спросил следователь.

Суздаль ответил усталым и тоскливым голосом:

— Я проверил ее по своим книгам. Кроме того, я исходил из собственного опыта, — и неохотно добавил: — Это было мое собственное мнение.

— И что, верным оно оказалось?

— Нет, — признал Суздаль, и это единственное слово повисло в воздухе, как будто было последним, которое он сказал в своей жизни. Но сам же Суздаль и прервал свое дальнейшее молчание: — Прежде чем проложить курс и отправиться спать, я активировал своих офицеров безопасности и дал им задание проверить информацию. Они добыли мне настоящую историю Аракозии. Они расшифровали ее по тем же сигналам бедствия, которые подавала капсула, и выдали мне ее, как только я проснулся.

— И что же ты сделал?

— Делать что-либо было уже поздно. Аракозийцы уже ждали меня. Они захватили мой корабль. Ну, откуда мне было знать, что та история, которую рассказал удивительный женский голос, была правдивой только наполовину? И не женщина это была совсем, а клопт.

Дела у аракозийцев шли первые двадцать лет отлично. А потом на них обрушилось несчастье, о котором так и не поведала капсула.

Они не могли ничего понять. Они не знали, почему это произошло с ними. Они не знали, почему для того, чтобы это случилось, понадобилось двадцать лет, три месяца и четыре дня. Но их час пробил.

Очевидно, что-то произошло с солнечным излучением. Или, может быть, сочетание какого-то особого солнечного

излучения и химии, чего даже приборы корабля-контейнера не смогли полностью идентифицировать. Но произошло несчастье. Оно было простым и совершенно непреодолимым.

У них были врачи. У них были больницы. У них даже проводились научные исследования. Но они не могли предотвратить чудовищную катастрофу.

Все женщины планеты стали генетически предрасположенными к раку. Опухоли у них начали развиваться на губах, груди, в женских органах. Что-то произошло с солнечным излучением, которое проникло внутрь человеческого организма и превратило присущий женскому организму дезоксикортикостерон — в вещество, неизвестное на Земле, — прегнандиол — неминуемо вызывавшее рак. Все произошло очень быстро.

Маленькие девочки начали умирать первыми. Женщины с рыданиями цеплялись за своих отцов и мужей. Матери прощались с сыновьями.

Одна женщина-врач оказалась очень сильным человеком. Она безжалостно срезала живую ткань со своего собственного тела, рассмотрела ее под микроскопом, взяла анализы своей мочи, крови, слюны. Но даже ее мужественные исследования ничего не дали.

Ясно было только одно: солнце Аракозии убивает все женское: женские особи рыб всплывали на поверхность воды животами вверх, птицы-матери, сидевшие на насесте, заводили пронзительную дикую песнь, прежде чем умереть, самки животных выли и рычали от боли в берлогах, куда прячутся перед смертью. Но женщины человеческого рода не могут принимать смерть так же покорно, как животные.

Врача звали Астарта Краус.

ИСТОРИЯ КЛОПТОВ

Женщины были способны гораздо на большее, чем самки. Они могли стать мужчинами. С помощью судового оборудования в огромных количествах был приготовлен тестостерон, и все оставшиеся к тому времени в живых де-

вочки и женщины были превращены в мужчин. Им было сделано большое количество впрыскиваний. Лица их огрубели, они все немного выросли, их грудь стала плоской, а мускулы — сильными. Менее чем через три месяца это были уже настоящие мужчины.

Некоторые низшие формы жизни на планете выжили, потому что не имели четкого деления на мужские и женские особи. Погибли многие растения, рыбы и птицы, но выжили насекомые: стрекозы, бабочки, мутировавшие формы кузнечиков, жуки и другие козявки — ими кишела вся планета.

Мужчины, потерявшие жен, бок о бок трудились с мужчинами, которые когда-то были женщинами. И когда они узнавали друг друга, встреча была безрадостной: муж и жена, оба бородатые, сильные, агрессивные, отчаявшиеся и уставшие. Мальчики постепенно привыкали к мысли, что у них нет матерей и не будет возлюбленных, жен, дочерей.

Но что могло остановить растущий интеллект и мятущуюся мысль доктора Астарты Краус? Она стала вождем своего народа — настоящих мужчин и мужчин-женщин. Она хладнокровно просчитывала все возможности, поставив перед собой одну цель: сохранение человеческого рода на Аракозии любой ценой.

Если бы она умела по-настоящему сочувствовать этим людям, может быть, лучше бы дала им умереть. Но такова была природа доктора Краус — женщины незаурядной и отбросившей все сантименты перед лицом безжалостного мира. Перед смертью она успела разработать тщательно продуманную генетическую программу. Небольшие срезы здоровых тканей хирургическим путем имплантировались в брюшную полость мужчин. Созданная таким способом искусственная матка позволила мужчинам с помощью искусственного осеменения, радиации и нагревания рожать детей-мальчиков. Какой смысл был в том, чтобы воспроизводить девочек, если они все равно умирали?

Народ Аракозии продолжал свой путь. Первое поколение, при котором произошла трагедия, наполовину обезумело от горя и разочарования. Аракозийцы послали в космос свои первые капсулы, понимая, что Земля

узнает о них только через шесть миллионов лет. Переселиться на какую-либо другую планету, пригодную для жизни, они не могли. Ведь по политическим соображениям Старая Земля снабжала исследовательские экипажи лишь самым необходимым минимумом оборудования, боясь, что те могли со временем создать крупные агрессивные империи, попытаться вернуться и уничтожить Землю. Земля хотела всегда быть уверенной в своих преимуществах.

Последующие поколения Аракозии все еще были людьми. Но все они были мужчинами. Они сохранили человеческую память, книги, они знали слова “мама”, “сестра”, “любимая”, но уже не понимали их значений.

Человеческое тело, формировавшееся четыре миллиона лет на Земле, имеет огромные внутренние ресурсы, о которых человек, как правило, не подозревает. Тела аракозийцев решили проблему сами. Так как все женское означало смерть и любая случайно родившаяся девочка появлялась на свет уже мертвой, тела приспособились. Мужчины Аракозии стали одновременно мужчинами и женщинами. Они дали себе уродливую кличку “клопт”. Не зная радостей семьи, они превратились в самодовольных петухов, не видящих разницы между любовью и убийством, песней и дуэлью, постоянно точащих свое оружие, чтобы установить свое государство.

Менее чем за четыре столетия аракозийцы превратились в общество воюющих кланов. Их наука, литература и искусство развивались странным путем, потому что они утратили человеческую психику, не знали отношений между мужчиной и женщиной, любви и семьи. Они выжили, но сами стали чудовищами и не осознавали этого.

На основе сохранившихся у них воспоминаний о человечестве они создали легенду о Старой Земле. Женщина согласно этой легенде была существом, с которым связана метаморфоза, — поэтому ее следовало уничтожать. Семья им представлялась чем-то грязным и омерзительным.

Сами они были бородатыми, обвешанными серьгами гомосексуалистами с накрашенными губами и копытами во-

лос. Среди них было очень мало пожилых мужчин. Они убивали друг друга еще до того, как успевали состариться. То, чего они были лишены, не зная любви, спокойствия и уюта, компенсировалось радостью вечных столкновений и побед над врагом. Они слагали песни, в которых провозглашали себя последними стариками и первыми юношами клана, пели о своей ненависти к человечеству, с которым они мечтали встретиться, и никогда не забывали свою любимую песню: "Горе Земле, когда встретится с нами". Но все же что-то из глубины души подсказывало им другие слова: "Я оплакиваю человеческий род..."

Они оплакивали человечество, но готовились к нападению на него.

ЛОВУШКА

Итак, капитан Суздаль был обманут голосом капсулы. Он залег спать, отдав черепахам приказ найти Аракозию, где бы она ни была. Он сделал это, будучи в здравом рассудке. Это было обдуманное решение. Решение, за которое его позже судили и справедливо приговорили к наказанию, худшему, чем смерть.

Он этого заслуживал.

Он искал Аракозию, не удосужившись вспомнить о самом главном: как ему удастся удержать аракозийцев, этих поющих монстров, когда они устремятся к Земле? А вдруг они несут в себе заразную болезнь? А вдруг их жестокое сообщество обрушится на Землю и уничтожит ее миры? Он не подумал об этом, за что его потом судили и наказали. Мы еще дойдем до этого.

ПРИБЫТИЕ

Суздаль проснулся, когда его корабль был на орбите Аракозии. Он проснулся, уже зная, что сделал ошибку. Странные корабли заблокировали крейсер, сжав его цеп-

кими щупальцами. Он приказал черепахам включить управление, но оно не работало.

Те, кто находились снаружи: мужчины или женщины, звери или боги, — имели достаточно технических знаний, чтобы парализовать его корабль. Суздаль сразу же понял, какую глупость он совершил, но было уже поздно. Естественно, он немедленно подумал о самоуничтожении, но побоялся, что, если он, уничтожив себя, не сумеет полностью уничтожить корабль, тот попадет в руки противника, а корабль был оснащен оружием последних моделей. Он не мог рисковать. Ему предстояло принять более рациональное решение. И в тот момент он не думал о земных предписаниях.

Его офицер безопасности — призрак из куба, немедленно принявший образ человека, — прошептал ему короткую информацию:

— Это люди, сэр, более настоящие, чем я, являющийся лишь призраком, отблеском умершего мозга. Это настоящие люди, капитан Суздаль, но они самые плохие люди из всех живущих среди звезд. Вы должны уничтожить их, сэр!

— Я не могу, — возразил Суздаль, все еще окончательно не придя в себя. — Ведь это люди.

— Тогда отбейте их нападение. Любыми путями, сэр, любыми путями. Спасите Землю. Остановите их. Предупредите Землю.

— А что будет со мной? — спросил Суздаль и сразу же пожалел о своем эгоистичном вопросе.

— Вы умрете или понесете наказание, — сообщил офицер безопасности, и в голосе его прозвучало сочувствие. — Но я не знаю, что для вас лучше. Имейте в виду, у вас нет времени. Совсем нет времени.

— А предписания?..

— Вы и так не слишком точно следовали им.

Предписания на такой случай существовали, но Суздаль их проигнорировал.

За бортом корабля был кошмар, замешанный на человеческой плоти и человеческих мозгах. Мониторы уже подавали Суздалью подробную информацию об этих существах — страшных монстрах, никогда не знавших женщин, агрессивных чудовищах, структура семейных отношений

которых была настолько странной, что ее не смог бы понять и принять человеческий мозг. Те, кто были снаружи, оказались людьми и нелюдьми одновременно. Они обладали человеческим мозгом, человеческим воображением и человеческими пороками, но все же Суздаль, храбрый капитан, был так напуган их ужасной природой, что не мог пойти на контакт с ними, как они того добивались.

Суздаль ощутил и страх своих черепашек-женщин, которые уже поняли, кто обрушил свой удар на их корабль и кто пел свои воинственные песни, пытаясь проникнуть внутрь корабля.

Да, Суздаль совершил преступление. Особой гордостью Содействия является то, что оно позволяет иногда людям совершать преступления, ошибки, самоубийства. Чтобы человек не утратил лучшие человеческие качества, оно оставляет ему возможность выбора.

Содействие наделяет своих эмиссаров тайными знаниями, которые обыкновенный человеческий мозг не в состоянии усвоить, сообщает им секретные сведения, которые запрещено передавать обыкновенным мужчинам и женщинам. Ведь офицеры Содействия нередко должны принимать неординарные решения ради безопасности человечества.

Суздаль углубился в арсенал своих знаний. Большая из лун Аракозии оказалась пригодной для жизни. Он увидел, что на ней имеются растения и насекомые, похожие на земных. Аракозийцы просто не потрудились обратить внимание на свою луну. Он в последний раз затребовал информацию у компьютеров:

— Дайте мне ее возраст!

— Более тридцати миллионов лет, — пропела в ответ машина.

У Суздаля на корабле хранились в крошечных капсулах сперматозоиды и яйцеклетки земных животных, которые могли быть воспроизведены в любой момент. У Суздаля были также небольшие разбрызгиватели для распространения живых организмов на новой планете.

Он взял из капсулы, в которых были помещены будущие кошки — восемь пар, шестнадцать земных домашних

кошек, тех, которые всем нам хорошо известны, которых разводят иногда для использования в телепатии, иногда для того, чтобы их можно было взять в полет, где они могут сослужить человеку отличную службу как дополнительное оружие защиты.

Суздаль закодировал в них информацию, которая должна была дойти до чудовищ-аракозийцев. Вот что это была за информация:

Не сохраняйте чистоту своей породы.

Разработайте основы новой химии жизни.

Станьте цивилизованным народом.

Когда человек позовет вас, будьте готовы.

Сделайте шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед.

Служите человеку.

Информация была внедрена в мозг животных на молекулярном уровне. Теперь родившиеся кошки будут нести в себе заряды генетического и биологического кодирования. Вот тут Суздаль и нарушил законы Земли. У него на борту было хронопатическое устройство — временной деформатор, который мог быть использован в случае, если уничтожение корабля нужно было задержать на одну-две секунды.

А бесполые существа Аракозии тем временем уже пробились корпус крейсера. Он слышал их высокие гикающие голоса, вопли восторга от предвкушения встречи со своими возжеланными врагами — первыми чудовищами со Старой Земли, которые они, наконец, захватили и которым они, наконец, отомстят.

Суздаль сохранял спокойствие. Он закодировал кошек. Он загрузил их в разбрызгиватели. Он использовал хронопатическое устройство так, как его было запрещено ис-

пользовать: вместо того, чтобы вернуть корабль на секунду назад, он зашвырнул контейнер на два миллиона лет назад. На безымянную луну Аракозии.

КЭТЛЯНДИЯ, СОЗДАННАЯ СУЗДАЛЕМ

И кошки полетели. Их капсулы засверкали всеми цветами Земли в голом небе Аракозии. Их небольшая эскадра атаковала врага. Кошки, за минуту до этого еще не существовавшие, но хранившие в себе информацию о своей двухмиллионной истории и подлинном назначении, превратились в людей — с речью, интеллектом, и готовностью выполнить свой долг перед человеком. Они должны были спасти Суздаля и обрушиться на Аракозию.

В их капсулах-кораблях раздавались воинственные кличи: “Пришел день, предначертанный нам судьбой! И кошки идут войной на Аракозию!”.

Аракозийцы ждали этой битвы четыре тысячи лет и дождались ее. Кошки атаковали их. Некоторые атакующие служили Суздалю специальными передатчиками: “О Бог, Создатель всего сущего, Повелитель Времени, Отец Жизни, мы долго ждали, чтоб повиноваться Тебе, служить Твоему Имени, Твоей Славе! Мы будем жить для Тебя и умрем за Тебя! Мы Твой народ”.

Суздаль кричал, передавая им приказы:

— Победите клоптов, но не убивайте их всех! Преследуйте их, остановите их, дайте мне уйти!

Он швырнул свой крейсер в гиперпространство и исчез. Ни кошки, ни аракозийцы не последовали за ним.

Вот и вся история, но трагедия Суздаля в том, что он вернулся на Землю. И аракозийцы все еще там, и кошки все еще там. Может, Содействие и знает, чем все это кончится, а может, и не знает. У человечества нет желания встречаться с ними. Создание форм, более развитых, чем человек, совершенно противозаконно. Может, кошки и являются такими формами. Может, кто-то и знает, победили ли аракозийцы кошек, уничтожили ли их или же, овладев их знаниями, ищут нас теперь повсюду, чтобы найти и наказать. А может, победили кошки. Может, они до сих пор

живы со своей странной миссией и прозрачными надеждами на служение людям, которых не знают. Может, они думают, что все мы аракозийцы и им следует подчиняться только одному капитану крейсера, которого они уже никогда не увидят. А они никогда не увидят Суздаля, ведь мы знаем, что с ним произошло.

СУД НАД СУЗДАЛЕМ

Суздаля судили публично на огромной сцене. Ход процесса записывался на пленку.

Капитан сунулся туда, куда не следовало. Он полетел к аракозийцам, не запросив никаких указаний у Земли. Зачем он вмешался в чужие судьбы? Какое ему было дело до Аракозии?

И потом эти кошки!

Его хронопатическое устройство зашвырнуло маленькие разбрызгиватели на мокрую поверхность большой луны Аракозии. Закодировав на молекулах кошачьего мозга приказание выжить, создать свою цивилизацию и в нужный момент прийти к нему на помощь, он менее чем за секунду земного времени создал целый новый мир — мир необычных живых существ кошачьего происхождения, но подобных людям, мир со своей историей в два миллиона лет.

Суд лишил Суздаля имени, объявив:

— Вас больше никогда не будут называть Суздалем.

Суд лишил Суздаля его звания:

— Вы больше никогда не будете капитаном этого или какого-нибудь другого космического корабля — ни Империи, ни Содействия.

Суд лишил Суздаля жизни:

— Вы больше не будете жить, бывший капитан Суздаля.

И наконец, суд лишил Суздаля смерти:

— Вы полетите на планету Шеол, место величайшего позора, откуда никто не возвращается. Вы полетите туда, сопровождаемый ненавистью и презрением человечества. Мы не будем вас убивать. Мы просто ничего не хотим

больше о вас знать. Вы будете жить, но для нас вы перестанете существовать.

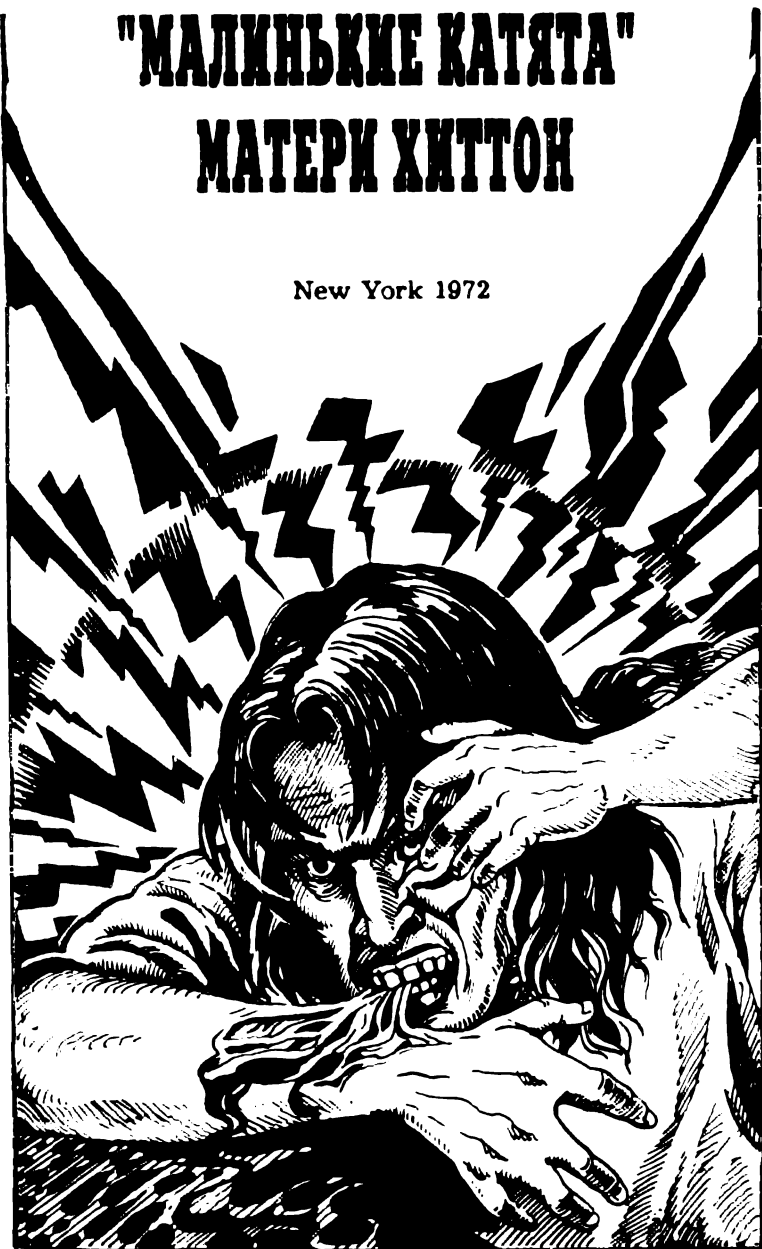
Вот и вся история. Очень печальная история. Теперь Содействие пытается ободрить самые разные отряды человечества, утверждая, что все это не правда, а простая легенда. Может быть! Но может, где-то безумные клопты Аракозии даст жизнь своим мальчишкам, вскармливая их молоком войны, — поколениям мужчин, которые всегда знали только отцов и никогда — матерей. А может, аракозийцы все еще воюют с умными кошками, которые слепо служат неведомому им человечеству.

Вот и вся история.

Но все это — неправда.

"МАЛИНЬКЕ КАТЯТА" МАТЕРИ ХИТТОН

New York 1972

*Плохие взаимоотношения
удерживают от воровства;
Хорошие взаимоотношения
способствуют воровству;
Отличные взаимоотношения
уничтожают воровство.*

Ван Браам

I

Луна стремительно двигалась по небу. Женщина наблюдала. В ее функции входило наблюдение за лунным экватором. Это была Мать Хиттон — хозяйка всего оружия Старой Северной Австралии.

Мать Хиттон была румяной жизнерадостной блондинкой неопределенного возраста. С голубыми глазами, тяжелой грудью, сильными руками. Она походила на мать семейства, но единственный ребенок, которого она родила, умер много поколений назад. Теперь она был матерью планеты, а не одного человека; североавстралийцы спокойно спали, зная, что она на страже. И оружие спало долгим, болезненным сном.

В эту ночь она уже двухсотый раз бросала взгляд в сторону берега. На берегу было тихо. Огни, предупреждавшие об опасности, не светились. Но она чувствовала, что враг где-то притаился: враг, ожидающий возможности наброситься на нее и на ее планету, обрушиться на богатство североавстралийцев, — и она в нетерпении хрипела: “Давай же, давай, малыш, иди навстречу своей смерти, не заставляй меня ждать!”

Она улыбнулась, внезапно осознав, до чего смешны ее мысли.

Она ждала его.

А он об этом не знал. Он, вор, слишком расслабился. Звали его Бенджакомин Бозарт, и он был очень искусен в деле релаксации.

Никто здесь, в Сунвале на Тьоле, не подозревал о том, что он старший хранитель гильдии воров, вознесшийся под светом этой ярко-фиолетовой звезды. Никто не чувствовал запаха Вьолы Сидерии, исходившего от него. "Вьола Сидерия, — как-то сказала повелительница Ру, — когда-то была прекраснейшим из миров, а теперь превратилась в самый отвратительный. Ее народ раньше был образцом для человечества, а теперь это воры, лгуны и убийцы. И запах душ этих людей хорошо чувствуется". Повелительница Ру умерла очень давно. Ее очень уважали, но она была неправа. От вора не исходило никакого запаха. И он знал это. Он был не более "неправ", чем акула, приближающаяся к треске. Смысл жизни живых существ в том, чтобы жить, и его научили жить так, как он жил: в погоне за жертвой.

А как иначе он мог жить? Вьола Сидерия давно обанкротилась — еще в те времена, когда из космоса исчезли фотонные паруса и по звездным путям начали ходить плосколеты. Его предки остались умирать на планете, лежавшей вдали от звездного тракта. Но они не хотели умирать. Экология на их планете изменилась, и сами они стали хищниками, охотившимися на человека, — хищниками, в которых ожили их первоначальные дикие инстинкты. И он, вор, был самым лучшим среди них.

Его звали Бенджакомин Бозарт. Он поклялся обокрасть Старую Северную Австралию или умереть, но умирать он не собирался.

Пляж в Сунвале радовал теплом и уютом. Тьоле была обычной свободной транзитной планетой. Его оружием была удача и он сам: он верил и в то и в другое. Североавстралийцы умели убивать. Но и он тоже.

Сейчас на этом чудесном пляже он был счастливым туристом. Но где-то еще, в какое-то другое время, он мог бы быть хорьком среди кроликов, ястребом среди голубей.

Бенджакомин Бозарт не знал, что кто-то поджидает его. Кто-то, не знающий его имени, готовился разбудить

смерть — и притом только для него. Он все еще пребывал в неведении.

Но Мать Хиттон не была в неведении. Она хорошо учуяла его, но пока не могла обнаружить. Одно из ее орудий зафыркало, но она успокоила его.

А за тысячи звезд отсюда Бенджакомин Бозарт шел по пляжу и улыбался счастливой улыбкой.

II

Бенджакомин действительно чувствовал себя туристом. Его загорелое лицо выражало спокойствие. И гордые, скрытые за темными очками глаза тоже были спокойными. Его красивый рот, даже не тронутый улыбкой, таил в уголках нечто привлекательное. Бозарт очень неплохо смотрелся — и это ничуть не странно: ведь он выглядел значительно моложе своего возраста. И он шел по прекрасному солнечному пляжу Сунваля.

Волны с белыми гребнями накатывались на берег. Народ Сунваля гордился тем, что его планета очень походила на Землю. Совсем немногим из них удалось побывать в колыбели человечества, но они все немного знали историю, и на многих из них накатывалось мимолетное беспокойство при мысли о древнем правительстве, до сих пор державшем в руках власть над всеми мирами Вселенной. Им не нравилось старое Содействие Земли, но они боялись его. Волны, должно быть, напоминали им о прекрасной Земле, и ни о чем неприятном, связанном с Землей, они думать не хотели.

А при взгляде на этого человека вспоминалось все самое хорошее на Земле. Сунвалийцы не ощущали в нем силу и власть. Они беззаботно улыбались ему, когда он шел вдоль пляжа.

Атмосфера вокруг него была спокойной и безоблачной. Он повернулся лицом к солнцу и закрыл глаза. Солнечный луч ласкал его веки, как бы утешая и подбадривая.

Бенджакомин мечтал о величайшей из спланированных когда-либо краж. Он мечтал украсть добрый кусок того, что принадлежало богатейшему из миров, создан-

ных человечеством. Он думал о том мгновении, когда украденные им сокровища попадут на Вьолу Сидерию, откуда он был родом. Бенджакомин отвернулся от солнечных лучей и бросил ленивый взгляд на людей, загоравших на пляже. Североавстралийцев в поле зрения не наблюдалось; их легко узнавали повсюду, потому что это были крупные люди с румяными жизнерадостными лицами, великолепные атлеты, очень молодо выглядевшие. Он готовился к тому, чтобы совершить эту кражу, около двухсот лет. Гильдия воров Вьолы Сидерии продлила ему жизнь до такого большого срока исключительно с этой целью. Сам Бенджакомин воплощал в себе мечты своей планеты, некогда являвшейся перекрестком торговых путей, а теперь ставшей мелким аванпостом, погрязшим в грабежах и кражах.

Вдруг он увидел североавстралийку, выходявшую из отеля с явным намерением направиться на пляж. Он смотрел на нее долгим мечтательным взглядом. У него было, о чем спросить ее, но ни один взрослый австралиец не ответил бы на его вопрос. "Как смешно — подумал он, — что я называю их "австралийцы" даже сейчас, когда никто их уже так не называет — этих богатых, храбрых, выносливых людей. Воинственные дети, владеющие половиной мира... А теперь они тираны человечества. Они богаты. У них есть сантаклара, и все остальное человечество вынуждено торговать с североавстралийцами. Но я этим заниматься не буду. И моя планета не будет. Мы волки для людей".

Бенджакомин терпеливо ждал. Загоревший под лучами разных солнц, он в свои двести выглядел на сорок. Одетый обыкновенно, как одеваются туристы, он мог бы оказаться и интерпланетным коммивояжером, и крупным контрабандистом, и помощником управляющего космопортом. Он мог бы быть даже детективом, работающим в области межпланетной торговли. Но он не был никем из них.

Он был вором, и притом таким искусным вором, что люди сами отдавали то, чем владели, этому спокойному, уверенному, сероглазому и светловолосому человеку. Бенджакомин ждал. Женщина посмотрела на него, и в ее быстром взгляде проскользнуло неприкрытое подозрение.

Но то, что она увидела, должно быть, успокоило ее. Она вдруг громко позвала: "Джонни, беги сюда, мы здесь можем покупаться", и мальчик лет восьми или десяти стремительно подбежал к матери.

Бенджакомин напрягся, как кобра. Острый взгляд его сужившихся глаз сфокусировался на ребенке. А вот и жертва. Не слишком молодой, не слишком старый. Если бы он был моложе, то ничего бы не знал; если бы он был старше, то не был бы нужен Бозарту. Североавстралийцы были неустрашимыми воинами, физически и умственно они могли отразить любое нападение.

Бенджакомин знал, что все, кто приближался к Старой Северной Австралии и пытался отобрать у нее ее богатства, погибали. И об их судьбе никто ничего не знал.

И все же он был уверен, что сотни тысяч североавстралийцев должны знать "секрет". Они постоянно шутили по этому поводу. Бенджакомин много раз слышал эти шутки, когда был молодым человеком, но теперь, став старым, он ни на йоту не приблизился к пониманию того, что же имелось в виду. Между тем жизнь стоила дорого. Он проживал уже третий жизненный срок, и его народ немало платил за это. Искусные воры, они расплачивались тяжело добытыми деньгами, покупая лекарство, благодаря которому их великий вор мог оставаться в живых. Бенджакомин не любил насилия. Но если оно могло приблизить его к величайшей из краж всех времен, он был готов. Женщина снова посмотрела на него. Злобная маска мгновенно исчезла с его лица, и весь он начал излучать добросердечие. Он понравился ей. Она улыбнулась и, сделав вид, что колеблется (а это было так нехарактерно для североавстралийцев), сказала:

— Мы, кажется, встречались в отеле. Вы не могли бы присмотреть за мальчиком, пока я буду купаться?

— Пожалуйста. С удовольствием. Иди сюда, сынок.

Джонни пошел по золотому песку к Бенджакомину — навстречу своей смерти. Он стал досягаем. А его мать уже отвернулась и пошла к воде. Тренированная рука вора потянулась к мальчику и схватила его за плечо. С силой прижав к себе ребенка, прежде чем от успел крикнуть, Бенджакомин ввел ему "наркотик правды".

Единственной реакцией Джонни была боль, как только наркотик начал действовать, внутри его черепа что-то взорвалось.

Бенджакомин наблюдал за водой. Мать Джонни плавала. Она смотрела на них, но никакого беспокойства не выказывала. Ей казалось, что незнакомец показывает что-то мальчику, а тот внимательно рассматривает.

— Ну что ж, сынок, скажешь мне, как работает ваша внешняя защита?

Но ребенок не отвечал.

— Как работает ваша внешняя защита? Что она собой представляет? — повторил Бенджакомин.

Мальчик молчал.

Нечто похожее на страх прокатилось по телу Бенджакомины Бозарта, когда он осознал, что напрасно рискнул своей безопасностью на этой планете, рискнул планами, которые разработала Вьола Сидерия в надежде узнать “секрет” североавстралийцев.

Его положили на лопатки очень просто. Ребенка запрограммировали так, чтобы он ничего не сказал. И любая попытка вытянуть из него информацию могла закончиться только одним: абсолютным молчанием. Ребенок был просто не способен говорить.

Солнечные лучи блеснули в мокрых волосах женщины, когда она обернулась в воде и крикнула:

— Все в порядке, Джонни?

Бенджакомин в ответ успокоительно помахал ей рукой.

— Я показываю ему фотографии, мэм. Они ему нравятся. Купайтесь!

Она на мгновение заколебалась, но потом повернулась и, не спеша, поплыла вперед.

Джонни под действием наркотика сидел расслабленно, как больной, на коленях вора.

— Джонни, ты сейчас умрешь, и тебе будет очень больно, если ты мне не скажешь того, о чем я тебя прошу.

Мальчик вяло попытался освободиться из объятий Бозарта. Тот повторил:

— Тебе будет очень больно, если ты не скажешь. Как работает ваша внешняя защита? Что она собой представляет?

Ребенок снова попытался освободиться, и Бенджакомин вдруг понял, что мальчик собирается не ускользнуть от него, а выполнить его требование. Как только он отпустил Джонни, тот наклонился и начал писать пальцем на мокром песке.

Внезапно над ними нависла фигура мужчины.

Бенджакомин, испуганный, готовый либо нанести смертельный удар, либо спастись бегством — скользнул на песок к Джонни со словами: “Это смешная головоломка. Очень веселая. Покажи-ка мне еще одну”. Он улыбнулся человеку. Тот был ему незнаком. Мужчина бросил на него настороженный взгляд, который тотчас же исчез, как только он увидел приятное лицо Бенджакомины, заботливо возившегося с ребенком. Мужчина отошел.

Пальцы мальчика все еще чертили буквы на песке. И тут выстроилась фраза-загадка: “Малинькие катята” Матери Хиттон”.

Женщина выходила из воды, на губах ее застыл вопрос. Бенджакомин провел рукой по рукаву своей рубашки и извлек вторую иглу, на этот раз с ядом; чтобы получить его, понадобилась не одна неделя работы в лаборатории. Он быстро ввела иглу в мозг ребенка как раз на границе между лбом и тем местом, где начинают расти волосы, которые скроют след от укола. Игла проникла в череп. Мальчик был мертв.

Убийство произошло. Бенджакомин спокойно стер “секрет”, начерченный на песке. Женщина подошла ближе. Он окликнул ее, и голос его был полон тревоги и озабоченности: “Мэм, идите сюда! Ваш сын, кажется, потерял сознание от жары”.

Он передал матери тело ребенка. Лицо ее вспыхнуло. Она очень встревожилась и испугалась, не понимая, что произошло.

Какое-то одно мгновение женщина смотрела ему в глаза. Но двухсотлетняя тренировка сделала свое дело: мать ничего не увидела. На убийце не было печати убийства. Ястреб спрятался за личиной голубя. Сердце заблокировала маска хорошо тренированных мускулов лица.

Бенджакомин вновь обрел свою профессиональную уверенность. Преступник был готов убить и ее тоже, хоть и сомневался, что сумеет убить взрослую североавстралийку.

С встревоженным видом он сказал ей: “Вы оставайтесь с ним, а я побегу в отель за помощью. Я быстро”.

Он повернулся и побежал. Смотритель пляжа увидел его и бросился навстречу. “Ребенку плохо!” — прокричал Бенджакомин. Он вернулся к женщине как раз в тот момент, когда на ее лице появилась гримаса трагедии и... сомнения.

— Ему не плохо, — сказала она. — Он умер.

— Не может быть! — Бенджакомин казался быть очень встревоженным. Он выжал из себя все сочувствие, которое только мог изобразить. — Не может быть! Я только минуту назад с ним разговаривал. Мы чертили маленькие головоломки на песке.

Женщина заговорила глухим, изломанным голосом, который звучал так, как будто ему никогда уже не было суждено стать нормальным, навсегда вобрав в себя тональность неожиданного горя:

— Он умер. Вы видели, как он умер, и я, думаю, тоже видела это. Я не знаю, что произошло. Он был весь пропитан сантакларой. Он должен был прожить еще тысячу лет, а теперь вот он умер... Как вас зовут?

— Элдон. Элдон-коммивояжер, мэм. Я живу здесь уже очень давно.

III

“Малинькие катята” Матери Хиттон. Малинькие катята” Матери Хиттон”. Эта глупая фраза глубоко засела в его мозгу. Кто эта Мать Хиттон? Чья она мать? Кто “катята”? Может, это неправильное написание слова “котята”? Или что?

Неужели он убил идиота, чтобы получить идиотский ответ?

Сколько еще дней ему выносить эту потрясенную, но что-то смутно подозревавшую женщину? Сколько ему еще наблюдать и ждать? Он хочет вернуться на Вьолу Сидерию, привезти туда добытый им “секрет”, как бы плох он ни был, чтобы сидерийцы начали изучать его. Кто же все-таки такая Мать Хиттон?

Он заставил себя выйти из комнаты и спуститься вниз.

Жизнь отеля была такой однообразной, что он сразу привлек к себе всеобщее внимание. Ведь на его руках на пляже умер ребенок. Некоторые жадные на сенсации люди поговаривали, что это он убил ребенка. Другие же защищали его, говоря, что хорошо знают Элдона-коммивояжера. Такие обвинения в его адрес просто смешны.

Люди нисколько не изменились с тех пор, как их суда начали бороздить всю Вселенную, а сами они рассеялись по многочисленным звездным мирам, не упуская шанса прокатиться туда и обратно, если есть деньги. Люди оставались такими, какими были раньше — листочками деревьев, которыми играет легкий ветерок. Перед Бенджакомином вставала неразрешимая проблема. Он знал, что любая попытка расшифровать “секрет” неминуемо закончится столкновением с системой защиты североавстралийцев.

Даже Земля — мать-Земля — которую нельзя было купить ни за какие деньги, поддалась, когда появился “наркотик жизни”. Унция сантаклары, очищенной, кристаллизованной и называемой “струн”, могла продлить жизнь на сорок-шестьдесят лет. Мерами струна во всех колониях Земли были унция и фунт, а на Северной Австралии его мерили тоннами. Владея таким сокровищем, североавстралийцы создали свой собственный, не поддающийся никакому описанию мир, материальные ресурсы которого стали неисчерпаемыми. Они могли купить все, что угодно. Они платили тем, что держали в руках жизни всех существовавших народов.

Сотни лет они накапливали тайные фонды, на которые подкупали все инопланетные службы, способные обеспечить их безопасность.

Бенджакомин стоял в вестибюле и повторял про себя: “Малинькие катята” Матери Хиттон.”

Мудрость и богатство тысяч миров были сконцентрированы в его мозгу, но он не отважился бы спросить у кого-то, что значит эта фраза. И внезапно его осенило. Он вдруг стал похож на человека, который вспомнил о любимой игре или о том, что сегодня его ждут приятное развлечение, или встреча с другом, или новое блюдо. Ему пришла в голову очень простая мысль. Существовал только

один способ получить информацию, не вызвав подозрений: обратиться в библиотеку. Он, по крайней мере, мог бы проверить совершенно простые, очевидные факты и одновременно изучить все, что известно на данный момент о “секрете”, который он выведal у умирающего мальчика.

И то, что его безопасность подвергается риску, и то, что ему пришлось убить маленького мальчика, будет оправдано, если он сумеет найти ключ к пониманию хотя бы одного из слов: “Мать”, или “Хиттон”, или “Малинькие”, или “катята”. Он должен ограбить Северную Австралию!

Бенджакомин стремительно направился в библиотечную, за которой находилась библиотека. Он вошел.

Это был очень дорогой отель и очень старомодный. Здесь хранились даже бумажные книги в настоящих переплетах. Бенджакомин пересек комнату. Он увидел, что здесь имеется даже “Галактическая энциклопедия” в двухстах томах. Он взял том на “Хи 70”, открыл его в конце, поискал слово “Хиттон” и нашел: “Хиттон, Бенджамин — первооткрыватель старой Северной Австралии. Является автором одного из механизмов системы внешней защиты. Годы жизни: 10719-17213 нашей эры”. И это все. Бенджакомин искал дальше. Слов “катенок” и “малинький” в таком написании он не нашел нигде: ни в энциклопедии, ни в других справочниках. Он вышел и пошел вверх в свой номер.

Наверное, это была какая-то фантазия мальчишки.

Бенджакомин решил сделать еще одну попытку. Мать убитого им мальчика, полуослепшая от горя и отчаяния, сидела на жестком откидном стуле у входа в гостиницу. С ней разговаривала другая женщина. Они говорили о том, что должен приехать муж женщины, потерявшей ребенка. Бенджакомин подошел к ним, пытаясь обратить на себя внимание, но несчастная мать не заметила его.

— Я уезжаю, мэм. Я лечу на ближайшую отсюда планету и вернусь через две или три недели. Если я буду срочно вам нужен, то мой адрес вы найдете в местном отделе полиции.

Бенджакомин оставил женщину плачущей. Он выехал из тихого отеля, предварительно получив право на срочный отъезд. Сунвальская полиция, с которой всегда было

легко ладить, не препятствовала ему в получении срочной выездной визы. В конце концов, у него было удостоверение личности, у него были деньги, с какой стати полиция Сунвала задерживать гостей города? Бенджакомин взобрался на борт корабля и уже направлялся к каюте, где мог отдохнуть несколько часов, когда возле него вырос человек. Это был молодой мужчина небольшого роста, сероглазый, с пробором посредине.

Это был агент североавстралийской тайной полиции.

Даже Бенджакомин, будучи профессионалом высокого класса, не сумел распознать в нем полицейского. Ему и в голову не приходило, что библиотека телепатически прослушивалась, а слово “катенок” в том значении, в каком его употребляли североавстралийцы, служило сигналом тревоги. Разыскивая в словарях это слово, он не раз повторял его про себя и таким образом допустил неслыханную ошибку.

Незнакомец поклонился. Бенджакомин ответил на поклон:

— Я путешествую, ненадолго свободен от дел. У меня не слишком успешно складывался бизнес в последнее время. А как у вас?

— Меня это мало интересует. Я не зарабатываю денег. Я занимаюсь техникой. Меня зовут Ливерант.

Бенджакомин смерил незнакомца взглядом: человек действительно был похож на инженера. Мужчины обменялись небрежным рукопожатием. Ливерант сказал: “Увидимся в баре попозже. Сначала я немного отдохну”.

Расположившись в баре, они не успели сказать друг другу и двух слов, как корабль озарился вспышкой: из книг и школьных учебников они знали, что в этот момент судно входит в двухмерное пространство и все космические параметры начинают отсчитываться суровыми компьютерами, которые передают информацию капитану корабля.

Они знали все это теоретически, но ощутить процесс на себе им еще предстояло. Внезапно они почувствовали легкую боль, хотя вентиляционная система начала уже разбрызгивать успокаивающие вещества. Обоим показалось, что они слегка пьяны.

Вор Бенджакомин Бозарт был хорошо подготовлен. Любая телепатическая попытка проникнуть в его мозг, какой

бы совершенной она ни была, всегда натывалась на животной силы сопротивление, выработанное им еще в юные годы. Но Бозарт не был подготовлен на случай, если ему придется встретиться с сознательным обманом. Гильдия воров Вьолы Сидерии никогда не задумывалась над тем, что ее люди могут столкнуться с чистейшим надувательством. Ливерант уже выходил на контакт с Северной Австралией, на деньги которой кормились агенты всех известных планетных систем и которая подняла на ноги уже сотню тысяч миров. Ливерант завел разговор:

— Жаль, что я не смогу полететь дальше. Я хотел бы попасть на Олимпию. Там можно купить все, что угодно.

— Я слышал об этом, — сказал Бозарт. — Это смешная маленькая торговая планета, у которой очень мало реальных шансов выдвинуться.

Ливерант засмеялся, смех его был неподдельно веселым:

— Торговая? Да они не занимаются торговлей! Это простой обман. Они скупают все награбленное на самых разных планетах, перекрашивают, ставят свою марку и продают прежним владельцам. Вот в чем заключается их бизнес. Люди слепы. Нужно только поехать туда — и сразу же можно сделать состояние. Послушайте, да я горы бы своротил там за год! Никто этого не понимает, кроме меня и еще нескольких человек. Все, что где-то продается, в том числе и половина потерпевших аварию кораблей, и добро брошенных колоний (они все начисто вычищены!) — все попадает на Олимпию.

На самом деле Олимпия была не так уж хороша, и Ливерант не знал, почему он должен спровадить убийцу именно туда. Но он знал, что это его долг, а долг нужно выполнять.

За много лет до того, как на планету стали попадать чужаки, в специальную литературу, упаковочные ярлыки, счета было введено кодовое слово: “катята” — именно в таком неправильном орфографическом варианте. Это слово было замаскированным названием внешней луны Северной Австралии, являвшейся местом, где была сосредоточена система защиты. И простое употребление слова “катята” приводило систему в действие, являясь сигналом тревоги, при этом каждый нерв системы приходил в готовность ре-

агируя быстро и действенно, как накалинный добела вольфрамовый провод.

Когда они собрались выйти из бара, Бенджакомин уже почти перестал осознавать тот факт, что об Олимпии ему рассказал его новый знакомый. Он был полон решимости лететь на Вьолу Сидерию и получить разрешение отбыть на Олимпию, чтобы завоевать эту планету, отобрать у нее ее богатства.

IV

Прибытие Бозарта на родную планету отмечалось не слишком пышно, но зато сердечно. Старейшины гильдии воров приветствовали его и поздравляли: “Кто еще способен на то, что удалось сделать тебе, мальчик? Это не получалось ни у кого. У нас есть шифр, мы знаем, о каком животном идет речь. Посмотрим-ка у себя”. И Совет гильдии обратился к своей собственной энциклопедии. Они поискали слово “Хиттон” и нашли в статье слово “катенок”. Они не знали, что оно намеренно было введено туда агентом, которого Северная Австралия держала на их планете.

Агент был подкуплен много лет назад. Все эти годы он ждал своего задания, не зная, кем завербован, и не мечтая о том, что так просто сможет zapлатить свой долг. Все, что ему требовалось сделать, это добавить лишнюю страницу в энциклопедию. И он сделал это. Годы, которые он прожил в страхе и ожидании, стали слишком большим испытанием для него. Он много пил, боясь, что иначе в конце концов покончит с собой. Но тем не менее, он выполнил задание, и в энциклопедии появилась дополнительная страница, включавшая новую фальсифицированную статью, являвшуюся якобы новой редакцией предыдущей. Вот что в ней было сказано:

“Упомянутые “катята” Северной Австралии есть не что иное, как органические средства, используемые при заражении земных мутировавших овец болезнью, благодаря которой они вырабатывают особый вирус, являющийся в очищенном виде сырьем для производства наркотика “сан-

таклара". Термин "катята" получил хождение в связи с тем, что им обозначалась как сама болезнь, так и ее последствия. Все это предположительно связано с деятельностью Бенджамина Хиттона, одного из первооткрывателей Северной Австралии".

Совет воров ознакомился со статьей, и председатель сказал:

— Ну что ж, для тебя все готово. Можешь попытаться. А как ты хочешь лететь? Через Ньюгамбург, наверное?

— Нет, — ответил Бенджакомин. — Я хочу попробовать через Олимпию.

— Олимпия — это хорошо. Легко добираться. Есть только один шанс из тысячи, что у тебя не получится. И тогда нам, возможно, придется заплатить за это. — Председатель криво улыбнулся и вручил Бенджакомину незаполненную закладную на все имущество Вьолы Сидерии. Потом он хрипло засмеялся и добавил: — Мы не очень хорошо себя будем чувствовать, если ты одолжишь слишком много под эту закладную и нам придется платить, а у тебя ничего не получится.

— Не бойтесь, — сказал Бенджакомин. — Я справлюсь.

Есть планеты, на которых никаким мечтам не суждено сбыться. Но Олимпия не из их числа. На Олимпии глаза мужчин и женщин прозрачны, потому что принадлежат незрячим.

"Этот светлый цвет глаз был цветом боли, когда мы еще видели, — говорил Нахтигаль. — И если твои глаза сбивают тебя с пути истинного, отвернись, потому что не глаза виноваты, а душа твоя".

Так всегда говорили на Олимпии, где поселенцы ослепли очень давно, но никогда не переставали чувствовать своего превосходства над зрячими. Радиолокационные сигналы доставляют удовольствие их мозгу: они воспринимают радиацию так же хорошо, как люди-животные, дышащие с помощью маленьких аквариумов, подвешенных к носу. Их рисунки очень четки: им совершенно необходима четкость. Их здания повисают в воздухе под нелепыми углами, а их слепые дети поют песни о том, как скроенный портным климат меняется в зависимости от выкройки.

Вот на какую планету попал Бозарт. Среди этих слепых он чувствовал, что мечты уносят его слишком далеко. Он не переставал платить за информацию, которая ничего не стоила. Вечно облачная и дождливая Олимпия проплывала мимо него, как будто это была не его, а чужая мечта — приехать сюда. Он не собирался оставаться здесь, потому что в искрящемся несговорчивом небе Северной Австралии ему предстояло свидание со смертью.

Только прибыв на Олимпию, Бенджакомин начал вынашивать планы нападения на Старую Северную Австралию. На второй день ему очень повезло. Он познакомился с человеком по имени Лавендер, и он был уверен в том, что слышал это имя раньше. Не будучи членом гильдии воров, Лавендер был отважным мошенником с навечно запятнанной репутацией.

Неудивительно, что он нашел Лавендера. На протяжении всей прошедшей недели ему снился этот человек и история его жизни. Он не знал, что все его сны внедрялись в его сознание североавстралийской контрразведкой. Сначала его внутренне убедили направиться именно на Олимпию, а потом уже руководили им здесь в соответствии с необходимостью. Североавстралийская полиция не отличалась жестокостью, но ей приходилось защищать свою планету. Кроме того, неотомщенной еще оставалась смерть ребенка.

Последняя встреча Бенджакомина с Лавендером, когда нужно было заключить сделку, на которую последний уже согласился, прошла драматично.

Лавендер отказался:

— Я не собираюсь высовываться. Я не буду ни на кого нападать и никого грабить. Да, конечно, я никогда не был пай-мальчиком, но лезть туда, где меня могут убить... А ты, сволочь, это знаешь.

— Подумай, что мы получим. Деньги. Там денег столько, сколько тебе и не снилось.

Лавендер засмеялся:

— Ты думаешь, я этого не знаю? Ты мошенник, и я мошенник. И я ничего не буду делать за пустые слова. Деньги на бочку! Я умею драться, а ты вор, и я не спрашиваю тебя, зачем ты... но мне сначала нужны мои деньги.

— У меня их нет.

Лавендер встал:

— К чему же тогда разговоры? Тебе не следовало говорить со мной. Потому что теперь придется выкладывать за то, что я буду молчать.

Лавендер был очень уродлив. Человек, которому немало довелось погрешить, прежде чем стать настоящим злодеем. Грех — нелегкий труд, и усилия, необходимые, чтобы его совершить, отпечатываются на лице.

Бозарт смерил его взглядом с головы до ног, спокойно улыбаясь. В его улыбке не было даже презрения.

— Закрой меня, пока я буду кое-что доставать из кармана.

Лавендер не обратил внимания на его слова. Он не полез за оружием, а спокойно стоял, постукивая по правой руке большим пальцем левой. Бенджакомин узнал этот знак, но не подал виду.

— Посмотри, — сказал он, это закладная целой планеты.

— Об этом я уже слышал, — Лавендер засмеялся.

— Возьми ее.

Тот взял пластинчатую карточку, и глаза его расширились:

— Да она, кажется, настоящая! Действительно настоящая! — Теперь он стал намного дружелюбнее. — Я никогда таких не держал в руках. Каковы твои условия?

Между тем мимо них сновали жизнерадостные олимпийцы, одетые в черно-белые одежды, придававшие им вид людей, которых постигло какое-то горе. Невероятные геометрические фигуры застыли на их платьях и шляпах. Но собеседники не обращали внимания на местных жителей. Они были заняты только собственными переговорами.

Бенджакомин не сомневался в том, что все делает правильно, хотя он заложил год труда всей Вьюлы Сидерии в обмен на неквалифицированную помощь капитана Лавендера, тогда еще капитана патруля Имперского внутреннего флота. Он отдал ему закладную. На ней стояла отметка о годичном сроке гарантийных обязательств. Даже на Олимпиаде существовали машины, которые немедленно отправили на Землю информацию об условиях сделки, превратив закладную в документ, который мог быть предъявлен целой

планете. “Вот и первый шаг к мести, — подумал Лавендер. — После того, как убийца исчезнет, его народ должен будет выплатить все сполна”. Он посмотрел на Бенджакмина с сочувствием, но тот принял этот взгляд как знак доверия и улыбнулся, чарующей улыбкой, которую ему было так легко изобразить. Бозарт протянул Лавендеру правую руку, желая рукопожатием закрепить условия сделки и придать торжественность моменту. Мужчины пожали друг другу руки, но Бозарт так никогда и не узнал, что стояло за этим рукопожатием.

V

“И серой стала земля. И серой стала трава от неба до неба. Но не возле воды. Не возле горы — низкой или высокой, а лишь возле холмов — серых-серых. Посмотри на покрытую серебристой рябью полосу света вон у той звезды... Это Северная Австралия. Весь грязный мусор смывает: все труды, сомнения, боль...”

Бежево-коричневые овцы лежат на серо-голубой траве, а на низком небе выделяются облака, такие плотные, словно на них опирается потолок всего мира...

Возьми же больную овечку, человек, за это воздастся тебе. На этой планете можно стать бессмертным. Если ты ищешь место, где живут простаки и волшебники, так оно здесь...

Вот и вся книжка, мальчик.

Если ты не видел Северную Австралию, ты не видел ничего. Но когда ты увидишь ее, ты не согласишься своим глазам...

На картах она обозначена: “Старая Северная Австралия”.

Здесь, в сердце звездной системы, находилась ферма, которая обеспечивала всеобщую безопасность. Это были владения Матери Хиттон. Их окружали башни, между башнями — натянутые провода. Часть их безобразно свисала, а часть сияла таким металлическим цветом, которого не встретишь больше нигде: ни на самой Земле, ни в ее колониях.

Башни с проводами окружали открытое пространство. Посредине этого открытого пространства простирались земли размером двенадцать тысяч гектаров, покрытые бетоном. Радары ощупывали каждый миллиметр поверхности бетона. Ферма жила своей жизнью. В центре располагалась группа зданий. Там Мать Хиттон работала над задачей, которую поставил себе ее род: обеспечить надежную защиту планеты.

Ни один микроб не попадал туда и ни один — не исчезал оттуда. Вся еда доставлялась по воздуху трансмиттером. Здесь жили животные. И жизнь животных зависела только от нее одной. Умри она внезапно — по несчастной случайности или убитая животным — власти, имея ее полное факсимиле, с помощью которого можно обучить под гипнозом новых “нянь”, немедленно принялись бы за это.

Над фермой дул ветер, пригоняя сюда серые тучи с серых холмов, скользя над серым бетоном. А над башнями радаров неизменно висела плененная многогранная блестящая луна. Ветер обрушивался на здания, тоже серые, прежде чем столкнуться с бетонной поверхностью, а потом снова отправлялся туда, откуда пришел — к серым холмам.

Равнина за пределами группы зданий не нуждалась в особом камуфляже: она была точь-в-точь такой, как любая другая равнина Северной Австралии. Бетон же был окрашен в приглушенные тона цвета почвы планеты. Такой была ферма, на которой жила и работала единственная женщина. В этом и состоял комплекс всей внешней защиты богатейшего из миров.

Кэтрин Хиттон посмотрела в окно и подумала: “Еще сорок два дня — и я пойду на рынок. Благословенный день! Я услышу музыку джиги”. Женщина глубоко вдохнула воздух. Она любила эти серые холмы, хоть в молодости повидала немало других, более ярких планет. Теперь она не могла бросать своих животных и свои обязанности. Она была единственной и неповторимой Матерью Хиттон, и здесь жили ее “малинькие катята”.

Они с отцом вывели их из земных норок: из самых маленьких и самых свирепых норок, завезенных сюда с матери-Земли. Из них получились животные, слу-

жившие для охраны от других хищников овец, от которых получали струн. Но эти животные рождались безумными

Целые поколения “неонорок” рождались психоаномальными. Они жили, чтобы умереть, и умирали, чтобы остаться жить. Это были “катыта” Северной Австралии. Животные, в которых смешались все страсти: страх, ярость, голод, половое влечение, жажда убийства — которые с рычанием пожирали друг друга и свой молодняк, или людей, или любые другие продукты органической природы. Эти животные люто ненавидели самих себя и выжили только потому, что просыпались каждый на своем месте, крепко связанные, когти к когтям, не имея возможности нанести удар соседу или самому себе. Мать Хиттон будила их лишь на несколько минут в жизни. Они давали жизнь потомству и убивали друг друга. Каждый раз она выводила их только по двое.

Весь день она ходила от клетки к клетке. Сон животных был нормальным. Питание проникало в кровь, и некоторые из них не просыпались годами. Мать Хиттон занималась их размножением, лишь частично разбудив самцов, а самок — до такой степени, чтобы они поддавались ветеринарному лечению и уходу. Она обычно сразу же отделяла молодняк от матерей, а потом кормила детенышей на протяжении нескольких счастливых недель, пока они не превращались во взрослых самцов и самок и их хищная натура не начинала проявлять себя. Глаза их загорались огнем жестокой ненависти и безумия, рычание наводняло все здания.

В этот раз Мать Хиттон никого не разбудила. Наоборот, она крепче связала их. Она перекрыла вход, по которому поступали питательные вещества. Она ввела им стимулирующее лекарство замедленного действия, чтобы, когда они проснутся, пробуждение было полным и они смогли немедленно действовать. Потом она сама приняла успокоительное, откинувшись на спинку стула и начала ждать сигнала.

Когда раздастся сигнал, который проникнет через стены во все здания фермы, она сделает то, что делала уже тысячу раз: нажмет кнопку sireны, и всю лабораторию наполнит пронзительный невыносимый звук.

Сотни мутировавших норок проснутся. Их проснувшееся сознание резко перейдет из состояния сна в состояние активности, и в этом сознании все смешается: голод, ненависть, ярость и половое влечение. Они начнут рваться наружу через металлические решетки, стремясь уничтожить друг друга, а молодняк — стремясь наброситься на нее, Мать Хиттон. Они сметут все на своем пути.

Она знала, что все будет именно так.

В центре комнаты находился тюнер. Это был очень сильный приемник, способный воспринимать весь диапазон частот телепатической связи. В этот тюнер и поступит сигнал суммированной силы эмоций "малиньких катят".

Ярость страстей превысит все возможные пределы. Но сигнал, заключающий в себе все это, будет еще намеренно усилен: специальная студия, расположенная в верхней части башенных построек, расширит диапазон частот, на которые настроен телепатический контроль. Сигнал разнесется далеко за пределы владений Матери Хиттон. И Луна, вращаясь вокруг своей оси, будет транслировать сигнал по всей поверхности, а потом он пойдет на шестнадцать спутников, также являющихся частью системы внешней защиты. И сигнал облетит не только все ближайшее пространство вокруг них, но и все ближайшее подпространство. Североавстралийцы хорошо все продумали.

Короткие сигналы тревоги раздались в трансмиттере Матери Хиттон.

Прозвучал сигнал. Палец ее прирос к кнопке.

Тишину разорвала пронзительная сирена.

Норки проснулись.

И комната сразу же наполнилась воем, рычанием, скрежетанием, шелканьем, шипением. Помимо всего этого, различался еще один звук: он напоминал звук падающих на поверхность замерзшего озера градин. Это был звук когтей сотен норок, пытавшихся сломать металлические преграды на своем пути.

Мать Хиттон услышала бульканье. По-видимому, одна из норок сломала челюсть и принялась за собственное горло. Мать Хиттон узнала этот звук рвущегося меха, разрываемых вен. Она прислушивалась: не затихла ли наконец жертва собственной агрессивности? Но уверенности у Ма-

тери Хиттон не было: слишком сильный шум стоял вокруг. Одной норкой, очевидно, стало меньше.

Комната, где находилась сама Мать Хиттон, была частично защищена от шумового сигнала. Поэтому старая женщина могла думать, и думала она об очень странных вещах. Она дрожала от гнева при мысли о том, что столько живых существ так ужасно страдают: единственные, кого не охраняет система защиты Северной Австралии.

Она ощущала давно забытое вожделение. Женщина страстно желала того, о чем давно не вспоминала. Спазмы ярости и страха, сжимавшие сотни этих животных, сжимали и ее. И ее здравый рассудок не переставал мучиться вопросами: “Сколько же мне еще терпеть все это? Сколько? Господи, сжался над людьми этой планеты. Будь милосерден и ко мне”.

Зажегся зеленый свет...

Она нажала кнопку с другой стороны стула, на котором сидела, — пошел газ. Теряя сознание, она думала о том, что “катята” скоро уснут. Но она проснется раньше их и приступит к своим обязанностям: найдет живых, уберет мертвых — тех, кто перегрыз свое собственное горло, и тех, кто погиб от разрыва сердца; она будет зализывать раны искалеченных и усыплять их, они будут спать счастливым сном, и в животворном сне к ним будут возвращаться силы. Пока не прозвучит следующий сигнал тревоги снова не начнет работать система защиты, стерегущая сокровища ее народа — его благословение и проклятие.

VI

Все шло точно по плану. Лавендер нашел плосколет. Это было обдуманное решение, потому что на плосколеты нужно было иметь лицензию, а если ее не окажется, то планете, населенной проходимцами, придется работать целую вечность, чтобы заплатить штраф за одержание такого корабля.

Лавендер очень щедро рассчитывался деньгами Бенджамина. Все состояние планеты воров пошло в уплату за всякого рода фальшивки: несуществовавшее посредничест-

во при покупке судового оборудования и грузов, подбор фиктивных пассажиров. Предполагалось, что все это работает на торговлю, которая будет вестись с десятками тысяч планет.

“Дай-ка мне заплатить за это, — говорил Лавендер одному из своих доверенных лиц, который тоже был североавстралийским агентом. — Я неплохо заплачу за всю эту дребедень. Чем больше мы потратим, тем лучше”.

Не успел Бенджакомин отбыть, как Лавендер послал ему донесение. Он направил его через капитана корабля, который на самом деле был сменным командующим военного флота Северной Австралии и которому было приказано быть осмотрительным, чтобы ни в коем случае не раскрыть себя.

Донесение касалось лицензии на плосколет — за дополнительные двадцать таблеток струна, что ввергло бы Вьолу Сидерию в такой долг, который она вряд ли выплатила бы за сотни и сотни лет. Но капитан решил так: “Я не буду передавать это донесение. Ответ все равно будет “да”.

Бенджакомин вошел в аппаратную. Это было против предписаний, но он и нанял этот корабль с целью обойти любые предписания.

Капитан бросил на него недовольный взгляд и сказал: — Вы пассажир. Вам здесь не место.

— Не беда. Кроме ваших людей, я единственный, кто будет здесь находиться.

— Уходите. Нам придется платить штраф, если вас застанут здесь.

— Не имеет значения, — заявил Бенджакомин. — Я заплачу.

— Вы? Двадцать таблеток струна? Но это же смешно! Никто не сможет купить столько!

Бенджакомин засмеялся, думая о том, как он будет владеть тысячами этих таблеток. Ему нужно было только одно: чтобы корабль доставил его туда, где он сможет нанести только один удар, пройти через “катят” и вернуться назад.

Все его мифическое богатство и вся мифическая сила заключались в уверенности, что победа совсем близко. И

выдать закладную — не слишком большая цена за то, что даст ему в будущем тысячи таких таблеток. Капитан сказал: “Не стоит рисковать двадцатью таблетками. Но если вы заплатите мне десять, я скажу вам, как пробраться к системам связи Северной Австралии”.

Бенджакомин весь напрягся. На мгновение ему показалось, что он сейчас умрет. На карту были поставлены весь его труд, все тренировки, чтобы добиться высочайшей квалификации, убитый мальчик на пляже, спекуляции в кредит и теперь еще этот неизвестно откуда взявшийся противник! Он пошел ва-банк:

— Что вам известно?

— Ничего, — ответил капитан.

— Вы сказали: “Северная Австралия” — значит вам что-то известно. Кто вам сказал?

— Да куда же еще можно ехать, если хочешь сказочно разбогатеть?.. Если вам, конечно, удастся. Ну, тогда двадцать таблеток для вас — совершеннейший пустяк.

— Триста тысяч жителей моей планеты должны будут работать за это двести лет.

— Когда вы получите то, что хотите, у вас будет гораздо больше, и вашим людям не придется работать.

— Да, я знаю.

— Но если вам не удастся то, что вы задумали, закладная все равно останется у вас.

— Хорошо. Согласен. Везите меня к системам связи. Я заплачу десять таблеток.

— Давайте карточку.

Бенджакомин отказался. Он был квалифицированным вором, а потому — очень подозрительным. Он начал думать. На карту ставилась не только его жизнь. Он очень хотел иметь запасной вариант.

Бенджакомин решил снова рискнуть карточкой. “Я сделаю только отметку о сроке гарантийных обязательств и верну ее тебе,” — сказал капитан. Бенджакомин был так возбужден, что не заметил, как карточка опустилась в дубликатор, как была зарегистрирована сделка, а информация об этом пошла на Олимпию, откуда отправилась на Землю, где немедленно нашлись коммерческие агентства, готовые выдать деньги под заклад и на протяжении трехсот лет получать долг от Вьолы Сидерии.

Бенджакомин получил карточку обратно. Он чувствовал себя честным вором: если он погибнет, карточка исчезнет и его народу не придется платить; если же он выиграет, то заплатит из собственного кармана.

Он с облегчением опустил на стул. В это время капитан просигналил рулевому: корабль накренился, меняя курс.

Целых полчаса космического времени они так и летели: Бозарт рядом с капитаном, который как бы ощупывал курс, не будучи в нем уверен, на самом деле он направлялся к себе домой. Капитан не должен был показывать, что ему хорошо известно, куда лететь, — Бенджакомин мог заподозрить неладное. Но капитан был очень хорошим специалистом. Таким же хорошим, каким хорошим вором был Бенджакомин.

Они вошли, наконец, в зону действия систем связи. Бозарт пожал руки членам экипажа:

— Я подам вам сигнал, когда можно будет лететь.

— Удачи вам, сэр, — сказал капитан.

— Да, удачи, — повторил Бенджакомин.

Он вскарабкался в свою космическую яхту, которая находилась на борту корабля. На долю секунды в иллюминаторе мелькнула перед ним серая поверхность Северной Австралии. Сам корабль, напоминавший огромный склад, исчез, и яхта осталась предоставленной самой себе. Она пикировала, и Бенджакомина объял ужас.

Он так никогда и не узнал, кем была эта женщина, которая хорошо чувствовала его приближение, потому что на него немедленно обрушился телепатический сигнал "малиньких катят". Его лихорадочно работавший мозг содрогнулся от страшного удара. Он еще одну-две секунды оставался самим собой, хотя эти секунды показались ему вечностью, а потом перестал ощущать себя Бенджакомином Бозартом. Луна обрушила на него всю мощь агрессивности норек. Контакты всех нервных клеток его организма видоизменились: то самое страшное, что может произойти с человеком. Мозг Бозарта, разрушенный чудовишной перережкой, перестал функционировать.

Но тело его прожило еще несколько минут: оно билось в конвульсиях вожделения и голода, пока рот не вгрызся в руку, а другая рука не начала рвать на куски лицо,

стремясь вытащить из левой глазницы глаз. И он ревел, как животное, пожирающее самого себя...

Тело Бозарта прожило недолго. Спустя несколько минут из всех артерий и вен полилась кровь, а голова уткнулась в рулевой механизм. Яхта стремительно падала вниз, по направлению к тому месту, где хранилось богатство планеты, которую он мечтал ограбить.

Североавстралийская полиция подобрала яхту. Но все, кто был в патруле, чувствовали себя очень плохо. Многих тошнило. Они попали в зону сигнала, когда он был уже минимальным, но этого было достаточно, чтобы нанести их организмам серьезные повреждения.

Они ничего не хотели знать.

Они хотели забыть...

Один из полицейских помоложе, увидев безжизненное тело, воскликнул:

— Боже, как это могло с ним случиться?

— Он занялся не тем, чем надо, — объяснил капитан полиции.

— Чем же?

— Он хотел ограбить нас, сынок. Мы победили, а каким способом, это уже неважно.

Молодой полицейский, униженный и злой, взглянул на командира так, будто собирался наброситься на него.

— Не волнуйся, сынок. Он недолго мучился, и, между прочим, это он убил Джонни.

— Действительно он?

— Мы его сюда заманили, чтобы он сам нашел свою смерть. Жестоко, конечно, но другого выхода не было.

Кондиционеры обдували легким свежим воздухом спящих животных. Воздух коснулся и лица Матери Хиттон. Телепатический приемник был все еще включен. Она слабо ощутила свое измученное тело, и каждую клеточку фермы, и луну, и маленькие сателлиты. А вора не было и следа.

Проснувшись окончательно, Мать Хиттон почувствовала, какие на ней мокрые от пота одежды. Ей нужен был душ и свежее платье...

На Земле, в Центре кредитных выплат, Главный компьютер подал сигнал. Младший управитель Содействия

подошел к машине и протянул руку — к нему соскользнула карточка. Он взглянул на нее:

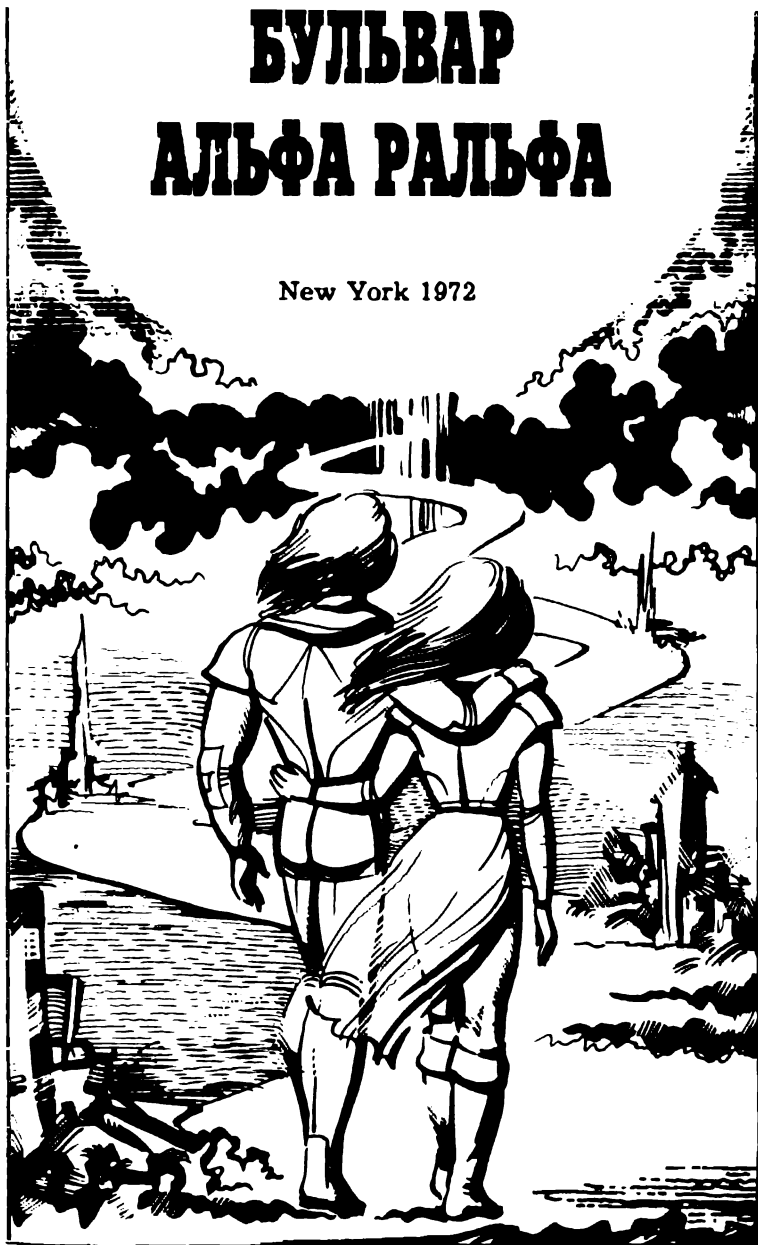
“Дебет Вьолы Сидерии — кредит Земли — субкредит по счету Северной Австралии — четыреста миллионов”.

Младший управитель был один в комнате, но не сдержался и присвистнул: “Мой бог, мы все уже давно умрем — со струном или без струна — а они все будут платить!” Он пошел рассказать эту странную новость друзьям.

А машина, уже забыв о предыдущей карточке, выдала следующую.

БУЛЬВАР АЛЬФА РАЛЬФА

New York 1972

Все мы упивались счастьем в те годы. Все — и особенно молодые. Это были первые годы Возрождения человечества, когда Содействие начало щедро тратить деньги на реконструкцию старых культур, старых языков и даже треволений тех старых времен, когда неизбывное вечное стремление к совершенству доводило наших предков до самоубийства. А теперь под руководством Повелителя Джестокоста и Повелительницы Элис Мор начали воскрешать древние цивилизации: они поднимались со дна Реки Времени, постепенно всплывая и показываясь частично, как огромные айсберги.

Мне очень хотелось отправиться на один из таких айсбергов. Вместе с Вирджинией мы заглядывали в глазок машины времени и наблюдали победу над холерой в Тасмании: тасманийцы танцевали на улицах своих городов, потому что им уже не от чего было прятаться и нечего бояться.

Все вокруг нас было наполнено удивительной жизненной силой. Мужчины и женщины много и упорно трудились, чтобы вернуться в менее совершенный мир своих предков.

Я немедленно лег в медицинский центр, чтобы стать французом. Конечно, я не забыл свою прошлую жизнь, но это уже не имело значения. Вирджиния тоже стала француженкой, и оба мы предвкушали радость совместной жизни, которая представлялась нам прекрасным спелым фруктом в саду вечного лета. Теперь мы понятия не имели о том, когда умрем.

В прошлой жизни я мог ложиться спать с мыслью о том, что правительство отпустило мне четыреста лет, из которых осталось еще триста семьдесят четыре, потом инъекции

струна прекратятся, и я умру. Содействие зорко следило за благополучием Человечества. Мы доверяли Повелителю Жестокости и Повелительнице Мор, зная, что не станем жертвами чьей-то игры и чьих-то интриг. Теперь же могло случиться все что угодно. Все устройства, оберегавшие нас на каждом шагу, были отключены. На волю были выпущены болезни. Любя, надеясь и веря в свою удачу, я мог прожить и тысячу лет. А мог умереть и завтра. Я был теперь совершенно свободен.

Мы наслаждались каждым мгновением жизни. Вирджиния принесла первую со времен падения Старого мира французскую газету. Мы сразу же нашли в ней много приятного, даже в объявлениях. Правда, кое-какие области культуры было трудно реконструировать. Например, о еде ничего не было известно, кроме некоторых названий блюд. Но работавшие в движении Возрождения постоянно сообщали новые факты истории, что вселяло в нас надежду. Мы понимали, что у нас теперь все стало иначе.

Возьмем, к примеру, Вирджинию. Раньше ее звали Менерима, это имя было кодовым звуковым сигналом ее места и времени рождения. Она была маленькой, почти круглолицей, плотной, вся голова в каштановых завитках, глаза — такие карие, что в них тонул солнечный свет. Я раньше знал ее хорошо, но теперь мне казалось, что недостаточно. Я много раз виделся с ней, но то, какой она мне представлялась, не шло из глубины моего сердца, как теперь, когда мы встретились с ней после своего превращения.

Я рад был встрече с подругой, мы говорили на старом простом языке, но слова застревали у меня в горле, потому что это была уже не Менерима, а какая-то древняя красавица, странная и неповторимая, которая как будто заблудилась в нашем мире.

— Как тебя теперь зовут? — Я сказал эту фразу на чистом старом французском языке.

— Меня зовут Вирджиния, — ответила она на том же языке.

Я посмотрел на нее и сразу же влюбился раз и навсегда. В ней было что-то сильное, дикое, спрятанное в глубине ее нежного и молодого женского тела. Как будто сама судьба говорила со мной этими лучистыми карими глазами, которые вопрошали меня уверенно и в то же время

удивленно. Точно так мы оба вопрошали окружавший нас новый мир.

— Можно? — спросил я, предлагая ей руку, чему меня научили уроки под гипнозом.

Она взяла меня за руку и мы пошли прочь от больницы. Я весело мурлыкал себе под нос первую пришедшую на ум мелодию. Вирджиния нежно прижалась ко мне, улыбнулась и спросила:

— Это что? Ты знаешь, что это?

Слова легко слетали с моих уст, я пел очень доверительно, пряча лицо в ее кудрявых волосах, французскую песенку, подаренную мне Возрождением. В ней пелось о девушке, которую герой встретил на Мартинике. Она не была ни богатой, ни элегантной, но зато обладала удивительными лучистыми глазами.

Вдруг слова иссякли:

— Мне кажется, я забыл, как дальше. Помню только, что песня называется “Макуба”, и это слово связано с прекрасным островом, который французы называли Мартиникой.

— Я знаю, где это! — воскликнула Вирджиния. В нее были вложены те же воспоминания, что и в меня. — Мартинику можно было бы увидеть из Космопорта!

И неожиданно для себя мы вернулись в нашу прежнюю жизнь. Мы знали, что Космопорт возвышается на двенадцать миль над самой крайней восточной точкой нашего маленького континента. Там, на самом верху, трудились наши правители, управляя машинами, которые теперь уже для нас с Вирджинией не имели значения. Там же стояли на приколе и шептались о своем славном прошлом космические корабли. Я видел фотографии Космопорта, но никогда не был там. Я даже никогда не видел людей, которые там побывали. И зачем нам туда идти? Нас, может, и не ждут. К тому же, все можно увидеть через глазок машины пространства. Со стороны Менеримы — такой родной маленькой Менеримы — было совершеннейшей глупостью желание увидеть Космопорт. Я подумал, что в том мире, куда мы с ней решили вернуться, все было не так уж безоблачно и безопасно.

Вирджиния, новая Менерима, заговорила на нашем общечеловеческом языке, но тут же перешла на французский:

— Моя тетя, — сказала она, имея в виду любую из своих родственниц, потому что понятие “тетя” не существовало уже несколько тысячелетий, — была верующей. Она водила меня к Абба-динго. Она считала, что получив его благословение, я обрету удачу.

Я был удивлен, и обеспокоен: оказывается, эта девушка была иной по сравнению с другими людьми еще до того, как началось Возрождение. Абба-динго был устаревшим компьютером, находившимся на одной из колонн, которые поддерживали Космопорт, и гомункулы считали, что это не что иное, как Бог, которому нужно поклоняться. Люди ходили к Абба-динго очень редко: это считалось утомительным, скучным и даже вульгарным.

Или это было раньше? Теперь ведь все изменилось. Стараясь не проявить раздражение в голосе, я спросил ее:

— А какой он?

Она засмеялась, и в ее смехе было что-то такое, что заставило меня вздрогнуть. Если у Менеримы были секреты, то что же теперь можно сказать о Вирджинии? Я чуть не возненавидел судьбу, которая бросила нас в объятия друг друга, и заставила меня почувствовать, что прикосновение ее руки к моей — единственная связь с вечностью.

Она улыбнулась, вместо того, чтобы ответить на мой вопрос. Дороги туда ремонтировали, и мы последовали на аппарель, опустившую нас на верхний ярус “подземки”, где разрешалось ходить всем: и людям, и гоминидам, и гомункулам.

Мне не нравилось все это: я никогда не уезжал на расстояние более двадцати минут езды от дома. Вокруг нас толпилось много гоминидов, которые хоть и были людьми, давно изменились, чтобы приспособиться к условиям жизни тех планет, которые стали их домом. Гомункулы же казались нам, людям, особенно омерзительными, хотя среди них часто встречались и очень красивые; превращенные из животных в людей, они, как и машины, работали там, где не согласился бы работать ни один человек. Ходили слухи, что некоторые из них были созданы из настоящих людей, но мне не хотелось вникать в это, просто у меня не было ни малейшего желания видеть себя и Вирджинию в их обществе.

Она держала меня за руку. Когда мы опустились туда, где было полным-полно этих существ, я высвободил свою руку и обнял ее за плечи, прижимая к себе. Было светло, даже светлее, чем днем, но отовсюду веяло опасностью, а может, мне это казалось из-за ужасных существ, окружавших нас. В этот момент я не мог расстаться со своей вновь обретенной любовью, мне казалось, что вернувшись в свою квартиру, я потеряю ее навсегда. Новая жизнь имела привкус опасности.

На самом же деле все вокруг было вполне обыденным: множество машин — в облике человека и просто машин — а также совсем не опасные, державшиеся поодаль от нас гоминиды и гомункулы, внешне совсем не отличавшиеся от людей. Очень красивая девушка бросила на меня дерзкий, умный, провоцирующий взгляд, который мне совсем не понравился. Она флиртовала со мной совершенно открыто. Я подозревал, что раньше она была собачонкой. Среди гомункулов есть такие, которые претендуют на всякого рода человеческие свободы. У них даже есть свой философ (бывшая собака), который разработал концепцию, заключающуюся в том, что собаки — самые древние существа, живущие бок о бок с людьми, и поэтому обязательно должны иметь право на особые привилегии. Когда я услышал это, мне стало ужасно смешно: я представил себе собаку, которая приняла облик Сократа. Здесь же, на верхнем ярусе “подземки”, мне уже не было смешно. Что, если вот такая бывшая собака начнет здесь вести себя вызывающе? Убить ее? Но тогда — неприятности с законом, встреча с субкомиссаром Содействия.

Вирджиния же ничего не замечала. Она забросала меня вопросами о верхнем ярусе “подземки”. Я был здесь раньше только один раз в весьма юном возрасте и мало что помнил, но как лестно было слышать ее изумленные возгласы!

И тут что-то произошло.

Сначала я подумал, что это человек, облик которого изменила игра светотени в “подземке”, но когда он подошел ближе, понял, что это не так. Плечи у него были шириной в пять футов, лоб изуродован красными шрамами, на месте которых когда-то торчали рога. Это был гомункул, происходивший от одного из видов крупного ро-

гатого скота. Честно говоря, я никогда не думал, что превращенное существо можно оставлять в таком виде.

Мало того, он был явно пьян.

Когда он подошел совсем близко, я поймал его мысль: “Это не люди, не гоминиды, и не мы. Что же это такое? Их язык действует мне на нервы”. Он раньше никогда не воспринимал французскую речь.

Ситуация прескверная. Все гомункулы умеют говорить, но телепатируют только немногие — в основном те, кто занят на особых работах, там, где сигналы нужно передавать телепатически.

Вирджиния прижалась ко мне.

Я начал думать на общечеловеческом языке: “Мы настоящие люди. Пропусти нас”.

В ответ раздалось рычание. Не знаю, где он пил и что, но моего сигнала он не принял. Я почувствовал, как на него накатывается паника, беспомощность, страх. А потом он пошел на нас, как будто хотел раздавить.

Я сфокусировался на мысли, приказывающей ему остановиться. Это не сработало.

Охваченный ужасом, я вдруг понял, что думаю на французском. Вирджиния закричала. Он уже был совсем рядом, но в последний момент свернул в сторону и, словно слепой, прошел мимо, наполняя все вокруг своим ужасным ревом.

Все еще прижимая к себе Вирджинию, я обернулся, чтобы понять, почему этот бык-гомункул оставил нас в покое. То, что я увидел, поразило меня: наши фигуры отбрасывали тени, причем моя была черно-красной, а Вирджинии — золотой, обе очень четкие — точная копия нас самих. На них он и пошел.

Я в смятении огляделся. Ведь нам говорили, что теперь нас никто не будет защищать и оберегать. У стены стояла девушка. Я чуть не принял ее за статую. Она заговорила:

— Ближе не подходите. Я кошка. Обмануть его было легко. Но лучше возвращайтесь наверх.

— Спасибо, — сказал я. — Как вас зовут?

— Какое это имеет значение? Я не человек.

Задетый ее словами, я настаивал:

— Я только хотел поблагодарить вас.

Она была очень красивой и яркой, как пламя. Кожа ее была гладкая, цвета сливок, а волосы красивей, чем у са-

мой прекрасной женщины, — рыже-золотые, как у персидской кошки.

— Меня зовут К'Мелла, — сказала она. — Я работаю в Космопорту.

Это поразило и меня, и Вирджинию. Люди-кошки были ниже нас, и их следовало избегать, но Космопорт был чем-то большим в нашем понимании, и о нем уважительно говорили все. Кем же работала там К'Мелла?

Она улыбнулась, и ее улыбка предназначалась скорее мне, чем Вирджинии. В ней сосредоточилась чувственность всего мира. Но я знал, что К'Мелла не пыталась соблазнить меня: весь ее вид и все поведение говорили об этом. Может, она просто не умела иначе улыбаться.

— Однако сейчас не до этикета, — сказала она. — Лучше быстрее поднимайтесь. Я слышу, что он возвращается.

Я оглянулся: пьяного быка-гомункула не было видно.

— Быстрее, — настаивала К'Мелла. — Это ступеньки для экстренных случаев, вы очень скоро окажетесь наверху. Я задержу его. А вы говорили по-французски?

— Да. Но как вы...?

— Быстрее! Извините, что я спросила. Поторопитесь!

Я вошел в маленькую дверь, за которой спиралью извивалась вверх лестница. Конечно, было ниже нашего достоинства пользоваться ею, но К'Мелла настаивала, и ничего не оставалось делать. Я кивнул ей на прощание и пошел с собой Вирджинию.

Наверху мы остановились.

— Боже, это был кошмар, — проговорила Вирджиния.

— Но теперь мы в безопасности.

— Нет, это не безопасность. Это гадость и мерзость. То, что мы разговаривали с ней!

Она почувствовала, что я не хочу отвечать, и добавила:

— Самое печальное то, что ты увидишься с ней снова.

— Что? Откуда ты это взяла?

— Не знаю. Я чувствую. А интуиция у меня хорошая, очень хорошая. Ведь я ходила к Абба-динго.

— Я спрашивал тебя, дорогая, что там произошло с тобой.

Но она только покачала головой и пошла вперед. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней, хоть я и чувствовал себя слегка раздраженным. Я спросил еще раз, более настойчиво:

— Что же там произошло?

С чувством оскорбленного женского достоинства Вирджиния ответила:

— Ничего, ничего. Мы долго поднимались туда. Тетя настояла на том, чтобы я пошла с ней. Но оказалось, что машина в этот день не предсказывает. Нам пришлось брать разрешение, чтобы спуститься вниз, в шахту, и вернуться по “подземке”. День пропал зря.

Вирджиния говорила так, как будто обращалась не ко мне, а к кому-то впереди себя, как будто воспоминания ее об этом дне были не из приятных. Потом она посмотрела на меня: карие глаза пытались заглянуть в мою душу. (Душа! Это слово есть во французском, но ничего подобного нет в современном общечеловеческом языке). Она вдруг встрепенулась и попросила меня:

— Давай не будем сегодня грустить. Давай с радостью принимать все новое, Поль. Давай вести себя по-французски, раз уж мы французы.

— Пошли в кафе. Нам нужно кафе. И я даже знаю, где есть то, что нам нужно.

— Где же?

— Двумя ярусами выше. Где разрешают находиться машинам, а гомункулам — заглядывать в окна. Мысль о том, что за нами в окна будут подглядывать гомункулы, была для меня просто забавной, хотя раньше я даже не вспомнил бы об этих существах, как будто это столы или стулья. Прежде я вообще с гомункулами не встречался, хоть и знал, что они люди, созданы из животных, но выглядят, как люди и умеют говорить. И только сейчас я задумался над тем, что они могут быть и уродливыми, и красивыми, и оригинальными. Даже более чем оригинальными: романтическими. Наверное, сейчас Вирджиния думала о том же, потому что сказала:

— А они могут быть совершенно восхитительными. Так как же называется кафе?

— “Жирная кошка”.

“Жирная кошка”. Откуда мне было знать тогда, что это начало нашего пути к кошмару, к дождевым потокам и завывающим ветрам? Откуда я знал, что это как-то связано с бульваром Альфа Ральфа? Никакая сила не заставила бы меня пойти туда, если бы я знал. Какие-то

другие свежее испеченные французы вошли перед нами в кафе.

Официант с длинными каштановыми усами принял у нас заказ. Я пригляделся к нему: не гомункул ли это, получивший лицензию на работу среди людей? Но нет. Это была машина, хоть в голосе ее и звучала сердечность парижанина. Те, кто создавал ее, даже сумели сделать так, что официант ежеминутно нервно проводил рукой по усам, а на лбу у него сверкали настоящие капельки пота.

— Мадемуазель? Месье? Пиво? Кофе? Красное вино только в следующем месяце. Солнце засветит в четверть первого, а потом еще раз в половине первого. Без двадцати час на пять минут пойдет дождь, чтобы вы могли насладиться своими зонтиками. Я уроженец Эльзаса. Вы можете со мной говорить и на французском, и на немецком.

— Что-нибудь, — сказала Вирджиния. — Решай сам, Поль.

— Пива, пожалуйста. Светлого. Обоим.

— Сию минуту, месье, — сказал официант и исчез, развеивая фалдами своего фрака.

Вирджиния, не отрываясь, смотрела на небо:

— Как бы я хотела, чтобы сейчас пошел дождь! Я никогда не видела настоящего дождя.

— Потерпи, дорогая.

— А что такое “немецкий”, Поль?

— Другой язык, другая культура. Я читал, что новых немцев будут создавать в следующем году. А тебе разве не нравится быть француженкой?

— Очень нравится. Намного больше, чем быть просто номером. Но, Поль... — внезапно она запнулась, а в глазах появилось смущение.

— Да, дорогая?

— Поль, — сказала она, и в этом звуке моего имени был крик, молящий о помощи. Он шел из глубины ее души прямо ко мне, к сердцу того, кем я стал, и кем я был, вопреки всему тому, что было заложено в меня моими создателями.

Я взял ее руку.

— Скажи мне, дорогая.

— Поль, — сказала она, чуть не плача, — ну почему все так быстро происходит? Это наш первый день, и мы оба чувствуем, что сможем прожить вместе всю оставшу-

юся жизнь. Но что-то не то в нашем дуэте... Нам нужно найти священника. Я не понимаю, что происходит и почему так быстро. Я хочу любить тебя, и я люблю тебя. Но я не хочу любить тебя так, как будто кто-то заставляет меня это делать. Я хочу быть сама собой. Из ее глаз полились слезы, но голос оставался твердым.

А потом я сказал то, чего мне не нужно было говорить:

— Ты не должна волноваться, любимая. Я уверен, что Содействие все продумало.

Услышав мои слова, она расплакалась громко и безудержно. Я никогда раньше не видел, чтобы взрослый человек плакал. Это было очень странно и пугающе.

Человек, сидевший за соседним столиком, встал и подошел к нам, но я не обратил на него внимания.

— Дорогая, — пытался я успокоить Вирджинию, — дорогая, мы справимся.

— Поль, позволь мне уйти от тебя, только так я смогу быть твоей. Всего на несколько дней или недель, а может, и лет. Тогда, если... если... если я все же вернусь, ты будешь знать, что это я, а не запрограммированная машина. Ради Бога, Поль, ради Бога! — и уже совсем другим голосом прибавила: — А что такое Бог, Поль? Они заложили в наше сознание множество новых слов, и я не знаю, что они значат.

Человек, стоявший возле нашего столика, сказал:

— Я могу отвести вас к Богу.

— Кто вы? — спросил я. — И кто вас просит вмешаться?

Мои слова были произнесены очень обидным тоном, чего в нашем прежнем языке — общечеловеческом — не было совсем. Но незнакомец вежливо продолжал (он хоть и был французом, но умел держать себя в руках):

— Меня зовут Максимилиан Макт. Я когда-то был верующим.

Глаза Вирджинии загорелись. Она быстро вытерла слезы и уставилась на незнакомца. Он был высокий, худой, загоревший (и как ему удалось так быстро загореть?). У него были огненно-рыжие волосы и усы почти как у нашего официанта.

— Вы спросили о Боге, мадемуазель. Бог там, где всегда был, есть и будет. Он вокруг нас, возле нас, в нас.

Очень странно звучали эти слова в устах человека вполне мирской наружности. Я поднялся, чтобы попрощаться с ним, но Вирджиния, поняв мои намерения, поспешила предотвратить мои слова:

— Совершенно верно, Поль. Дай месье стул, — голос у нее был очень теплым.

Подошел официант с двумя конусообразными бокалами, наполненными золотой пенистой жидкостью. Я никогда раньше не видел пива, но знал, какое оно на вкус. Я положил на поднос мнимые деньги, получил мнимую сдачу и заплатил официанту мнимые чаевые. Содействие еще не придумало, как снабдить каждую воскресшую нацию своими собственными деньгами, поэтому мы не могли пока расплачиваться настоящими купюрами. Еда и напитки были бесплатными.

Официант-машина вытер усы, провел салфеткой по вспотевавшему лбу и вопросительно посмотрел на месье Макта:

— Вы будете здесь сидеть, месье?

— Конечно, — сказал Макт.

— Вас можно обслуживать за этим столиком?

— Почему бы и нет? Если эти милые люди позволят.

— Очень хорошо, — кивнул робот, снова вытирая рукой усы и тут же устремился в темноту бара.

Вирджиния не отрывала глаз от Макта.

— Вы верующий? — спросила она. — И вы до сих пор верите, хоть и стали, как и мы французом? А почему вы считаете, что вы — это вы? Почему я, например, люблю Поля? Неужели Содействие контролирует и наш внутренний мир? Я хочу быть самой собой. Вы знаете как этого можно достичь?

— Не знаю, что делать в вашем случае, но в моем — знаю. Я учусь быть самим собой. Подумайте, — и он повернулся ко мне. — Я стал французом две недели назад, но уже знаю, что во мне осталось от прежнего, а что добавилось от нового.

Официант вернулся с бокалом, ножка которого придавала ему вид маленькой злобной фигурки, изображавшей Космопорт. Жидкость в бокале была молочно-белого цвета.

Макт поднял бокал и сказал:

— Ваше здоровье!

Вирджиния смотрела на него во все глаза: казалось, она вот-вот опять расплачется. Пока мы с ним попивали из бокалов, она высморкалась и спрятала платок. Я впервые увидел, как сморкаются, но мне казалось, что это вполне соответствует уровню нашей новой культуры.

Макт улыбнулся нам обоим, как будто собирался вешать вновь. В точно назначенное время вышло солнце. Макт произнес “хэлло” и стал похож или на дьявола, или на святого.

Вирджиния заговорила первой:

— А вы были там?

Макт поднял брови, нахмурился и очень тихо сказал:

— Да.

— И вы что-нибудь узнали?

— Да, — и он стал мрачным и угрюмым.

— И что же это ?

В ответ он только покачал головой, как бы говоря, что есть вещи, которые не обсуждают на людях. Я хотел прервать их, спросить, о чем они ... Но Вирджиния не обратила на меня внимания и продолжала:

— Но он же что-то сказал?

— Да.

— Это важно?

— Мадемуазель, давайте не будем говорить об этом.

— Нет, мы должны! — закричала она. — Потому что это вопрос жизни и смерти.

Вирджиния сжала кулачки так сильно, что побелели костяшки пальцев. До пива она не дотронулась, и оно, похоже, уже потеплело от солнечных лучей.

— Ну, хорошо, — согласился Макт, — вы можете спрашивать... Но я не гарантирую, что отвечу.

Я больше не мог себя сдерживать:

— О чем это вы твердите?

Вирджиния глянула на меня с раздражением, но даже в ее раздражении присутствовала любовь; отчужденности не чувствовалось.

— Поль, пожалуйста, не вмешивайся. Подожди немного, ты еще все узнаешь. Так что же он вам сказал, месье Макт?

— Что я или умру, или буду жить с темноволосой девушкой, которая была обручена с другим, — и он добавил, криво улыбаясь: — А я даже не знаю, что значит слово “обручена”.

— Ничего, мы узнаем, — пообещала Вирджиния, — а когда это было?

— Да о чем это вы?! — закричал я. — Ради Бога, скажите мне!

Макт посмотрел на меня и тихо произнес:

— Абба-динго. На прошлой неделе.

Вирджиния побелела:

— Значит, он продолжает предсказывать, продолжает, продолжает! Поль, милый, мне он ничего не сказал, но моей тетке... Он сказал ей такое, чего я никак не могу забыть.

Я решительно взял ее за руку и нежно заглянул в глаза, но она отвернулась.

— Что же он сказал, дорогая?

— “Поль и Вирджиния”.

— Ну и что?

Я ее не узнавал. Губы ее были стиснуты, хоть она и не злилась. Но мне казалось, что так даже хуже. Она была очень напряжена. Такого все мы, люди, наверняка не видели тысячи лет.

— Поль, пойми простую вещь, если, конечно, ты можешь понять. Компьютер назвал два наших имени... И это было двенадцать лет назад.

Макт так резко встал, что стул под ним упал, и к нам тут же бросился официант.

— Теперь все понятно, — сказал Макт. — Нам нужно пойти туда.

— Куда? — спросил я.

— К Абба-динго.

— Но почему именно сейчас?! — вскричал я.

— А он будет предсказывать? — одновременно со мной произнесла Вирджиния.

— Он всегда предсказывает, если подойти к нему с северной стороны.

— А как мы туда доберемся?

Макт нахмурился:

— Есть только один путь. По бульвару Альфа Ральфа.

Вирджиния встала. Я встал тоже, и тут вспомнил: бульвар Альфа Ральфа — это разрушенная улица, висящая в небе.

Когда-то это была обширная магистраль, по которой проходили процессии. По ней шли завоеватели,

здесь собирали дань. Но улица была разрушена и потерялась в небе. Она была закрыта для человечества уже сотни лет.

— Я знаю этот бульвар. Но он давно разрушен, — заметил я.

Макт не ответил, но посмотрел на меня, как на чужака. Вирджиния, очень спокойная и с побелевшим лицом, произнесла:

— Пойдемте.

— Но зачем? Зачем? — спросил я.

— Ты дурак, — сказала она. — Если у нас нет Бога, то пусть будет хоть этот компьютер. Это единственное, что осталось от мира, которого Содействие не хочет понять. Может, он предскажет нам будущее. Может, это и не машина вовсе. Он же совсем из другого времени. Разве ты не хочешь испытать себя, дорогой? Он скажет нам, мы это или не мы.

— А если не скажет?

— Тогда мы не мы, — и лицо ее помрачнело от предчувствия горя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если мы не мы, то мы просто игрушки, куклы, марионетки, которых создало Содействие. Я не я, а ты не ты. Но если Абба-динго скажет, что мы это мы, то мне все равно, машина это, бог или черт. Мне все равно. Главное — знать правду.

Что я мог ей ответить? Макт пошел вперед, она — за ним, а я замыкал процессию. Позади осталась “Жирная кошка” со своим солнцем, а как только мы вышли, пошел маленький дождик. Мы вошли в “подземку” и начали спускаться по движущейся ленте.

Выйдя из “подземки”, мы очутились в квартале внушительных домов. Но все они были разрушены. К каждому из них вели дорожки, по обеим сторонам которых росли деревья. На газонах, в проемах дверей, даже в комнатах, не покрытых крышами, буйно разрослись цветы. Кому нужны были эти дома “на открытом воздухе”, если население Земли так резко уменьшилось, что целые города с просторными жилищами пустовали?

На мгновение мне показалось, что я увидел семью гомункулов с малышами, которые, не отрываясь смотрели,

как мы пробираемся по покрытым гравием дорожкам. А может, эти лица только привиделись мне.

Макт молчал.

Мы с Вирджинией шли рядом с ним, держась за руки. Я мог бы даже получить удовольствие от этой странной экскурсии, но рука Вирджинии, которую я держал в своей, была сжата в кулак, и время от времени она покусывала нижнюю губу. Я видел, что все это для нее очень важно, она чувствовала себя паломницей. (Паломничество — это древний обычай идти пешком к какому-нибудь святому месту, где можно получить благодать для души и тела). А мне, фактически, было все равно. Если уж они решили уйти из кафе, то что мне оставалось? Но я не собирался принимать все это всерьез.

А что нужно Макту? Кто он такой? Что за мысли приходили ему за эти две недели? Как ему удалось толкнуть нас на путь авантюры и опасности? Я ему не верил. Впервые в жизни я почувствовал себя одиноким. Всю жизнь, постоянно, вплоть до этого момента, я думал только о Содействии и о том, как оно оберегает меня от всяческих неприятностей. Телепатия приходила на помощь во всем: чтобы избежать несчастных случаев, чтобы вылечить любую рану, чтобы провести нас здоровыми и невредимыми по всему отмеренному нам жизненному пути. А теперь все было иначе. Я не знал этого человека, но мне приходилось полагаться на него, а не на те силы, которые раньше защищали меня.

Мы повернули с разрушенной дороги на широченный бульвар. Тротуар бульвара был такой гладкий, совсем неповрежденный, на нем ничего не росло, и только ветер разбросал здесь и там комочки земли.

Макт остановился:

— А вот и он, бульвар Альфа Ральфа.

Мы молча смотрели на дорогу, которой проходили на роды забытых империй.

Слева бульвар плавно сворачивал в сторону, от поворота в северном направлении тянулась извилистая дорожка. Там должен был находиться другой город, но я забыл, как он называется. Впрочем, с чего это я должен был помнить его название?

А справа... Бульвар поворачивал вправо, вздымался по наклонной плоскости и исчезал в облаках, где притаилось несчастье. Я не очень хорошо видел конец бульвара, как будто какие-то таинственные силы намеренно пытались скрыть его от моего взора. Где-то над облаками находился Абба-динго, место, где мы получим ответы на все наши вопросы...

Во всяком случае, так полагали мои спутники. Вирджиния придвинулась ко мне.

— Давай вернемся, — предложил я ей. — Мы городские люди. Мы не знаем, что нас может подстеречь в этих развалинах.

— Можешь вернуться, если хочешь, — обиделся Макт. — Я ведь только делаю вам одолжение.

Мы оба посмотрели на Вирджинию. Она широко раскрыла свои карие глаза, в которых была мольба. Я уже заранее знал, что она скажет. Она скажет, что должна все узнать. Макт лениво поддевал носком ботинка камешки на дороге. Вирджиния, наконец, сказала:

— Поль, я, конечно же, не хочу, чтоб мы подвергали себя опасности. Я понимала, на что мы идем, когда решилась. Но ведь у нас есть возможность узнать, любим ли мы друг друга. Что же это будет за жизнь, если наше счастье будет зависеть от механического голоса, который разговаривал с нами, когда мы спали и учили французский? Может, возвращаться к тому, что у нас раньше было, смешно. Но я очень счастлива с тобой. Раньше я даже не подозревала, насколько я счастлива. Но если мы остались самими собой, если у нас есть еще наше счастье, мы должны знать об этом. А если нет... — И она разрыдалась.

Я хотел сказать ей: "А если мы перестали быть собой, то какая разница?". Но я увидел угрюмое зловещее лицо Макта и осекся.

Я прижал к себе Вирджинию и вдруг посмотрел на ногу Макта: по ней стекала струйка крови, которую сразу поглощала дорожная пыль.

— Что с тобой, Макт? Ты ушибся? — спросил я.

Вирджиния тоже повернулась к нему. Но он изумленно поднял брови и ответил совершенно равнодушно:

— Нет. А что?

— Кровь! У тебя на ноге.

Он посмотрел вниз:

— А, это. Это ерунда. Просто яйца какой-то птицы, не умеющей летать.

“Ах ты негодяй!” — послал я ему телепатический сигнал, пользуясь при этом нашим общечеловеческим, а не французским. Он в изумлении отступил на шаг, и на меня полился поток мыслей. Но это были не его мысли. Я не знал, откуда они шли: “Добрый человек, уходи отсюда, быстрее уходи, этот человек плохой, очень плохой...” Кто-то — птица или животное — предостерегал меня от Макта. Я послал в ответ “спасибо” и повернулся к нашему спутнику.

Мы уставились друг на друга. “Неужели это и есть “культура”? Неужели мы люди? Неужели свобода подражает недоверие, страх, ненависть?” — думал я.

Наш спутник мне очень не нравился. В моем сознании всплыли слова, обозначающие давно забытые понятия: “убийство”, “похищение”, “безумие”, “насилие”, “грабеж”.

Я никогда не знал, что все это значит, но сейчас я чувствовал, что знаю. Он заговорил со мной очень спокойно. Мы оба хорошо контролировали свои мысли, чтобы не дать друг другу прочитать их телепатически.

— Это ведь была твоя идея... Или идея девушки, по крайней мере.

— Но есть ли хоть капля смысла во всей этой опасной авантюре?

— Смысл есть.

Я легко подтолкнул Вирджинию вперед, чтобы она отошла и не слышала нас. При этом я не переставал контролировать свое сознание, из-за чего почувствовал сильную головную боль.

— Макт, — спросил я его напрямик, — скажи, зачем ты привел нас сюда, или я тебя убью.

Во взгляде его читалась готовность сразиться со мной:

— Убьешь? Ты хочешь сказать, что лишишь меня жизни?

В его голосе не было убежденности. Ни он, ни я понятия не имели о том, как нужно драться, но оба приготовились: Макт — к защите, я — к нападению. И вдруг я снова воспринял чью-то мысль: “Добрый человек, добрый

человек, возьми его за шею, не дай ему дышать, сдави, и он станет как разбитое яйцо”.

Я последовал этому совету, ни на мгновение не задумавшись, от кого он исходит. Подойдя к Макту, я схватил его за горло и крепко сжал. Он пытался оторвать мои руки от своей шеи, затем попытался ударить меня ногой, но я крепко держал его. Если бы я был членом Содействия или капитаном корабля, я умел бы драться. Но я не умел. Он — тоже.

Все кончилось в тот момент, когда я почувствовал в своих руках тяжесть. Удивившись, я отпустил его: Макт был без сознания. “Неужели умер? — мелькнуло у меня в мозгу. — Наверное — нет, потому что он сел”. Вирджиния бросилась к Макту, но он уже растирал себе шею и бормотал:

— Не нужно было этого делать. Не нужно...

Эти слова придали мне сил:

— Скажи, зачем ты привел нас сюда, или я повторю! Макт криво усмехнулся и произнес, прислонившись головой к руке Вирджинии:

— Из-за страха. Страх.

— Страх?

Я знал это слово, но не знал, что оно значит.

Это что — беспокойство, нервозность, ощущение опасности? Я думал, не блокируя больше свои мысли, и услышал его “да”.

— Но кому это может нравиться?

— О, это очень приятно. У меня захватывает дух, я чувствую в себе биение жизни. Это — как сильнодействующее лекарство, не хуже струна. Я ведь уже был там, за облаками. О, мне было очень страшно. Но как хорошо! Хорошо и плохо одновременно. За один-единственный час я прожил тысячи лет. Я хотел еще раз ощутить это, но подумал, что если я буду не один, то будет еще лучше.

— Теперь-то я точно убью тебя, — пригрозил я ему по-французски. — Ты... ты... — я не мог подобрать слово. — Ты — воплощение зла.

— Нет, пусть говорит, — попросила Вирджиния.

— Это то, чего Содействие не позволяло нам испытывать раньше, — продолжил Макт. — Мы всегда рождались без сознания и умирали во сне. Даже животные, даже го-

мункулы имеют право на полнокровную жизнь. Только у машин нет страха, как и у нас. Но теперь мы свободны. — Он почувствовал, что я не перестаю сердиться и сменил тему: — Я не лгал вам. Это и есть дорога на Абба-динго. Я был там. Он предсказывает.

— Предсказывает! — закричала Вирджиния. — Ты слышишь? Он говорит, что предсказывает! Он говорит правду! Поль, пойдем же, пойдем!

Я помог ему подняться. Он был смущен, как человек, который сделал что-то такое постыдное. Мы ступили на неразрушенную поверхность бульвара. Ногам было приятно. В своем подсознании я слышал призывы невидимой птички или животного: “Добрый человек, добрый человек, убей его, возьми воду, воду...”.

Но я не обращал внимания. Мы шли вперед: я и Макт — по бокам, а между нами — Вирджиния. Я не обращал внимания на телепатическую мольбу.

Лучше бы я обратился.

Мы шли очень долго. Такое путешествие было для нас нове. Нас радовало и пьянило ощущение свободы: свежий воздух и знание, что тебя никто не охраняет, что нужно полагаться только на себя. Мы встречали множество птиц, и все они были взволнованы и изумлены, насколько я мог читать их мысли и ощущения. Это были настоящие птицы, каких я еще никогда раньше не видел. Вирджиния спрашивала меня, как они называются, и я беззастенчиво обманывал ее, называя все приходившие мне в голову слова, обозначающие по-французски, как меня научили, птиц.

Максимилиан Макт тоже взбодрился и даже начал петь нам, довольно фальшиво, о том, как мы пойдем одной дорогой, а он — другой, но в Шотландию он попадет первым. Слова песни не имели особого смысла, но ритм был приятным. Как только Макт уходил от нас на некоторое расстояние, я сам начинал тихонько напевать “Макубу” на ухо Вирджинии.

Мы были счастливы, потому что чувствовали себя свободными путешественниками. Пока не проголодались. Вот тут начались неприятности.

Вирджиния подошла к первому попавшемуся фонарному столбу, ударила по нему кулаком и сказала: “Накорми

меня". Фонарный столб должен был открыться, подать нам обед или, во всяком случае, дать информацию, где поблизости мы можем поесть. Но ничего подобного. Он вообще никак не отреагировал. Наверное, он был поломан.

Мы колотили по каждому следующему фонарному столбу, но безрезультатно.

Бульвар Альфа Ральфа возвышался приблизительно на полкилометра над окружавшей нас местностью. Чем дальше мы шли, тем меньше было вокруг птиц, пыли и сорняков. Огромная дорога без всякой опоры устремлялась вверх, напоминая ленту, зацепившуюся одним кольцом в облаках. Мы устали бить кулаками по столбам, но ни еды, ни воды не появлялось.

Вирджиния начала капризничать:

— Не годится возвращаться теперь. А еды здесь, наверное, нет. Ну почему ты ничего с собой не взял?

Не хватало мне только носить на себе продукты! Зачем же их таскать, если они — везде и повсюду? Моя любимая, конечно, не слишком долго думала, прежде чем сказать мне это, но она была моей любимой, и я любил все ее достоинства и недостатки.

Макт неустанно барабанил по столбам. Наверное, он считал, что это как-то предотвратит нашу драку.

Внезапно произошло нечто неожиданное. В первое мгновение я увидел, как он ударяет по очередному столбу, а в следующее уже растерянно наблюдал, как он на огромной скорости удаляется от нас за горизонт. Он что-то кричал нам, но слов мы разобрать не могли. Еще мгновение — и он исчез за облаками.

Вирджиния глянула на меня:

— Хочешь теперь вернуться? Макта нет. Мы потом скажем, что я устала.

— Ты серьезно?

— Конечно, дорогой.

Я засмеялся, немного рассерженный. Она ведь настаивала на том, чтобы мы пришли сюда, а теперь хочет вернуться, якобы чтобы доставить мне удовольствие.

— Нет, — сказал я. — Уже недолго осталось. Пойдем.

— Но Поль...

— Она стояла совсем рядом. Ее карие глаза глядели обеспокоенно, она как будто пыталась проникнуть в самые

глубины моего сознания. “Ты хочешь, чтобы мы вот так общались?” — подумал я.

— Нет, — ответила она по-французски. — Просто мне очень многое хочется сказать. Я хочу идти к Абба-динго. Мне нужно идти. Мне это нужно больше всего. Но в то же время, я не хочу идти. Что-то там не так. Лучше уж мы с тобой чего-то не будем знать, чем совсем потеряем друг друга. Всякое может случиться.

— Ты имеешь в виду этот “страх”, о котором говорил Макт?

— Нет, Поль, не то. Мне все это просто не нравится. Может, с компьютером что-то не так...

— Послушай! — прервал я ее.

Из-за облаков до нас донесся крик, похожий на вой животного, но слова можно было разобрать. Наверное, это был Макт. Я услышал: “Будьте осторожны!” Я искал его телепатически, но не смог найти. У меня началось головокружение.

— Пойдем вперед, дорогая, — предложил я.

— Да, Поль. — В ее голосе были одновременно счастье, смирение и отчаянье.

Прежде чем мы двинулись дальше, я внимательно посмотрел на нее: она была моей.

Солнце только что закатилось за горизонт. В насыщенном желтом цвете неба ее каштановые волосы отливали золотом, а карие глаза в радужных оболочках стали черными. В выражении лица девушки, отдавшей своей судьбе, было больше смысла, чем во всей Вселенной.

— Ты моя, — прошептал я.

— Да, Поль, — ответила она и радостно улыбнулась. — Как хорошо услышать это от тебя!

Птица, сидевшая на ветке, странно взглянула на нас и улетела. Наверное, она не слишком одобряла чепуху, которую несут люди, поэтому и растаяла в темном воздухе. Я видел, как она пикировала, а потом полетела медленно, еле шевеля крыльями.

— Мы не так свободны, как птицы, — заметил я, — но мы свободнее тех людей, которые жили тысячелетия до нас.

В ответ она только прижалась к моей руке и снова улыбнулась.

— А теперь, — сказал я, — идем за Мактом. Обними меня посильнее и держись крепче. Я стукну по этому столбу. Если не обед, то хоть какую-то возможность более быстрого передвижения мы получим.

Я почувствовал, как она крепко обхватила меня за пояс, и изо всех сил ударил по столбу. По какому из них? За мгновение их промелькнуло перед нашими глазами огромное множество. Земля под ногами оставалась такой же устойчивой, но мы сами неслись с безумной скоростью. Даже в “подземке” не бывает таких скоростей. Платье Вирджинии издавало звук, похожий на треск ломающихся веток. В мгновение ока мы оказались в облаке и тут же покинули его.

Перед нами простирался теперь совсем другой мир. Облака висели под ногами и над головой. Вокруг сверкало голубое небо. Мы прочно стояли на ногах — древние инженеры хорошо сконструировали эту дорогу — и в то же время летели все выше и выше, не чувствуя головокружения.

Еще одно облако.

А потом все произошло быстрее, чем можно рассказать. На меня обрушился страшный удар. Боль была ужасной. Ничего подобного я не ощущал в своей прежней жизни. Не знаю почему, но Вирджиния вдруг упала на меня, и потом начала тянуть за руки. Я хотел сказать ей, чтобы она отпустила меня, что мне больно, но у меня не хватало дыхания. Я боролся с ней. И только потом я понял, что подо мной ничего нет: ни моста, ни посадочной полосы — ничего. Я находился на самом краю бульвара, на развалившейся его части, через пролом внизу была видна лента реки или дороги.

Оказалось, что мы перескочили через большую пропасть и при этом я ударился грудью о край обрыва. Но боль не имела значения. “Сейчас придет врач-робот и вылечит меня”, — подумал я. Но, взглянув на Вирджинию, я вспомнил, что здесь нет ни врача-робота, ни Содействия, а есть только ветер и боль. Она плакала. Я никак не мог разобрать, что она говорит.

— Боже мой, любимый, ты умер!

Ни она, ни я не знали, что такое “смерть”, потому что люди обычно просто исчезали, когда приходило их время.

Мы знали только, что это прекращение жизни. Я пытался объяснить ей, что я жив, но она продолжала суетиться, силясь оттащить меня подальше от обрыва. Я попробовал сесть. Она склонилась надо мной и покрыла мое лицо поцелуями. Наконец, я смог произнести:

— Где Макт?

— Я его не вижу, — сказала она, обернувшись.

Я начал было вертеть головой в поисках Макта, но Вирджиния попросила меня успокоиться:

— Я посмотрю сама.

Она храбро ступила на край обрыва и глянула вниз. Всматриваясь в плывущие мимо и внизу облака, она вдруг крикнула:

— Я вижу его! Он такой смешной. Ползет как насекомое.

Я приблизился к ней, используя всю силу своих рук и ног. Макт был внизу: крошечное пятнышко, вокруг которого летали еще более крошечные — птицы. Положение, в котором он находился, было мало приятным. Впрочем, возможно именно сейчас он удовлетворял жажду страха, которая делала его счастливым. Мне же не хотелось быть на его месте. Все, чего я хотел, — это еда, вода и врач-робот.

Но ничего этого не было.

Я попытался встать на ноги. Вирджиния старалась помочь мне, но я справился сам:

— Пойдем.

— Пойдем?

— Пойдем к Абба-динго. Может, там есть роботы, которые смогут нам помочь. Здесь, кроме холода и ветра, ничего нет. И солнце еще не зажглось.

Она нахмурилась:

— А Макт?

— Он не скоро поднимется. К тому времени мы уже вернемся.

Она повиновалась. Мы перешли на левую сторону бульвара. Я попросил ее крепче обхватить меня и начал поочередно бить кулаком по столбам. Должен же здесь быть хоть один, который передвигается по этой дороге!

С четвертого раза — сработало. И снова ветер развеивал наши одежды, пока нас несло на самый верх бульвара Аль-

фа Ральфа. Мы ощущали, как дорога уходит влево. Нам нелегко было удержать равновесие.

Наконец мы остановились.

Перед нами был Абба-динго.

Вся прилегавшая к нему дорога была покрыта какими-то белыми предметами, похожими на шишки и прутики, а многие напоминали неправильной формы шары, размером с мою голову.

Вирджиния молча стояла возле меня.

Величиной с мою голову? Я толкнул один из предметов ногой и понял, что это такое. Я уже знал наверняка: это были люди. Вернее, их останки. Я никогда ничего подобного не видел. Вот это, валяющееся сейчас у меня под ногами, наверное, когда-то было чьей-то рукой...

— Пойдем, Вирджиния, — сказал я, пытаюсь не выдать голосом своего волнения и поглубже спрятать свои мысли.

Она пошла за мной, не говоря ни слова. Она никак не могла понять, что это валяется на земле, и, кажется, не догадалась. Я же смотрел прямо перед собой на стену, открывшуюся нам. Наконец я нашел их — маленькие двери, ведущие к Абба-динго.

На одной из них было написано: “Метеослужба”. Написано было ни на общечеловеческом, ни на французском, но на языке, очень близком тем, что я знал, поэтому я сразу понял, что речь идет об атмосферных явлениях. Я положил руку на панель двери, и сразу ж засветились какие-то цифры, ни о чем мне не говорившие, а потом фраза: “Надвигается тайфун”.

Я знал, что слово “тайфун” означает колебания воздуха, и мне пришло в голову, что этим должны заниматься машины, отвечающие за погодные условия. Это было совсем не то, ради чего мы пришли сюда.

— Что это значит? — спросила Вирджиния.

— Колебания воздуха.

— Но нас ведь это не касается?

— Конечно, нет.

Я занялся следующей панелью, на которой было написано: “Еда”. Как только я дотронулся до нее, в стене раздался ноющий скрип, как будто всю башню начало тошнить. Дверь слегка приоткрылась, и из нее пахнуло чем-то ужасным. Потом маленькая дверь захлопнулась снова.

На третьей двери было написано: "Помощь", но когда я дотронулся до панели, ничего не произошло. Может, это было какое-то устройство для сбора налогов в древние времена? Четвертая дверь, побольше, была приоткрыта. На панели горела надпись: "Предсказания", а ниже — загадочная фраза: "Листок опустите сюда". Я с трудом понимал, что имеется в виду и попытался телепатировать, но ничего не произошло. Нас обдувал ветер, и то, что лежало на тротуаре — "шишки" и "прутики", — начало двигаться. Я попытался еще раз, сделав над собой огромное усилие, проникнуть хоть в какой-то мозг, который, как я надеялся, окажется поблизости, и вдруг на меня обрушился истошный крик... Это был нечеловеческий крик, и он ударил меня в мозг, как молния. И сразу все пропало.

Меня это очень расстроило. Сам я страха не чувствовал, но боялся за Вирджинию. Она устояла на тротуаре: — Поль, а это не пальто среди всех этих странных предметов?

Я когда-то видел в музее действие рентгеноизлучения, очень распространенного в древние времена. Поэтому я хорошо себе представлял, что это не просто пальто, а пальто, в котором скрываются останки его хозяина. У него не было головы, поэтому я знал наверняка, что он мертв. И как это могло произойти? Как Содействие допустило это? Но, в конце концов, оно всегда запрещало подходить к этой стороне башни, и те, кто нарушил запрет, подвергались страшному наказанию.

— Посмотри, Поль, — сказала Вирджиния, — я могу вставить сюда руку.

И прежде, чем я успел остановить Вирджинию, ее рука уже находилась в отверстии, над которым горела фраза: "Листок опустите сюда".

Она истошно закричала.

Кисть была проглочена машиной.

Я пытался вытянуть ее руку, но безуспешно. Вирджиния от боли начала задыхаться. Вдруг машина отпустила руку. На коже были выдавлены слова. Я немедленно разорвал свою рубашку и начал было перевязывать рану, но мы не могли оторвать глаз от выдавленных на руке французских слов: "Ты будешь любить Поля всю жизнь".

Когда я закончил перевязку, Вирджиния подставила губы для поцелуя:

— Это стоило того. Это стоило всего, что мы перетерпели. Давай посмотрим, как мы сможем спуститься. Теперь я знаю все, что хотела.

Я еще раз поцеловал ее и сказал:

— Ты уверена, что теперь знаешь все?

— Конечно, — улыбнулась она сквозь слезы. — Ведь Содействие не могло этого подстроить. Какая умная старая машина! Бог это или черт, Поль?

Тогда я не задумался над ее словами, а вместо ответа погладил по голове. Мы уже собрались уходить, но вдруг подумал, что не узнал свою судьбу!

— Минутку, дорогая.

Она терпеливо ждала. Я оторвал от рубашки еще один лоскут и хотел уже вставить его в отверстие, когда, повернувшись к двери, увидел птицу. Я хотел отогнать ее, но она начала каркать. Мне казалось, что она хочет испугать меня своим карканьем. Я ничего не мог сделать. И тут я начал телепатировать: “Я настоящий человек. Уйди!” Мозг птицы передал только один, но многократно повторенный сигнал: “Нет, нет, нет!...”

Я сильно ударил ее кулаком, она упала на землю, а потом тихо поползла по тротуару, расправляя крылья, и ветер унес ее вдаль.

Я втиснул в отверстие лоскут материи, сосчитал до двадцати и вытащил его. На нем было написано: “Ты будешь любить Вирджинию еще двадцать одну минуту”.

Счастливый голос Вирджинии, окрыленной полученным предсказанием, донесся до меня как будто издалека:

— Что там, любимый?

Я поспешно выпустил лоскут, отдав его на волю ветра, и он исчез, как незадолго до этого обиженная мной птица. Вирджиния увидела, что лоскут исчез, и разочарованно сказала:

— Мы его потеряли. А что там было написано?

— То же, что и у тебя.

— А какими словами, Поль?

С болью в сердце, любовью и некоторым страхом я прошептал ей нежно свою ложь:

— “Поль будет всегда любить Вирджинию”.

Она улыбнулась мне лучезарной улыбкой. Ее крепкая фигурка словно излучала уверенность в счастье. Это была все та же хорошенькая Менерима, которую я увидел в детстве во дворе своего дома. И она была, к тому же, моей вновь обретенной любовью в моем вновь обретенном мире.

Она была девушкой из Мартиники. Какую глупость написал компьютер! Да он просто неисправен!

— Здесь нет ни еды, ни питья, — сказал я.

Конечно, там были лужи, но в них валялись человеческие останки, и у меня не было желания пить эту воду. А Вирджиния была так счастлива, что, несмотря на свою раненую руку, голод и жажду, отважно и жизнерадостно шла вперед. Я думал про себя: “Двадцать одна минута... Мы путешествуем уже шесть часов. Если мы здесь останемся, то наверняка подвергнем себя опасности”.

Мы бодро спускались вниз по бульвару Альфа Ральфа. Мы познакомились с Абба-динго и остались живы. Я не хотел думать о смерти, потому что само это слово было для меня столь непривычным, что плохо укладывалось в сознании.

Склон был настолько крутым, что мы мчались галопом, как лошади. В лицо дул невероятной силы ветер. Мы так и не увидели башню целиком, а только одну ее стену, к которой направила нас неведомая сила. Все остальное было скрыто за облаками, которые кружили по небу, как оторванные лохмотья. С одной стороны небо было красным, а с другой — грязно-желтым. На нас начали падать тяжелые капли дождя. “Наверное, машины, контролирующие погоду, сломались”, — подумал я. Я выкрикнул свое предположение Вирджинии. Она что-то ответила, но ветер унес ее слова. Я повторно прокричал ей, что, наверное, сломались машины, контролирующие погоду, и она начала радостно кивать мне головой, не обращая внимания на дождь и ветер. Это не имело для нее никакого значения. Она крепко держала меня за руку. Ее счастливое лицо озаряла улыбка, а карие глаза были полны нежности. Она увидела, что я, не отрываясь, смотрю на нее, и поцеловала мою руку, нисколько не сбившись с шага. Она была моей навсегда и знала это.

Между тем дождь усиливался. Вдруг появились птицы. Огромная птица отважно боролась с ветром, пытаясь оста-

новить свой полет. Это было нелегко, потому что скорость ее была велика. Она остановилась у моего лица и начала каркать, но ветер унес ее. Неожиданно другая птица ударилась мне в грудь, но и ее утащил ветер. Я успел уловить только ее телепатический сигнал: “Нет, нет, нет!..”

Что же мне делать?

Вирджиния схватила меня за руку и остановилась. Я тоже остановился. Прямо перед нами бульвар Альфа Ральфа обрывался. Уродливые желтые тучи проплывали над ним, напоминая собой ядовитых рыб, преследующих свою добычу.

Вирджиния что-то закричала. Я не слышал ее и наклонился к ней.

— Где же Макт? — крикнула она.

Я бережно повел ее к левой стороне дороги, где мощные изгороди могли как-то защитить нас от холодного ветра и дождя. Мы почти ничего не видели. Я заставил ее присесть, и сам присел рядом. Капли неприятно барабанили по нашим спинам. Воздух был наполнен грязным бурожелтым светом.

Мне не хотелось выходить из укрытия, но Вирджиния легонько подтолкнула меня вперед локтем, показывая, что нужно посмотреть, где Макт. Я подумал, что все это напрасно. Если Макт нашел укрытие, то он в безопасности, но если он еще внизу, то ветер сорвет его со скалы, и больше не будет Максимилиана Макта. Он будет “мертв”, и останки его развеет ветер.

Но Вирджиния настаивала.

Мы поползли к краю обрыва. Мне в лицо пулей метнулась птица. Его крыло обожгло мне щеку. Я никогда не думал, что крылья у птиц такие жесткие. Наверное, у этих птиц что-то расстроено в мозгу, если они бросаются на людей. Обычно они не ведут себя так по отношению к настоящим людям.

Мне было нелегко двигаться, потому что грудь, которую я ушиб по дороге к Абба-динго, еще болела. Наконец мы достигли края обрыва, и я пытался уцепиться пальцами левой руки за что-нибудь твердое и устойчивое, а правой рукой держал Вирджинию.

Но ни она, ни я ничего не увидели.

Вокруг нас сгустился мрак.

Ветер и дождь беспрестанно хлестали по щекам. Я хотел снова отвести Вирджинию в наше убежище, где мы могли бы переждать непогоду. Вдруг стало очень светло. Это было природное электричество, которое древние называли молнией. Позже я узнал, что молния — нередкое явление в районах, природные условия которых не контролируются.

Вспышка молнии осветила пропасть. Он лежал там с побелевшим лицом. Рот его был открыт — наверное, он что-то кричал нам. Не знаю, что владело им тогда — страх или радость. Он был очень возбужден. Молния ударила еще раз, и до меня донеслось эхо зова. Я поймал его телепатически, но в ответ — ничего. Все та же упрямая птица посылала мне свое многократное “нет”!

Вирджиния напряглась в моих объятиях и начала судорожно биться. Я попытался успокоить ее, но она ничего не слышала. Тогда я вошел в контакт с ее мозгом, но там кто-то был! И вдруг она прорвалась ко мне, закричав с отвращением: “Это девушка-кошка! Она хочет дотронуться до меня!”.

Вирджиния продолжала извиваться. Она выскользнула из моих рук, и я успел увидеть золотую вспышку ее платья за краем обрыва. Я начал искать ее, чтобы войти в контакт и поймал ее крик: “Поль, Поль, я люблю тебя! Поль ... помоги мне!”

И сразу в моем мозгу все исчезло. А передо мной появилась К’Мелла, которую мы сегодня встретили в верхнем ярусе “подземки”. — Я пришла, чтобы спасти вас обоих, но опоздала. Жаль, что твоя девушка не интересовала птиц. А знаешь, почему птицы хотят помочь тебе?

Ты спас их. Ты спас их потомство, когда рыжий убивал его. Всех нас волновало, что будут делать настоящие люди, когда станут свободными. Но теперь мы знаем. Некоторые из вас — плохие и убивают другие формы жизни, другие — хорошие и защищают их.

“Неужели это единственное, что отличает хорошее от плохого?” — подумал я.

Наверное, мне нужно было быть начеку. Ведь люди никогда не умели драться. А гомункулы умели. Они выросли в борьбе и опасностях. К’Мелла, девушка-кошка, ударила меня кулаком по подбородку. При отсутствии средств ане-

стезии это была единственная возможность лишить меня сознания, чтобы пронести все опасности.

... Я проснулся у себя в комнате. Я очень хорошо себя чувствовал. Рядом был врач-робот. Он сказал мне:

— У вас был шок. Я уже передал всю информацию о вас в Содействие, так что теперь можно стереть ваши воспоминания, если хотите.

У него было очень приятное выражение лица. Неужели когда-то переворачивал меня неистовый ветер? Неужели меня обливали потоки дождя? Куда же делось золотистое платье Вирджинии и жаждущее страха лицо Максимилиана Макта?

Я думал обо всем этом, не боясь, что робот проникнет в мои мысли, потому что знал их неспособность к телепатии. Я тяжело глянул на него и закричал:

— Где же моя настоящая любовь?

Роботы не умеют насмешливо улыбаться, но этот, во всяком случае, попытался:

— Обнаженная девушка-кошка с волосами цвета пламени? Она пошла одеваться.

Я уставился на него. Примитивный умишко этого робота начал вырабатывать свои собственные дрянные мысли:

— Должен сказать вам, сэр, что вы, “свободные люди”, очень быстро меняетесь...

Кто будет спорить с машиной? Ее не стоит утомлять даже ответа. Но та, другая машина!.. Двадцать одна минута... Как ей это удалось? Как она узнала? Это, наверное, очень мощный компьютер, дошедший до нас от тех времен, когда еще существовали войны. прочем, меня это уже не интересует. Пусть люди называют его Богом. Для меня он ничто. Мне не нужен страх, и я не собираюсь возвращаться на бульвар Альфа Ральфа.

... Но послушай, сердце мое, когда мы снова пойдем в наше кафе?..

Робот вышел, и в комнату вошла К'Мелла.

БАЛЛАДА О ПОТЕРЯННОЙ К'МЕЛЬ

New York 1972

Она была гейшей, они — настоящими людьми, повелителями и творцами, она играла против них и выиграла. Такого не случалось в прошлом, это не повторится в будущем, но победа осталась за ней. Обладая человеческой внешностью, она не принадлежала к человеческому роду. “К” перед ее именем означало “кошка”. Ее отцом был К’макинтош, ее звали К’мель, и она обвела вокруг пальца сразу всех всемогущих Повелителей Содействия.

Это случилось в Тетрапорту — самом большом здании и самом маленьком городе мира, взметнувшемся на двадцать пять миль ввысь на восточном берегу Маленького моря Земли.

Офис Джестокоста располагался над четвертым клапаном.

I

В отличие от большинства Повелителей Содействия, Джестокост любил утреннее солнце, и апартаменты его полностью устраивали. Девяносто метров в длину, двадцать — в высоту и двадцать — в ширину, не считая подсобных помещений. Прямо под ними находился четвертый клапан, площадью около тысячи гектаров. Формой своей он напоминал спираль или гигантскую улитку. Огромное жилище Джестокоста когда-то служило одним из множества резервуаров для сбрасывания раскаленных газов при посадке космических кораблей — резервуаров, устроенных на ободке Тетрапорта — огромного бокала, поднимающегося из магмы в стратосферу.

Террапорт был построен во время величайшего технического взлета человечества. Космические корабли на ядерной тяге существовали еще во времена Древних войн. Но чтобы доставить груз на орбиту, где швартовались межпланетные ионные транспорты, или чтобы собрать межзвездный фотонный парусник, люди использовали маленькие ракеты на химической тяге.

Впоследствии техники Содействия разработали и построили большой грузовой корабль, позволявший поднимать на орбиту миллионы тонн. Он был всем хорош, но при посадке разрушал все, чего ни касался. Даймоны — потомки землян, появившиеся откуда-то с дальних звезд, помогли людям построить космопорт из огнеупорного, водоупорного, времяупорного материала. Потом даймоны ушли и больше не возвращались.

Джестокост часто рассматривал свои комнаты и гадал, как это должно было выглядеть: добела раскаленный газ со звуком, заглушенным до шепота, врывается через клапан в его дом и шестьдесят три других таких же дома. В настоящее время его офис был отделен от клапана толстой деревянной плитой. Сам клапан превратился в огромную пещеру, в которой обитали птицы и какие-то странные существа. Он уже давно не работал. Корабли, ходившие в двухмерном пространстве, по традиции садились в Террапорту, но, конечно без шума и столбов раскаленного газа.

Джестокост посмотрел на высокие облака далеко внизу и пробормотал:

— Хороший день. Приятный воздух. Никаких неприятностей. Так что пора бы и позавтракать.

Он часто разговаривал сам с собой. Он вообще был несколько эксцентричен. У него — члена Высшего Совета Человечества — было много разнообразных проблем, но ни одна из них не затрагивала его лично. Над его кроватью висел Рембрандт — единственный в мире, а сам Джестокост был, наверное, единственным человеком в мире, способным оценить Рембрандта. Гобелены забытой Империи украшали стены его жилища. Каждое утро солнце играло ему симфонии, оживляя выцветшие краски. Он мог представить себе невозможное: что древние ссоры, убийства и сильные чувства возвратились на Землю. У него был Шекспир, Колгров и две страницы из Книги Экклезиаста, кра-

нившиеся в сейфе рядом с кроватью. Только сорок два человека во всей Вселенной могли читать по-английски, он был одним из них. Он пил вино со своих собственных виноградников на Закатном берегу. Короче говоря, он создал себе прекрасный, комфортабельный мир, отвечавший его потребностям, и потому мог всецело посвятить себя государственной деятельности.

Проснувшись этим утром, он, конечно, не знал, что в него безнадежно влюбится прекрасная девушка; что после стольких лет работы в правительстве он обнаружит неизвестное ему до сих пор правительство Земли — почти такое же древнее и могучее, как и первое; что он с радостью вступит в заговор, не понимая и половины его целей. Судьба пока еще проявляла милосердие к нему. Единственный вопрос, мучивший Повелителя в то утро: пить или не пить за завтраком белое вино. В тот день на завтрак были яйца. Редкость и деликатес. Джестокост не злоупотреблял ими, но и не хотел совсем забыть их вкус. Он кружил по комнате, в раздумье бормоча себе под нос: “Белого вина?”. К’мель уже входила в его жизнь, но он еще не знал об этом, ей предстояла победа — этого еще не знала она сама.

С того момента как Возрождение Человека вернуло на Землю правительства, деньги, разные языки, болезни и несчастные случаи, особенно остро встала проблема квазилюдей — обладавших человеческой внешностью отдаленных потомков земных животных. Они умели говорить, читать, писать, петь, работать и любить, но закон называл их “гомункулами” и приравнивал к животным и роботам. Настоящих людей с других планет называли гоминидами.

Большая часть квазилюдей принимала свое полурабское положение как нечто естественное. Некоторые из них приобрели славу: К’макинтош, например, поставил вселенский рекорд по прыжкам в длину при земном тяготении — пятьдесят метров. Его дочь К’мель была гейшей и зарабатывала себе на жизнь, принимая людей и гоминидов с других планет, помогая им почувствовать себя на Земле, как дома. Работа в Терапорту была привилегией, но сам труд был очень тяжел, и платили за него немного. Люди и гоминиды так долго жили в изобилии, что давно забыли, что

значит бедность. Но квазилюди жили по экономическим законам Древнего мира. Они должны были платить за жилье, еду, одежду, за образование своих детей. В случае банкротства они попадали в приюты, где их безболезненно убивали газом.

Люди Земли еще не были готовы признать очеловеченных земных животных равными себе.

Именно из-за этого Джестокост находился в оппозиции. Он мало что любил, не знал ни страха, ни честолюбия, работа была его призванием, а политика — страстью. В течение двухсот лет он, уверенный в своей правоте, оставался в меньшинстве, и это только усилило его желание добиться своего.

Повелитель был одним из тех немногих настоящих людей, кто признавал права квазилюдей. Он считал, что человечество не исправит древнее зло до тех пор, пока квазилюди не станут политической силой. Им нужны оружие, деньги, информация и, прежде всего, организация — тогда они смогут бросить вызов людям. Джестокост не боялся революции, он жаждал справедливости, это заслоняло все остальные соображения.

Когда до Повелителей Содействия дошел слух о заговоре среди квазилюдей, они поручили это дело полиции и забыли о нем.

Джестокост поступил иначе. Он создал свою полицию, пытаясь установить контакты с теми, кто, убедившись, что он стремится к доброй цели, свяжет его впоследствии с руководителями заговора квазилюдей.

Если эти руководители существовали, они были умны. Кто бы мог подумать, что гейша К'мель руководит сетью заговорщиков в Террапорту? Заговорщики были очень осторожны. Телепатические мониторы — люди и роботы — держали под наблюдением любое скопление квазилюдей. Но даже компьютеры не могли заметить ничего существенного, кроме всплеск беспричинной радости.

Смерть отца К'мель, знаменитого атлета-квазичеловека, дала Джестокосту ключ.

Он сам пошел на похороны. Тело умершего в ледяной оболочке должны были положить в ракету и отправить в космос. В толпе, провожающей гроб, смешались скорбящие и любопытствующие. Спорт объединяет все миры, расы,

виды... Сюда пришли и гоминиды — настоящие люди, выглядевшие странно и страшно; их тела, приспособленные к жизни в чужих мирах, сохранили очень мало человеческого.

Квазилюди, животные по крови, гомункулы, тоже пришли сюда — большей частью в простой рабочей одежде. Они выглядели куда более “человеческими”, чем гоминиды. У них были человеческие лица и человеческая речь. Те из них, кому не хватало способностей или трудолюбия для окончания начальной школы, гибли. Жестокость оглядел толпу, бормоча про себя: “Мы поставили их в максимально тяжелые условия и тем самым дали им лучший стимул к развитию. И мы, дурачье, еще надеемся, что они не обгонят нас”. Настоящие люди в толпе явно не разделяли его мнения. Они бесцеремонно раздвигали квазилюдей, заставляя их уступать себе дорогу, и люди-медведи, люди-быки, люди-кошки немедленно подчинялись, шепча извинения.

К’мель шла за ледяным гробом своего отца.

Жестокость не просто следил за ней (а на нее было приятно смотреть), он сделал вещь, считавшуюся недостойной среди обыкновенных людей, но позволительной для Повелителя Содействия: он “просветил” ее мозг.

И нашел то, чего не ожидал.

Когда гроб ушел к звездам, она всхлипнула: “О’теликели, помоги! Помоги мне!”

Жестокость уловил лишь отзвук имени, но это было уже кое-что.

Он не был бы настоящим Повелителем Содействия, не обладай он дерзостью. Повелитель мыслил быстро, хотя порой поверхностно. Интуиция заменяла ему логику. Он решил навязать К’мель свое расположение.

По дороге с похорон он смешался с толпой ее друзей, мрачных квазилюдей, пытавшихся защитить К’мель от бестактных, хотя и доброжелательных болельщиков.

Она узнала его и встретила с должным почтением.

— Повелитель, я преисполнена благодарности. Вы знали моего отца?

Он скорбно кивнул и произнес несколько звучных слов утешения и печали. Это вызвало одобрительный шепот среди собравшихся.

Одновременно его расслабленно висящая левая рука повторяла сигнал тревоги, применяемый у сотрудников Тетрапорта — большой палец постукивает по среднему — не привлекая внимания инопланетных гостей.

К'мель была так расстроена, что едва все не испортила. Ибо прямо посреди его скорбной речи четко и ясно спросила:

— Вы имеете в виду меня?

Джестокост без запинки продолжил свои соболезнования:

— Я надеюсь, что ты, К'мель, будешь достойной наследницей своего отца. К тебе обращаются наши глаза в час общей скорби. О ком, как не о тебе, мог думать я, когда говорил, что К'макинтош никогда ничего не делал наполовину и умер молодым из-за того что стремился совершить невозможное. До свидания, К'мель, я возвращаюсь к себе.

Она появилась у него уже через сорок минут.

II

Он внимательно смотрел на нее, изучая ее лицо.

— Это важный день в твоей жизни.

— Да, Повелитель.

— Я не имею в виду смерть и похороны твоего отца. Я говорю о будущем. Нашем общем будущем.

Ее глаза расширились. Она не думала, что он т а к о й. Он был важной персоной, беспрепятственно разгуливал по Тетрапорту, иногда встречал особо важных гостей. Она тоже входила в команду встречающих. Она успокаивала обиженных или разочарованных гостей гасила ссоры. У К'мель была почетная профессия. Никто не считал ее проституткой, невинный флирт входил в ее профессиональные обязанности. Джестокост вовсе не выглядел как человек, предлагающий что-то... личное. “Но, — подумала она, — с мужчинами никогда ничего нельзя знать наверняка”.

— Ты хорошо знаешь мужчин. — Он передавал ей инициативу.

— Да, Повелитель, наверное. Лицо ее выглядело странно. Она попыталась изобразить улыбку номер три (макси-

мально завлекательную), усвоенную в школе гейш. Поняла, что ошибается, исправилась. Она чувствовала, что происходит нечто важное.

— Посмотри на меня, — сказал он. — Проверь, можешь ли ты доверять мне. Я собираюсь взять обе наши жизни в свои руки.

Она подняла глаза. Что, какое дело может связать его — Повелителя Содействия с квазичеловеком? У них нет ничего общего. И не будет. Но она не отвела взгляд.

— Я хочу помочь квазилюдям.

Она моргнула от неожиданности. Это был грубый подход. За ним обычно следовали еще более грубые предложения. Но его лицо было серьезно. Она ждала.

— У твоего народа нет политических прав. Нет даже права первым заговорить с человеком. Я не совершу предательства по отношению к своей расе, покончив с вашим бесправием. Если вы добьетесь справедливости, это пойдет на благо обеих сторон.

К'мель смотрела в пол. Ее рыжие волосы были мягкими, как шерсть персидской кошки. Казалось, что огонь стекает по ее фигуре. Когда она, оторвав взгляд от пола, посмотрела прямо на него своими ярко-зелеными как у кошек древности глазами, в которых отражался солнечный свет, ему показалось, что его отбросило взрывной волной.

— Чего вы хотите от меня?

Он ответил ей таким же жестким взглядом.

— Посмотри на меня. Посмотри мне в лицо. Ты ведь понимаешь, что я не хочу от тебя ничего, хм... личного?

Она была ошеломлена.

— Но чего же еще вы можете хотеть от меня? Я гейша. Я совсем необразованная и значу очень мало. Вы знаете куда больше, чем я когда-либо смогу узнать.

— Возможно, — согласился он.

Он говорил с ней не как с гейшей, а как с личностью, и ей было неловко.

— Кто руководит вами?

— Мистер Тидринкер, сэр. Он заведует бюро услуг. Она осторожно наблюдала за Джестокостом — казалось, он не лгал.

Он был слегка рассержен:

— Мистер Тидринкер мой подчиненный. Кто руководит вами там, среди квазилюдей?

— Мой отец, но он умер.

— Простите, — в ходе разговора Повелитель перешел на “вы”. — Я не хотел причинить вам боль. Садитесь, пожалуйста.

Она устало опустилась в кресло с видом невинного сладострастия, которое могло бы свести с ума обычного мужчину. Она была в одеянии гейши, модном и с первого взгляда вполне скромном. Но, в соответствии с ее профессией, одежда неожиданно и провокационно распахивалась, когда она садилась, открывая ровно столько, чтобы привлечь внимание мужчины, не шокируя его бесстыдством.

— Я попросил бы вас чуть-чуть поправить одежду, — бесстрастно сказал Джестокост. — Я мужчина, хотя и государственный деятель. Наш разговор очень важен. Я понимаю, что вы мне не доверяете...

К'мель была слегка напугана его тоном. Ей бы не хотелось сердить его. Она пошла в этом платье на похороны, потому что у нее просто не было другого.

Он прочел все это на ее лице и безжалостно продолжил:

— Юная леди, я спросил, кто руководит вами. Вы назвали вашего хозяина, потом вашего отца. А я хочу знать совсем другое.

Она молчала.

“Значит, — сказал себе Джестокост, — я должен открыть карты”. Он собрался с духом — его слова должны были войти в ее мозг, как нож.

— Кто, — медленно и холодно произнес он. — Кто такой этот О-телликелли???

Лицо девушки и раньше было бледным от усталости и горя. Теперь оно стало совсем белым. Ее глаза горели, как два костра.

“Нет, девочка, — подумал Джестокост, — не тебе гипнотизировать меня”, — но сразу пошатнулся.

Ее глаза — два холодных огня.

Комната закружилась вокруг него. Девушка исчезла, на ее месте остался только холодный огонь. В огне стоял человек. У него были крылья, но были также и руки. Лицо — чистое и холодное, как мрамор древних статуй. Опаловые переливающиеся глаза.

— Я О'теликели. Вы поверите в меня. Вы можете говорить с моей дочерью К'мель, — он исчез.

Джестокост снова увидел девушку. Она сидела на прежнем месте, в кресле, слепо уставившись на него. Он хотел было пошутить над ее гипнотическим даром, но заметил, что она погрузилась в транс. Одежда К'мель снова пришла в прежний тщательно спланированный беспорядок, но теперь девушка была похожа не на флиртующую женщину, а на спящего ребенка.

— Кто ты? — спросил он, проверяя, насколько глубок транс.

— Я тот, чье имя не произносят вслух, — ответила девушка резким шепотом. — Я тот, в чью тайну ты проник. Я запечатлел свое имя и облик в твоем мозгу.

Джестокост не спорил с привидением. Он уже решил: — Если я открою свой мозг, сможешь ли ты читать в нем? Хватит ли у тебя сил?

— С избытком, — прозвучал ответ.

К'мель подошла и положила руки ему на плечи, заглянула в глаза. Сильный телепат, он не был готов встретить тот страшный поток мысленной энергии, который лился от нее. Он чуть не захлебнулся.

— Смотри в меня, — приказал он, — ищи информацию только о квазилюдях.

— Хорошо, — ответил тот, кто управлял К'мель.

— Ты видишь, каковы мои намерения?

Джестокост слышал тяжелое дыхание девушки. Он старался сохранять спокойствие, чтобы видеть, что читает гость. “Такая сила, такой интеллект существует на Земле, и мы, Повелители, ничего о нем не знали!”, — пронеслось у него в мозгу.

Девушка сухо рассмеялась.

Повелитель мысленно произнес: “Извини, продолжай”.

“Этот твой план, — спросил чужой разум, — можно узнать о нем подробнее?”

“Это все, что есть”.

“Вы хотите, чтобы я думал за вас. Можете ли вы дать мне ключи от Колокола и Банка — все, что связано с уничтожением квазилюдей?”

“Вы сможете получить выход на эту информацию, как только я сам получу ее. Но не возможность контролировать Колокол.”

“Справедливо, — ответил гость. — Что вы хотите взамен?”

“Вы будете поддерживать мой политический курс. Когда дело дойдет до переговоров, вы, если сможете, удержите квазилюдей от опрометчивых действий. Вы поможете мне добиться, чтобы переговоры были честными. Но я не знаю, как добыть информационные ключи. У меня уйдет год на то, чтобы вычислить их самому”.

“Пусть девушка поглядит хоть однажды... я буду с ней. Идет?”

“Да”, — мысленно согласился Джестокост.

“Кончаем?” — спросил гость.

“Как я смогу связаться с вами?”

“Как сейчас. Через девушку. И... не произносите вслух мое имя. Не думайте о нем, если можете. Конец?”

“Конец”.

Девушка, которая все еще держала его за плечи, наклонилась и поцеловала его. Ее губы были упругими и теплыми. Повелитель никогда не прикасался к квазилюдям, ему в голову не приходило, что он может целоваться с кем-то из них. Это было приятно, но он оторвал ее руки от своей шеи, встал, с трудом удерживая ее на ногах.

— Папа, — счастливо вздохнула она.

Вдруг девушка застыла, взглянув ему в лицо и бросилась к двери.

— Джестокост! — крикнула она. — Повелитель Джестокост, что я здесь делаю?!

— Ты уже сделала все, что надо, девочка. Ты можешь уйти.

Она качнулась назад в комнату.

— Мне плохо, — и тут ее вырвало на пол.

Джестокост вызвал робота-уборщика и приказал подать кофе. Она расслабилась, и около часа они проговорили о квазилюдях. К моменту ее ухода у них созрел план. Они не упоминали О'теликели. Объяснялись полунамеками. Если их даже слушали, то вряд ли нашли в их разговоре что-либо предосудительное.

Когда К'мель ушла, Джестокост выглянул в окно. Он увидел облака внизу и понял, что на Землю опустились сумерки. Он собирался помочь квазилюдям и столкнулся с

силой, о которой и не подозревал. Он был прав с самого начала. Еще более прав, чем думал. Теперь нужно было сделать дело.

И прекрасная К'мель в качестве партнера! Интересно, был ли в истории миров более странный дипломат?

III

Менее чем за неделю были отработаны все подробности. Они получают сведения во время заседания Совета Повелителей — мозгового центра Содействия. Риск велик, но если работать с самим Колоколом, операция займет считанные минуты.

Все это захватило Джестокоста.

Он не знал, что К'мель следит за ним. Обе К'мель. Верный товарищ, отчаянная конспираторша, целиком преданная делу, за которое они боролись. И женщина...

К'мель была более женственна, чем любая из дочерей Евы. Она знала цену своей тренированной улыбке, своей рыжей шевелюре, своей гибкой юной фигурке с твердой грудью и крутыми бедрами. Люди не могли скрыть от нее свои секреты. Мужчины мучились в ее присутствии чрезмерными желаниями, женщины — неприкрытой ревностью. К'мель хорошо знала людей, потому что не была человеком. Она училась, имитируя, а имитация подразумевает осмысление. Любая мелочь, детали, о которой обычная женщина почти не вспоминает, становилась для К'мель предметом пристального, тщательного изучения. Она была девушкой по профессии, люди ассимилировали ее народ, но по природе своей она осталась любопытной кошкой.

Она все больше влюблялась в Джестокоста и знала это.

Она не представляла себе, что ее страсть станет предметом искаженных слухов, распространившихся среди людей, слухи превратятся в легенду, а легенда облечется в стихи. Баллада, которая станет шлягером через много лет, начиналась так:

*Уж давно легендой стало — то, что сделала она.
Свой народ она спасала — вот что делала она.
Но влюбилась в гоминида — слишком смелая она.
Ведь она другого вида — что ж наделала она?*

Но это будут распевать в будущем, которого она еще не знала.

Она знала только прошлое.

Она помнила принца-инопланетянина, его голову на своих коленях. Он говорил ей:

— Это смешно, К'мель, ты ведь даже не личность, но ты самое разумное существо из всех, кого я встречал здесь. Знаешь, во сколько обошлась моей планете эта поездка? И чего я добился? Ничего, ничего и ничего. Но, если бы ты правила Землей, я бы, наверно, получил то, что нужно моему народу. Это принесло бы пользу и Земле тоже. Дом Человечества — они зовут ее так! Дом, дьявольщина! Единственный обладатель мозгов в Доме Человечества — кошка!

Он провел рукой по ее лодыжке, она не отодвинулась. Это было в обычаях гостеприимства, а у нее были свои приемы, не позволявшие гостю заходить слишком далеко. Люди Земли следили за ней. С их точки зрения она была одним из удобств, предназначенных для инопланетных гостей. Чем-то вроде мягких кресел в залах ожидания или фонтанчиков с кислотной питьевой водой для тех, кто не мог пить щелочную воду Земли. Ей не положено было испытывать чувства или вмешиваться в дела гостей. Если бы по ее вине хоть что-нибудь случилось, наказание было бы страшным. Скорее всего, ее просто убили бы после краткой и формальной судебной процедуры (конечно, без права апелляции). Это было разрешено законом и поощрялось обычаям.

Она целовала в своей жизни свыше тысячи мужчин. Она создавала им уют, выслушивала их печали и секреты. Это утомляло ее эмоционально, но зато стимулировало развитие интеллекта. Ее смешили женщины-люди с их задранными носами: они знали о собственных мужчинах меньше, чем она.

Однажды женщина-полицейский приняла у К'мель доклад о двух туристах с Нового Марса — ей было прика-

зано не отходить от них. Когда женщина прочла бумагу, лицо ее исказилось ревнивой яростью.

— Ты называешь себя кошкой. Кошка! Ты свинья, собака, грязное животное! Это преступление, что такие, как ты, общаются с настоящими людьми с других планет! Я не могу прекратить это безобразие, но попробуй только подойти к настоящему землянину! Попробуй только применить на нем свои штучки!

— Да, мэм, — покорно кивнула К'мель и подумала про себя: "Эта бедняжка не умеет одеваться и делать прическу. Неудивительно, что она ненавидит всех, кому удастся выглядет прилично".

Вероятно, эта женщина думала ошеломить ее взрывом ненависти. Она ошиблась. Квазилюди привыкли к ненависти. И они не видели разницы между ненавистью открытой и грубой и ненавистью вежливой. Они просто жили с этим.

Но теперь все изменилось.

Она любила Джестокоста.

Любил ли он ее?

Невозможно! А впрочем, нет: маловероятно. Это считалось и незаконным, и недостойным настоящего человека, но не невозможным. Он должен был почувствовать ее любовь.

Если это было так, он не подавал виду.

Любовь между человеком и квазичеловеком была не так уж редка. Когда это обнаруживалось, квазилюдей убивали, а людям стирали память. Существовал закон, запрещавший подобный мезальянс. Ученые, создав квазилюдей, дали им нечеловеческие способности, помогавшие им прыгать на полсотни метров или телепатировать в пределах двух миль. При этом их сотворили по образу и подобию людей. Это было удобно: человеческий глаз, пятипалая рука, размеры — исходя из инженерных соображений, чтобы не перестраивать помещений, не создавать новые виды одежды и мебели. Внешний вид человека был достаточно удобен для этих квазилюдей.

О человеческом сердце они забыли.

И вот теперь женщина-кошка К'мель была влюблена в человека, настоящего человека, достаточно старого, чтобы быть дедом ее отца. Но чувства ее не были дочерними. Она помнила, как это было с ее отцом: она любила его,

они дружили, она восхищалась им — и оба они не обращали внимания на то, что он куда больше похож на их кошачьих предков, чем она. И еще между ними была болезненная пустота никогда не сказанных слов. Они были так близки, что не могли стать еще ближе. Это создавало страшную дистанцию. Это разбивало им сердца — и об этом они тоже молчали. Ее отец умер, и появился этот человек со своей добротой...

“В этом все дело, — прошептала она, — в доброте. Я не видела ее ни в ком из тех, ушедших. Такой глубокой — никто из моих бедных квазилюдей не обладает такой. Она заложена в них, но они рождаются в грязи, их смешивают с грязью всю жизнь и выбрасывают после смерти, как грязь. Откуда же взяться доброте? А в ней есть какое-то особое величие. Это самое главное, то из-за чего стоит быть людьми. И странно, странно, что он никогда не любил женщину...”

К'мель остановилась, похолодев.

А потом утешилась, прошептав: “А если и любил, то это было так давно, что уже не имеет значения. Он получил меня. Осознает ли это он?”

IV

Повелитель Джестокост осознавал это с трудом. Он привык к преданности людей, ибо в отношениях с ними соблюдал честность и верность. Он знал и о преданности назойливой, стремящейся принять физические формы, особенно у женщин, детей и квазилюдей. Раньше он принимал это спокойно. Теперь он полагался на то, что К'мель поразительно умна и как гейша давно научилась контролировать свои чувства.

“Мы живем в несправедливое время, — думал он, — я встретил самую прекрасную и умную женщину в своей жизни и вынужден ограничиться платоническими отношениями. Но эти законы о квазилюдях очень липкие. Их лучше не нарушать: потом не отмоешься. Так что — ничего личного”.

Так он думал. Наверное, он был прав.

Если безымянный, которого он не решался вспоминать, приказывает атаковать Колокол — дело стоит того, чтобы рискнуть жизнью; эмоции не имеют значения, когда речь идет о Колоколе, о справедливости, о возвращении на путь прогресса — все это было очень важно. Его жизнь уже не имела значения — он почти выполнил свою часть работы. Жизнь К'мель тоже не идет в счет: в случае поражения она навсегда останется квазичеловеком. В счет идет только Колокол.

Колокол не был колоколом. Так назывался трехмерный ситуационный компьютер, расположенный этажом ниже Зала Совета. Он выглядел как грубо отлитый древний колокол. В столе, за которым сидели Повелители, был вырезан круг, так что они могли смотреть в Колокол и моделировать любую нужную ситуацию. Спрятанный под полом Банк был ключевым банком памяти ко всей системе.

Кроме Джестокоста, сегодня на Совете присутствовало трое: Повелительница Джоанна Гнад, Повелитель Эйссан Оласкоага и Повелитель Уильям Нездешний (нездешние были древним североавстралийским родом, репатриировавшимся на Землю).

О'теликели изложил Джестокосту свой план.

К'мель проникнет в камеру для вызванных. Это серьезное преступление, но ее не смогут убить по обычной процедуре, потому что полетят реле. В камере она войдет в частичный транс. Джестокост должен будет запросить у Колокола необходимую информацию. Одного вызова будет достаточно. О'теликели заверил его, что отвечает за результат. Остальных Повелителей Совета О'теликели отвлечет.

Идея проста. Сложности начнутся в процессе реализации.

План казался Джестокосту ненадежным, но менять его было поздно. Он проклинал свою страсть к политике, вовлекшую его в эту интригу. Было уже поздно отступать: во-первых, он дал слово; во-вторых, ему нравилась К'мель, как человек, а не как гейша, и он не хотел, чтобы вся ее жизнь стала нереализованной возможностью. Он знал, как квазилюди относятся к своему статусу.

С тяжелым сердцем вошел он в Зал Совета. Секретарь, девушка-собака, вручила ему листок с повесткой дня.

Как К'мель или О'теликели собираются связаться с ним здесь, внутри зала, со всеми его перехватчиками мысли?

Он устало рухнул в кресло. И чуть не выпрыгнул из него.

Заговорщики, видимо, сами составляли повестку дня. Первым пунктом стояло: "К'мель, дочь К'макинтоша, кошка (чистопородная), жребий 1138. Исповедь. Суть: заговор с целью экспорта зародышей гомункулов. Справка: планета Де Принсемахт".

Повелительница Джоанна уже нажимала на кнопку — планета была хорошо известна. Ее обитатели, земляне по происхождению, отличались редкой силой. Один из их лидеров находился сейчас на Земле с торгово-политической миссией. Он носил титул Сумеречного Принца (Принц Ван де Шеменринг).

Поскольку Джестокост опоздал, к тому времени как он дочитал повестку дня, К'мель уже ввели в зал. Она была в тюремной одежде. Одежда шла ей. Он никогда не видел ее ни в чем ином, кроме как в одеянии гейши. В голубой тюремной тунике К'мель казалась очень юной, очень хрупкой и очень испуганной. Ее кошачья порода проявлялась только в буйной рыжей шевелюре и в гибкой силе тела.

Повелитель Эйссан начал:

— Ты покаялась, повтори.

— Этот человек, — она показала на портрет принца, — хотел попасть в заведение, где для забавы мучили человеческих детей.

— Что?! — вывалось у всех четверых.

— Где это? — спросила Повелительница Джоанна.

— Там командует человек, очень похожий вот на этого джентльмена. — К'мель показала на Джестокоста.

Быстро и осторожно она пересекла комнату и положила руку ему на плечо. Он ощутил холод контакта и услышал птичий клекот в ее мозгу. О'теликели был здесь.

— Тот человек фунтов на пять легче, чем Повелитель, и он рыжий. Заведение — в квартале Холодного Заката, вниз по бульвару и под бульвар. Там живут квазилюди с плохой репутацией.

Колокол помутнел, перебирая всех подозрительных квазилюдей в этом районе. Потом на экране возникла комната и дети в святочных масках.

— Это не люди, это роботы, это старая глупая пьеса, — рассмеялась Повелительница Джоанна.

— Потом, — продолжила К'мель, — он хотел увезти домой доллар и шиллинг. Настоящие. Их нашел робот.

— А что это?

— Древние деньги, настоящие деньги древних Америки и Австралии! У меня есть копии, а оригиналы — только в музее... Повелитель Уильям, страстный нумизмат, был явно вне себя.

— ... Робот нашел их в укрытии под Террапортом.

Повелитель Уильям чуть ли не закричал в сторону Колокола:

— Посмотри каждое укрытие, найди эти деньги.

Колокол опять помутнел. Он просчитал все варианты, а потом показал старую мастерскую. Робот полировал круглые кусочки металла.

Когда Повелитель Уильям увидел их, он пришел в еще большее волнение:

— Немедленно доставь их сюда. Я куплю их!

— Ладно, — сказал Эйссан, — это несколько против правил, но ладно. И это все? — обратился он к допрашиваемой.

К'мель захныкала. Она была хорошей актрисой.

— Потом он захотел, чтобы я достала ему яйцо гомункула типа "Е".

Повелитель Эйссан включил поиск.

— Может быть, — сказала К'мель, — кто-то уже поместил его под рубрику "уничтожение".

Колокол и Банк проверили все данные по этой серии. Джестокост чувствовал, что его нервы напряжены до предела. Человеческий мозг не в силах запомнить бесчисленные узоры, пролетающие через Колокол, но мозг, смотревший глазами Джестокоста, не принадлежал человеку. "Да, — подумал он, — недостойно Повелителя Содействия слушать подсматривающим устройством черт знает для кого."

На экране возникло пятно.

— Это обман, — констатировал Эйссан, — ни следа похищения.

— Возможно, он только попытался это сделать, но у него ничего не получилось, — заметила Повелительница Джоанна.

— Следите за ним: человек, который хотел украсть старинные монеты, может украсть, что угодно!

Повелительница Джоанна повернулась к женщине-кошке:

— Ты дурочка. Ты отняла у нас время, отвлекла нас от важных дел...

— Но ведь это было важное дело, — заплакала К'мель, ее рука соскользнула с плеча Джестокоста, контакт прервался.

— Мы должны вынести приговор.

— Следовало бы наказать ее, — фыркнула Повелительница Джоанна, — да ладно уж.

Повелитель Джестокост молчал. Внутри у него все пело от радости. Если О'теликели запомнил хотя бы половину, квазилюди будут знать все полицейские посты, все укрытия в своих районах. И смертные приговоры будет не так легко приводить в исполнение.

V

В ту ночь в коридорах не смолкала музыка. Квазилюди пели от счастья, казалось бы, без всякой видимой причины.

В ту ночь К'мель плясала танец дикой кошки для очередного клиента, а вернувшись домой, стала на колени перед портретом отца и возблагодарила О'теликели за то, что сделал Джестокост. Вся эта история стала известна лишь следующим поколениям. К тому времени, когда власти, знавшие Джестокоста и не знавшие О'теликели, согласились вступить в переговоры с представителями квазилюдей, К'мель уже давно умерла.

Но она прожила хорошую долгую жизнь. Когда К'мель стала слишком стара, чтобы быть гейшей, она открыла маленький ресторан, быстро прославившийся своей кухней. Однажды Джестокост навестил ее. В конце обеда он вдруг сказал:

— В коридорах поют глупую песенку. Из людей ее слышал только я.

— Я не интересуюсь уличными песнями.

— Она называется — “То, что сделала она”.

К’мель залилась краской до воротничка модной блузки — она была теперь зажиточной женщиной. Ресторан с лихвой окупал себя.

— Действительно, глупость.

— Там говорится, что ты любила гоминида...

— Нет. Это неправда.

Ее вспыхнувшие зеленые кошачьи глаза были так же прекрасны, как и прежде. Она снова была рыжей ведьмой, которую он знал когда-то.

— Я не любила его. Это нельзя так назвать... Я любила только тебя.

— Но в песенке говорится, — настаивал Джестокост, — что это был гоминид. Принц ван де Шеменринг.

— Кто это?

— Тот силач.

— Ах да! Я забыла его.

Джестокост встал из-за стола:

— Ты прожила хорошую жизнь, К’мель. Ты была женщиной, заговорщицей, лидером. Ты хоть помнишь, сколько у тебя детей?

— Семьдесят три, — прошипела она. — То, что мы рождаем помногу, еще не значит, что мы не знаем своих детей.

Веселое настроение оставило Джестокоста. Его лицо стало серьезным, голос потеплел:

— Прости, К’мель, я не хотел обидеть тебя.

Он не знал, что после его ухода она вышла на кухню и расплакалась. Потому что с первой их встречи безнадежно любила его.

И после ее смерти ему казалось, что он еще долго встречал ее в коридорах и шахтах Террапорта. Ее праправнучки были похожи на нее, как две капли воды, и многие из них стали известными гейшами. Все они считали его своим крестным отцом. Он часто удивлялся, когда очаровательные юные девушки посылали ему нежные поцелуи.

Ведь они больше не были рабами. Они были гражданами, и закон защищал их имущество, жизнь и права.

Джестокост был счастлив. Его политическая страсть пришла к счастливому завершению. Всю свою жизнь он был влюблен, пылко влюблен...

В леди Справедливость.

Наконец пришел и его смертный час. Он знал, что умирает, и не жалел ни о чем. Сотни лет назад у него была жена, он любил ее. Его потомки давно слились для него со всем человечеством.

Но он хотел знать одну вещь, и позвал безымянного, который находился там, под землей. Он звал всей силой своего мозга, пока не понял, что услышан.

— Я помог твоему народу.

— Да, — прозвучал тихий шепот в его мозгу.

— Я умираю. Я хочу знать. Она любила меня?

— Она ушла без тебя — потому что она тебя любила.

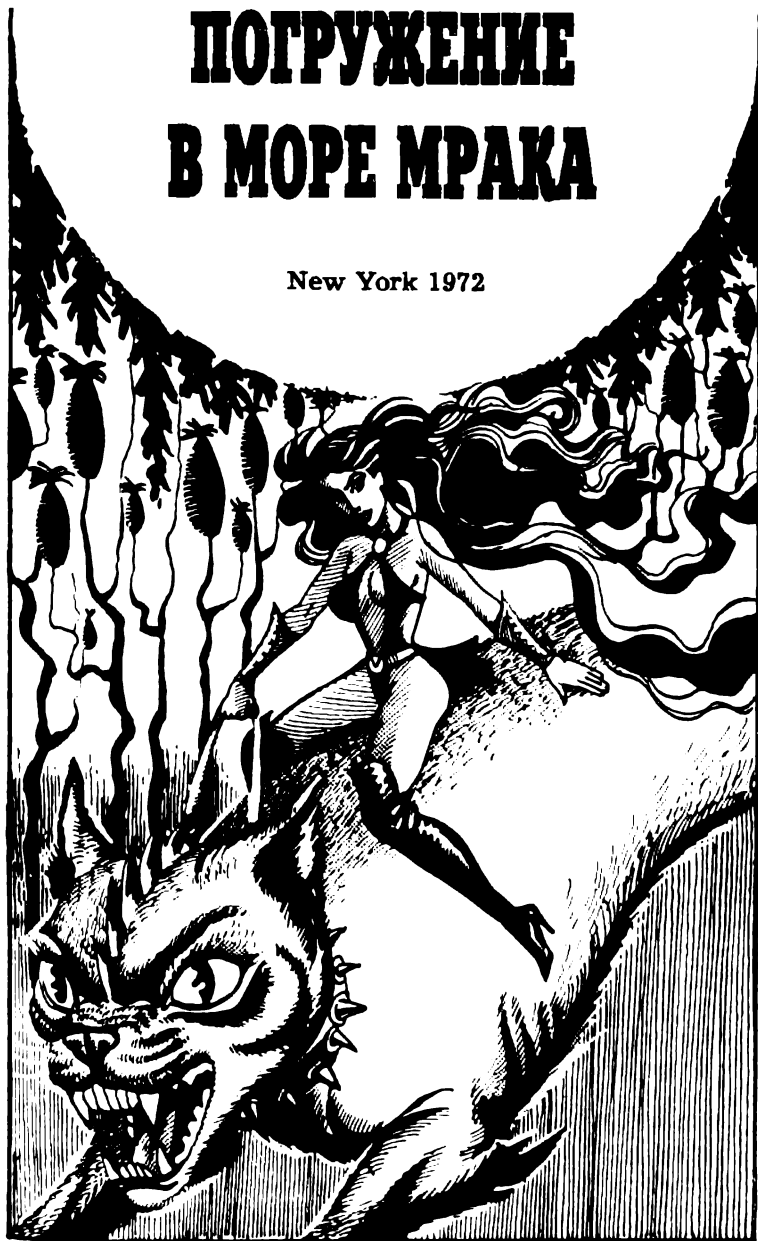
Она не хотела связывать тебя. Ее любовь была сильна. Сильнее смерти, сильнее жизни, сильнее времени. Вы никогда не расстанетесь. Никогда!..

— ... Пока есть память людская, — добавил голос после паузы и умолк.

Джестокост откинулся на подушки и стал ждать заката.

ПОГРУЖЕНИЕ В МОРЕ МРАКА

New York 1972

*Высоко, о, как высоко они звенят в небе!
Ярок, как ярк свет этих лун — близнецов Ксанаду,
далекой Ксанаду, прекрасной Ксанаду, полной наслаждений.
Наслаждений чувств, тела, ума, души... Души?
Кто знает, что такое душа?..*

Они стояли, обдуваемые нежным ветерком. Время от времени Маду извечным женским жестом поправляла свою серебристую короткую юбочку или такую же блузку без рукавов. Но ей не было холодно. Ее одежда вполне соответствовала мягкому климату Ксанаду.

Она думала:

“Хотела бы я знать, что ему нравится, этому Повелителю Содействия. Стар он или молод, белокурый или шатен, мудрый или безрассудный”.

Она не думала, красив он или безобразен, ибо все жители Ксанаду отличались физическим совершенством, а Маду была еще слишком молода, чтобы встретить кого-либо другого.

Стоящий рядом с ней Лэри не думал о Повелителе Пространства. Перед его взором снова проходила видеозапись танцев, сложные па и чудесное безумие движений группы, блиставшей много лет тому назад на Прародине Человечества, группы, называвшейся “Баул-шоу”.

“Когда-нибудь, — подумал он, — о, возможно, когда-нибудь я смогу танцевать как они...”

Куат же думал:

“Почему они считают, что их обманывают? Повелитель появится здесь, на Ксанаду, впервые за время моего правления планетой. Герой битвы у Стайрон-IV. Ну, она разразилась много месяцев тому назад... И если он действительно был ранен, у него оставалась масса времени, чтобы

поправить свое здоровье. Нет, здесь что-то не так... они что-то знают или подозревают... Ну, мы найдем, чем его занять. К его услугам будут все виды развлечений, имеющиеся на Ксанаду — и особенно Маду. Нет, он не сможет пожаловаться, в противном же случае вынужден будет сбросить маску...”

По мере приближения орнитоптера, надвигалась и их судьба.

Он не знал, что станет их судьбой; он не собирался быть их судьбой и их судьба еще не была предрешена. Пассажир в снижающемся орнитоптере попытался усилием разума постичь это место, ощутить его. Это было тяжело, ужасно тяжело... казалось, между его разумом и разумом тех, кого он пытался понять, лежит толстая, подобная облаку, пелена. Не был ли причиной этого он сам, его мозг, не восстановившийся после войны? Или это было нечто большее, атмосфера планеты, которая сдерживала или мешала телепатии?

Повелитель Пермасвари покачал головой. Он сомневался в себе, был в растерянности. Время битвы... время, оставляющее рубцы на оболочке мозга, зондирование Машин Страха... Насколько они повредили его мозг? Ну что же, возможно, здесь, на Ксанаду, он сможет отдохнуть и забыться.

Выйдя из орнитоптера, Повелитель Пермасвари впал в замешательство. Он знал, что на Ксанаду нет солнца, но явно не ожидал встретить мягкий, не дающий тени свет, который окутал его.

Две одинаковые луны висели, казалось, совсем рядом, их свет отражался миллионами зеркал. Чуть далее растянулись на многие ли белые песчаные пляжи, оканчивающиеся известковыми утесами, у подножия которых пенилось черное море. Черный, белый, серебристый — таковы были цвета Ксанаду.

Куат быстро подошел к нему. Его опасения быстро исчезали при виде Повелителя Пространства. Гость явно выглядел больным и растерянным, и, соответственно, дружелюбие Куата возросло без каких-либо усилий с его стороны.

— Добро пожаловать на Ксанаду, о, Повелитель Пермасвари. Ксанаду и все, что есть на ней, в вашем распоряжении.

Традиционное приветствие звучало несколько необычно в его грубом голосе, привыкшем повелевать. Повелитель Пространства увидел перед собой высокого и плотного, довольно мускулистого мужчину. Его длинные рыжеватые волосы и борода, выкрашенные фуксином, сверкали в свете лун и зеркал.

— Мне приятно, губернатор Куат, находиться на Ксанаду, и я возвращаю планету и ее содержимое вам, — ответил Повелитель Кемаль вин Пермасвари.

Куат повернулся и указал на своих спутников:

— Это Маду, моя дальняя родственница, находящаяся под моей опекой. А это Лэри, мой брат, сын четвертой жены моего отца — она утопилась в темном море.

Повелитель Пространства поморщился от хохота Куата, но юноша, казалось, ничего не заметил.

Кроткая Маду скрыла свое разочарование и приветствовала Повелителя с подобающей скромностью. Она ожидала увидеть сияющий облик, сверкающие доспехи или, возможно, просто ауру, говорившую: “Я — герой.” Вместо этого перед ней стоял человек интеллигентного вида, усталый и выглядевший старше тридцати лет. Она удивилась: как этот человек мог быть героем Содействия, спасителем человеческой культуры в битве при Стайрон-IV.

Лэри, приветствовал Повелителя с большим уважением, поскольку, как мужчина, знал больше о битве, чем Маду. В своем мире грез Лэри, вслед за танцовщицами и легконогими бегунами, ставил на второе место интеллектуалов.

Перед ним стоял человек, который рискнул противопоставить себя, свой ум, интеллект ужасным Машинам Страха и выиграл! Цена, которую он заплатил, была написана на его лице, но он выиграл! Лэри сложил ладони и поднял их ко лбу в почтительном приветствии.

Повелитель сделал жест, покоривший Лэри навсегда. Он коснулся руки Лэри и сказал:

— Мои друзья зовут меня Кемаль.

И только затем он повернулся к Маду и Куату. Куат не заметил невольной оплошности. Повернувшись он направился, как казалось, к холму из желто-черно-полосатого меха. Затем Куат издал особый шипящий звук, и в одно мгновение холм распался, превратившись в четырех огром-

ных кошек. Они были оседланы, но никакой сбруи не было видно, кроме колец, прикрепленных к седлам.

Куат ответил на немой вопрос Кемалья:

— Нет, конечно, ими не управляют. Это обычные кошки, отличающиеся только большими размерами. На Ксанаду нет квазилюдей! Я полагаю, что Ксанада единственная планета в Содействии, где их нет, за исключением Ностралии, конечно. Но причины этого у Ксанады и Ностралии разные. Мы наслаждаемся нашими чувствами... никакой чепухи, что тяжелая работа формирует характер, как считают Ностралианцы. Мы не верим в аскетизм и подобную чепуху. Наши неизменные животные доставляют нам гораздо больше удовольствий. Всю грязную работу делают роботы.

Кемаль кивнул. После всего, разве не за этим он пришел сюда? Дать возможность своим ощущениям восстановить поврежденный мозг? Тем не менее, человек, без трепета противостоявший Машинам Страх, не знал, как обращаться с ездовой кошкой. Мад, заметила его колебания.

— Гризельда очень дружелюбна, — сказала она. — Подождите, немного, я почешу ей уши. Затем она ляжет и вы сможете сесть на нее.

Кемаль уловил едва заметное выражение презрения в глазах Куата. Мад, заметив его нерешительность, уговорила огромную кошку опуститься на землю и улыбнулась Кемалью.

При виде ее улыбки Кемаль почувствовал, как острая боль кольнула его; настолько она была прекрасна и невинна. Ее беззащитность заставила сжаться его сердце. Он вспомнил, как Повелительница Ру цитировала древнюю сагу: "Невинность беззащитна", и паутинка страха осела в его мозг. Он отбросил ее и сел в седло.

Он вспомнил эту прогулку тремя веками позже, когда лежал, умирая. Она была такая же захватывающая, как и его первый космический прыжок. Прыжок в ничто, и затем осознание того, что он путешествует, путешествует, путешествует бессознательно, не контролируя направление своего тела. И прежде, чем страх завладел им, он превратился в редкое, никогда ранее не испытанное наслаждение. Повелители и Повелительницы, собиравшиеся в Колоколе на старушке Земле во время кризиса, не узнали бы

сейчас его, Повелителя Пермасвари, во всаднике с темными вьющимися волосами, развевающимися на ветру. Они бы не узнали мальчишеской улыбки на лице, которое привыкли видеть серьезным и озабоченным. Он весело захохотал и сжал коленями бока Гризельды, держась одной рукой за седельное кольцо, а другой махнув остальным.

Казалось, Гризельда чувствовала, какое наслаждение он получает от ее длинных легких прыжков. Но неожиданно все изменилось. Орнитопртер, который доставил Повелителя Пространства на Ксанаду, взмыл в небо и полетел в сторону космопорта. Гризельда, отбросив чувство собственного достоинства, начала преследовать поднимающийся орнитопртер, пытаясь схватить его. Кемаль, чтобы избежать позорного падения, был вынужден взяться за кольцо двумя руками. Гризельда продолжала преследовать его до тех пор, пока тот не исчез из виду. Затем она села на землю, облизывая себя и, неумышленно, своего седока.

Ее твердый и шершавый язык оказался не столь уж неприятным, но Кемаль невольно вздрогнул, когда его коснулся ее клык.

При виде этого зрелища Куат громко захохотал. Лицо Маду — это было видно даже на расстоянии — выразило тревогу, но, когда Кемаль махнул ей рукой, она облегченно улыбнулась. Лэри, не сомневавшийся в могуществе героя битвы за Стайрон-IV, мечтательно всматривался в далекий город. Гризельда была явно смущена тем, что поступила как несмышленный котенок, когда ей доверили благополучие такого выдающегося гостя.

Издалека купола и башни города мерцали перламутром в мягком свете лун и зеркал.

Кемаль почувствовал, что его ощущение нереальности усилилось. Город казался таким прекрасным и фантастическим, что у него появилась уверенность — он исчезнет, как только они приблизятся.

Подъехав к городским стенам, Кемаль увидел, что, казавшаяся совершенной издалека, белизна города оказалась иллюзией.

Мерцающие белые стены зданий были усеяны жемчужинами, образующими сложные геометрические узоры, цветы и листья, усиливающие красоту поразительной архитектуры. Ни в одном из миров, которые он посетил, По-

вельитель Кемаль не видел ничего подобного: дворец Филиппа на планете Драгоценных Камней по сравнению с этими зданиями был жалкой лачугой.

Сады с фонтанами и с искусственными бассейнами разделяли дома. Цветущие кустарники создавали натуральный ландшафт. Внезапно Повелитель Пространства осознал еще один странный аспект планеты: на ней не было деревьев.

При входе в город собаки облаяли их с безопасного расстояния; но на этот раз Гризельда удержалась от искушения. Теперь, в городе, она напустила на себя некое благородство, как будто хотела загладить свою оплошность.

Гризельда направилась прямо к ступеням дворца. Повелитель Кемаль почувствовал ее напрягшийся круп, когда она готовилась преодолеть ступени и открытую дверь. К счастью, Куат первым был у ступеней и снова отдал ей команду свистящим шипением. Кемаль чувствовал ее явное стремление взлететь по ступеням, но все же она с неохотой повиновалась. Гризельда легла на живот, вытянув передние лапы; Кемаль прыгнул с седла, сожалея о том, что прогулка окончена. Гризельда, казалось, чувствовала то же самое, и Кемаль протянул руку, чтобы погладить ее. Маду одобрительно улыбнулась.

— Это верно. Когда вы станете друзьями с вашей кошкой, она будет охотно повиноваться вам.

Куат буркнул:

— У меня есть свой способ заставить их повиноваться, если они упрямятся.

Повелитель Пространства заметил маленькую плетъ с шипами за поясом Куата.

— Куат, ты не будешь, — запротестовала Маду. — Ты никогда...

— Ты не видела меня, — ответил он. И, видя ее опечаленное лицо, добавил. — До сегодняшнего дня я не нуждался в ней. Но думаю, она мне еще пригодится.

Кемаль заметил, что заверение Куата было не вполне искренним. Тень сомнения или удивления, казалось, появилась на светлом лице Маду.

Повелитель Кемаль во второй раз ощутил страх за нее и снова усилием воли прогнал его. Невинность ее души — вот за что он боялся. Ее глаза напомнили ему Д'Ирену из да-

леких дней его юности, прежде чем он стал мудрым в делах человечества, прежде чем узнал, что квазилюди и истинные мужчины не должны быть вместе. У Д'Ирены была грация олененка, мягкий нежный рот, невинные глаза лани, которые она унаследовала от матери. Что стало с ней после того, как он покинул ее? Хранят ли ее глаза ту искренность, которую он видел в глазах Маду? Или она вышла замуж за какого-нибудь грубого самца и часть его грубости перешла к ней? С нежностью вспоминая ее, он надеялся, что она вышла за утонченного самца, давшего ей таких же нежных и грациозных оленят, какой она оставалась в его памяти. Он покачал головой. Машины Страх возбудили все виды необычных воспоминаний и чувств. С отсутствующим видом он продолжал ласкать огромную кошку.

Слуги начали расседлывать животных. Повелитель Пространств с изумлением понял, что они были истинными людьми, а не квазилюдьми, исполняющими работу, и он вспомнил заявление Куата о наслаждении чувственностью животных. Было еще что-то, что-то... казалось, сейчас он припомнит... это напоминало ему усталость от бесплодных попыток поймать за хвост ускользающее животное, исчезающее за углом. Повелитель Пространства в сопровождении Куата, Маду и Лэри медленно шел сквозь лабиринт комнат и коридоров. Каждая казалась более удивительной, чем предыдущая. Только раз в жизни Повелитель Пространства видел что-либо подобное на видеоленте — реконструкцию старой Колыбели Человечества, проводившуюся перед Радиацией-III. Стены были увешаны гобеленами и картинами, сюжеты для которых заимствованы с зеленых репродукций; кушетки, статуи, цветастые и теплые паласы были помещены сюда основателем Ксанаду, чудачком Ханом. Да, Ксанаду — это было возвращение к чувственным наслаждениям, к роскоши и красоте, к излишествах. Кемаль почувствовал себя расслабленным в этой сказочной атмосфере, но очарование исчезло, когда, войдя в главный зал, Куат бесцеремонно развалился на ближайшей кушетке. Располагаясь поудобнее, он небрежно махнул рукой остальным:

— Садитесь, садитесь.

Свечи ярко горели, а кушетки и низкие столики, казалось, приглашали гостей.

— Мы рады видеть вас в нашем доме, — произнес он, — и надеемся, что сможем сделать все возможное, чтобы ваше пребывание здесь было запоминающимся.

Кемаль осознал, что он уделил мало внимания юноше, так как был поглощен новыми впечатлениями, и (признался он себе) девушкой, Маду, которая очаровала его. Лэри был так же физически совершенен, как и Маду. Высокий, статный, мускулистый, загорелый юноша. И, подобно Маду, с выражением открытости, уязвимости. Кемалю показалось странным, как эти два существа могли остаться такими невинными под опекуном такого грубого человека, как Куат. Куат нарушил его задумчивость “Иди сюда, Джу-ди!” Маду тотчас же направилась к столику, с подносом цвета меди. На подносе стоял кувшин с двумя носиками из такого же материала и восемь маленьких одинаковых бокалов. Кувшин был накрыт крышкой.

Куат небрежно проворчал:

— Проследи, чтобы твой большой палец закрыл нужное отверстие.

Ее тон был извиняющимся, но слегка презрительным, как показалось Кемалю.

— Я проделываю это с детства. Неужели я могла сейчас все забыть?

Кемалю Пермасвари казалось все последующие годы, что этот вечер был одним из поворотных моментов в его жизни. Казалось, он находился в стороне от происходивших событий; он был зрителем, наблюдающим не только за поступками других, но и своими; как-будто потеряв контроль над ними, словно во сне. Маду грациозно присела и большим пальцем левой руки закрыла одно из отверстий. Сияние свечей играло на тончайшем слое серебряной пудры, покрывавшей ее кожу. В тот момент, когда она разливала красноватую жидкость в четыре маленьких бокала, Кемаль заметил, что даже ногти на ее маленьких пальчиках были покрыты серебром. Куат поднял свой бокал. Правила вежливости предписывали, чтобы первый тост был за почетного гостя или, по крайней мере, за Содействие; но Куат руководствовался своими правилами “За наслаждение”, произнес он и опустошил бокал одним глотком. Пока остальные, не спеша, потягивали напиток, Куат поднялся и налил себе второй бокал. И проглотил содер-

жимое второго раньше, чем другие допили первый. Повелитель Кемаль наслаждался вкусом джу-ди. Совершенно непохожий на все то, что он пробовал прежде, ни сладкое и ни терпкое, он напоминал вкус граната, все же отлича-ясь от него. Потягивая напиток, он чувствовал приятное ощущение, проникающее во все клеточки тела. Когда бокал был пуст, он решил, что джу-ди был наиболее изысканным напитком, который он когда-либо пробовал. В отличие от алкоголя, одурманивающего мозг или чувственного удов-летворения от электрода джу-ди, казалось, обострял все ощущения. Все цвета стали ярче, тихая далекая музыка, звучание которой он едва осознал, внезапно стала прон-зительно прекрасной, ароматы неизвестных цветов опьяня-ли его. Его израненный мозг отверг Стайрон-IV и все, что давило его. Он чувствовал ощущение братства, даже по от-ношению к Куату; и внезапно ощутил, что находится у стены Даймони. Теперь он знал, что невозможно чувство-вать или читать мысли обитателей этой планеты. Это было прямо связано с запретным барьером, который Куат воз-двиг. Однако, барьер был несовершенен. Куат не мог про-сто скрыть свои мысли от него: для этого ему понадобилось воздвигнуть универсальный барьер. "И что,—подумал Ке-маль, — ты хочешь скрыть? Какие нарушения законов Со-действия ты допустил, что тебе необходимо устанавливать универсальный барьер?"

Куат, расслабившись, приятно улыбался.

Впервые после битвы у Стайрон-IV Повелитель Кемаль чувствовал, что он действительно может полностью выздоро-веть. И впервые он действительно чем-то интересовался.

Маду вернула его к действительности.

— Вам понравился джу-ди?

Кемаль кивнул, счастливый и все еще поглощенный той загадкой, с которой столкнулся.

— Вы можете выпить второй бокал, — произнесла она, — но не более. После второго бокала теряются ощущения, и это не очень приятно, не так ли?

Она наполнила второй кубок Кемалю, Лэри и себе. Куат потянулся за кувшином, и она шутливо шлепнула его по руке.

— Еще один и вы сможете налить себе случайно писанг. Он засмеялся. — Я больше остальных мужчин и могу выпить больше, чем они. — Тогда позвольте налить мне, — сказала

она. Маду повернулась к Повелителю Пространства с наигранным весельем (звучавшим не совсем искренне):

— Мы прощаем ему все; но это действительно опасно, пить слишком много. Посмотрите, как устроен этот кувшин.

Она сняла крышку. Кувшин состоял из двух частей.

— В одной половине находится джу-ди; в другой — писанг, по вкусу похожий на джу-ди, но он смертелен. Один кубок убивает мгновенно.

Кемаль невольно вздрогнул — это длилось меньше секунды.

— Существует ли противоядие?

— Нет.

Лэри, все это время не проронивший ни слова, вступил в разговор.

— В действительности это одно и то же. Джу-ди — очищенный писанг. Его изготавливают из плодов, растущих только здесь, на Ксанаду. Галактика знает, сколько людей погибло, отдавая плоды или выпив бродящий, но не очищенный писанг, прежде чем был открыт секрет получения джу-ди.

— Каждый из них по-своему ценен, — засмеялся Куат.

Остатки доброго чувства, порожденного джу-ди, которые были еще у Повелителя Пространства по отношению к Куату, исчезли. Однако его интерес к двойственности кувшина возрос.

— Но, если вы знаете, что писанг — яд, почему вы держите его в сосуде с джу-ди? И зачем вы вообще держите его в неочищенном виде?

Маду согласно кивнула:

— Я часто задавала подобный вопрос, и получала бессмысленные ответы.

— Это волнение опасности, — сказал Лэри. — Не получаете ли вы большее наслаждение от джу-ди, зная, что существует шанс выпить писанг?

— Я и говорю, — повторила Маду, — ответы бессмысленны. Здесь Куат решил вмешаться. Его речь была невнятна, но говорил он достаточно разумно:

— Во-первых, это традиция. Давным-давно, при первом Хане и прежде, чем Ксанаду перешла под юрисдикцию Содействия, процветало беззаконие. Все сражались за управление планетой. Необходим был простой способ избавиться от них, прежде чем они могли узнать об этом.

Говорят, что двойной кувшин был скопирован с древнего китайского кувшина, привезенного первым Ханом. Я не могу говорить об этом с уверенностью, но это стало у нас традицией. На Ксанату вы не найдете ни одного кувшина, который содержал бы только джу-ди без писанга.

Он кивнул с видом мудреца, который объяснил все, но Повелитель пространства не был полностью удовлетворен.

— Хорошо, — произнес он. — Вы изготавливаете кувшины традиционным способом, но почему, клянусь облаками Венеры, вы должны держать в них писанг?

Ответ Куата был еще более невнятен, чем его предыдущая речь; эффект неумеренного возлияния сделал его чересчур возбужденным, и Повелитель Пространства решил последовать настоянию Маду не увлекаться чудесным напитком. На лице Куата появилась подозрительная улыбка, и он предостерегающе помахал рукой, обращаясь к Повелителю Кемалю.

— Чужеземцы не должны задавать слишком много вопросов. Вокруг нас могут быть враги и мы должны быть настороже. Между прочим, применяя этот способ, мы казним преступников на Ксанату, — он разразился смехом. — Они не знают заранее, что им дают. Это напоминает лотерею. Иногда я немного поддразниваю их. Сначала даю джу-ди, и они думают, что их отпустят на свободу. Затем я даю им второй бокал, и они, ничего не подозревая, выпивают его с радостью, так как после первого с ними ничего не случилось. Потом, когда наступает паралич — ха! Посмотрели бы вы на их лица!

Скрытая неприязнь, которую Повелитель Пространства чувствовал к Куату, на мгновение овладела Кемалем. “Но, — подумал он, — человек опьянен.” И затем: “Речь ли это настоящего мужчины?”

— Нет, нет, Куат, не говорите так!

Куат понял. Он одобряюще похлопал брата по коленке.

— Нет, нет, конечно, нет. Я думаю, мне надо прилечь. Вы позаботитесь о госте, не так ли?

Вставая, он пошатнулся, но походка его была тверда.

Внезапно барьер слегка опустился. Он по-прежнему не мог читать мысли Куата, но Повелитель Пространства чувствовал, где-то на планете что-то злое, чужое, незаконное. Казалось, холод вытеснил из него теплоту джу-ди.

Над белыми дюнами начинал свистеть.

Далеко от города, защищенная древним кратером озера от темного моря, секретная лаборатория выглядела безобидным райским уголком. Внутри, противозаконно выращенные, гомункулы, еще не наделенные чувствами, шевелились в эмбиотической жидкости; снаружи — деревья, на которых росли ядовитые плоды, казалось, трепетали в ужасных предчувствиях.

Маду вздохнула.

— Я знала, что ему будет вреден последний кубок, но он бы все равно настоял на своем.

Она повернулась к Лэри, забыв на мгновение о Повелителе Пространства, и ободряюще произнесла:

— Конечно, он преувеличивал, рассказывая о том, как дразнит заключенных. Он был так добр к нам все эти годы... никто не может так хорошо относиться к нам и быть жестоким к другим, не так ли?

* * *

В последующие годы Повелитель Пространства часто обращался к воспоминаниям.

“О, Ксанаду, во всей галактике нет ничего похожего: солнечные дни и ночи, безлесье равнины, неожиданные удары грома и вспышки молний, без дождей — все это подчеркивало твое очарование. Гризельда. Единственное настоящее животное, которое я когда-либо видел... раскаты мурлыканье; мягкий розовый нос с черными крапинками с одной стороны; глаза, которые, казалось, проникают в самую глубь моего существа. О, Гризельда, я надеюсь, ты все прыгаешь и скачешь где-то...”

Но вернемся к рассказу: первые “дни” пребывания Повелителя Кемалья Пермасвари на Ксанаду прошли в бесконечных увеселениях. На следующий день после его прибытия должны были проводиться бега, в которых принимал участие Лэри. Элемент соперничества, возвращенный на Ксанаду, был частью сознательного возврата к простым играм, которое забыло индустриальное человечество.

Веселая и пестрая толпа заполняла стадион. Почти все девушки были с распущенными развевающимися волосами;

старые и молодые женщины — в типичных костюмах Ксанаду: коротких юбках и блузках. В большинстве миров старые женщины выглядели бы гротескными или, по крайней мере, смешными в этом костюме, а молодые казались похотливыми. Но на Ксанаду, где существовала первозданная невинность и культ тела, почти все женщины планеты, независимо от возраста, казалось, сохранили свои прекрасные гибкие фигуры; у них не было ложной скромности, чтобы привлекать внимание к своей полунаготы.

Кожа большинства девушек и юношей была покрыта телесной пудрой, которую Повелитель Пространства впервые заметил на Маду; одни наносили пудру на одежду, другие на волосы или лоб. Некоторые пользовались бесцветной фосфорисцирующей пылью. “Из всех, — подумал Повелитель Пространства, — Маду выделяется своей красотой.”

Она была настолько возбуждена, что ее настроение передалось и Кемалю.

Куат выглядел слишком спокойным.

— Как вы можете быть таким равнодушным? — спросила Маду.

— Ты же знаешь, мальчик выиграет. Кстати, лошадинные бега более возбуждающи.

— Для тебя, может быть. Но не для меня.

Повелитель Кемаль проявил интерес:

— Я никогда не видел этих бег, — сказал он. — Что это такое? Все лошади бегут вместе, чтобы выявить, кто быстрее?

Маду согласно кивнула.

— Все они начинают гонку по сигналу и бегут по дорожкам. Та, которая придет первой к финишу, считается победителем. Он, — она игриво кивнула на Куата, — любит заключать пари, делать ставки на выигрыш своей лошади. Вот почему он предпочитает бега.

— А вы не заключаете пари на людей?

— О, нет. Это было бы унинительно.

В этот день состоялось три забега, сужавшие круг соперников. Уже в самом начале стало ясно, что превосходство Лэри бесспорно. Если бы он не был превосходным бегуном, то легко можно было предположить, что другие специально давали возможность выиграть брату губернатора Ксанада.

Куат вышел в центр стадиона для участия в ритуале, заимствованном из Колыбели Человечества — возложение короны из золотых листьев на голову Лэри.

После его ухода Повелитель Кемаль невольно прислушался к шепоту позади него, уловив слова: "...танец с эрои... старый губернатор будет обрадован... слишком плоха его мать..." Маду, казалось, не обращала внимание на разговоры.

После празднеств губернатор и его спутники вернулись во дворец. Кемаль вспомнил любопытные фразы; особенно он был поражен наличием настоящего или будущего времени в фразе "старый губернатор будет (а не был бы) обрадован". Эта фраза засела в мозгу и тревожила, как заноза в больном пальце. Его разум только начал выздоравливать от ран, и он решил больше не рисковать...

Когда Куат наслаждался вторым бокалом джу-ди, Повелитель Кемаль, как бы невзначай спросил его:

— Как давно вы являетесь губернатором Ксанаду, Куат? Куат сверкнул глазами, почувствовав тревогу за внешне невинным вопросом. Вмешался Лэри:

— Я был маленьким ребенком...

Куат жестом заставил его замолчать.

— Уже давно, — ответил он. — Разве это имеет какое-то значение?

— Нет. Я просто поинтересовался, — сказал Повелитель Пространства, решив быть более настойчивым. — Я считал, что правление на Ксанаду передается по наследству, но сегодня я услышал кое-что, заставившее меня думать, что ваш отец — губернатор — все еще жив.

И снова Лэри поспешил с ответом:

— Но он жив. Он с эрои... вот почему моя мать... Куат нахмурился: — Содействие не может вмешиваться в эти вопросы. Это регулируется местными обычаями Ксанаду, защищенными Статьей № 376984, раздел "а", параграф 34 "с" акта, согласно которому Ксанаду согласилась перейти под покровительство Содействия. Я могу заверить Повелителя, что это касается только внутренних вопросов автохтонного происхождения.

Повелитель Кемаль кивнул в знак видимого согласия. Он чувствовал, что каким-то образом раскрыл еще одну

малую часть тайны, которая заинтриговала и заинтересовала его впервые после событий на Стайрон-IV.

Только на четвертый “день” пребывания на Ксанаду, Повелитель Кемаль вместе с Маду и Лэри осуществили вылазку за стены города. К этому времени Повелитель Пространства был влюблен в Гризельду. Ему доставило огромное наслаждение, когда она замурлыкала от удовольствия и без команды опустилась на землю, приглашая его сесть в седло.

Он увидел животных в новом свете. Кемаль мучительно осознавал, что квазилюди, модифицированные животные в человеческом облике, на самом деле были ни теми, ни другими. О, да, существовали квазилюди, обладавшие выдающимся интеллектом и силой, но... он прогнал эти мысли.

Они мчались по равнинам, испытывая радостное возбуждение. Исхлестанная ветрами, безлесья, маленькая планета очаровывала своей дикой красотой. Черное море билось у подножия белых меловых утесов. Окидывая взглядом бесконечные песчаные дюны, Кемаль еще острее чувствовал необычность этой планеты. Почти на горизонте он увидел огромную птицу. Она медленно поднималась в небо, затем неожиданно вошла в пике и начала падать.

Позднее, немного позднее, песня, написанная компьютером (когда он ввел в него данные о времени и месте), стала известна во всех Галактиках:

*Над черной горой
Один в облаках
Замер орел на мгновение.
Ветер резкий пронесся,
И грянул гром.
Потоки дождя,
Павшего наземь,
Стали саваном для орла,
Когда он упал на землю
Со сломанными крыльями.
И прибой у подножья скалы
Был белый этой ночью,
И яркие крылья упавшей птицы...
Я слышал крик...*

То, что Повелитель Кемаль ввел эти факты в компьютер, выражая таким образом свои страдания, возможно, свидетельствует о глубине его чувств.

Маду и Лэри, наблюдавшие за полетом птицы, были так ошеломлены ее падением, что их веселое и радостное настроение исчезло.

— Но почему? — прошептала Маду. — Она летела так же свободно, как мы скакали. Мы прыгали, а она парила, одинаково свободные и счастливые. А сейчас...

— А сейчас мы должны забыть это, — произнес Повелитель Пространства со знанием, рожденным из бесконечного терпения и осторожности, которые он желал бы не чувствовать.

Но сам он не смог забыть. Отсюда и появились строки компьютера: “Над черной горой...”

Перейдя на шаг, в глубокой задумчивости, они продвигались дальше, глубоко потрясенные смертью красоты жизни.

“Какая утрата, — думал Повелитель Пространства, — какая утрата красоты. Птица парила свободная, как мечта... Почему? Неожиданный поток воздуха? Или что-то более зловещее?”

“Что чувствовала моя мать? — думал Лэри. — Что она чувствовала и думала, когда входила в теплое, глубокое черное море, зная, что никогда не вернется назад?”

Маду чувствовала себя расстроенной и одинокой. Впервые в своей жизни она столкнулась со смертью. Ее родители — но она ничего не знала о них... А эта птица — она видела ее живой и свободной, летящей, поглощенной только грациозным скольжением и парением; и сейчас, вдруг, она была мертва.

Первым, кто, благодаря своему возрасту и опыту, пришел в себя, был Повелитель Кемаль.

— Вы не сказали мне, — спросил он, — куда мы направляемся?

Маду, сделав над собой усилие, слабо улыбнулась. — Мы хотим обогнуть край кратера чуть выше, у пика. Оттуда открывается прекрасный вид, и, когда стоишь там, почти уверен, что сможешь увидеть всю планету.

Лэри кивнул, решив участвовать в беседе, несмотря на тяжелые мысли, клубившиеся в голове.

— Верно, — сказал он. — Вы даже сможете увидеть оттуда деревья Буах. Из плодов этих деревьев мы получаем писанг и джу-ди.

— Я несколько удивлен этим, — сказал Повелитель Пространства. — Со времени моей высадки на планете я не видел ни одного дерева.

— Но, — одновременно воскликнули Маду и Лэри. Эта синхронность создала разрядку. Они рассмеялись и это сняло напряжение, царившее с момента гибели птицы.

Бессознательно, их веселое настроение передалось кошкам, которые устремились вперед, словно прищипоренные.

Повелитель Пространства, обрадованный переменой в настроении своих юных спутников, был слегка огорчен, что эта интересная беседа не могла быть продолжена на такой бешеной скорости.

Продолжая подниматься вверх по склону, кошки, однако, стали замедлять свой бег. Повелитель Кемаль чувствовал это по учащенному дыханию Гризельды. Казалось, ничто не могло утомить ее, но подъем к краю кратера оказался намного длиннее, чем он выглядел снизу. Другие кошки также замедлили шаги.

Повелитель Пространства вернулся к беседе.

— Вы хотели рассказать мне о деревьях, — мягко сказал он.

Лэри ответил первым.

— Вы были совершенно правы, говоря, что не встречали деревьев. Единственные деревья, которые растут на Ксанаду, за исключением Буах — это деревья Келапа, и они растут в кратере небольшого вулкана. Вы сможете увидеть их, когда будете у края кратера. Но деревья Буах растут только вместе, так как необходимы мужские и женские виды для оплодотворения; и к плодам можно приближаться только в определенное время, иначе, вдохнув их аромат, вы умрете.

Маду вмешалась в разговор:

— Мы всегда должны держаться вдали от рощи Буах, до тех пор, пока Куат не проконсультируется с эрой, и не объявит нам, что пришло время. Тогда все жители Ксанаду участвуют в сборе плодов. Эрой танцуют и это самое лучшее время для нас...

Лэри неодобрительно покачал головой:

— Маду, это вещи, о которых мы не рассказываем чужеземцам.

Ее щеки покрылись румянцем, и, бросив взгляд из-под полуопущенных век, она тихо произнесла:

— Но Повелитель Содействия...

Двое мужчин осознали неловкость ее положения и каждый по-своему постарался утешить Маду.

Повелитель Пространства сказал:

— Я стараюсь не вспоминать то, чего не следует помнить.

Лэри улыбнулся и положил правую руку на ее плечо.

— Все в порядке. Он понимает, что ты не имела в виду ничего плохого. Никто из нас не расскажет Куату.

Лежа у себя в комнате после обеда, Кемаль пытался восстановить в памяти события дня.

Они достигли края кратера — все оказалось так, как предсказывала Маду.

Каждый почувствовал бесконечность горизонта. Повелитель Пространства был поражен величием увиденного, чего он никогда не испытывал в такой степени в своих прежних путешествиях в пространстве и времени. И тем не менее в нем крепло ощущение: что-то нарушало гармонию. Отчасти это было связано с рощей Буах. Кемаль был уверен, что он заметил какое-то здание в тот момент, когда порывистый ветер качнул ветки деревьев Буах. Он ничего не сказал о своем открытии молодым людям. Вероятно, это тоже касалось местных обычаев и было запрещено для обсуждения, иначе один из них обязательно упомянул бы о нем. Кемаль порывался в памяти (да, он чувствовал, что его мозг восстанавливался) в поисках слуги, кто захотел бы поговорить с Повелителем Содействия. Неожиданно его память подсказала ему: один из мужчин в манеже, где содержались огромные кошки. Что там произошло?..

Он посыпал рыбу песком и затем, глядя в лицо Повелителя Пространства, рукой стер с него чешуйки... Позже он заметил блеск металла на шее этого человека. Был ли это крест с изображением Распятого Бога? Не проповедовал ли он Древнюю Могущественную Религию здесь, на Ксану? Если это было так, то он мог стать объектом шантажа. Мужчина пытался что-то сообщить Кемалю.

Сейчас Повелитель Пространства был в этом почти уверен. Во всяком случае он мог быть его союзником. Ему оставалась самая малость — вспомнить имя этого человека. И его ассоциативное мышление заработало: лицо, приближающееся к нему... рука мужчины, теребящая цепь на шее... да, конечно, крест, он мог видеть его теперь... почему он не заметил его раньше?.. он отпечатался в его памяти... и, наконец, его имя: Мистер-Стоун-из-Бостона.

Невероятная догадка, что здесь, на Ксанаду, существовал квазичеловек, пронзила его. Было не похоже, чтобы Мистер-Стоун-из-Бостона происходил от животного, но имя указывало на нечто странное в его происхождении. Повелитель Кемаль не мог дожидаться “утра”, чтобы продолжить знакомство с этим человеком. Что могло послужить оправданием его ночного визита в манеж? Ворота Ксанаду были закрыты в течение последующих восьми часов. Внезапно Кемаль осознал, что размышляет, как обычный ординарный человек. Ведь он — Повелитель Содействия. Почему он должен искать оправдание своим действиям? Куат мог быть губернатором Ксанаду, но в системе Содействия он был только пылинкой. Тем не менее, Повелитель Пространства чувствовал, что ему необходимо быть осмотрительней в своих действиях. Куат уже продемонстрировал свою безжалостность, к тому же, некоторые из этих местных обычаев казались очень странными.

Повелитель Пространства, который “случайно” выпил писанг в состоянии растроянного сознания мог быть легко списан, и он не имел права ставить под удар Мистера-Стоуна-из-Бостона.

Гризельда! Выход был найден. Он заметил, что сегодня днем она чихала... он даже сказал об этом Маду и Лэри... они решили, что причиной этого была пыль или пыльца. Это может послужить оправданием. Он был так явно влюблен в Гризельду, что стал уже объектом дружелюбных насмешек со стороны Маду и Лэри. Никто не сочтет его заботу о ней чрезмерной.

Коридоры, по которым он проходил, выглядели необычно пустынными. За все время пребывания на Ксанаду он ни разу не покидал отведенных ему покоев после ужина. Очевидно, вечером слуги и хозяева уходили из дворца. Как ему хотелось, чтобы в манеже никого не было.

Это была невероятная удача, что Мистер-Стоун-из-Бостона оказался один. В тот момент он был уверен, что встреча была случайной. Позже, из разговоров с человеком-птицей, выяснилось, что Мистер-Стоун-из-Бостона, как и предполагал Повелитель Пространства, оказался квазичеловеком. Его лицо светилось мудростью и добротой.

— Понимаете, губернатор Куат не подозревает, что я — квазичеловек, и поэтому универсальный мозговой барьер не является для меня препятствием. Это было не очень легко, но я все же пробился к вам. Я немного огорчился, когда зондирование вашего мозга показало рубцы на нем, оставшиеся после Стайрон IV, но я пользуюсь новейшими методами, чтобы исцелить вас, и уверен, что это увенчается успехом.

Повелитель Пространства почувствовал легкое недовольство, что это, рожденное животным, существо так глубоко проникло в тайны его мозга. Но злость быстро прошла, когда он приравнял привязанность к Гризельде к интеллектуальному взаимопониманию с человеком-птицей. Улыбка Мистера-Стоуна-из-Бостона стала более открытой.

— Я был совершенно уверен в вас, Повелитель Пермасвари. Мы очень нуждаемся в таком союзнике, как вы, здесь, на Ксанаду. Вы удивлены?

Повелитель Пермасвари кивнул.

— Губернатор уверял, что на Ксанаду нет квазилюдей...

— Путь к вам был нелегок, — признался Мистер-Стоун-из-Бостона. — Но я не одинок. Нашими союзниками являются и другие человеческие семьи, но не столь могущественные, как Повелитель Пространства в настоящее время.

Повелителя Кемалья не обидело утверждение о том, что он является союзником квазилюдей. И опять, читая его мысли, человек-птица улыбался доброй, обезоруживающей улыбкой. Он заслуживал доверия, и Повелитель Кемаль почувствовал, что сможет принять все, что он говорит. Их мысли соединились.

— Позвольте мне представиться, — сказал Мистер-Стоун-из-Бостона. — Мое настоящее имя О'Дуард, и моим предком был великий О'теликели, о котором вы могли слышать.

Повелитель Кемаль нашел очень трогательной скромность этого заявления, очень трогательной. Он почтительно склонил голову; легендарный человек-птица О'теликели был широко известен во всем Содействии, как признанный вождь и духовный наставник квазилюдей. Этот произошедший из яйца квазичеловек мог быть или надежным союзником в осуществлении целей и задач Содействия, или столь же сильным противником. Правящие Содействием Повелители и Повелительницы были очень заинтересованы в сотрудничестве с ним. Было известно, что многие квазилюди обладали экстраординарными медицинскими и духовными способностями. И Повелителя Пространства утешала мысль о том, что существо, манипулирующее его мозгом, являлось потомком О'теликели. Он с удивлением осознал, что телепатизирует свои мысли, так как О'Дуард может слышать их.

Если бы они объединились, Повелитель Пространства быстрее разгадал бы тайну Ксанаду, но сначала он хотел узнать, не нарушает ли их союз законы Содействия.

— Нет, — твердо сказал О'Дуард. — Фактически мы только корректируем то, что находится в прямом противоречии с законами Содействия.

— Что-то автохтонное? — проницательно спросил Повелитель Пространства.

— Местная культура, безусловно, играет роль, — согласился О'Дуард. — Но она служит лишь ширмой для гораздо большего, чем зло. Я употребляю слово “зло” не только в его изначальном смысле (Он поднял крест с изображением распятого Бога), но и как посягательство на право жить. Я имею в виду право существа жить по своим собственным законам, при условии, что они не ущемляют прав других, и принимать самостоятельные решения.

Повелитель Кемаль кивнул в знак согласия и уважения.

— Это неотъемлемое право.

О'Дуард покачал головой.

— Они должны быть такими, но на Ксанаду Куат нашел способ обойти эти законы. Вы знакомы с гомункулами?

— Конечно. “У них нет собственной жизни...” — процитировал он слова старой песни. — Но причем здесь право на жизнь?

— Они выращиваются из замороженных частей тела давно умерших выдающихся людей. Известно, что при регенерации мертвой плоти, мы иногда получаем экстраординарные результаты, когда гомункул получает свою вторую жизнь, а иногда и нет. Их достижения обуславливаются не только генами, но и внешними обстоятельствами...

О'Дуард снова покачал головой.

— Я говорю не о законах научноконтролируемого получения гомункулов, хотя часто испытываю жалость к ним. Но что вы скажете о гомункулах, выращенных из живых людей?

По мере продолжения рассказа, выражение удивления на лице Кемалья сменилось ужасом. А человек-птица продолжал:

— Гомункулы, которыми Куат управляет, как куклами. Гомункулы, которыми заменяет оригинал, так что в действительности ни у тех, ни у других нет своей собственной жизни...

При этих словах Повелителя Пространства пронзила внезапная догадка: теперь он знал, что находится за стенами здания, которое он заметил в роще деревьев-Буах.

— Это лаборатория, не так ли?

О'Дуард утвердительно кивнул.

— Место для нее выбрано действительно удачно. Куат пустил слух, что аромат дерева-Буах ядовит, за исключением периода, когда он провозглашает время сбора плодов. Поэтому никто не рискует приближаться к лаборатории. Все это чепуха. Существует лишь короткий период перед сбором плодов, когда аромат плодов действительно ядовит. Другими словами, крупица правды, добавленная к слухам, усиливает их. Сегодня утром, как вы видели, был убит наш разведчик...

Кемаль недоуменно посмотрел на О'Дуарда.

— Немодифицированный орел, которого вы видели падающим с небес, вел наблюдение за лабораторией для нас. Он был сбит стрелой, отравленной писангом. Подобные случаи заставляют людей держаться подальше от этой рощи.

— Вы поддерживали связь?

Впервые Повелителю Кемалю показалось, что улыбка человека-птицы была несколько самодовольной. Но затем его лицо осунулось, глаза стали печальными.

— Он был моим братом; мы выросли в одном гнезде, но меня генетически закодировали как квазичеловека, а его нет. Наши чувства несколько отличаются от чувств настоящих людей, но мы также способны на любовь и верность, как и на печаль...

Повелитель Пространства вновь вспомнил красивую птицу, парящую в утреннем небе, и ему передалась печаль О'Дуарда. Теперь он верил в чувства квазилюдей. Человек-птица коснулся его руки.

— Я могу сказать, что вы были опечалены смертью моего брата, даже не зная всех обстоятельств. И это явилось одной из причин моего желания видеть вас здесь сегодня вечером... Но сначала мы должны покончить с эрои...

— Я слышал это слово, но не знаю его значения, — признался Повелитель Кемаль.

— Я нисколько не удивлен. Эрои проводят жизнь полную наслаждений: они поют, танцуют, развлекаются и выступают в качестве жрецов. Входящие в агоі мужчины и женщины окружены почетом и уважением. Но существует одно странное условие для вступления в эрои...

При этих словах Повелитель Пространства вопросительно взглянул на О'Дуарда.

— Все живые потомки супруга или супруги, вступающего в эрои, должны быть принесены в жертву, или кто-то из них должен умереть, или, если в семье больше одного ребенка, равное количество других добровольцев приносятся в жертву.

Повелитель Кемаль теперь понял все.

— Так, значит, по этой причине мать Лэри утопилась в Море Мрака, спасая своего сына. Но почему к эрои присоединился прежний губернатор?

— Неужели не ясно? Двое заговорщиков в лице нынешнего губернатора Куата и прежнего губернатора, Управляющего эрои, имеют полную власть над планетой.

— Так это был заговор с самого начала?

— Конечно. Куат является сыном первой жены губернатора, который, состарившись, хотел удержать власть в своих руках с помощью него, сделав своим наместником.

— А гомункулы в лаборатории?

— Это и есть причина, по которой вопрос не терпит отлагательств. Они уже выращены и почти полностью на-

делены чувствами. Они должны быть уничтожены прежде, чем ими заменят оригиналы, которые будут убиты.

— Я думаю, что у нас нет другого выхода, хотя все это похоже на убийство.

— Замещение является физическим и духовным убийством, — возразил О'Дуард. — Эти гомункулы подобны роботам без души. — Он уловил слабую улыбку Повелителя. — Я знаю, что вы не верите в Древнюю Могуущественную религию, но я думаю, что вы меня понимаете.

— Да. В этом смысле они не являются живыми существами. У них нет собственной воли.

— Эрои сейчас находятся в двух поселках, расположенных за сто ли отсюда. После того, как там закончат развлекаться, они появятся здесь. Это послужит сигналом для начала сбора плодов Буах и для замены гомункулами их живых двойников. Тогда на планете никто не сможет оказать сопротивление Куату, он даст полную волю своей жестокости и начнет планировать захват других миров. Его брат Лэри одна из намеченных жертв, потому что популярность юноши у народа пугает Куата.

Повелитель Пространства воспринял эти слова с легким недоверием.

— Но мне всегда казалось, что единственные люди, которых он по-настоящему любит — Маду и Лэри.

— Тем не менее, один из гомункулов в лаборатории является точной копией Лэри.

— Неужели старый губернатор, его отец, не был против?

— Возможно. Хотя тот факт, что он присоединился к эрои, зная, что ценой этому должна быть человеческая жизнь, свидетельствует об обратном.

— А Маду?

— Некоторое время он не будет трогать ее, чтобы попытаться подчинить девушку своей воле. Если же это ему не удастся, он, в конце концов, заменит ее гомункулом, совершенно не беспокоясь о том, что исчезла личность.

Повелитель Пространства почувствовал, что его мозг уже с трудом переваривает такое обилие информации. О'Дуард сочувственно улыбнулся.

— Я задержал вас слишком долго. Вам нужно отдохнуть. Мы будем поддерживать связь. И не огорчайтесь:

мозговой барьер, созданный Куатом, непреодолим и для него; только квазилюди и животные исключение. А мы являемся союзниками.

Возвращаясь в свои апартаменты, Повелитель Пермасвари снова ощутил молчание и запустение, царившие во дворце. Кемаль был поражен, как много времени прошло с того момента, когда он покинул свою комнату, чтобы встретиться с Мистером-Стоуном-из-Бостона. Вдруг он вспомнил, что не спросил О'Дуарда, откуда у него такое странное имя. В тот же миг Кемаль услышал голос человека-птицы, посланный в его мозг по телепатическому каналу.

— Это имя было дано мне за небольшие заслуги, которые я оказал Содействию в Колыбели Человечества.

Повелитель Пространства вздрогнул от неожиданности. Он забыл, что оставил свой мозг открытым, и барьера для телепатической связи не существовало.

— Благодарю вас, — ответил он и закрыл свой мозг.

* * *

Очнувшись от кошмарных сноведений, преследовавших его всю ночь, Повелитель Пространства почувствовал слабость, которую О'Дуард определил бы как усталость души. У него не было возможности связаться с Содействием. Следующий вылет корабля в космопорт на Ксанаду планировался только через несколько дней. Это было бы слишком поздно.

О'Дуард был прав — замещение людей гомункулами нужно остановить немедленно. Но как? Создалась странная ситуация — он, Повелитель Пространства, должен был положиться на квазичеловека; единственное утешение, что этот человек был потомком О'теликели.

Во время завтрака Маду выглядела подавленной, Лэри отсутствовал. Стараясь придать голосу как можно больше любезности, Повелитель Кемаль спросил Куата, где юноша.

— Он отправился в Рараку танцевать с эрои, — ответил Куат.

Затем, очевидно осознав, что Повелитель Пространства может не знать значения слова “эрои”, дружелюбно добавил:

— Это группа танцоров и людей, любящих развлечения, существующая на Ксанаду.

Кемаль почувствовал, как похолодело его сердце. Воспользовавшись тем, что Куат был занят беседой с Маду, он связался с О'Дуардом.

— Лэри исчез.

— Наши разведчики сообщают, что все гомункулы еще в лаборатории, — телепатировал О'Дуард. — Мы пытаемся найти его и затем связаться с вами.

Но время шло; единственное, что квазилюди смогли сообщить Повелителю Кемалю: Лэри не было в Рараке, и его двойник все еще находится в лаборатории. Создавалось впечатление, что Лэри исчез с планеты.

Маду приняла сообщение Куата спокойно; она, очевидно, верила, что Лэри танцует с эрои. Повелитель Пространства мягко обратился к ней:

— Я слышал, что эрои — закрытая группа, и, чтобы участвовать в танцах, нужно стать ее членом.

— О, да, чтобы стать ее полноправным участником, — ответила Маду. — Но перед сбором плодов лучшим танцорам, независимо от того, являются ли они членами группы, позволено танцевать с ними. Эрои уже направляются из Рараки к Пойке и скоро они будут здесь. Я буду очень рада увидеть Лэри снова; мне всегда не хватает его, когда он уходит бегать или танцевать.

— Он раньше уходил танцевать? — спросил Повелитель Пространства.

— О, нет. Бегать — да, но не танцевать, хотя он прекрасный танцор. До сих пор он был еще слишком юн.

— У вас есть другие развлечения в период сбора плодов, кроме танцев? — спросил Повелитель Пространства, пытаясь отыскать ключ к тайне исчезновения Лэри.

Ее улыбка вновь стала лучистой.

— Я уже рассказывала вам, что у нас проводятся лошадиные бега. Это любимое развлечение Куата. Только, — ее лицо потемнело, — сейчас я боюсь, что у его лошади нет шансов на победу. Джогль слишком часто участвовал в бегах и у него травмированы задние ноги. Ветеринар говорит, что нужна трансплантация мускулов, если найдется подходящий донор. Но я не уверена в этом.

В предчувствии встречи с Лэри Маду снова стала такой же веселой, какой ее привык видеть Повелитель Пространства. Они отправились на прогулку верхом на кошках, и Повелитель Кемаль вновь почувствовал восторг и наслаждение, когда они с Гризельдой стали единым существом. Между ними настолько установилось заимопонимание, что она повиновалась малейшему его желанию. Впервые за эти дни Повелитель Пермосвари забыл об О'Дуарде и гомункулах, о судьбе Лэри и о возможном неодобрении Содействием его сотрудничества с человеком-птицей. Его также поразила невидимая нить, связывающая Маду и Лэри. И сейчас, думая о Маду, он чувствовал, насколько она стала дорога ему за эти несколько дней. Никогда еще, ни в одном мире, где он был, ни одна женщина не была для него столь привлекательна. Но Повелитель Кемаль не мог отделиться своим чувством, ибо его честь требовала прежде всего, чтобы он сделал все для спасения Лэри.

Он связался с О'Дуардом:

— Ничего, — ответил человек-птица. — Мы не можем обнаружить его следы. Последний раз его видел один из наших людей, когда он выходил из дворца. Это все.

В день праздника, перед сбором плодов, Повелитель Пространства, выразив желание увидеть Гризельду, отправился в манеж. Мистер-Стоун-из-Бостона был на месте. Он внимательно посмотрел, но при этом его мозг оставался закрытым. Он не выходил на телепатическую связь. Повелитель Пермасвари почувствовал легкое раздражение. Он открыл свой мозг и воскликнул:

— Животные!

О'Дуард слегка вздрогнул, но по-прежнему не отвечал. Повелитель Пространства, чувствуя свою вину, произнес:

— Извините, я вовсе не это имел в виду.

На этот раз О'Дуард открыл свой мозг и ответил:

— Да, мы — животные, но почему столько презрения? Каждый является тем, кто он есть.

— Я был раздосадован тем, что вы закрыли свой мозг от меня, Повелителя Пространства. У вас есть право закрывать свой мозг от любого. Я прошу извинить меня.

О'Дуард благосклонно отреагировал на его слова.

— Причиной того, что я закрыл свой мозг, была необходимость обдумать сообщение, которое хотел сделать.

Сначала мне нужно было узнать ваши истинные чувства к Маду и Лэри.

Повелителю Пермасвари стало неловко: он вел себя как ребенок, а не Повелитель Пространства. Теперь он говорил с полной откровенностью:

— Я искренне волнуюсь за Лэри. А что касается Маду, то я питаю к ней самые теплые чувства. Но я должен сначала найти Лэри.

О'Дуард кивнул:

— Я знал, что вы ответите именно так. Мы нашли Лэри. Они искалечили его на всю жизнь.

У Повелителя Кемалья перехватило дыхание.

— Что вы имеете в виду?

— Куат приказал своему ветеринару трансплантировать мышцы юноши его любимой лошади Джогль. Она сможет пробежать в этом забеге с прежней скоростью, оставив позади всех, кто ставил против Куата... Никакая операция не поставит Лэри на ноги. Он не сможет не только бегать или танцевать, но и ходить.

Повелитель Пространства почувствовал себя совершенно опустошенным. О'Дуард продолжал:

— Завтра мальчик в инвалидной коляске будет присутствовать на лошадиных бегах. Вам нужна будет помощь Маду. Затем вы решите, что делать.

Вплоть до самого начала бегов Повелитель Кемаль передвигался как во сне. О'Дуард вышел на связь с ним только один раз.

— Завтра, после окончания бегов, когда все будут веселиться на празднике, мы должны уничтожить гомункулов. Вы в это время займите Куата, все остальное я беру на себя.

Кемаль не чувствовал себя таким несчастным и разбитым со времен Стайрон-IV, сопровождая на следующий день Куата и Маду на бега. В их ложе, худой, с обескровленным лицом, сидел Лэри в инвалидной коляске.

— Почему? — вскрикнул, обращаясь к О'Дуарду по телепатическому каналу, Повелитель Пространства.

Ответ О'Дуарда прозвучал хладнокровно:

— Куат искренне верил, что он добр. Искалеченный юноша уже не сможет быть кумиром народа Ксанаду, каким он был раньше, побеждая в состязаниях. И поэтому

Куат решил не заменять его гомункулом. Но он не осознал, что тем самым у юноши была отнята возможность осуществить главную цель в своей жизни; с таким же успехом его можно было заменить гомункулом.

При виде Лэри Маду зарыдала. Куат с выражением суровой доброты на лице погладил ее по голове.

— Мы позаботимся о нем. И, клянусь Венерой, мы одурачим всех, державших пари сегодня! Они думают, что Джогль уже не способен быть первым, они будут одурачены! Конечно, это только на один забег, но победа стоит этого!

“Стоит этого! — подумал Повелитель Пространства. — Стоит всей оставшейся жизни Лэри, который уже не сможет заниматься тем, что любил больше всего.”

“Стоит этого! — подумала Маду. — Никогда больше не танцевать, не мчаться навстречу ветру под восторженные крики рукоплещущей толпы.”

“Стоит этого! — подумал Лэри. — Что же может стоить больше этого?”

Джогль на корпус опередила всех.

Куат, не скрывая радости, обратился к окружающим:

— До встречи в Большом зале дворца. Я хочу собрать свои ставки.

Лицо Маду было словно высечено из мрамора, когда она катила Лэри к специальной коляске, запряженной двумя кошками за стадионом.

Повелитель Кемаль, не проронив ни слова, вскочил на Гризельду. Он хотел хотя бы на минуту остаться один. Они удалялись, связанные молчанием, от стен города. Кемаль услышал крик, доносившийся со стороны городских ворот, но не обратил на него внимания. Он думал о Лэри. Крик повторился. Вдруг Гризельда споткнулась и упала. В мгновение ока Повелитель Пространства был на земле. Ее глаза застыли, из шеи торчал дротик писанг. Она пыталась лизнуть его руку; он ласкал ее, с глазами, полными слез. Она последний раз вздохнула, посмотрела на него, дернулась и умерла. Часть его как будто умерла вместе с ней.

У городских ворот он опросил стражу. В период между скачками и сбором плодов никто не мог покинуть город. Гризельда стала жертвой административного рвения. Все забыли сказать об этом Повелителю Пространства. В мол-

чании он шел назад по улицам города. Каким прекрасным он казался ему еще не так давно, как пуст и как печален он был теперь. Кемаль появился в Большом зале сразу после Маду и Лэри. Было странно, что его страстное влечение к Маду увяло, словно цветок на морозе.

Хохоча, вошел Куат.

Повелитель Пространства более двух веков будет терзаться одним вопросом: когда цель оправдывает средства? Когда закон был абсолютным? Перед его взором проносились картины — Гризельда, летящая над дюнами и равнинами; невинная, как заря, Маду; Лэри, танцующий над мрачным морем.

— Джу-ди, — потребовал Куат.

Маду грациозно направилась к столику и взяла кувшин с двумя горлышками.

Связавшись с О'Дуардом, Повелитель Пространства увидел, как струя писанга влилась в эмбиотическую жидкость с гомункулами.

Вскоре они погибнут.

Куат засмеялся:

— Я выиграл сегодня все пари.

Он перевел взгляд на Повелителя Кемалья. Почти незаметно большой палец Маду переместился с одного горлышка на другое...

Для Повелителя Кемалья наступила бесконечная ночь...

ПЛАНЕТА ШЕОЛ

New York 1972

I

Огромная разница была в том, как обращались с Мерсером на лайнере и на челноке. Когда стюарды лайнера приносили ему еду, они откровенно насмехались над ним.

— Кричи громче и усерднее, — издевался стюард с крысиным лицом, — и тогда мы все узнаем тебя во время радиотрансляции наказания в день рождения Императора.

Другой, жирный, облизал кончиком влажного красного языка свои полные, ярко-алые губы и добавил: — Будь благоразумен, мужик. Если не возьмешь себя в руки, то наверняка сыграешь в ящик, как уже было со многими. Случается и приятное... как там это называется... Может, ты станешь женщиной. А может превратишься сразу в двоих людей... Послушай-ка, браток, если это действительно безумно забавно, дай мне знать... — Мерсер ничего не ответил. У него было достаточно собственных проблем, чтобы не задумываться об издевательствах.

На челноке все было по-другому. Биофармацевтический персонал работал споро и без эмоций. С него быстро сняли кандалы и оставили их на лайнере. Когда он ступил на борт челнока полностью обнаженный, его тщательно осмотрели, словно диковинное растение или экспонат для хирургических изысканий. Они были даже почти радушны в своей профессиональной сноровке. С

ним обращались не как с преступником, а как с подопытным экземпляром.

Мужчины и женщины, облаченные в медицинские халаты, осматривали его так, будто он уже был мертвым.

Он пытался говорить. Мужчина постарше и солидней остальных, произнес твердо и ясно:

— Не беспокойтесь о собеседовании. Я сам переговорю с вами очень скоро. То, чему вы сейчас подвергаетесь, всего лишь предварительная подготовка с целью определения вашего физического состояния. Повернитесь, пожалуйста.

Мерсер повернулся. Санитар натер его спину каким-то сильным антисептиком.

— Сейчас начнутся уколы, — сказал один из техников, — но ничего серьезного или болезненного. Мы определяем плотность различных участков вашей кожи.

Мерсер, раздосадованный таким равнодушием, заговорил тотчас, как только игла резко и довольно неприятно вонзилась чуть выше шестого позвонка:

— Вам известно, кто я?

— Да, разумеется, мы знаем, кто вы, — раздался женский голос. — Все данные об этом имеются в вашем личном деле. Главврач поговорит с вами позднее, и вы сможете рассказать ему о вашем преступлении, если захотите. А пока потише. Мы проверяем вашу кожу, и вы будете чувствовать себя гораздо лучше, если эта процедура не затянется по вашей вине.

Честность заставила ее добавить:

— Да и мы получаем более достоверные данные.

В своей работе они не теряли напрасно времени. Он исподволь наблюдал за их действиями. В поведении врачей ничего не свидетельствовало, что они являются дьяволами во плоти, орудовавшими в преддверии ада, ничего не указывало на то, что это был спутник планеты Шеол, окончательное и крайнее место наказания и позора. На вид они были такими же медицинскими работниками, как и в прежней его жизни до совершения преступления, которому не было названия.

Они переходили от одной процедуры к другой. Женщина в хирургической маске жестом велела ему приблизиться.

— Ложитесь, пожалуйста.

Еще никто не говорил Мерсеру “пожалуйста” с того самого момента, как стражники схватили его в одном из закоулков дворца. Он повиновался просьбе, и лишь затем увидел, что у изголовья стола прикреплены наручники. Он застыл.

— Ложитесь, пожалуйста, — настоятельно повторила врач. Двое или трое ее коллег повернулись и смотрели на них. Это повторное “пожалуйста” поразило его. Он должен был что-то сказать. Ведь это были люди, и он снова почувствовал себя личностью. Его голос возвысился и, почти истерически, он спросил у нее: — Пожалуйста, мэм, скажите: сейчас начнется наказание?

— Здесь никого не наказывают, — ответила женщина. — Это спутник, а не планета. Взбирайтесь на стол. Мы сейчас произведем первичную обработку кожи с целью ее уплотнения, а затем вы поговорите с главврачом. Вот тогда-то и сможете рассказать о своем преступлении...

— А вам известно в чем мое преступление? — спросил он, будто это была его соседка, с которой он только что поздоровался.

— Конечно нет, — улыбнулась она, — но все люди, которые прибывают к нам, считаются преступниками. Кто-то так решил, иначе их бы здесь не было. Большинство посетителей стараются рассказать о своих личных злодеяниях. Только не задерживайте меня. Я специалист по подготовке кожи, и там, на поверхности Шеола, вам очень пригодится наша добросовестная работа. А когда будете говорить с шефом, вы найдете о чем поговорить помимо вашего преступления.

Он повиновался.

Еще одна личность в маске, по всей вероятности девушка, взяла его руки своими прохладными нежными пальчиками и вставила их в наручники на столе таким образом, каким ему еще не доводилось видеть. До сих пор ему казалось, что он освоил все орудия пыток, какие только имеются в Империи, но это было чем-то совершенно иным.

Санитар отступила.

— Готово, доктор.

— Что вы предпочитаете, — спросила специалист по обработке кожи, — определенную дозу мучений или несколько часов без сознания?

— А почему я должен желать боли? — вопросом на вопрос ответил Мерсер.

— Некоторые хотят, — пояснила женщина. — Думаю, это зависит от того, как с ними обращались перед отправкой сюда. По-моему, ментальным наказаниям вас не подвергали?

— Нет, — ответил Мерсер, — сия чаша меня миновала. — А про себя подумал, что не знал, что пропустил что-то.

Он вспомнил последнее судебное разбирательство, себя, опутанного проводами и подключенного к стенду дачи показаний. Комната была высокой и мрачной. Яркий голубой свет падал на судейскую трибуну, головные уборы юристов казались фантастической пародией на митры епископов давным-давно минувших дней. Судьи переговаривались между собой, но он не мог их слышать. Внезапно звукоизоляция отключилась, и он услышал, как один из них сказал:

— Взгляните на это бледное сатанинское обличье. Такой тип как этот может быть способен на что угодно. Я за Смертную Казнь.

— А может планета Шеол? — полюбопытствовал другой голос.

— Обитель дромозе, — согласился третий, — как ничто лучше подходит ему.

Один из инженеров суда заметил, что подсудимый слышит все, что ему не положено. Тотчас же Мерсера отключили от происходящего за судейской трибуной. Тогда ему казалось, что он прошел через все, что только может изобрести человеческий разум в жестокости.

Однако, эта женщина сказала, что он не подвергался ментальным пыткам. Был ли во всей Вселенной кто-нибудь хуже его самого? Там, на Шеоле, должно быть, уйма людей. Они никогда не возвращались.

Теперь он будет одним из них. Будут ли они хвастаться перед ним тем, что натворили и из-за чего попали в это место?

— Вы просили это, — сказала женщина-специалист. — Сейчас я введу вам обычное обезболивающее. Не поддавайтесь панике, когда проснетесь. Ваша кожа будет утолщена и задублена с помощью химических и биологических средств.

— Будет больно?

— Конечно, — сказала она. — Но выбросьте все из головы. Мы не наказываем вас. Боль здесь — это обычная медицинская боль. Каждый проходит через это, когда подвергается хирургической операции. Само наказание, если вам угодно назвать это так, начинается внизу, на Шеоле. Нашей единственной целью является обеспечить вас способностью выжить после прибытия туда. По сути, мы заранее спасаем вашу жизнь. А пока что вы избавите себя от множества хлопот, если проникнетесь сознанием того, что ваши нервные окончания будут реагировать на изменение кожи. Лучше, если вы будете готовы к крайнему неудобству, которое испытаете, когда придете в себя. Но тогда мы тоже сможем вам помочь. — Она опустила вниз какую-то огромную рукоятку, и Мерсер потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то, хотя и лежал в обычной больничной палате, но ему казалось, что он жарится на огне. Он поднял руку, чтобы убедиться, что она пылает, но рука была такой же как и всегда, за исключением некоторого покраснения и небольшой припухлости. Он попытался повернуться. Огонь, который его жег, перерос во вспышку жгучей боли, и он прекратил попытки вертеться в постели. Не в состоянии владеть собой, он застонал.

— Вы готовы к легкому обезболиванию? — произнес голос. Это была сестра. — Не дергайте головой, и я дам вам пол-ампулы наслаждения. После этого ваша кожа не будет вас беспокоить.

Она надела ему на голову какую-то мягкую шапочку. На вид это приспособление было металлическим, но прикосновение его напоминало шелк.

Ему пришлось глубоко вонзить ногти в ладони, чтобы не забиться на постели.

— Кричите, если хотите, — сказала она. — Многие так поступают. Пройдет всего минута или две, после чего шапка найдет нужное место в вашем мозге.

Она отошла в угол и сделала что-то такое, чего он не мог видеть.

Щелкнул выключатель.

Он продолжал ощущать жжение, но почему-то перестал обращать на это внимание. Его мозг наполнился восхитительным наслаждением, которое, казалось захлестывало его от головы и до нервных окончаний. Ему довелось в свое время бывать во дворцах наслаждения, но никогда прежде он не ощущал ничего подобного.

Он хотел поблагодарить девушку, и повернулся в кровати, чтобы видеть ее, но острая боль пронзила все его тело. А пульсирующее наслаждение, источавшееся из головы и передающееся по позвоночнику во все нервы, было настолько сильным, что боль, отдававшаяся в них, была будто несущественной.

Девушка стояла в углу совершенно неподвижно.

— Спасибо вам, сестра, — пробормотал он.

Она не ответила.

Он присмотрелся и, хотя было очень трудно сосредоточиться, так как огромные волны наслаждения непрерывно прокатывались по его телу, будто симфония, записанная в нервных посланиях. Но все же сфокусировал взгляд и увидел, что металлическая шапочка была также и на ней.

Он показал пальцем на нее.

Ее лицо до самой шеи, покрылось румянцем. Она мечтательно произнесла:

— Вы кажетесь мне очень хорошим человеком. Я думаю, вы не донесете на меня...

Он улыбнулся ей, как ему казалось дружеской улыбкой, но когда боль обжигала кожу, а наслаждение разрывало голову, было невозможно сказать, каким образом выглядело в действительности его лицо.

— Но это же противозаконно, — сказал он.

— Это карается, но, боже мой, как это прекрасно! А как же нам выдерживать все это? — посетовала сестра. — Вы прибываете сюда и разговариваете как обычные люди, а затем отправляетесь вниз, на Шеол. Там с вами происходят самые разные ужасы. Затем станция на поверхности пересылает сюда различные части ваших тел... снова и снова. Может быть, я десять раз увижу вашу голову, бы-

стро замороженную, готовую к разрубам, прежде чем закончатся мои два года. Вам, узникам, не мешало бы знать, как мы страдаем, — тихо напевала она, находясь все еще в состоянии счастливого расслабления, вызванного волнами наслаждения. — Лучше бы вам сразу умереть попав туда, и не донимать нас своими мучениями. Вы знаете, мы можем слышать, как вы кричите. Вы продолжаете оставаться людьми и после того, как Шеол начинает на вас воздействовать... Почему вы так поступаете, Мистер Подопытный? — Она глупо ухмыльнулась. — Почему вы не щадите наших чувств? Думаю, не удивительно, что такая девушка как я, вынуждена время от времени устраивать себе небольшую встряску. Все это слишком похоже на бесконечный страшный сон, и я не против того, чтобы вы поскорее были готовы к отправке на Шеол. — Она, покачиваясь, подошла к его койке. — Снимите с меня, пожалуйста, этот колпак. У меня нет сил поднять руки.

Мерсер увидел, как руки его задрожали, когда он потянулся к ее колпаку. Пальцы его прикоснулись к шелковистым волосам девушки и он понял, что это самая красивая девушка из всех, к которым когда-либо прикасался. Он почувствовал, что всегда любил ее и будет любить. Колпак упал с ее головы. Девушка выпрямилась, застыв на мгновение, прежде чем опустилась на стул. Некоторое время веки ее были прикрыты, а дыхание глубоким.

— Одну минутку, — произнесла она почти нормальным голосом. — Еще минуту, и я займусь вами. Единственная возможность получить такую встряску случается, когда вы, наши пациенты, проходите обработку кожи.

Она повернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу. Говоря с ним, повернувшись к нему спиной, она как бы мимоходом спросила:

— Надеюсь я ничего не рассказывала вам о том, что делается внизу?

На голове Мерсера колпак все еще оставался. Он всем сердцем любил эту красавицу, которая подарила ему такие восхитительные мгновения. Он готов был расплакаться от мысли, что она уже не испытывает того наслаждения, которого сам он еще не лишен, и ни при ка-

ких обстоятельствах не сказал бы чего-то такого, что могло ее обидеть. Он был уверен: она ничего не говорила о том, что твориться там “внизу” — вероятно, это одна из распространенных тем разговоров на работе, и поэтому заверил ее:

— Вы ничего не говорили. Абсолютно ничего.

Она подошла к койке, склонилась над ним и поцеловала его в губы. Поцелуй был таким же далеким, как и боль. Он просто-напросто ничего не почувствовал. Ниагара пульсирующего наслаждения, затопившая его сознание, не оставляла места обычным чувствам. Но ему нравилось ее дружеское участие. Угрюмый рассудительный уголок его сознания шептал ему, что наверняка в последний раз его целует женщина, но сейчас это было не существенным.

Умелыми пальцами она поправила его колпак:

— Вот так. Ты парень — что надо. Я сейчас притворюсь рассеянной и забуду снять колпак, он останется на твоей голове до прихода врача.

Мило улыбнувшись, она прижалась к его плечу и поспешила уйти. Подол ее белого халата на мгновение приподнялся, и он увидел насколько красивы ее ноги.

Она была прекрасна, только вот колпак... О, этот колпак, вот что было самым главным сейчас! Он прикрыл глаза и отдался волнам наслаждения, которые стимулировали устройство в особых центрах мозга. Кожу все еще жгло, но это беспокоило его в такой же мере, как и стоящий в углу стул. Боль казалась еще одним из предметов обстановки этой комнаты.

Жесткое прикосновение к локтю заставило его открыть глаза. Рядом с койкой стоял пожилой мужчина внушительного вида и, ухмыляясь, смотрел на него.

— Она снова сделала это, — произнес он.

Мерсер покачал головой, стараясь всем своим видом показать, что юная сестра не сделала ничего плохого.

— Меня зовут доктор Вомакт, — представился старик, — и я намерен сейчас же снять с вас этот колпак. Вы снова испытаете боль, но я уверен, она будет не столь сильной. Вам дадут этот колпак еще несколько раз, прежде чем вы покинете нас.

Быстрыми уверенными движениями он снял устройство с головы Мерсера.

Тот едва не скрутился от острой боли по всему телу. Он закричал, а затем увидел, что доктор Вомакт спокойно изучает его реакцию.

— Теперь... немного легче сейчас, — задыхаясь, произнес Мерсер.

— Я знал, что так и будет, — подтвердил врач. — Я вынужден был снять колпак, чтобы поговорить с вами. У вас имеется несколько возможностей.

— Да, доктор, — тяжело дыша, проговорил Мерсер.

— Не хотите ли рассказать мне о своем проступке?

Перед мысленным взором Мерсера пронеслисл ослепительно-белые стены дворца, залитые ярким солнечным светом, и слабое мяуканье каких-то созданий, когда он дотрагивался до них. Он напряг свои руки, ноги, спину и сцепил челюсти.

— Нет, — возразил он, — я не хотел бы говорить об этом. Этому преступлению нет названия. Против императорской семьи...

— Отлично, — кивнул врач, — это здоровый, нормальный подход. Преступление — это уже прошлое. Впереди — ваше будущее. Теперь я могу разрушить ваш разум прежде, чем вы спуститесь туда... если, конечно, вы захотите.

— Но это противозаконно, — возразил Мерсер.

Доктор Вомакт улыбнулся тепло и доверительно:

— Конечно. Многое противоречит человеческому праву. Но есть еще и законы науки. Ваше тело там, на Шеоле, будет служить науке. Мне безразлично, содержит ли это тело разум Мерсера или разум какого-нибудь моллюска. Мне нужно лишь оставить небольшую часть мозга, чтобы это тело могло передвигаться, но я могу забрать из него ваши воспоминания и привычки, и тогда у него будет реальный шанс стать счастливым. Выбирайте, Мерсер. Хотите остаться самим собой, или нет?

Мерсер нерешительно покачал головой.

— Не знаю...

— Я рискую, — пояснил доктор Вомакт, — предоставляя вам подобную возможность. И на вашем месте предпочел бы воспользоваться представившимся случаем. Там, внизу, в высшей степени скверно.

Мерсер посмотрел на полное, широкое лицо врача. Он не доверял его располагающей улыбке. Возможно, это уловка, чтобы увеличить его наказание. Жестокость Императора общеизвестна. Например: происшествие со вдовой его предшественника, Ее Величество леди Да. Она была моложе Императора, и он послал ее в такое место, по сравнению с которым даже смерть была бы актом милосердия. Если уж он приговаривал к заключению на Шеоле, то почему же этот врач пытается нарушить закон? Может быть, врач сам был подвергнут гипнотическому внушению и теперь просто не представляет, что предлагает?

Очевидно, по выражению лица пациента доктор Вомакт все понял.

— Ну, ладно. Вы отказываетесь. Хотите забрать с собой вниз и свое сознание. Совесть моя чиста... И я не настаиваю на своем предложении. Полагаю, следующее мое предложение вы отвергнете тоже. Не хотите ли, чтобы вам удалили глаза перед отправкой вниз? Без зрения жизнь там будет много удобнее. Я точно это знаю, судя по голосам, записываемым нами для профилактических трансляций. Я могу прижечь зрительные нервы и больше у вас уже никогда не будет возможности увидеть белый свет.

Мерсер раскачивался из стороны в сторону. Свирепая боль перешла в повсеместный зуд, но раны его духа жгли сильнее, чем ожоги кожи.

— Так вы и от этого отказываетесь?

— Думаю... да.

— Тогда мне остается только подготовиться. Если хотите, на время вам наденут колпак.

— Прежде чем на меня его наденут, не могли бы вы в нескольких словах рассказать, что происходит там, внизу? — спросил Мерсер.

— Не много, к сожалению, — ответил доктор Вомакт. — Там есть служащий. Он человек, но не человеческое существо. Он гомункулус, выведенный из рогатого скота. Он разумен и весьма добросовестен. Вас, подопытных, выпускают на поверхность Шеола. А там обитают дромозы — специфическая форма жизни. Когда дромозы внедряется в ваше тело, Б'Дикат — так зовут нашего служащего — вырезает их из вас под наркозом и пересылает

сюда. Мы замораживаем тканевые культуры, а они совместимы почти с любой формой жизни, основанной на кислородном обмене. Половина всех операций по хирургическому восстановлению органов во Вселенной производится с помощью наших "доноров". Безусловно, Шеол — весьма здоровое место, поскольку выживание здесь гарантировано. Там вы не умрете.

— Вы имеете в виду, — уточнил Мерсер, — что мое наказание будет длиться вечно?

— Я не говорил этого, — пояснил доктор. — Ну, а если и сказал... то это не точная формулировка, извините. Вы не умрете быстро. Не могу сказать вам, как долго вы там проживете. И помните, какие бы неприятности вы не испытывали, образцы, присылаемые Б'Дикатом, помогают тысячам людей на всех обитаемых мирах. Помните это. Ну, а теперь наденьте колпак.

— Лучше я еще поговорю с вами, — покачал головой Мерсер. — Возможно, в последний раз.

Доктор Вомакт как-то странно посмотрел на него. — Если вы можете терпеть боль, то, пожалуйста, говорите.

— Могу ли я совершить самоубийство там, внизу?

— Не знаю, — сказал доктор. — Такого еще не случилось. Хотя, судя по голосам, можно подумать, что они желают этого.

— Возвращался ли кто-нибудь когда-либо с Шеола?

— Нет, с тех пор, как это было запрещено законом четыреста лет назад.

— Можно ли там разговаривать с другими?

— Да.

— Кто будет меня там наказывать?

— Никто! Какой вы глупец! — закричал доктор Вомакт. — Это не наказание. Людям очень не нравится находиться на Шеоле, и поэтому, считаю, лучше содержать там осужденных, чем добровольцев. Там нет никого, кто бы был настроен против вас.

— Нет надсмотрщиков? — переспросил Мерсер с тоской в голосе.

— Ни надсмотрщиков, ни правил, ни ограничений. Единственно лишь Шеол и Б'Дикат для присмотра за вами. Вы все-таки хотите, чтобы и ваша память, и зрение остались у вас?

— Да, я хочу сохранить их, — отрезал Мерсер. — Уж если я зашел так далеко, то пройду и оставшийся путь.

— Тогда давайте я надену вам колпак, чтобы вы получили повторную порцию, — предложил Вомакт.

Он приладил устройство столь же быстро и нежно, как и медсестра. Но не похоже было, что и он наденет колпак.

Внезапно хлынувший поток наслаждений был подобен буйному опьянению. Горение кожи ушло уменьшилось. Врач находился неподалеку, но для Мерсера это не имело никакого значения. Он не боялся Шеола. Пульсации счастья, истекающие из его мозга, были столь велики, что не оставляли места страху и боли.

Доктор Вомакт протянул руку.

Мерсер удивился, зачем он это сделал, но затем понял, что этот замечательный и добрый человек захотел обменяться с ним рукопожатием. Он поднял свою. Она была тяжелой, но ощущение счастья не покидало его.

Они пожали руки. “Это любопытно, — подумал Мерсер, — ощущать рукопожатие сквозь двойной слой — церебрального наслаждения и кожной боли”.

— Прощайте, господин Мерсер, — произнес доктор Вомакт. — Прощайте. Доброй-доброй вам ночи...

II

Спутник был местом гостеприимным. Сотни часов, последовавших за разговором Мерсера с доктором, были долгим причудливым сном.

Еще дважды молоденькая сестра прокрадывалась в его палату, где надевала на него колпак и сама пользовалась таким же одновременно; еще несколько ванн закалили его тело. Под сильным местным наркозом ему удалили зубы и заменили резцами из нержавеющей стали. При помощи искрового облучения окончательно была снята кожная боль. Специальной обработке подвергались ногти на руках и ногах. Постепенно они превратились в грозные когти; как-то ночью он провел ими по алюминиевой койке и обнаружил глубокие отметки на металле.

Сознание его все это время было притупленным.

Временами ему казалось, что он дома с матерью, вновь стал маленьким и ему больно. Иногда, когда на голове был шлем, он корчился от смеха на койке, думая о том, что сюда посылают для наказания, а на самом деле все это ужасно забавно. Не было тут ни разбирательств, ни допросов, ни судей. Пища была хорошей, но об этом он почти не задумывался. Колпак означал для него гораздо большее. Даже бодрствуя, разум его оставался сонным.

Наконец с колпаком на голове его поместили в адиабатический модуль — одноместную ракету, которую запускали со спутника на планету. Он был полностью закрыт, кроме лица.

Доктор Вомакт, казалось, вплыл к нему в помещение.

— Вы — сильный человек, Мерсер, — крикнул врач, — очень сильный! Вы меня слышите?

Мерсер кивнул.

— Мы желаем вам всего хорошего, Мерсер. Независимо от того, что с вами случится, помните, вы помогаете очень многим людям здесь, наверху.

— Могу я взять с собой колпак?

В ответ доктор Вомакт снял с него колпак. Двое помощников сняли крышку модуля, оставив Мерсера в полной темноте. Сознание его стало проясняться, и он в панике заметался внутри своего плотного облачения.

Раскат грома и вкус крови на губах.

Следующее, что он почувствовал, был холод. Гораздо более пронзительный и леденящий, чем это было в палатах и операционной на спутнике. Кто-то осторожно поднял его.

Он открыл глаза. Огромное лицо, раза в четыре крупнее самого крупного человеческого лица, которое ему доводилось видеть в жизни, глядело на него. Огромные карие глаза, похожие на коровьи в своей трогательной безобидности, двигались из стороны в сторону, пока его гигантский обладатель проверял упаковку Мерсера. Лицо принадлежало приятному мужчине средних лет, чисто выбритому, с волосами каштанового цвета, чувственными полными губами и огромными, но здоровыми, желтыми зубами, обнажившимися в слабой улыбке. Он увидел, что ле-

жавший открыл глаза, и заговорил глубоким и зычным, дружелюбным голосом:

— Я — ваш самый лучший друг. Зовут меня Б'Дикат. Но вам нет нужды прибегать к этому имени. Зовите меня просто Друг, и я при необходимости всегда окажу вам помощь.

— Мне больно, — произнес Мерсер.

— Все верно. У вас болит каждая клетка. Это из-за длительного падения, — пояснил Б'Дикат.

— Можно получить колпак? — взмолился Мерсер; это прозвучало скорее как требование, а не как вопрос. Ему казалось, что все в дальнейшем будет так, как он сейчас поведет себя.

Б'Дикат рассмеялся:

— У меня здесь нет ни одного. Я и сам бы им воспользовался. Так, во всяком случае, думают они... Зато у меня есть кое-что другое, гораздо лучшее. Не бойся, приятель. Уж я-то поставлю тебя на ноги.

Мерсер с сомнением посмотрел на него. Если колпак доставлял ему счастье на спутнике, то нужна хоть какая-то электростимуляция мозга, чтобы преодолеть мучения, ожидающие его на поверхности Шеола.

Смех Б'Диката глухов заполнил помещение:

— Вы слышали когда-нибудь, что такое к о н д а м и н ?

— Нет, — признался Мерсер.

— Это наркотик такой силы, что фармакологи запрещают даже упоминать о нем.

— И у вас он есть? — с надеждой спросил Мерсер.

— У меня есть кое-что получше. С у п е р - к о н д а м и н !

Он назван так в честь одного из городов Новой Франции, где был впервые изобретен. Химики добавили к его молекуле еще одну молекулу водорода. Что привело к настоящему перевороту. Если вы примете его в своем нынешнем состоянии, то через три минуты умрете.

Однако же, эти три минуты покажутся вам тысячью годами полного счастья.

Б'Дикат выразительно закатил свои карие волоокие глаза и причмокнул сочными губами, показав необычных размеров язык.

— Какая же тогда от него польза?

— Вы сможете принимать его, — ответил Б'Дикат. — Да, сможете, но только после того, как подвергнетесь воздействию дромозэ за пределами этого помещения. Вы сможете пользоваться всеми положительными качествами этого препарата и не будете страдать от плохих. Хотите кое-что посмотреть?

“Какой тут может быть ответ, кроме утвердительно-го, — мрачно подумал Мерсер. — Он, видимо, думает, что у меня есть возможность покинуть эту планету по своему усмотрению?”

— Посмотрите в окно, — предложил Б'Дикат, — и расскажите, что видите.

Атмосфера была ясной. Поверхность Шеола напоминала пустыню горчично-желтого цвета с зелеными полосами, образованными лишайником и низкорастущим кустарником, который, по-видимому, едва сопротивлялся нескончаемым сильным иссушающим ветрам. Пейзаж был однообразен. В двух-трех сотнях ярдов виднелась группа ярких розовых предметов, которые казались живыми, но расстояние не позволяло Мерсеру сделать какое-нибудь определенное заключение. Еще дальше, в самом правом углу зрения окна, виднелась статуя, представляющая собой огромную человеческую ногу, высотой с шестизэтажный дом. Мерсеру видно не было, чем эта нога заканчивалась.

— Вижу большую ногу, — начал он, — но...

— Что “но”? — тут же перебил его Б'Дикат, словно ребенок, скрывающий правильный ответ загадки. По сравнению с любым из пальцев этой огромной ноги, Б'Дикат казался карликом.

— Но ведь это не может быть настоящей ногой? — усомнился Мерсер.

— Она — настоящая, — заверил его Б'Дикат. — Это — капитан первопроходец Альварес, первооткрыватель планеты. Через шестьсот лет он все еще в прекрасном состоянии. Конечно, почти весь поражен дромозэ, но мне кажется, у него еще осталось не так уж мало человеческого сознания. Знаете, что я делаю?

— Что?

— Я даю ему шесть кубических сантиметров суперкондамина, а он в ответ мне фыркает... Настоящее счастливое

фыркание. И тот, кто этого не видел, может подумать, что происходит извержение вулкана. Вот что делает суперкондамин! И вы тоже будете его получать. Вам очень и очень повезло, Мерсер. У вас есть такой друг, как я. А у меня есть шприц. Я делаю за вас всю работу, а удовольствие получаете вы. Разве это не приятный сюрприз?

— Ты лжешь, — подумал Мерсер. — Лжешь! Откуда же исходят крики, которые мы все слышим в передачах, как напоминание о Дне Наказания? Почему врач предлагал выжечь мне глаза или уничтожить?”

Человек-корова печально следил за ним, выражение его лица отражало муку.

— Вы не верите мне, — сказал он.

— Не совсем, — попытался смягчить Мерсер. — Только считаю, что вы чего-то не договариваете.

— Не так уж и много, — кивнул Б'Дикат. — Когда дромозэ нападут на вас, это шокирует. Состояние будет хуже некуда, когда вы увидите, что у вас начнут отпадать новые части тела: головы, почки, руки. У меня здесь есть парень, который отрастил за один сезон тридцать восемь рук. Я забрал все, заморозил и переправил наверх. Я стараюсь хорошо заботиться о живущих здесь. Вам, наверное, первое время будет не по себе, вы будете кричать, переживать, но помните — стоит вам только позвать меня: “Друг!”, и у вас будет лучший уход во Вселенной. А теперь скажите: хотите ли яичницу? Сам я не ем жареные яйца, но большинство настоящих людей их любят.

— Яйца? — удивился Мерсер. — Какое отношение имеют яйца ко всему, что здесь происходит?

— Почти никакого. Это просто угощение для людей. В вашем желудке должно быть что-нибудь перед тем, как вы выйдете наружу. Это позволяет лучше перенести первый день.

Мерсер с недоверием смотрел, как огромный человек вынул из холодильника два драгоценных яйца, умело разбил их и бросил на небольшую сковороду, которую поместил в нагревательное поле в центре стола.

— Друг, да? — ухмыльнулся Б'Дикат. — Вы еще убедитесь, что я — добрый друг. Когда выйдете наружу, помните об этом.

Наружу Мерсер вышел через час.

В каком-то необычном умиротворении с самим собой он стоял у двери. Б'Дикат по-братски подтолкнул его. Это было сделано доброжелательно, чтобы приободрить.

— Не заставляй, приятель, одевать меня свинцовый скафандр. — Мерсер заметил скафандр размером с каюту обычного космического корабля, висевший на стене в соседней комнате. — Когда я закрою эту дверь, — продолжал Б'Дикат, — то откроется наружная, — и останется только сделать несколько шагов вперед.

— И что же тогда произойдет? — поинтересовался Мерсер, у которого от страха желудок сжался в крохотный комочек и перехватило дыхание.

— Опять тебе нужно повторять все сначала? — спросил Б'Дикат. В течение целого часа он отбивался от вопросов заключенного о мире снаружи купола. Карта? Б'Дикат расхохотался от одной мысли о ней. Пища? Он сказал, что об этом не нужно беспокоиться. Другие люди? Там они будут. Оружие? А для чего? — вопросом на вопрос ответил нечеловек. Снова и снова он повторял, что является лучшим другом Мерсера. Что с тем может случиться? То же, что и со всеми остальными...

Человек ступил наружу.

Ничего не произошло. День был прохладным. Ветер нежно овеивал его закаленную кожу.

С опаской он озирался вокруг.

Гороподобное тело капитана Альвареса занимало добрую часть местности справа. Ему совсем не хотелось становиться частью этого мира. Он оглянулся на купол Б'Диката.

Человек-корова смотрел в окно.

Мерсер медленно побрел вперед.

Внезапно, прямо перед собой на земле он увидел вспышку. Она была не ярче солнечного блика на осколке стекла. Что-то острое, словно бритва, чиркнуло его по бедру. Он потерял это место рукой.

И как будто небеса обрушились на него.

Боль... нет, это было нечто худшее, чем боль; что-то живое и корчащееся — пробежало по правому боку от бедра к ступне. Затем пульсация восстановилась и по ноге по-

шла вверх. Когда она достигла груди, у него перехватило дыхание. Он упал и больно ударился о землю. Ничего подобного на спутнике с ним не случалось. Он лежал на спине, глядя на солнце, и только сейчас заметил, что оно было бело-фиолетовым.

Не было смысла взывать о помощи. Он лишился голоса. Невидимые щупальцы сжали все его внутренности. Поскольку воздух ему был необходим, он сосредоточился на вдохе и выдохе. Каждый вдох давался ему с большим трудом. Слабые и короткие глотки причиняли меньше мучений.

Местность вокруг была пустынной. Он не мог повернуться и взглянуть в сторону купола. "Так это и есть оно? — подумал Мерсер. — Вечная мука Шеола?"

Рядом раздался голос.

Два гротескных лица глядели на него сверху. Возможно, когда-то они были людьми. Мужчина выглядел бы вполне нормально, если бы не два носа, расположенные рядом. Женщина была совершенно невообразимой карикатурой. На каждой щеке у нее отросло по груди, а со лба свисал пучок, похожий на детские пальцы.

— Он красивый, — оценила женщина. — Новичок...

— Давай, — произнес мужчина.

Они поставили его на ноги. У Мерсера даже не было сил сопротивляться. При попытке заговорить с ними, он издал грубый каркающий звук, напоминающий крик какой-то фантастической птицы.

Они умело подхватили его под руки, и поволокли к группе розовых предметов.

Приблизившись, он понял что это люди. Вернее, когда-то были людьми. Человек с клювом фламинго клевал собственное тело. Какая-то женщина лежала на земле; у нее была одна голова, а из шеи в сторону росло обнаженное тело мальчика. И это тельце — новенькое и чистое — было совершенно беспомощным, как парализованное. Единственное движение, производимое им, было слабое дыхание. Мерсер огляделся.

Во всей этой куче одетым человеком, был мужчина в оттопыренном во все стороны пальто. Присмотревшись к нему, Мерсер наконец понял, что у того было два, если не три желудка, свисавших наружу с брюха. Пальто удерж-

живало их на месте. Прозрачная брюшина на вид казалась хрупкой.

— Новенький, — проговорила помогавшая Мерсеру женщина.

Они с двуносым положили его на песок.

По земле валялись рассеянные человеческие существа. И Мерсер совершенно неподвижно лежал среди них.

Раздался старческий голос:

— Боюсь, нас скоро станут кормить.

— О, нет!

— Еще слишком рано!

— Не нужно! — Волна протеста эхом пробежала по группе.

Старческий голос продолжал:

— Смотрите в сторону большого горного пика.

Приглушенный ропот свидетельствовал, что они увидели то же, что и старик.

Мерсер попробовал было спросить о происходящем, но снова издал лишь карканье.

Какая-то женщина — и женщина ли? — подползла к нему на четвереньках. Рядом с обычными руками все туловище и половину ее бедер покрывали другие руки. Некоторые из них выглядели старыми и засохшими, другие же были такими же свежими и розовыми, как детские пальчики на лице первой женщины, приведшей его сюда. Она стала ему кричать, хотя в этом и не было необходимости:

— Дромозэ приближается. В этот раз будет еще больно. Но когда вы привыкнете, то сможете закопаться...

Она махнула рукой в сторону гряды курганов, окружавших людское скопище:

— Они закопались.

Мерсер кивнул еще раз.

— Не беспокойтесь, — подбодрила его покрытая руками женщина и широко раскрыла рот, когда вспышка света коснулась ее.

Огоньки добрались и до Мерсера. Боль была сильнее, чем при первой встрече. Он почувствовал, что глаза его расширяются и сделал вывод, что огоньки, это существа, кем бы они ни были — питали его тело энергией и перестраивали его.

Их разум, если он у них был, не был человеческим, но их побуждения были довольно ясны. Между двумя приступами боли Мерсер почувствовал, как они наполнили его желудок, напители кровь, отсосали фекалии из почек и мочевого пузыря, промассировали сердце, стали двигать за него легкие.

Все, что они делали, было продумано и благоприятно по намерению.

Но от всего этого исходили невыносимые муки.

Внезапно, как будто поднялась туча насекомых, они исчезли. До него дошла кричащая какофония безобразных звуков. Он стал озиаться. Звуки утихли.

Оказывается, кричал он сам. Он издавал кошмарные крики психа, обезумевшего алкоголика, животного, потерявшего координацию и связь с окружающим миром.

Когда крик прекратился, он понял, что обрел способность говорить.

К нему подошел мужчина, такой же голый, как и все остальные. Из головы у него торчал шип. Кожа вокруг шипа запыхлилась.

— Привет, приятель, — поздоровался он.

— Привет, — ответил Мерсер. Трудно было придумать что-либо более глупое и банальное для начала беседы в подобном месте.

— Невозможно покончить с собой здесь, — продолжил мужчина.

— Да, это так, — подтвердила женщина со множеством рук.

Мерсер ощутил, что первый приступ боли прошел.

— Что со мной происходит?

— Вы заполучили какую-то дополнительную часть тела, — пояснил незнакомец. — Они всегда закладывают в наши тела почки этих частей. А потом приходит Б'Дикат и срезает большую их часть, за исключением тех, которым необходимо еще расти. Вот, например, как у нее, — добавил он, кивая в сторону женщины, лежавшей вместе с телом мальчика, росшим из нее.

— И это все? — спросил Мерсер. — Приступы боли при закладке новых органов и укусы для питания?

— Нет, — ответил мужчина. — Иногда им кажется, что нам слишком холодно, и тогда они наполняют огнем

наши внутренности. Когда же они считают, что нам слишком жарко, тогда замораживают, методично воздействуя на каждый нерв.

Женщина с телом мальчика пояснила:

— А иногда они думают, что мы несчастливы и пытаются принудить нас быть счастливыми. По мне, так это самое наихудшее.

Запинаясь, Мерсер произнес:

— Так вы все-таки... я имею в виду, люди... или просто скот?

Человек с шипом раскашлялся, вместо того, чтобы рассмеяться:

— Скот! А ведь это забавно. Земля полна людей. Большинство из них закопались. Мы — единственные, которые еще не потеряли дара речи. Мы стараемся держаться вместе, одной группой. Поэтому мы чаще встречаемся с Б'Дикатом.

Мерсер хотел задать еще один вопрос, но почувствовал, что падает и кто-то подхватил его. Через мгновение он ощутил себя распростертым на земле. А затем — умиротворенный и зачарованный — уснул.

III

За неделю он познакомился со всеми членами группы. Это были равнодушные люди. Никто в точности не знал, когда именно могут появиться дромозе и добавить еще один орган. Мерсер не чувствовал уже укусов, но все же полученный им сразу же при выходе из купола надрез стал затвердевать. Шипоголовый посмотрел как Мерсер ослабил ремень брюк и осторожно приспустил их, чтобы увидеть ранку.

— Вам досталась голова, — заметил мужчина. — Детская. Наверху будут рады, когда Б'Дикат отделит ее.

Группа даже попыталась наладить его интимную жизнь. Его познакомили с одной из девушек. Та отращивала одно тело над другим. Бедрa ее перерастали в плечи и обратно, а затем снова переходили в плечи; пока длина ее не стала равна длине пяти человек. Лицо ее

было нормально. Она пыталась быть дружелюбной с Мерсером.

Он же был настолько потрясен ее видом, что закопался в сухой рыхлый песок и оставался там, как ему казалось, не менее ста лет. Потом он определил, что не прошло и дня. Когда он вылез, долговязая девица со множеством тел ждала его.

— Вам не следовало выбираться наружу ради меня, — посоветовала она.

Мерсер стал отряхивать с себя грязь.

Он огляделся. Фиолетовое солнце закатывалось, а небо было расцвечено голубыми, темно-голубыми полосами и пятнами оранжевого цвета. Он посмотрел на нее.

— Я выбрался не ради вас, мадам. Какая польза лежать там, дожидаясь очередного раза?

— Я хочу вам кое-что показать, — продолжила девушка и указала на невысокий холмик. — Откопайте его.

Она казалась дружелюбной. Мерсер пожал плечами и набросился на почву всей силой своих могучих когтей. Было очень удобно копать по-собачьи, имея огрубевшую кожу и острые лопатовидные когти на кончиках пальцев. Рядом с его быстро мелькавшими руками вырос холмик свежего грунта. В разрытой им яме показалось что-то розовое. Он стал копать осторожнее.

И понял, что это спящий мужчина.

Из одного его бока росли дополнительные руки. Другой бок выглядел обычно.

Мерсер повернулся к девушке со многими телами, извивавшейся как змея при приближении к нему.

— Так это и есть, как мне кажется...

— Да, — согласилась она. — Доктор Вомакт выжег у него мозг. И вынул глаза.

Мерсер сел на землю и взглянул на девушку:

— Вы велели мне откопать его. А теперь поясните, зачем?

— Чтобы вы видели. Чтобы знали. Для того, чтобы заставить вас думать.

— И это все? — удивился Мерсер.

Внезапно девушка начала извиваться. Одно за другим крутились ее тела, вздымались и опускались груди. Мерсер заинтересовался, каким образом воздух попадает ей в лег-

кие. Он не ощущал к ней жалости. Сейчас он не мог никого жалеть, только себя самого. Когда спазмы прекратились, девушка, извиняясь, улыбнулась.

— Только что мне привили новый саженец.

Мерсер угрюмо кивнул.

— Что в этот раз, руку? У вас их, кажется, и так достаточно.

— А, вы об этом... — она оглядывала свои туловища. — Я пообещала Б'Дикату, что отращу их. Он добрый... Но тот человек, незнакомец. Поглядите на него, того, которого вы откопали. — Кому лучше — ему или нам?

Он пристально взгляделся в нее.

— Вы из-за этого заставили меня откопать его?

— Да.

— И ждете от меня ответа?

— Нет, — возразила она. — Не сейчас.

— Кто вы? — поинтересовался Мерсер.

— Мы никогда не спрашиваем о подобном. Это не имеет никакого значения. Но так как вы — новенький, я отвечу вам. Когда-то я была леди Да — мачехой императора.

— Вы?! — воскликнул он.

Она горько улыбнулась.

— Вы еще совсем свеженький, вам кажется, будто это имеет какое-то значение. Но мне бы хотелось сказать вам нечто более важное. — Она замолчала и закусила губу.

— Что? — заинтересовался он. — Расскажите об этом до того, как я заработаю еще один укус. Тогда я уже буду просто не в состоянии говорить или думать. Скажите сейчас.

Она приблизила к нему свое лицо. Даже сейчас оно было прелестно, несмотря на розовые оттенки закатывающегося фиолетового солнца.

— Люди никогда не живут вечно.

— Да, — согласился Мерсер. — Я знаю это.

— Верьте в это! — приказала леди Да.

Вдалеке от них, по всей темной равнине, стали вспыхивать огоньки. Она сказала:

— Закапывайтесь, закапывайтесь на ночь. Возможно, они и пропустят вас.

Мерсер начал копать. Время от времени он оглядывался на откопанного им человека. Лишенный разума, тот плавными и целеустремленными движениями, как у морской звезды под водой, пробивал себе путь обратно под землю.

Пятью-семью днями позже в группе раздались крики. К этому времени Мерсер познакомился с одним получеловеком, у которого исчезла нижняя часть тела, и внутренности поддерживались на своем месте с помощью чего-то, напоминающего прозрачную пластиковую повязку. Получеловек показал Мерсеру, как нужно лежать, не двигаясь, когда появляются дромозз.

— С ними невозможно бороться, — говорил получеловек. — Они сделали Альвареса огромным как гора, таким, что он больше даже не шевелится. Теперь они пытаются осчастливить нас. Они кормят нас, очищают и освежают нас. Лежите спокойно. Не бойтесь кричащих. Мы все кричим.

— А когда мы получаем наркотики? — спросил Мерсер.

— Когда приходит Б'Дикат.

Б'Дикат пришел как раз в этот день, волоча за собой что-то вроде саней с колесами. Полозья помогали тащить их по буграм, а по ровной поверхности удобнее были колеса. Еще до его прихода, группа развила лихорадочную деятельность. Везде люди откапывали спящих. К тому времени, когда Б'Дикат достиг места встречи, вся группа увеличилась втрое за счет спящих розовых тел — мужчин и женщин, молодых и старых. Спящие выглядели не лучше и не хуже бодрствующих.

— Спешите! — сказала леди Да. — Он никогда не делает нам ни одного укола, пока мы не будем готовы все до единого.

На Б'Дикате был тяжелый свинцовый скафандр.

Он поднял руку в дружеском приветствии, как отец, возвратившийся домой с гостинцами для своих детей. Группа рассылалась во все стороны вокруг него, но не сбивалась в беспорядочную толпу.

Б'Дикат залез в сани и вытащил бутыл с ремнем, который перебросил на плечо. Из бутылки свисал шприц. На конце его сверкала игла.

Приготовившись, Б'Дикат жестом позвал их приблизиться. Люди сомкнулись теснее, излучая предвкушение счастья. Он прошел между ними к девушке, из шеи которой выросло тело мальчика. Его механический голос громыхал из динамика, установленного на верхушке скафандра:

— Хорошая девушка. Очень хорошая. Ты получишь большой-пребольшой подарок. — Он воткнул в ее тело иглу и держал ее так долго, что Мерсер даже заметил, как пузырек воздуха прошел по всей трубке до самой бутылки.

Затем он вернулся к другим, голос его гремел, двигался он с непередаваемой грацией и быстротой. Игла сверкала на солнце, когда он делал укол за уколом. Люди падали на землю как бы в полусне.

Он узнал Мерсера.

— Привет, приятель. Сейчас ты сможешь получить удовольствие. Внутри купола оно бы убило тебя. Есть что-нибудь для меня?

Мерсер запнулся, не понимая, что имеет в виду Б'Дикат, но за него тут же ответил двуногий:

— Мне кажется, у него есть прелестная детская головка, но она еще недостаточно велика, чтобы вы могли ее забрать.

Мерсер не заметил, как игла коснулась его руки.

Б'Дикат уже отошел к другим, когда суперкондамин встрахнул Мерсера. Ему захотелось побежать за Б'Дикатом, стащить с него свинцовый скафандр и сказать, что любит его. Он сделал шаг, споткнулся и упал, но боли не почувствовал.

Девушка со многими телами упала рядом с ним. Мерсер обратился к ней:

— Разве это не замечательно? Вы — красивая, самая-самая красивая на всем свете. И я так счастлив, что нахожусь здесь.

Женщина, покрытая отросшими руками, подошла и села возле них. Она излучала тепло и дружелюбие. Мерсеру показалось, что она выглядит утонченной и очаровательной. Он стал сбрасывать с себя одежду. Глупо и высокомерно носить эту дрянь, когда никто из этих милых и прекрасных людей вокруг него не одет.

Обе женщины что-то лепетали и тихо напевали. Последним трезвым закоулком своего сознания он понимал, что они ничего не говорят, а просто выражают эйфорию от наркотика, столь могучего, что вся Вселенная запрещает даже употреблять его название. Его рассудок был затоплен внезапно нахлынувшим счастьем. Мерсер подумал, насколько он удачлив, оказавшись на такой прекрасной планете. Он попробовал поделиться этим с леди Да, но язык его заплетался, и слова были не разборчивы.

Внезапная острая боль поразила его в брюшину. Наркотик тотчас же снял ее. Это напоминало действие колпака наслаждения в госпитале, но было в тысячу раз приятней. Боль исчезла, хотя поначалу и была непереносимой. Он заставил себя собраться. Отбросив все лишнее, сказал розовым и голым дамам, лежавшим рядом с ним в пустыне:

— Это был хороший укус. Возможно, я отращу еще одну голову. Это порадует Б'Диката!

Леди Да с усилием выпрямила переднее из своих тел и сказала:

— Я тоже сильная. И могу говорить. Запомни, человек, запомни. Люди никогда не живут вечно. Мы тоже можем умереть, можем умереть, как настоящие люди. Я свято верю в возможность смерти!

Мерсер улыбнулся ей сквозь пелену счастья.

— Разумеется, можем. Но разве не прекрасно...

Внезапно он почувствовал, что губы его стали толще, а сознание замутилось. Он бодрствовал, но не было желания что-либо делать. В таком прекрасном месте, среди этих приветливых и привлекательных людей, он сидел и улыбался.

А Б'Дикат стерилизовал уже свои ножи.

Мерсер заинтересовался, как долго продлится действие суперкондамина.

Он вынес следующую серию манипуляций дромозз, не шелохнувшись и даже не вскрикнув. Ментальные страдания и кожный зуд были явлениями, происходящими где-то вне его, и ничего не значащими. Он разглядывал собственное тело с каким-то отрешенным безразличием. Леди Да и многорукая женщина оставались рядом с ним. Через не-

которое время к ним на своих могучих руках подполз получеловек. Он сонно и дружески помигивал, затем погрузился в мирное забытие.

Когда Мерсер открывал глаза, то видел как восходит солнце. Он закрывал их ненадолго, чтобы открыть вновь и увидеть как сверкают звезды. Времени на размышление не было. Дромозэ кормили его своим таинственным манером; наркотик же свел на нет любые циклы потребные его телу.

Наконец он почувствовал внутренние болевые ощущения.

Боль не изменилась, изменился он сам. Теперь ему было известно все, что происходит на планете Шеол. Он хорошо помнил все, что было с ним в период счастья. Прежде он вынужден был замечать то, что происходит вокруг. Теперь же просто чувствовал это.

Он попробовал спросить леди Да, сколько времени они находились под действием наркотика и сколько придется еще ждать следующей порции. Она улыбнулась, и в ее улыбке было короткое отрешенное счастье. По-видимому, ее многочисленные туловища, распростертые на земле на внушительную длину, имели большую емкость для сохранения наркотика, чем, например, его тело. Она хорошо воспринимала окружающее, но была неспособна к членораздельной речи.

Получеловек лежал на земле, отчетливые пульсации артерий были видны за полупрозрачной пленкой, защищавшей его брюшную полость.

Мерсер сжал плечо лежавшего. Тот проснулся, узнал его и одарил счастливой улыбкой:

— Доброе утро, мой мальчик. Это некоторое отступление от игры. Тебе доводилось когда-либо видеть ИГРУ?

— Вы имеете ввиду игру в карты?

— Нет, — покачал головой получеловек. — Это нечто вроде следящей машины с реальными людьми в качестве фигур.

— Я никогда не видел ничего подобного, — сказал Мерсер, — но я ...

— Но ты хочешь спросить, когда вернется Б'Дикат со своей иглой?

— Да, — немного смутившись, ответил Мерсер.

— Скоро, — сказал получеловек. — Вот почему я и думаю об играх. Мы все знаем, что должно произойти. Мы знаем, что будут делать манекены, — он махнул в сторону бугорков, в которых обезличенные были погребены. — И мы все знаем о чем спрашивают новички. Но никогда не знаем, сколько времени займет очередная сцена.

— Что вы называете "сценой"? — спросил Мерсер. — Так называется игла?

Получеловек засмеялся. На этот раз смех его был почти естественным.

— Нет, нет. У вас все удовольствия на уме. Сцена — это просто часть игры. Я имел в виду то, что нам известен порядок, в котором происходят события, но у нас нет часов, и никто не удосуживается даже считать дни или составлять календари, да и климат здесь ровный. Поэтому никто из нас не знает, сколько времени проходит. Боль кажется кратковременной, а наслаждения-длительными. Я же склонен думать, что каждый из этих двух периодов длится около двух земных недель.

Мерсер не знал, что такое земная неделя, поскольку до своего осуждения не был начитанным человеком, но на этот раз ему не удалось что-либо добиться от получеловека. В этот момент он подвергся имплантации дромоза. Лицо его покраснело и он прокричал нечленораздельно Мерсеру:

— Заберите это у меня, идиот! Заберите!

Когда Мерсер беспомощно развел руками, получеловек уже корчился в конвульсиях, повернулся спиной к нему, и затрясся в рыданиях.

Мерсер и сам толком не знал, сколько прошло времени, когда вернулся Б'Дикат. Могло пройти несколько дней. А могло и несколько месяцев. Он снова двигался между ними, как любящий отец, и они кучковались вокруг него, словно дети. На этот раз Б'Дикат приветливо улыбнулся детской головке, выросшей на бедре Мерсера — спящей детской головке, покрытой на макушке редким пушком. Мерсер получил свой укол, сулящий ему блаженство.

Когда Б'Дикат отделял головку от его бедра, он почувствовал, как нож прошелся по хрящу, соединявшему ее, и увидел гримасу на детском личике. Это никак не отразилось на нем. Он лишь ощутил тупую боль, когда Б'Дикат смазал ранку едким антисептиком, мгновенно остановившим кровотечение.

В следующий раз у Мерсера на груди выросли две ноги. Затем еще одна голова, рядом с его собственной. Или это было после туловища и ноги, от талии и кончиков пальцев ног маленькой девочки, росших на его боку?

Он забыл последовательность.

И не считал время.

Леди Да часто улыбалась ему, но любви не было. Сейчас она уже утратила свои дополнительные туловища. В промежутках между патологическими отращиваниями каких-либо органов она была красивой и хорошо сложенной женщиной. Но самым приятным в их отношениях был шепот, повторяющийся многие тысячи раз и сопровождающийся улыбкой и надеждой:

“Люди никогда не живут вечно”.

Эта мысль безмерно утешала ее, хотя Мерсер считал ее не имеющей смысла.

События шли своим чередом, менялась внешность жертв, прибывали новые. Время от времени Б'Дикат доставлял новичков, покоившихся в вечном забытии своих выжженных разумов, загружал их телами тележку и добавлял к другим группам. Тела эти корчились и извивались, не произнося ни единого членораздельного звука, когда на них нападали дромозэ.

Наконец Мерсеру удалось проследовать за Б'Дикатом до самой двери купола. Для этого ему пришлось перебороть блаженство, доставляемое суперкондамином. Только память о предыдущих муках, смущении и растерянности укрепляла его уверенность в том, что если он не спросит Б'Диката в тот момент, когда он, Мерсер, был счастлив, то ответ станет не доступным ему, когда он будет особенно нужен. Переборов испытываемое наслаждение, он стал молить Б'Диката проверить записи и сказать, сколько времени он здесь провел.

Б'Дикат ворчливо согласился, но не вышел для ответа. Он сказал через динамик, укрепленный на крыше купола, и его могучий голос прокатился по пустыне, заставляя встряхиваться розовое людское стадо, погруженное в блаженство в ожидании того, что скажет им их друг Б'Дикат. Когда человек-корова закончил свою речь, они были разочарованы, ибо она была лишена для них всякого смысла, так как просто вмещала в себя сведения о количестве времени, проведенного на планете Шеол каким-то Мерсером:

— Стандартного времени — 84 года, 7 месяцев, 3 дня, 2 часа и 11 с половиной минут. Всего хорошего, приятель.

Мерсер побрел назад.

Тайный уголок его разума, остававшийся нормальным, несмотря на боль и блаженство, заставил его удивиться поведению Б'Диката. Что заставляло человека-корову оставаться здесь? Что делает его счастливым без суперкондамина? Был ли Б'Дикат безумным рабом своих обязанностей или человеком, не утратившим надежду на возвращение на свою родную планету, в лоно своей семьи с маленькими людьми-телятами, похожими на него? Мерсер, несмотря на переполнявшее его счастье, потихоньку заплакал, думая о необычной судьбе Б'Диката. Со своей собственной судьбой он примирился.

Он припомнил, когда ел в последний раз настоящие яйца с настоящей сковороды. Дромозэ поддерживали в нем жизнь, но ему не было известно как им это удавалось.

Он брел к своей группе пошатываясь. Леди Да, обнаженная в пыльной пустыне, дружески помахала ему, приглашая сесть рядом с ней. Вокруг были бесчисленные квадратные мили пространства, но ему необходимо было именно это, предложенное ее дружеским жестом и никакое другое.

IV

Годы, если это действительно были годы, проходили. На Шеоле ничего не менялось.

Иногда по равнине прокатывался kloкочущий звук извержения гейзеров, донося до людей, еще не утративших способность мыслить, что капитан Альварес сделал выдох. Ночи сменялись днями, однако не было смены полевых работ, как и времен года, или новых поколений людей. Время остановилось для этих людей, а порции блаженства настолько перемешались с мучениями и потрясениями, вызванными дромозз, что слова леди Да приобретали для них какое-то очень далекое значение.

— Люди никогда не живут вечно.

Ее заявление было надеждой, а не истиной, в которую можно было верить. У них не было духу следить за перемещениями звезд на небе, обмениваться друг с другом именами, пожинать плоды опыта каждого ради коллективной мудрости всех. Они даже мечтать не смели о бегстве. Хотя и видели старты старомодных ракет на химическом топливе со взлетного поля за куполом Б'Диката, им и в голову не приходило спрятаться среди замороженной порции перерожденной плоти.

Когда-то, очень давно, какой-то узник, его теперь не было среди них, попытался написать послание. Его письма были высечены на скале. Мерсер прочел их так же, как и другие, но никто не знал кто это сделал. И никого они не заинтересовали.

Послание, нацарапанное на камне, было письмом домой.

Начиналось оно так:

“Когда-то я был таким же, как и вы, выходящим из своего окна и к концу дня и позволявшим ветрам нежно нести меня к тому месту, где я жил. Когда-то я, как и вы, имел одну голову, две руки, а на них десять пальцев. Передняя часть моей головы называлась лицом, и с его помощью я мог разговаривать. Теперь же я могу только писать, и то лишь тогда, когда боль покидает меня. Когда-то я, так же, как и вы, ел, пил, имел имя. Не могу вспомнить его. Вы можете вставать, вы, которые читаете послание. Я даже не могу подняться. Я просто дожидаюсь, когда огоньки, молекула за молеку-

лой, вложат в меня пищу и таким же образом заберут продукты распада. И не думайте, что меня здесь подвергают наказанию. Это место не для наказания. Оно предназначено для кое-чего еще”.

Среди розового стада никто не задумывался над этим “кое-чем”.

Любознательность давно угасла среди них.

Затем настал день небольших людей.

Это было тогда — ни час, ни год не имеют значения — когда леди Да и Мерсер молча сидели рядом, погруженные в суперкондаминовое блаженство. Им не нужно было обмениваться словами — за них говорил наркотик.

Неприятный рев со стороны купола Б’Диката заставил их слегка пошевелиться. Они, да еще несколько, повернули головы в сторону громкоговорителя. Первой, совершенно безразлично, заговорила леди Да.

— Я уверена, — произнесла она, — что когда-то мы называли это Военной угрозой.

И она снова погрузилась в пучину своего блаженства.

Мужчина с двумя рудиментарными головами, росшими рядом с его собственной, подполз к ним. Все три головы выглядели очень счастливыми, и Мерсер даже позавидовал избытку его счастья, выражавшегося столь причудливым образом. Несмотря на пульсирующий жар наркотика, он сожалел, что в периоды просветления своего рассудка не спросил у этого мужчины, кем тот был когда-то. Теперь он сам представился. Усилием воли держа глаза открытыми, он, вяло сделав жест, наподобие отдачи чести леди Да и Мерсеру, произнес:

— Суздаль, мадам и сэр, бывший капитан крейсера. Там... объявлена тревога. Хочу доложить, что я... что я... не совсем готов к...

И впал в забытье.

Мягко, но властно, леди Да заставила его снова поднимать веки:

— Командор, почему они объявили тревогу? Зачем вы пришли к нам?

— Вы, мадам, и джентльмен с ушами, кажется, еще в состоянии мыслить из всей вашей группы. Я подумал, что, возможно, у вас могут быть приказы.

Мерсер огляделся в поисках человека с ушами. Оказалось, это был он сам. К тому времени все его лицо уже закрывали свежие ушки, он не обращал на них внимания, зная, что со временем Б'Дикат срежет их, а дромозэ дадут жизнь чему-нибудь другому.

Шум из купола был невыносимый, раскалывающий уши.

Многие члены группы зашевелились. Некоторые открыли глаза и осмотревшись, бормоча снова погружались в блаженство, навешанное суперкондамином.

Дверь купола отворилась.

Наружу стремглав выскочил Б'Дикат — БЕЗ СВОЕГО СКАФАНДРА.

На поверхности планеты его еще ни разу не видели без защитного металлического облачения.

Он бросился к ним, дико озираясь, пока не узнал леди Да и Мерсера, подхватил их обоих на руки, и помчался назад в свой купол. Он швырнул их внутрь через двойную дверь. Они сильно ударились о пол, однако нашли это весьма забавным. Мгновением позже ввалился Б'Дикат.

— Вы люди, или были ими! — взревел он. — Вы понимаете людей. Я же только повинуюсь им. Но здесь я отказываюсь исполнять приказания. Взгляните на это!

На полу лежали четверо красивых детей. Двое, самые маленькие, казались близнецами в возрасте около двух лет.

Кроме них была еще девочка лет пяти и мальчик примерно семи лет. У всех были подрезаны веки. У всех вокруг висков были тонкие красные линии, а на бритых головах были видны следы удаленных мозгов.

Б'Дикат, пренебрегая опасностью со стороны дромозэ, стоял рядом с леди Да и Мерсером и кричал изо всех сил:

— Вы — настоящие люди! Я же — корова. Я исполняю свои обязанности. А они не включают ВОТ ЭТО. Это же ДЕТИ!

Мудрой, оставшейся крохотной частью своего разума, Мерсер ощутил потрясение и разочарование. Было трудно испытать такие чувства, ибо суперкондамин подобно громадной приливной волне затоплял сознание. В результате чего все казалось прелестным. Внешняя часть сознания, особо насыщенная наркотиком, говорила ему: "Разве не прекрасно, что среди нас будут дети!" Однако неразрушенная часть его мозга еще содержала понятия чести и морали в том виде, в каком они были известны ему до прибытия на планету Шеол. И эта часть мозга шептала:

"Это преступление хуже любого совершенного нами! И совершила его Империя!"

— Но что вы сделаете? — спросила леди Да. — Что мы можем сделать?

— Я пытался связаться со спутником. Когда там поняли о чем я говорю, они прервали связь. Ведь в конце концов я — не человек. Главный врач велел мне делать свою работу.

— Это был доктор Вомакт? — спросил Мерсер.

— Вомакт? Он умер сто лет назад в преклонном возрасте. Нет. Меня оборвал новый врач. У меня нет присущих людям ощущений, но я рожден на Земле, и во мне течет земная кровь. У меня есть свои чувства. Простые коровьи чувства. Но ЭТОГО я не могу допустить.

— И что же вы сделали?

Б'Дикат поднял глаза в сторону окна. Его лицо осветилось решимостью, которая даже без воздействия наркотика, заставляла их любить его, сделала его отцом мира — благородного, честного, бескорыстного.

Он улыбнулся:

— Меня, я думаю, убьют за это. Но я объявил Всегалактическую Тревогу — все корабли здесь!

Леди Да, не поднимаясь с пола, объявила:

— Но ведь это только в случае нашествия извне! Это ложная тревога!

Она собрала в кулак всю свою волю и встала:

— Вы можете срезать с меня все это прямо сейчас, на тот случай, если сюда придут люди? И достаньте мне платье...

— Есть ли у вас что-нибудь, что может нейтрализовать действие суперкондамина?

— Именно этого я и добивался! — воскликнул Б'Дикат. — Я не приму сюда этих детей. Вы делаете меня лидером.

Прямо на полу своей хижины, подстергая ее извивающееся тело, он вернул ей обычные человеческие формы.

Едкий антисептик курился в кабине. Мерсер подумал, что все это очень драматично. Затем он почувствовал, что Б'Дикат разделявает его самого. Все что отрезал, он предусмотрительно разложил по различным камерам холодильной установки.

Он прислонил их к стенке.

— Я думал, — сказал он. — От суперкондамина нет противоядия. Кому оно нужно? Но я могу сделать вам гипноуколы из своей спасательной шлюпки. Предполагается, что они должны обеспечить возвращение на спутник, независимо от того, что бы не случилось с пассажирами шлюпки в космосе.

Раздался пронзительный вой над куполом станции. Б'Дикат кулаком высадил окно, высунул голову наружу и посмотрел вверх.

— Прибывают! — закричал он.

Земля затряслась от быстрой посадки корабля. Содрогнулись двери...

“Почему люди все-таки осмелились высадиться на Шеле?” — заинтересовался Мерсер. Но когда открылся люк посадочного модуля, он увидел, что это не люди, а роботы Таможенной Службы, которые в состоянии переносить недоступные для людей скорости космических полетов. На одном из роботов были погоны инспектора.

— Где непрошенные пришельцы?

— Нет... — начал Б'Дикат.

Несмотря на то, что леди Да была полностью обнаженной, она приняла осанку императрицы и четко произнесла:

— Я — бывшая императрица, леди Да. Вы узнаете меня?

— Нет, мадам, — ответил робот-инспектор. У него был несколько смущенный вид, если подобное можно сказать относительно робота.

Наркотик заставил подумать, что было бы неплохо для компании иметь здесь робота.

— Я объявляю, пользуясь старинным выражением, Чрезвычайное Положение. Вы понимаете? Сейчас же соедините меня с Повелителями Содействия.

— Мы не можем... — пролепетал робот.

— Вы можете спросить, — настаивала леди Да.

Инспектор повиновался. Леди Да повернулась к Б'Дикату:

— Сделайте сейчас же нам с мистером Мерсером уколы. Затем поместите с наружной стороны двери, чтобы дромозэ могли быстро исцелить эти рубцы. Проведите нас внутрь, как только будет налажена связь. Если у вас нет одежды для нас, то дайте нам какую-нибудь ткань. Мерсер в состоянии вытерпеть боль.

— Да, — кивнул Б'Дикат, стараясь не смотреть на четыре безвольных детских тела и их пустые глаза.

Инъекция обдала тела Мерсера и леди Да таким огнем, какого они прежде не испытывали. Должно быть, препарат был в состоянии нейтрализовать действие суперкондамина. Чтобы не тратить зря времени, Б'Дикат выставил их наружу прямо через открытое окно. Дромозэ почувствовали свежие ранки и стали вспыхивать на их телах.

Мерсер молчаливо терпел боль, лежал, приткнувшись к наружной стене купола и рыдал без удержу, как ему казалось, добрых десять тысяч лет. Реального времени, должно быть, прошло лишь несколько часов.

Роботы Таможенной Службы фотографировали местность. Дромозэ вспыхивали мощными фейерверками на их телах, иногда целыми роями, но это совершенно не оказывало влияния на роботов.

Мерсер услышал, как из приемника, установленного внутри купола, раздался громкий голос:

— Хирургический спутник вызывает Шеол! Б'Дикат, выходите на связь!

Тот, очевидно, не отвечал на вызов. Из другого приемника тоже раздался голос, только несколько приглушенные. Это был приемник, установленный роботами-таможенниками. Мерсер был уверен, что следящая система была ими включена тоже, и возможно обитатели других миров впервые рассматривают сейчас Шеол.

Из дверей вышел Б'Дикат. Он нес навигационные карты со спасательной шлюпки. Ими он обернул Мерсера и леди Да.

Леди Да несколькими уверенными движениями поправила свою драпировку и неожиданно стала выглядеть как очень важная персона.

Они вернулись в купол.

Б'Дикат прошептал полный ужаса:

— Установлена связь с Содействием, и сейчас с вами будет говорить один из Повелителей Содействия.

Мерсеру ничего не оставалось как устроиться в углу и наблюдать. Леди Да, вся в напряжении, стояла в центре комнаты.

Помещение наполнилось слабой дымкой без цвета и запаха. Она продолжала сгущаться. Это включилось основное переговорное устройство.

В воздухе появилась человеческая фигура.

Через мгновение перед леди Да приняла четкие очертания фигура женщины, одетой в униформу старинного покроя.

— Это — Шеол. Вы — леди Да. Вы вызывали меня.

Леди Да сделала жест в сторону детских тел, лежащих на полу.

— Этого не должно было произойти, — сказала она. — Шеол — место наказания, согласно договору между Содействием и Империей. Однако в договоре ничего не говорится о наказании д е т е й!

Женщина на экране внимательно рассматривала детские тельца.

— Это же безумство!

Она обвиняюще взглянула на леди Да.

— Вы на императорской службе?

— Я была императрицей, мадам, — усмехнулась леди Да.

— И вы допустили это?

— Что? — в свою очередь вскричала леди Да. — Я не имею к этому никакого отношения! — Глаза ее округлились. — Да я ведь сама здесь узница! Неужели вам это не понятно?

Изображение женщины затуманилось:

— Нет... Я этого не знала.

— Я, — продолжала леди Да, — подопытная. Взгляните на ту группу, там, на равнине. Я пришла оттуда несколько часов назад.

— Настройте изображение, — женщина-мираж обратилась к Б'Дикату. — Я хочу рассмотреть группу поближе.

Тело ее выпрямилось и воспарило сквозь стену по яркой дуге, оказавшись через секунду в самом центре группы.

Леди Да и Мерсер наблюдали за нею. Они даже увидели, что голограмма потеряла свою четкость и правильность очертаний.

Женщина-образ подала знак рукой, чтобы ее перенесли обратно в купол. Б'Дикат выполнил ее приказ.

— Приношу вам свои извинения, — произнесла она. — Я — леди Джоанна Гнейд, одна из Повелителей Содействия.

Мерсер поклонился, потерял равновесие и упал на пол. Леди Да даже не обернулась на шум и ответила на представление поистине царственным кивком.

Обе женщины пристально смотрели друг на друга.

— Немедленно проведите расследование, — продолжила леди Да. — А закончив его, пожалуйста, умертвите всех нас... Вам известно что-нибудь о наркотике суперкондамине?

— Ради Бога, не упоминайте об этом! — взмолился Б'Дикат. — Не называйте его перед коммуникатором. Это тайна Содействия!

— Содействие — это я, — гордо заявила леди Джоанна. — Вам больно? Не думала я, что кто-либо из вас жив. Я слышала о хирургических банках на вашей запрещенной планете, но думала, что их обслуживают роботы, а новые органы пересылают вверх ракетами. С вами тут есть еще люди? Кто заведует всем этим хозяйством? Кто посмел так поступить с детьми?

Б'Дикат вышел вперед и встал перед образом-женщиной. Не поклонившись, он сказал:

— За все здесь отвечаю я!

— Но вы ведь не человек! — воскликнула леди Джоанна. — Вы — корова!

— Бык, мадам, — в голосе Б'Диката слышались стальные нотки. — Моя семья находится в замороженном состоянии на Земле, и своей тысячелетней службой я зарабатываю им и себе свободу. Что касается других ваших вопросов, мадам, то всю работу я делаю сам, хотя время от времени мне приходится отсекаать от своего тела лишние части. Я их выбрасываю. Вам известны секретные правила, касающиеся этой планеты?

Леди Джоанна переговорила с кем-то позади себя. Затем вновь взглянула на Б'Диката и приказала:

— Поменьше распространяйся о наркотике. И расскажи все подробности этого дела.

— У нас здесь, — официальным тоном начал Б'Дикат, — тысяча триста двадцать один человек, на которых можно рассчитывать в качестве источника частей тела, когда дромозз делают им прививки. Здесь есть еще более ста, включая капитана Альвареса, которые настолько полно поглощены планетой, что бесполезно производить над ними операции по удалению частей тела. Империя устроила на этой планете место тягчайшего наказания. Однако, Содействие отдало тайное распоряжение о применении "препарата", — он сделал особое ударение на этом слове, подразумевая суперкондамин, — который смягчил бы наказание. Империя поставляет сюда своих осужденных. Содействие распространяет по Галактике трансплантируемые органы.

Леди Джоанна подняла правую руку в знак тишины и скорби. Она оглядела комнату. Глаза ее снова опустились на леди Да. Возможно, она догадалась, каких усилий стоит той оставаться на ногах, пока два наркотика — суперкондамин и тот, из аптечки спасательной шлюпки, — борются внутри ее кровеносной системы.

— Вы, люди, можете успокоиться. Для вас будет сделано все возможное. С Империей покончено. Генеральный Договор, по которому Содействие тысячу лет назад сделало Империи уступку, давно аннулирован. Мы ничего не знали о вашем существовании. Со временем мы разыскивали бы вас, но я очень сожалею о том, что все это не произошло сразу же вслед за падением Империи. Что мы можем сделать для вас прямо сейчас?

— Единственное, чего у нас в избытке — это время, — сказала леди Да. — Вероятно, мы уже никогда не сможем покинуть эту планету из-за дромозэ и вашего “препарата”, к воздействию которого мы все так пристрастились. Первое могло бы представлять опасность. Второе же оставаться неизвестным.

Леди Джоанна Гнейд обвела комнату взглядом, а когда он остановился на Б’Дикате, тот пал на колени и поднял свои огромные руки в знак мольбы.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Вот эти... — он показал на искалеченных детей. — Прикажите прекратить это. Прекратите сейчас же! — уже кричал он, и женщина подчинилась этому приказу. — И, леди... — он запнулся, как бы робея.

— Что? Продолжайте!

— Леди, я не способен убивать. Это противоречит моему естеству. Работать, помогать, но не убивать... Что же мне делать с ними? — он снова показал на четыре неподвижные детские фигурки, распростертые на полу.

— Берегите их, — сказала леди Джоанна. — Просто сберегите их!

— Не могу, — отказался он. — Нет никакой возможности сохранить им жизнь здесь, в куполе: нет пищи, которой бы их можно было кормить. Они умрут через несколько часов. А правительствам, — мудро добавил он, — требуется очень много времени, чтобы что-то предпринять.

— Вы можете дать им препарат?

— Нет, это убьет их, если я дам им это вещество до того, как дромозэ усилят все их жизненные процессы.

Звонкий смех леди Джоанны Гнейд разнесся по комнате, одновременно он напоминал плач:

— Глупцы... бедные глупцы! И глупее всех я! Если суперкондамин является наркотиком только после воздействия со стороны дромозэ, то зачем же делать из него тайну?

Б’Дикат вскочил. Он нахмурился, но не мог подобрать слова, с помощью которых мог бы защититься. Леди Да, бывшая императрица павшей Империи, обратилась к другой леди церемониально и требовательно.

— Необходимо вынести их наружу, чтобы дромозэ внедрили в их тела. Им будет больно, но Б’Дикат даст

им наркотик. Именно в тот момент, когда это можно будет сделать без вреда для них... Я умоляю вас, леди...

Мерсер едва успел подхватить ее, прежде чем она упала.

— Вы уже достаточно натерпелись, — сказала леди Джоанна. — Штурмовик с тяжело вооруженным десантом находится на пути к вашему спутнику. Медперсонал арестуют и будет проведено тщательное расследование с целью выяснения деталей этого преступления.

— Вы накажете виновного врача? — отважился вмешаться в разговор Мерсер.

— И вы еще можете говорить о наказании? — воскликнула женщина. — Вы!

— Это справедливо. Я был наказан за то, что совершил зло. Почему же нельзя наказать человека, совершившего преступление?

— Наказывать... наказывать! Нет, мы вылечим этого врача. И вас вылечим, если сумеем.

Мерсер заплакал. Он думал об океанах блаженства, которые доставил ему суперкондамин, позабыв об ужасающих муках и уродствах Шеола. Неужели больше не будет желанного укола? Он уже не мог себе представить жизнь без Шеола. И неужели рядом с ним больше не будет нежного, благородного Б'Диката с его скальпелями?

Он поднял свое покрытое слезами лицо и обратился к леди Джоанне.

— Леди, мы все посходили с ума на этой планете. Я не думаю, что нам захочется ее покинуть.

Охваченная глубоким состраданием к мученику, та отвернулась. Следующие ее слова были обращены к Б'Дикату:

— Вы — мудрый и добрый, пусть даже и не являетесь человеческим существом. Дайте им такое количество наркотика, какое они в состоянии принять. Содействие решит, что делать со всеми вами. Я поручу солдатам-роботам произвести исследование вашей планеты. Будут ли роботы в безопасности здесь, человек-корова?

Б'Дикату не понравилось необдуманное имя, которым его назвали, но он не стал обижаться.

— С роботами ничего не случится, мадам, но дромозы будут крайне возбуждены, если не смогут питать их и исцелять. Пришлите их минимальное количество. Мы ничего не знаем о том, как живут и как умирают эти существа.

— Минимальное количество... — прошептала леди Джанна. Она подняла руку, давая знак какому-то технику, находившемуся на необозримом расстоянии от нее. Вокруг нее снова поднялся бесцветный дым, и изображение исчезло.

Раздался пронзительный голос:

— Я отремонтировал ваше окно.

Это был один из роботов Таможенной Службы. Б'Дикат поблагодарил его и помог Мерсеру и леди Да выйти через дверь. Когда они оказались снаружи, их тотчас же начали жалить дромозэ. Но они не обращали на это внимания.

Затем появился и сам Б'Дикат, неся в своих гигантских нежных руках четверых детей. Он положил их безвольные тельца на землю неподалеку от купола и стал наблюдать за тем, как их охватили судороги под натиском дромозэ. Мерсер и леди Да увидели, что его карие телячьи глаза покраснели, а огромные щеки стали влажными от слез.

Часы или столетия.

Кто мог рассказать им?

Группа вернулась к своей обычной жизни, только промежутки между уколами стали много короче. Бывший некогда капитаном Суздадем отказался от укола, когда услышал новости. Едва только его состояние позволило ходить, он неотступно следовал за роботами Таможенной Службы в то время как они фотографировали, брали пробы грунта, пересчитывали тела узников. Их особенно интересовала гора, в которую превратился капитан Альварес, и они открыто спорили между собой, является ли она формой органической жизни или нет? Гора эта как-будто реагировала на суперкондамин, однако они не обнаружили ни крови, ни сердцебиения. Влага, приводимая в движение усилиями дромозэ, казалось, заменила то, что некогда было жизненными процессами человеческого тела.

V

А затем, одним ранним утром, небо над планетой разверзлось.

На поверхность Шеола садился один корабль за другим. Из них выходили люди в одеждах.

Дромозэ не обращали внимания на прибывших. Мерсер, который находился наверху блаженства, с огромным трудом понял, что корабли были битком набиты аппаратурой связи; “люди” же были роботами или изображениями лиц, находившихся на совершенно других мирах.

Роботы быстро собрали всю группу вместе. Пользуясь тележками, они перевозили сотни лишенных рассудка тел к стоянке кораблей.

Мерсер услышал знакомый голос. Это была леди Джоанна Гнейд.

— Поставьте меня повыше, — приказала она.

Ее изображение стало расти, пока, казалось, не достигло четверти капитана Альвареса. Голос ее стал еще более привычным.

— Разбудите их всех, — распорядилась она.

Роботы задвигались среди узников, обрызгивая их какой-то жидкостью, которая пахла довольно тошнотворно. Мерсер почувствовал, что разум его проясняется. Суперкондамин все еще управлял его нервной системой и кровообращением, однако мозг был уже свободен от него.

— Я принесла вам, — звучал сочувствующий голос гигантской леди Джоанны, — решение Содействия по планете Шеол.

“Пункт первый. — Поставка органов и частей человеческого тела будет продолжаться, а дромозэ не будут уничтожены. Здесь будут оставлены различные части тел с целью отращивания, а выросший материал будет собираться роботами. Больше здесь не будут жить ни люди, ни гомункулы.

Пункт второй. — Нечеловек Б'Дикат, по происхождению бык, будет немедленно вознагражден по возвращению домой, на Землю. Ему будет выплачена сумма вдвое большая, чем обещанная за тысячелетнюю службу...”

Голос Б'Диката, ничем не усиленный, был почти столь же громогласен, как и ее, прошедший через мощные усилители. Он громко выкрикнул свое недовольство:

— Леди, леди!

Она глянула на него сверху вниз и неформально произнесла:

— Чего же вы хотите?

— Позвольте мне вначале закончить свою работу, — закричал он так, чтобы его все слышали. — Позвольте мне до конца заботиться об этих людях.

Подопытные, у которых имелся мозг, внимательно слушали. Те же, у кого рассудка не было, пытались снова закопаться в песок Шеола, пользуясь для этого своими мощными когтями. Но стоило только кому-нибудь исчезнуть под землей, как его тотчас же хватили роботы и вытаскивали наружу.

“Пункт третий. — Все лица, разум которых не будет поддаваться лечению, будут подвергнуты отсечению головы. Их тела будут оставлены здесь. Их головы отсюда увезут и умертвят наиболее гуманным способом, скорее всего при помощи сверхдозы суперкондамина.”

— Последняя крупная встряска, — пробормотал капитан Суздаль, стоявший возле Мерсера. — Это вполне справедливо.

“Пункт четвертый. — Установлено, что дети являются последними наследниками трона Империи. Чересчур ревностный чиновник сослал их сюда, чтобы предотвратить вероятность реставрации единоличной власти, когда они вырастут. Врач повиновался приказам, не пытаясь их оспаривать. И чиновник, и врач будут подвергнуты лечению, и их воспоминания об этом случае будут стерты, так что потом им не нужно будет стыдиться того, что они совершили...”

— Это несправедливо! — воскликнул получеловек. — Их следовало наказать так, как наказали нас!

Леди Джоанна опустила на него свой взор:

— С наказаниями покончено. Мы дадим вам все, что вы только пожелаете, но только не просите, чтобы мы причиняли страдания другим. Позвольте продолжать...

“Пункт пятый. — Поскольку никто из вас не изъявил желания жить так, как вы жили до высылки на планету Шеол, то мы переместим вас на другую планету поблизости. Она напоминает эту, но гораздо красивее. Дромозэ на той планете нет...”

При этих словах толпу охватило волнение. Узники кричали, плакали, ругались, жаловались. Все они хотели получить укол, и, если бы для того, чтобы его получить,

им нужно было оставаться на Шеоле, то они, не задумываясь, остались бы.

“Пункт шестой. — На новой планете вам не будут делать уколы суперкондамина, ибо в отсутствии дромозз он убьет вас, но там будут колпаки. Помните, то, что вы получали на спутнике? Мы попытаемся вылечить вас и снова сделать нормальными людьми. Но, если вы отказываетесь, мы не будем вас принуждать. У колпаков наслаждения поле очень мощное. При соответствующей медицинской помощи вы сможете прожить в них еще много лет.”

Среди узников воцарилась тишина. Каждый по-своему пытался сравнить электрические колпаки, стимулирующие центры наслаждения в коре головного мозга, с наркотиком, который действовал на клапаны, открывающие экстатические нервные поля.

— У вас есть какие-нибудь вопросы? — спросила леди Джоанна.

— Когда нам дадут колпаки? — раздалось сразу несколько голосов.

Теперь они стали настолько людьми, что сами потешались над собственным нетерпением.

— Скоро, — ободряюще ответила она и через мгновение добавила. — Очень скоро.

— Очень скоро. — Эхом отозвался Б’Дикат.

— Вопрос, — выкрикнула леди Да.

— Моя госпожа?.. — произнесла леди Джоанна, проявляя должную учтивость по отношению к бывшей Императрице.

— Нам будет разрешено вступать в брак?

Удивление отразилось на лице леди Джоанны.

— Не знаю. — Она улыбнулась. — Но не вижу причин для почему бы нет...

— Я беру себе в мужья этого человека по имени Мерсер, — сказала леди Да. — Когда отравление наркотиком было тяжелейшим, а мучения самыми страшными, он был единственным, кто пытался думать. Могу я получить его?

Мерсер подумал, что все это выглядит довольно нелепо, поскольку был бескрайне счастлив, но ничего не сказал. Леди Джоанна посмотрела на него и одобрительно кивнула. Затем она подняла руки, благословляя и прощаясь со всеми.

Роботы стали собирать розовые тела в две группы. Одна — отправлялась в новый мир, где их ждала новая жизнь и новые проблемы. Другая же, независимо от того, как много ее членов пыталось схорониться в грязи, была собрана для последней почести, которую могло воздать человечество.

Б'Дикат, оставив всех остальных, торопился со своим неизменным бутылем через плечо к человеку-горе Альваресу, чтобы удостоить его гигантской порции блаженства.

ПЛАНЕТА УРАГАНОВ

New York 1972

I

— В 2.75 утра, — сказал управляющий Кэшеру О'Нейлу, — вы зарежете девчонку, вот этим ножом. В 2.77 скоростной транспортер доставит вас обратно сюда. И тогда крейсер ваш. По рукам? Он потянулся к Кэшеру для рукопожатия, наверное, чтобы скрепить сделку, заставить Кэшера принять обязательство. Кэшер ничего против управляющего не имел, но руку не пожал, а поднял бокал и объявил: — Сначала выпьем за успех!

Цепкие маленькие глаза управляющего подозрительно взглянули на гостя. Комнату продувал теплый морской ветерок. На вид управляющий был осторожным, даже подозрительным, всегда начеку. Но за его сдержанностью Кэшер заметил кое-что еще: усталость от бездонного отчаяния или отчаяние, возникшее от неизлечимой усталости? Это было странно. Кэшер немало поскитался по обитаемым мирам, повидал немало странных людей, мужчин и женщин, но таких, как управляющий, еще не встречал. Умница, но хвостун и сумасброд. Управляющий имел звание комиссара и в прошлом принадлежал к касте Повелителей Содействия. Теперь он был назначен управляющим Генриады. Население Генриады уменьшилось с шестиста миллионов до сорока тысяч. Местные власти потерпели полный крах и теперь, кроме управляющего, представителей гражданской власти на планете не было.

Но главное заключалось в том, что управляющий располагал лишним военным космокрейсером, а Кэшер О'Нейл твердо решил обзавестись таким кораблем: крейсер был необходим для осуществления заговора по свержению полковника Веддера, узурпировавшего власть на родной планете Кэшера, Миззере.

Управляющий устал и понимающе посмотрел на Кэшера, потом поднял стакан. Зелень сумерек окрасила алкоголь в ядовитый цвет. Но это был простой земной байгар, правда, крепче обычного. Отпив глоточек, всего один глоточек, управляющий сказал:

— Возможно, молодой человек задумал шалость. Старый осел правит брошенной планетой — так думаете вы. Или убийство девчонки представляется вам преступлением? Отнюдь нет, никакое это не преступление. Я управляющий Генриады, и вот уже восемьдесят лет я посылаю людей с приказом убить ее. Начнем с того, что ее нельзя называть девочкой. Всего-навсего квазичеловек. Животное, превращенное в слугу. Я могу назначить вас помощником шерифа или главным детективом. Так было бы даже лучше. У меня лет сто не было главного детектива. Отныне вы главдет. Приступайте к своим обязанностям завтра. Дом найти легко. Он самый большой и самый хороший из всех, что остались на планете. Войдете в дом завтра в указанное время, спросите хозяина девчонки. Только не перепутайте имя и звание (господин и владелец Мюррей Мадиган — так его зовут), иначе роботы вас не пропустят. Если ее не позовут сразу, продолжайте настаивать, тогда к двери выйдет она. Пырните ее в сердце прямо в дверях. Минуту спустя примчится транспортер. Прыгайте в кабину — и пулей назад. Ведь мы уже все обсудили. Вы не согласны? Вы не знаете, кто я такой?

— Я отлично знаю, кто вы такой, господин управляющий-комиссар, — улыбнулся Кэшер О'Нейл. — Вы почтенный Ранкин Майклджон, родом с Земли-2. Ведь я получил разрешение на частную посадку на Генриаде от Содействия, и они знали, кто я и что мне нужно. Военный крейсер, — как вы сами говорите, лучший корабль вашего флота, — за жизнь трансформированного животного, которое умеет разговаривать и внешне выглядит как девуш-

ка. Но почему? Почему я, почему не кто-нибудь местный? Зачем вам так нужна смерть заурядного квазичеловека? И если вы восемьдесят раз отдавали приказ ее убить, почему приказ до сих пор не исполнен? Учтите, господин управляющий, я не говорю "нет". Я хочу получить крейсер, очень-очень хочу. В чем же суть? Вы дом у нее отобрать хотите, что ли?

— Бьюрегард? Нет, не хочу. Пусть развалина Мадиган доживает там в свое удовольствие, мне все равно. Дом стоит между Амбилокси и Моттилем, на берегу залива Эсперанца. Вы не заблудитесь, дорога отменная. Если хотите, сами ведите машину.

— Если не дом, то что? — наседа л Кэшер упрямо.

Ответ был крайне неожиданным. Управляющий наполнил свой громадный стакан крепчайшим байгаром и с вызовом посмотрел на собеседника поверх стакана. Потом осушил его. Такая доза, выпитая у один при-сест, обычного человека приканчивает, Кэшер это знал. Управляющий даже не моргну л, словно воды на-пи лся. Потом он покрасне л, выпучил глаза — 160 градусов начали действовать, — но все еще молчал. Только сверлил взглядом Кэшера. Кэшер, за долгие годы скитаний игравший в разные игры, отвечал управляющему тем же.

Управляющий не выдержал первым. Он накрепился вперед и разразился птичьим смехом. Он долго смеялся, можно было подумать, что у него в запасе весь смех Галактики. Кэшер только один раз машинально фыркну л в ответ и стал ждать, пока тот не успокоится.

Наконец управляющий овладел собой. Широко ухмыльнувшись и подмигнув собеседнику, он наполнил стакан еще на четыре пальца, опрокинул в себя, как порцию сливок, и только потом, лишь чуть качнувшись, встал, подошел к Кэшеру и похлопал его по плечу.

— Ты умный малый, сынок. Я тебя надуваю, ты прав. Мне ведь плевать, есть у меня крейсер или его нет. Крейсер мне вообще ни к чему. Кто и куда на нем полетит? С этой-то планеты? Планете крышка. Планета — пустыня, планета — кладбище. И мне крышка вместе с ней. Так

что ты давай, шуруй! Забирай крейсер даром! Без условий! Теперь пришлось вскочить Кэшеру. Он всмотрелся в лихорадочно блестящие глаза коротышки. — Спасибо, управляющий, — воскликнул он и попытался поймать руку Майклджона, пожать, заверить сделку. Ранкин Майклджон вел себя предельно трезво. Он быстро спрятал правую руку за спину, демонстративно отказавшись от рукопожатия.

— Да, крейсер твой, договорились. Без условий, договоров, контрактов — он твой. **НО СНАЧАЛА УБЕЙ ДЕВЧОНКУ!** Сделай мне одолжение. Я тебя принял как гостеприимный хозяин, ты мне нравишься. Я хочу сделать тебе подарок. И ты мне сделай — убей. В 2.75 завтра утром. Завтра.

— Зачем? — холодно спросил Кэшер. Он хотел выжать из пьяного болтуна суть дела.

— Просто... просто потому, что я тебя прошу, — управляющий начал заикаться.

— Зачем? — громко повторил Кэшер.

Алкоголь вдруг взял свое. Управляющий нащупал спинку кресла и плюхнулся на сиденье, посмотрев на Кэшера снизу вверх. Управляющий был пьян в доску. С лица исчезли признаки усталости-отчаяния. Теперь он говорил прямо. Только неестественная четкость слов выдавала его состояние.

— А затем, олух, что они все, все, кого я посылал в Бюрегارد восемьдесят лет с приказом убить... все они... — Он замолчал.

— Что с ними случилось? — повысил голос Кэшер.

— Откуда мне знать? Понятия не имею. Никто не вернулся.

— Но что случилось? Она их убила? — воскликнул Кэшер.

— Да откуда же мне знать? — повторил пьяный коротышка. Чем дальше, тем больше его клонило ко сну.

— Вы не сообщали?

Управляющий нахохлился.

— О чем? Что какая-то девчонка не подчиняется мне, управляющему планетой? Девчонка, и притом даже не настоящий человек! Они прислали бы помощь, но как

бы потешались надо мной! Довольно! Довольно надо мной потешались, юноша! Мне помощь извне не нужна. Ты туда поедешь завтра в 2.75, возьмешь нож. Кар будет ждать.

Он твердо взглянул в глаза Кэшеру, потом голова его упала на грудь, и управляющий заснул. Кэшер вызвал домашних роботов, чтобы они отвели хозяина в спальню и позаботились о нем.

II

В 2.75 на следующее утро ничего не произошло. Кэшер шел вдоль коридора в стиле барокко, заглядывал в изумительно обставленные комнаты. Все двери были открыты. Из одной слышался болезненный булькающий храп.

Храпел управляющий. Скрючившись, он лежал в кровати, рядом — машина-сиделка, белая эмаль корпуса почти без ржавчины. Взмахом металлической руки она попросила не шуметь. Механическое движение было легким и грациозным. Кэшер тихо вернулся в свою спальню, заказал горячие бисквиты, бекон и кофе. Через бронестекло окна он наблюдал за ураганом, пока роботы готовили еду. Эластичные деревья снаружи яростно жались к земле, их ярость не уступала ярости торнадо. Ствол смерч, как хобот бешеного слона, нащупывал садик, но местная живность умела защищаться. Несколько животных метнулись вверх и скрылись из виду. Смерч обрушился на дом, не причинив ему вреда.

— Такие у нас случаются раз двести-триста в день, — сообщил робот-дворецкий. — Поэтому все ангары — подземные и нет погодных машин. Управление погодой обошлось бы дороже. Вся прибыль планеты не покроет расходов. Радио и канал новостей в библиотеке, сэр. Я думаю, почтенный Ранкин Майклджен раньше вечера не проснется, скажем, раньше восьми.

— Я могу выйти из дома?

— А почему бы и нет, сэр? Вы — человек, делайте, что вам нравится.

— Я имел в виду, это безопасно?

— Ни в коем случае, сэр! Ветер разорвет вас в клочья и унесет.

— Никто наружу никогда не выходит?

— Только в транспортерах или личных автоматических бронекостюмах. Говорят, при весе в пятьдесят тонн — а лучше больше — человеку ничего не угрожает. Я, как видите, робот, корпус местного производства, а вот мозг, правда, собран на Земле-2. Я из дому никогда еще не выходил.

Кэшер посмотрел на робота. Необычно разговорчивый экземпляр. Он решил не терять шанс, попробовать добыть дополнительную информацию.

— Ты слышал о Бьюрегарде?

— Да, сэр. Лучший дом на планете. Как я слышал, самое крепкое здание Генриады. Принадлежит господину и владельцу Мюррею Мадигану. Он добровольно отрекся от родины, Старой Северной Австралии, и переселился на Генриаду, когда она еще процветала, перевел сюда все деньги. По словам роботов и квазилюдей, Бьюрегард внутри — просто чудо!

— Ты сам видел?

— О, сэр, я же наружу не выхожу.

— А этот человек, Мадиган, сюда приезжает иногда?

Кажется, робот попробовал засмеяться, но у него, конечно, ничего не получилось.

— Нет, сэр. Он не покидает особняка.

— Расскажи о девочке, которая живет в его доме.

— Не могу, сэр, — сказал робот.

— Тебе ничего не известно?

— Не в этом дело, сэр. Я о ней много знаю.

— В чем же тогда дело?

— Мне так было приказано, сэр.

— Я человек, — сказал Кэшер О'Нейл. — Я отменяю приказ. Рассказывай.

— Этот приказ не отменяется, сэр, — голос робота был подчеркнуто вежлив и холоден.

— Почему? — спросил Кэшер. — Это приказ управляющего?

- Нет, сэр.
- Чей же?
- Ее, сэр, — тихо сообщил робот и ушел.

III

Остаток дня Кэшер О'Нейл попытался добыть информацию. Добыл он очень мало.

Заместитель управляющего, молодой человек, ненавидел своего шефа. Когда Кэшер во время обеда — они обедали в пустой столовой на пятьсот человек, им подали отвратительный стандартный комплекс — решил спросить: "Что вы знаете о Мюррее Мадигане?", он получил ответ:

— Ничего.

— Никогда о нем не слышали?

— Занимайтесь своими проблемами сами, господин странник, — отрезал зам. — Мне еще повышение получать и я намерен его получить. Кроме того, мне жить здесь. А вы можете улететь в любой момент. Зря вы сюда приехали.

— У меня пропуск Содействия высшей категории, — похвастался Кэшер. — Для любых планет.

— Значит, вы важнее меня. Оставим эту тему. Как вам нравится обед?

Кэшер знал законы дипломатии с детства — он родился наследником диктатуры на Миззере. Его жуткий дядюшка Кураф был свергнут полковниками Веддером и Гибной. Кэшер поддержал заговор. Но Веддер, установив режим тирании и ханжеского благочестия, делиться властью не стал. Кэшер хорошо знал, таким образом, что такое заговоры, двор, церемонии, большой разговор и разговор о пустяках. Сейчас он решил, что беседа о пустяках — лучший выход. У юного зама из всех возможных амбиций была одна — смыться с Генриады и не слышать имени Ранкина Майклджона до конца дней.

Кэшер его понимал.

Во время обеда случилась одна любопытная вещь. Уже под конец Кэшер небрежно подкинул вопрос:

— Квазичеловек может отдавать приказы роботам?

— Конечно, — ответил юный зам. — Поэтому мы ими и пользуемся. У квазилюдей больше инициативы. Они передают наши приказы роботам.

— Это не совсем то, что я имел в виду, — улыбнулся Кэшер. — Возможно ли, чтобы приказ квазичеловека стал для робота важнее приказа настоящего человека?

Юный зам начал было отвечать, не прожевав как следует, — у него были не слишком рафинированные манеры, — но потом вдруг остановился, глаза его стали похожими на большие монеты. Он произнес сквозь остатки обеда во рту:

— Вы все время стараетесь свернуть разговор на эту проклятую планету. Так вас и тянет. Это ваш конек. Ну и сидите на своем коньке. Если повезет, улетите отсюда живым. Только я в эти дела лезть отказываюсь — ваши и этой несчастной планеты с ее ненормальным управляющим и его планами безумной ненависти. Я хочу отсюда убраться в надлежащий момент — и все. Молодой человек решительно вернулся к еде, опустив глаза в тарелку. Кэшер хотел перевести инцидент в шутку, но не успел, сзади подошел робот-дворецкий, наклонился к Кэшеру:

— Почтенный господин, я услышал ваш вопрос. Можно мне ответить?

— Конечно, — тихо согласился Кэшер.

— На всех цивилизованных планетах, — не повышая голоса, но отчетливо сказал робот, — это совершенно невозможно. Но на Генриаде это возможно.

— Почему?

— Сэр, позвольте обратить ваше внимание на вот эти свежие артишоки, — увильнул дворецкий. — Я не уполномочен на посторонние разговоры.

— Благодарю, — Кэшер с трудом сохранял невозмутимый вид.

Вечером ничего особенного не произошло. Майклджон проснулся, напился и снова заснул. Кэшер был приглашен разделить компанию с управляющим. Управляющий о деле с девушкой не упоминал, но один раз он все-таки не сдержался.

— Отложим на завтра. Честно и откровенно, карты на стол. Я такой. Я вас отвезу в Бьюрегард сам. Дельце —

пара пустяков, сами убедитесь. Ножичком, а? Такой опытный путешественник должен знать, как пользуются ножом. Подумаешь, девчонка! Плевое дело! Не сомневайтесь даже. Может, пару капель яблочного сока в ваш байгар? Кэшер перед встречей принял три противопоалкогольные пилюли, и все равно ему далеко было до экс-Правителя Содействия. Он молча развел байгар соком.

Вокруг дома бродили невысокие торнадо. Майклджон не обращал на смерчи внимания, он поведал собутыльнику длинную путаную историю о несправедливостях, которые преследовали его на разных планетах. Посреди вечера, около 9.50, Кэшер проснулся в собственном кресле. Мышцы затекли. Управляющего роботы, наверное, отнесли в спальню, вероятно, у них существовала постоянная программа на такие случаи. Кэшер вернулся в спальню, обругал ухающий и гремящий потолок и заснул.

IV

Следующий день выдался действительно необычный. Управляющий был трезв, быстр и точен в движениях, обязательен, как если бы в жизни не брал в рот ни капли спиртного. По его приказу роботы пригласили Кэшера к завтраку. Вместо приветствия управляющий произнес:

— Полагаю, вы думаете, будто вчера я был пьян.

— Собственно... — начал Кэшер.

— Горячка. Генриадская горячка. Немного алкоголя — лучшее лекарство, чтобы остановить ее развитие. Ну-с, посмотрим. Сейчас 3.60. Вы будете готовы к четырем?

Кэшер хмуро посмотрел на свои часы с традиционным двадцатичетырехчасовым циферблатом.

Заметив его взгляд, управляющий извинился:

— Это моя оплошность, тысячу извинений! Сейчас раздобуду вам метрические часы. День — десять часов, час — сто минут. Генриада — очень прогрессивная планета.

Он хлопнул в ладоши, приказал доставить часы в комнату Кэшера заодно с роботом-часовщиком, чтобы подстроить прибор под ритмы организма Кэшера.

— Встречаемся ровно в четыре, — коротко закончил управляющий и встал. — Оденьтесь для поездки в наземной машине. Роботы вам покажут как.

В комнате Кэшера его кто-то ждал. Посетитель был похож на мудрого древнего индуса, как на картинке в учебнике археологии. Он дружелюбно поклонился и представился:

— Меня зовут Косиго. Я забывщик, поселенец. Но на сегодня — я ваш гид и шофер в поездке к поместью Бьюрегард.

По статусу забывщики лишь немного превосходили квазилюдей. Это были преступники, признанные виновными в тяжелых преступлениях и наказанные полной амнезией вместо смертной казни или чего-нибудь хуже смерти, например, планеты Шеол.

Кэшер с интересом смотрел на забывщика. В нем не чувствовалось бесконечной растерянности, которую Кэшер наблюдал у подобных ему. Косиго перехватил этот взгляд и правильно его истолковал.

— Я теперь себя нормально чувствую, сэр. И смогу сломать вам позвоночник, если придется.

— Сломать мне позвоночник? Хорошенькое дело! Думаю, я бы успел убить тебя раньше. Но откуда такие мысли?

— Управляющий пугает мною людей.

— Приходилось ломать?

— Кэшер посмотрел на Косиго, по-новому оценивая забывщика. Он был ниже Кэшера, но обладал роскошной мускулатурой. Как и все толстяки, он казался добряком, но мог оказаться очень страшным противником.

Косиго улыбнулся почти счастливой улыбкой:

— Пока, нет.

— А почему? Управляющий потом отменял приказ? Он так закладывает, что может и забыть, по-моему.

— Не в этом дело, — возразил Косиго.

— Тогда почему?

— У меня есть другие приказы, — с неохотой объяснил Косиго. — Как сегодня. Приказы управляющего, приказы его заместителя, приказы третьего лица.

— Кто это третье лицо?

— Она просила пока вам не объяснять.

Кэшер остолбенел.

— Вы имеете в виду...

Косиго очень медленно кивнул, показав на вентилятор. Может, в вентиляторе был микрофон?

— Какие у вас приказы? Можете сказать мне?

— Конечно. Приказ управляющего: отвезти вас в Бьюрегارد, проводить к двери, посмотреть, как вы ударите ножом девочку-квазичеловека. Вызвать на помощь второй кар. Заместитель управляющего велел доставить вас к особняку Бьюрегард и не мешать. Если вы вдруг живым выйдете из дома господина Мюррея, отвезти вас назад через Амбилокси.

— Остальные приказы?

— Закрывать за вами дверь дома и больше в этой жизни о вас не тревожиться. Вы будете счастливы.

— Ты с ума сошел?

— Я забывщик, — с достоинством возразил Косиго, — но не сумасшедший.

— И каким приказам ты собираешься подчиняться?

Косиго улыбнулся. Очень доброй, очень человеческой улыбкой.

— Не от вас ли это зависит, сэр? Во всяком случае, вы ведь всерьез не думаете, что я вас убью через минуту?

— Нет, — сказал Кэшер.

— За кого я вас принимаю, как думаете? — промурлыкал Косиго. — Думаете, я бы стал помогать, если бы вы в самом деле могли убить девочку?

— Так ты знаешь? — побелев, воскликнул Кэшер.

— Все знают. О чем еще можно посплетничать на Генриаде? Давайте, помогу вам одеться, а то поездки не переживете.

С этими словами он протянул Кэшеру наплечники и шлем с мягкой подбивкой. Кэшер начал облачаться в доспехи, очень неловко. Косиго ему помогал. Покончив с экипировкой, Кэшер пришел к выводу, что даже в скафандр облачаться легче... Должно быть, Генриада — в самом деле беспокойное место, если простая вылазка в наземной машине невозможна без такой возни с костюмом. Косиго тоже надел защитный костюм. Он дружелюбно и почти весело посмотрел на Кэшера.

— Взгляните на меня, уважаемый гость. Я вам кого-нибудь напоминаю?

Кэшер присмотрелся, честно напряг память, но ничего не вышло.

— Нет, никого.

— Это такая игра, — уныло объяснил Косиго. — Никак не могу бросить. Хочу выяснить, кем я был. Повелителем Содействия, не оправдавшим доверия, безумным ученым, обратившим науку на службу злу? Мерзким диктатором, таким отвратительным, что даже Содействию пришлось вмешаться, чтобы стереть меня в порошок, хотя обычно они не вмешиваются? Вот я — живой, здоровый, в здравом уме. Меня зовут Косиго. Может, я на этой планете и родился, здесь же совершил преступление. Мне ведь вставили “курок”. Если вдруг кто-нибудь сообщит мне мое настоящее имя или кем я был раньше, я тут же с диким криком упаду без сознания и забуду сразу все, что услышал. Говорят, я сам выбрал такое наказание вместо смертной казни. Может быть, может быть. Только смерть забывщику иногда кажется не такой уж плохой вещью.

— И такое с тобой уже бывало? Крик, обморок?

— Я и этого не знаю! — пожаловался Косиго. — Как и вы не знаете, куда сегодня поедете.

Кэшер был откровенно заинтригован, но сдержал любопытство. Вместо этого он спросил:

— Это трудно... быть забывщиком?

— Нет, — небрежно бросил Косиго, — не тяжело. Не тяжелей, чем вам будет.

Но вдруг он широко раскрыл глаза, уставился на Кэшера, потом закрыл лицо ладонями и прохныкал сквозь пальцы (голос его стал, по меньшей мере, на октаву выше):

— Только... О-о! Страшно, как страшно... Я боюсь себя!

Он пристально посмотрел на Кэшера. Успокоившись, опустил руки — явно усилием воли — и произнес почти нормальным голосом:

— Поехали?

Косиго вывел Кэшера в голый унылый коридор. В коридоре был сквозняк, хотя Кэшер не заметил даже намека на окна или двери. Они проследовали по величественной лестнице с широчайшими ступенями — Кэшеру здесь пришлось прибавить шаг — на самый нижний этаж. Наверное, когда-то здесь проводили официальные приемы. Сейчас зал занимали машины. Необычные машины.

Таких наземных транспортеров Кэшер раньше не видел. Они немного напоминали древние боевые танки из старинных фильмов. Еще они были похожи на уродливые подводные лодки на высоких колесах со спицами. Но самой сложной частью были гигантские винты-штопоры, по четыре с каждой стороны, прикрепленные к корпусу посредством мудренного приспособления. Поскольку Кэшер на планету высадился сразу из плосколета, у него не было пока случая выйти наружу и познакомиться с торнадо Генриады. Управляющий в комбинезоне со знаками отличия своего ранга ждал в гараже. Кэшер вежливо кивнул. Он бросил взгляд на изящные часы с метрическим циферблатом — Косиго пристегнул ему эти часы на запястье, — они показывали 3.95. Кэшер еще раз кивнул Ранкину Майклджону и сказал:

— Сэр, я готов ехать, если и вы готовы.

— Смотри в оба! — прошептал ему в затылок Косиго.

— Можно отправляться, — проблеял управляющий.

Кэшер хладнокровно промолчал. Неужели управляющий снова пьян? Он спокойно подождал, пока управляющий первым сядет в ближайший транспортер — дверца была уже открыта. Ничего не произошло, только лицо управляющего стало бледнеть. В гараже было человек восемь. Кроме Кэшера, все, должно быть, наблюдали зрелище не в первый раз, потому что не выказали ни удивления, ни любопытства. Белый как смерть, управляющий начал дрожать. Это было заметно даже сквозь толщу дорожной экипировки. Руки у него ходили ходуном.

— А нож? Нож с вами? — не в силах справиться с волнением, спросил управляющий тонким голосом.

Кэшер кивнул.

— Покажите мне нож.

Кэшер нагнулся и вытащил из ножен в сапоге превосходное, идеально сбалансированное лезвие. Не успел он выпрямиться, как тяжелая ладонь Косиго сдавила его плечо.

— Хозяин, попросите гостя убрать оружие. В нашем присутствии нельзя доставать оружие любого вида.

Кэшер попробовал освободить плечо, не теряя достоинства и равновесия. Оказалось, Косиго тоже знаком с каратэ. Начался бесшумный, почти незаметный со стороны по-

единок. Плечо Кэшера дергалось в стороны. Однако Косиго не терял захвата, мощно утопив пальцы в мышцах.

Управляющий остановил состязание.

— Э... э... уберите нож, — распорядился он смешным блеющим голоском.

Часы показывали почти 4.00, в транспортер еще никто не сел. — Хозяин, пора выпить на посошок?

— Конечно, конечно, — затараторил управляющий. К нему почти вернулся нормальный вид.

— Присоединяйтесь! — предложил он Кэшеру. — Местный обычай.

Кэшер сунул нож в сапог. Косиго отпустил плечо. Кэшер помассировал травмированную мышцу. Он ничего не сказал, только чуть повел головой: пить он не хотел.

Робот подал стакан, вмещающий литра полтора жидкости. Управляющий вежливо переспросил:

— Так вы не будете?

Стакан был близко, и Кэшер ощутил запах: чистый байгар! 160 градусов гарантированы. Он еще раз покачал головой, вежливо, но твердо. Управляющий поднял стакан.

Кэшер смотрел на сокращающиеся мышцы шеи, которые проталкивали вниз огненную жидкость, в перерывах между глотками доносилось громкое сопение. Уровень содержимого в стакане быстро понижался. Наконец, сосуд опустел.

Наклонив голову, управляющий искоса посмотрел на Кэшера и прохрипел голосом попугая:

— Ну, тудди-оу!

— Что это значит, сэр? — удивился Кэшер.

По лицу управляющего разлилась самодовольная улыбка. Странно, что он еще держался на ногах.

— Я хочу сказать “До свидания!” — мне что-то... не по себе.

С этими словами он рухнул лицом вперед, как столб. Слуга, очевидно, тоже забывщик, как Косиго, подхватил хозяина на лету.

— Он всегда это делает? — поинтересовался Кэшер у вама, который стоял рядом с презрительной миной.

Только в аналогичные моменты.

— Как это понимать?

— Когда отправляет в Бьюрегард очередного кандидата. Они не возвращаются. Вы тоже не вернетесь. Могли бы

улететь вчера, а теперь поздно. Попробуйте все-таки ее убить. Если получится, встретимся здесь в 5.25. Честное слово, если вы вернетесь, я попробую разбудить даже с а м о г о! Только вы не вернетесь. Удачи! Она вам крайне необходима. Удачи! Не снимая перчаток, Кэшер обменялся рукопожатием с замом. Косиго успел забраться в кресло водителя и проверял электромоторы. Громадные штопоры плавно пошли вниз, но не коснулись пола. Косиго вернул спирали в прежнюю позицию.

Кэшер полез в машину, провожающие бросились в укрытие. Двое слуг тащили вверх по лестнице управляющего, зам торопился следом.

— Пристегни ремни, — распорядился Косиго.

Кэшер нашел ремни, щелкнул замками.

— И для головы.

Кэшер уставился на Косиго. Что за новости?

— На потолке, сэр. Тяните на себя, сетку пропустите под подбородком.

Кэшер поднял глаза.

Прямо над головой к потолку кабины была прикреплена сетка. Он потянул, сетка не поддавалась. Рассердившись, он потянул сильнее, и сетка неохотно подчинилась. “Дердери, они меня хотят повесить?!” Сетка была шириной в пятнадцать-двадцать сантиметров, с каждой стороны крепился ремешок. Кэшер оказался в смешном положении: он обеими руками держал оттянутую сетку, как пружину эспандера, не в состоянии понять, что с ней делать. Косиго нетерпеливо повернулся и помог подогнать сетку. Сначала сеть сильно давила — казалось, голову тянет вверх груз-блок.

— Не напрягайся, — посоветовал Кэшеру Косиго. — Не сопротивляйся, расслабь мышцы.

Кэшер послушался. Голову оттянуло в гнездо из пено-резины в высокой спинке сиденья, которого Кэшер раньше не замечал. Пару секунд спустя он почувствовал, что поза непривычная, но удобная и даже приятная. Косиго надел свою сетку, включил фары. Они вспыхнули, как лазеры, Кэшер испугался, что свет испепелит ворота. Очевидно, ворота реагировали на свет. Створки разошлись, и бурный поток ветра и мелкой растительности ворвался в гараж. Но это еще не ураган. Машина тяжело тронулась, но потом

довольно быстро выкатила на дорогу. Небо было коричневое, светящееся, очень яркое, кое-где прошитое желтым. Ни на одной планете Кэшер не видел такого неба, а он за время изгнания попутешествовал немало. Косиго, всматриваясь вперед, с трудом держал транспортер на черном смолистом полотне дороги.

— Гляди в оба! — произнес голос прямо в голове Кэшера.

Голос Косиго. В шлеме был встроенный интерком.

Кэшер глядел в оба, но ничего не видел, кроме бешеного ветра. Вдруг стало темно, транспортер перевернуло вверх дном, затрясло, маслянистое зловоние пропитало кабину. Косиго выдвинул консоль с кнопками; снаружи — сквозь ветровое стекло и бортовые иллюминаторы — ослепительно полыхнуло пламя. Бой кончился скорее, чем начался. Транспортер лежал в каком-то болоте. Метрах в тридцати чернела дорога. Заскрежетало, транспортер принял нормальное положение. Громкий чмокающий звук, снова скрежет. Кэшер увидел, как спирали вгрызаются в грунт. Машина приобрела устойчивость под градом веток, листьев и, кажется, бурых пучков ламинарий. Скромных размеров торнадо промчался над ними.

Косиго сделал передышку, повернулся к Кэшеру.

— Нас проглотил ветрокит, пришлось прожигать ход наружу.

— Кто?! — воскликнул Кэшер.

— Ветрокит, — терпеливо повторил Косиго в интерком. — На Генриаде нет туземной жизни. Завезенные же земные виды сильно изменились. Смерчи так часто поднимали китов из воды, что некоторые особи приспособились жить в воздухе. Киты были плотоядными, а теперь питаются наземными машинами с начинкой. Пока они нам не опасны — при условии, что мы вернемся на дорогу. Есть еще дикари-ветровики, их тоже пока не стоит опасаться — пока транспортер работает. Я сейчас попробую вывинтиться и вернуться на шоссе. До Амбилокси недалеко. Обратный путь оказался долгим, хотя шоссе было хорошо видно. Сначала транспортер угрожающе накренился вперед, на консоли замигали красные огоньки, зажужжал зуммер. Спицы громадных колес беспомощно месили грязь, транспортер въедался в топь.

— Держись теперь! — крикнул Косиго. — Будем отстреливаться!

Болото вскипело, из-за пара видимость совсем исчезла. Косиго переключил ветровое стекло на радарное зрение, но и радар ничего не показал, кроме юрких серых призраков. Машина болезненно дергалась, выбираясь на твердую почву. Консоль загорелась зеленым, Косиго бросил управление. Они были на старом месте, среди коралловых деревьев и обугленных внутренностей ветроки-та на ветвях.

— Попробуй еще, — решил Косиго, как будто от Кэшера что-либо зависело. Косиго пощелкал клавишами, транспортёр вырос на несколько футов. Гидравлические спицы колес удлинились до полутора метров каждая. Транспортёр стал похож на велосипед. Ветер дул очень сильно, но смерчей в поле зрения не замечалось.

— Поехали! — сообщил Косиго. Транспортёр помчался к шоссе напролом, продираясь сквозь растительность. Зубодробительный удар — вторая попытка прорваться тоже провалилась. От удара Кэшер не сразу понял, что случилось и где они. Он был благодарен шлему и сетке, спасшим шею. Без ремней и сетки такой удар прикончил бы его. С точки зрения Косиго, поездка проходила нормально. С невозмутимой улыбкой древнего индуса забывщик констатировал:

— Врезались в валун, упали набок. Попробуем еще раз.

— А машина не поломается? — неуверенно выдавил из себя Кэшер.

— Вряд ли, — со смехом отвечал Косиго. — Мы — самые ломкие в ней детали.

Снова плюнуло в землю пламя, теперь из боковых сопел. Транспортёр закачался, встал на четыре колеса. Косиго включил радар — из-за ракетного пара ничего не было видно.

— Вот оно, шоссе, рукой подать! Еще раз! — воскликнул он, и транспортёр рванулся к дороге, исполняя истинный балет на болоте: бросок, торможение, поворот на месте, вспомогательный удар ракетами, потом вплюв.

Кэшер увидел опрокинутый конус смерча в полукилометре. Смерч подбирался к машине.

Косиго угадал мысль Кэшера и сказал:

— Найдите ответ задачи: кто первым будет на шоссе: мы или он?

Транспортер подпрыгивал, кренился, вертелся волчком.

В ветровое стекло Кэшер уже ничего не видел, но Косиго, наверное, знал, что делает. Тошнота в животе, падение, удар — и скрежет ножей.

Косиго, не моргнув глазом, отстегнул сетку и с улыбкой повернулся к Кэшеру.

— Смерч догонит нас через минуту, но это не страшно. Мы на шоссе, я уже привинтил машину.

— Привинтил? — выдохнул Кэшер.

— Теми большими винтами по бокам. Они предназначены для ввинчивания в дорогу. Все местные дороги из неоасфальта, они самовосстанавливаются. Когда исчезнет последний человек на последней планете, они останутся. Хорошие дороги. — Помолчав, он добавил: — Ураган идет.

Ветер ударил транспортер, но машина сидела плотно, словно срослась с дорогой. Косиго нажал две кнопки, повернул верньер, прищурился, оценил показания приборов и нажал на большую кнопку возле сиденья. Взрыв, как от динамитной шашки. Кэшер открыл было рот, но Косиго остановил его жестом и быстро завертел диски на консоли. Изображение на ветровом стекле поблекло и выцвело, возникла карта — ярко-красная, с четкими золотыми линиями. По карте рассыпалась дюжина ярких световых кружков. Косиго пристально их рассматривал. Потом карта померкла, затянулась рябью, растворилась в красном хаосе. Косиго ткнул в кнопку, ветровое стекло снова стало прозрачным.

— Что это было?

— Маленькая радарная ракета. Я установил высоту в двенадцать километров, чтобы посмотреть на погоду. Смерчи гуще обычного, но мы доедем. Вы обратили внимание на верхний правый край?

— Верхний правый? — переспросил Кэшер.

— Да. Видели, что там было?

— Ничего, — ответил Кэшер, — ничего там не было.

— Совершенно верно. Что это значит?

— Не понимаю, — удивился Кэшер. — Это значит, что там ничего нет.

— Опять верно. И я вам скажу — там никогда ничего не бывает.

— Чего не бывает?

— Ничего. Никаких смерчей. Это к востоку от Амбиклоси. Бьюрегارد. Там ничего не происходит.

— Не бывает плохой погоды? Никогда?

— Никогда, — подтвердил Косиго.

— А почему?

— О н а не разрешает, — невозмутимо объяснил Косиго, как будто этим все было сказано.

— Там работают погодные машины? — Кэшер ухватился за единственное рациональное объяснение.

— Да.

— Каким образом?

— Она платит за них.

— Как она может платить за погодные машины?! — воскликнул Кэшер. — Генриада — банкрот!

— Только не та часть, которая принадлежит ей.

— Хватит наводить тень на плетень! — сказал Кэшер. — Кто она такая? Что здесь происходит? Расскажите, наконец!

— Цепляйте сетку, — посоветовал Косиго. — Я не загадки загадываю, меня просто просили не болтать.

— Потому что ты забывщик?

— А это причем? Не надо так со мной разговаривать. Я не животное, не квазичеловек. Я ваш слуга на несколько часов, но я — ч е л о в е к. Скоро все узнаете. Держитесь!

Транспортер затормозил, шипы вгрызлись в упругий неоасфальт. Винты тут же воткнулись в покрытие и завертелись. Кэшер испугался, что глаза выскочат из орбит из-за инерции торможения, потом он почувствовал удар смерча и вцепился в подлокотники. Смерч дернул транспортер, потом еще и еще. Винты-штопоры держали, Кэшер чувствовал напряжение машины, сопротивление всасывающей силе торнадо.

— Спокойно! — прокричал сквозь бурю Косиго. — Я помогаю винтам, включаю сопла на крыше. Эти машины с дороги трудно скосырнуть.

Кэшер попробовал расслабиться.

Хобот смерча, словно живой хищник, дернул машину еще пару раз и ушел прочь. На этот раз ветрокитов Кэшер

не заметил. Только дождь, ветер и ураган листьев. И пустота. Вихрь ушел. Какие-то прозрачные силуэты устремились за ним в погоню гигантскими гарцующими прыжками.

— Дикари, — пояснил Косиго, без интереса взглянув на них. — Приспособились жить на Генриаде. Они почти животные. Мы уже близко к землям госпожи, и здесь они нападать побоятся.

Кэшер О'Нейл был больше не в состоянии задавать вопросы.

Транспортер вывинтился и помчался по узкому извилистому неонасфальтовому шоссе. Казалось, машина сама была рада движению и хорошей работе.

V

Кэшер не заметил, когда воющая ураганная пустыня Генриады перешла в прекрасные безмятежные владения господина Мюррея Мадигана. Он помнил свое ощущение, но не мог вспомнить самого момента. Городишко Амблоски не оставил следа в его памяти: он был таким обычным, таким старомодным. Вдоль дощатых тротуаров сидели старики, судачили и глазели на приезжих. Послеполуденный покой. Между машинами вдоль главной улицы стояли на привязи кони. Мирная картинка из древнего прошлого.

Ураганов и смерчей не было в помине, так же как упадка и разрушения, типичного для мест вокруг особняка Ранкина Майклджона. Квазилюдей и роботов попадалось мало — или же они были очень ловко скрыты под обликом людей и в толпе совершенно не выделялись? Ну как запомнить такое место — тихое и заурядное? Даже дома были нормальные, без укреплений. Об ураганах здесь не знали. Тех самых, что привели некогда процветающую Генриаду в нынешнее жалкое состояние. Косиго, имевший обыкновение констатировать очевидное, отметил:

— Погодные машины. Они работают здесь. Другие предосторожности не нужны. Но остановку в городке он делать не стал — ни для отдыха, ни для заправки, ни чтобы перекусить. Он ловко вел громадину-бронетранспортер, ко-

торый выглядел нелепо среди мирных и беззащитных местных машин, вел уверенно, как по хорошо знакомому маршруту, извезженному уже не раз.

За городской чертой он прибавил скорость, но не слишком — от смерчей убежать не было нужды. Пейзаж был земной: много влаги и зелени. Вдоль шоссе стояли старые башни противоракетных радаров. Кэшер не мог понять, зачем они здесь нужны. Судя по виду, башни давно отжили свой век.

— Зачем здесь противоракетные радары? — спросил он, наслаждаясь возможностью вертеть головой, — сетку он давно отстегнул.

Косигο посмотрел на него страдальческим взглядом.

— Противоракетные радары? Не знаю такого слова, но, кажется, должен бы знать...

— Радар — это устройство, которым ты пользовался во время урагана, чтобы видеть препятствия на пути.

Косигο вовремя взглянул на дорогу — они чуть не врезались в дерево.

— Это? Так это искусственное зрение. А почему вы его называете “противоракетным радаром”? Этих штук здесь больше нет — только на этой машине и у хозяйки, может, она сейчас видит нас на своем приборе.

— Башни, — показал Кэшер. — Они похожи на древние противоракетные радары.

— Башни? Никаких башен здесь нет.

— Смотри, — воскликнул Кэшер, — вот еще две!

— Это не постройки. Это же коралл. Люди завезли на планету коралл, некоторые виды мутировали, научились добывать пищу из воздуха. Их высаживали для стен-ветроломов, пока не махнули рукой на Генриаду. Пользы от них никакой, зато красивые.

Несколько минут они ехали молча. С высоких деревьев свисали бороды испанского мха. До моря было уже недалеко. То справа, то слева мелькали болотца. Здесь, куда смерчи не допускались, местность выглядела, как парк. Поместье Бюрегард казалось уникальным местом на Генриаде — кусочек тихой дикой природы на планете, летящей к краху и безлудью. Даже Косигο повеселел, направляя транспортер вдоль насыпного полотна шоссе. Наконец он наклонился к консоли, вздохнув, повозился с кнопками,

и транспортер остановился. Косиго спокойно обернулся и посмотрел Кэшеру в глаза. — Нож не потеряли?

Кэшер машинально проверил — нож был на месте, в сапоге.

Он кивнул.

— Вы помните приказ?

— В смысле — убить девочку?

— Да, — сказал Косиго. — Убить эту девочку.

— У меня хорошая память. Можно было и не останавливаться, чтобы проверить.

— Хочу вам кое-что сказать. — Лицо индуса не выражало ни радости, ни злости. — Сделайте, как вам велели. Убейте ее.

— Прямо сразу?

— Сразу. Таков приказ.

— Это уже мое дело, — оборвал забывщика Кэшер. — Это на моей совести. Управляющий приказал тебе за мной следить?

— Управляющий — пьяный дурак, — проворчал Косиго. — Он меня мало волнует, не считая того, что я забывщик, а он мой хозяин. Но сейчас мы в ее владениях. И вы будете делать то, что она захочет. У вас приказ — убить. Отлично, убивайте.

— То есть, она хочет, чтобы ее убили?

— Нет, естественно, — раздраженно бросил Косиго, как взрослый, которому надоели вопросы не в меру любопытного малыша.

— Как же я могу ее убить, не разобравшись, что происходит?

— Она все знает. Себя, своего хозяина, эту планету. Знает меня и кое-что о вас. Не теряйте времени, убейте, как вам приказано. Если она захочет умереть, это от вас не зависит, не вам это решать. Это ее дело. Если она умирать не захочет, у вас ничего не выйдет.

— Хотел бы я посмотреть, — хмыкнул Кэшер, — кто сможет остановить атаку моего ножа. Вы ее предупредили?

— Никого я не предупреждал, но она знает, что мы близко, и можете не сомневаться, знает, для чего вас послали, не думайте об этом. Делайте, что вам велели. Вынимайте нож и нападайте. Она сделает все, что нужно.

— Но... — воскликнул Кэшер.

— Довольно вопросов, — отрезал Косиго. — Делайте, что вам приказали, и помните: все в ее руках, даже вы. Она обо всем позаботится.

Он включил мотор.

Менее чем через километр они пересекли невысокий гребень. Впереди лежал Бьюрегارد, особняк с белыми колоннами у края вод, сверкающий на солнце перголасом, с аккуратными двориками и невысокими пальмами.

Кэшер был не трус, но ладони у него стали влажными. Он понял, что через минуту-другую он совершит убийство.

VI

Транспортер свернул на подъездную дорогу и остановился. Воздух был чудесный, свежий, пахло морем и солью.

Кэшер выпрыгнул из машины и побежал к двери.

Ему приходилось убивать настоящих людей в настоящих драках. Неужели он не справится с животным? Он справится. Это всего лишь животное. Дверь его остановила. Не раздумывая, он попробовал открыть ее силой. Ручка не поддавалась, он поискал кнопку автозамка — напрасно. Никакого намека на замок или сигнал. Действительно, очень старомодный дом. Он несколько раз ударил в дверь кулаком, и она глухо загудела. Интересно, в доме что-нибудь слышно? За дверью — тишина. Он начал репетировать про себя фразу: "Мне необходимо видеть господина и хозяйина Мюррея Мадигана..."

Дверь открылась.

На пороге стояла девочка.

Он узнал ее. Он знал ее всегда. Она была его единственной любовью с самого детства, он любил только ее. Она была его сестрой, которой на самом деле у него никогда не было. Его матерью в молодости. Ей было лет двенадцать-тринадцать — чудесный возраст, когда ребенок уже не ребенок, но еще не взрослый. Добрая, спокойная, умная, понимающая, ждущая, кроткая. Она не испугалась

Кэшера. Она вообще ничего не боялась. Кэшер точно знал, что видит девочку в первый раз и одновременно чувствовал, что никогда не расставался с ней. Он услышал собственный голос. Он задал подготовленный вопрос, и пока задавал, пытался угадать, кто она. Дочь Мадигана? Ни Ранкин Майклджон, ни его зам словом не обмолвились о семье Мадигана.

Девочка смотрела на него спокойно.

Кажется, он уже договорил вопрос.

— Господин и хозяин Мюррей Мадиган никого не принимает сегодня, — сказала девочка. — Но вы можете говорить со мной. Она смотрела на Кэшера без страха, чуть с улыбкой.

— Кто ты? — пробормотал Кэшер.

— Я управляющая домом и поместьем.

— Ты?! — воскликнул он. В горле пульсировал сигнал тревоги.

— Меня зовут И'стина.

Кэшер не понял каким образом нож оказался в его руке. Он вспомнил управляющего. Бей! Режь! Беги! Она видела нож, но взгляд ее не дрогнул ни на долю секунды, она смотрела ему в глаза. Он смотрел на нее и не знал, что делать. Если она — квазичеловек, то самый необычный, каких он еще не видел. Но ведь Косиго сказал: "Делай, как тебе приказано". Велел ему убить эту девочку по имени И'стина. Она стояла перед Кэшером, но он не мог ее убить. Он подбросил нож, поймал его за кончик лезвия и рукоятью вперед протянул ей.

— Я послан убить тебя. Но почему-то не могу. Плакал мой крейсер.

— Убейте, если хотите, — спокойно предложила она. — Я не боюсь. Кэшер не ожидал такого. Он перехватил нож в левую руку, поднял, приготовился ударить.

Его рука упала, как плеть.

— Не могу, — всхлипнул Кэшер. — Что ты со мной сделала?

— Ничего. Ты не хочешь убивать ребенка, а я кажусь тебе ребенком. И ты, кажется, любишь меня. Если так, то тебе в самом деле тяжело.

Кэшер услышал звон ножа — пальцы разжались сами собой. Он никогда раньше не ронял ножей.

— Кто ты? — прошептал он, — и зачем ты это делаешь со мной?

— Я это я. — Голос был тихий и радостный, как у ребенка, когда он доволен и счастлив. — Я управляющая домом и, кажется, всей этой планетой. — Она улыбнулась, как проказливый эльф, потом заговорила серьезно: — Человек, разве ты не видишь, человек? Я — животное, просто черепаха. Я не могу послушаться человека. В детстве в меня впечатали инструкции, и я буду исполнять их, пока живу. Ты странный. Я смотрю на тебя, и, кажется, ты уже меня любишь, но сейчас не знаешь, как поступить. Подожди, надо отпустить Косигу.

Нож блестел у нее под ногами, и она переступила через него.

Косигу вылез из транспортера, вежливым поклоном приветствовал Истину.

— Скажи, — воскликнула она, — что ты только что видел?

Казалось, они играли в хорошо знакомую обоим игру.

— Кэшер О'Нейл поднялся к двери, вы лично открыли ему. Он ударил вас ножом в горло, было много темной крови. Вы умерли на пороге. Ничего не сказав, Кэшер О'Нейл вошел в дом. Почему — не знаю. Я испугался и уехал.

Косигу совсем не выглядел испуганным.

— Если меня убили, как же я могу с тобой разговаривать?

— Не спрашивайте меня об этом, — воскликнул Косигу. — Я просто забывщик. Каждый раз, когда вас убивают, я возвращаюсь к почтенному Ранкину Майклджону и рассказываю чистую правду обо всем, что видел. Он дает мне спецтаблетки, и я рассказываю еще кое-что. Он мрачнеет и напивается, как всегда.

— Как жалко, — сказала девочка. — Если бы я могла ему помочь! Но он не придет в Бьюрегард.

— Он? — захохотал Косигу. — Нет, только не он! Никогда! Он будет посылать других, чтобы они вас убили.

— И ему всегда будет мало, — печально добавила Истина. — Сколько бы они меня ни убивали!

— Всегда! — весело согласился Косигу и залез в транспортер. — Ну, пока!

— Погоди! — окликнула она его. — Может, немного поешь? Погода сегодня плохая. На дороге скопление смерчей.

— Только не это. Он меня накажет, сделает забывщиком еще раз. Слушайте, может, так уже и было? — в голосе его зазвучала надежда. — Истина, Истина, скажи мне!

— Допустим, я скажу. Что произойдет?

Косиго опечалился.

— Начнутся судороги, я упаду без памяти, все забуду. Ну ладно, поеду я. Рискну пробиться. Если вы вдруг встретите Кэшера О'Нейла, — сказал он, глядя прямо сквозь Кэшера О'Нейла, — передайте ему, что он мне понравился, но только больше мы не увидимся.

— Я передам, — ласково пообещала девочка, провожая Косиго взглядом.

Смуглый верзился взобрался на место водителя, крыша плавно опустилась. Завертели колеса, и мгновение спустя транспортер исчез за зеленью маленьких пальм вдоль подъездной дороги. Пока Истина разговаривала с Косиго, Кэшер внимательно смотрел на нее. Худенькие плечи под тонкой голубой тканью простого платья-сорочки из полупрозрачной материи, даже видны были трусики. Бедра еще не начали как следует округляться. Он видел ее в полупрофиль, видел гладкую нежную кожу щеки, аккуратно причесанные волосы, набухшие почки грудей. Кто она? Этот ребенок, повелевающий, как императрица?

Она нежно и виновато улыбнулась ему.

— Мы с Косиго каждый раз повторяем всю историю. Майклджон ему не верит и месяцами планирует новое покушение. Наверное, это нельзя назвать покушением, я не человек и мне все равно, но у меня приказы, очень серьезные, и я должна думать о доме и моем владельце.

— Сколько тебе лет? — спросил Кэшер и добавил: — Если тебе можно говорить правду.

— Мне ничего, кроме правды, говорить нельзя. Я не умею говорить неправду. Мне — девятьсот шесть земных лет.

— Девятьсот шесть?! — воскликнул Кэшер. — Но ты выглядишь ребенком!

— Я и есть ребенок. И не ребенок. Я черепаха, превращенная в человека силой земной науки. После трансформации мой нормальный срок жизни удлинился в триста

раз. Обычно черепахи живут триста лет. А я проживу девяносто тысяч. Иногда об этом страшно думать. Кэшер О'Нейл счастливо умрет от старости, а я по-прежнему буду каждый день открывать по утрам шторы. Но что же мы стоим на пороге? Пройдем в дом, я прикажу подать что-нибудь... Ты ведь никуда не спешишь?

Кашер последовал за И'стиной в дом и спросил с тревогой:

— То есть, я пленник?

— Да, но не мой. Свой собственный. Можешь спокойно пройти через все поместье, но что потом? Смерчи подхватят тебя и умчат к безвестной гибели, даже следов никто не отыщет.

Она ввела его в большую старинную комнату со светлой деревянной мебелью. Кашер испытывал робость. Нож он сунул в сапог еще в холле. Теперь, сидя напротив своей жертвы, он чувствовал, как все это странно...

И'стина казалась безмятежной. Она взяла со старомодного круглого столика медный звоночек и позвонила. В коридоре послышались легкие женские шаги, и в комнате появилась горничная в черном платье и белом фартуке. Таких горничных Кэшер видел в исторических драмокубах, но не представлял, что встретит когда-нибудь во плоти.

— Сейчас мы поужинаем, — сказала И'стина. — Вам чай или кофе? У меня есть вина, пиво, даже две бутылки виски с самой Земли.

— Кофе — это как раз то, что нужно, — сказал Кэшер.

— А мне как всегда, Юнис, — приказала И'стина горничной.

— Да, мэм. — Горничная удалилась.

Кэшер подался вперед.

— Она человек?

— Безусловно.

— Тогда как она может работать на квазичеловека? Я хочу сказать... Это незаконно.

— Только не на Генриаде.

— Каким образом? — настаивал Кэшер.

— На Генриаде я сама устанавливаю законы.

— А правительство?

— Его больше нет.

— Содействие?

И'стина нахмурилась. Мудрый ребенок, отгадывающий загадку.

— Об этом вам больше известно. У них свой управляющий, им некуда было его пристроить, и, чтобы он не умер от скуки, хотели его чем-то занять. Но настоящей власти арестовать или убить меня у него нет. А на меня Содействие не обращает внимания. Мне кажется, пока я их не трону, они оставят меня в покое.

— Но как же законы? — не унимался Кэшер.

— Содействие не настаивает на их соблюдении здесь, в Бьюрегарде или в Амбилокси. Они мне разрешают управлять этим районом, и я стараюсь, как могу.

— А эта женщина? Откуда она? Содействие выдало тебе лицензию?

— Нет, — засмеялась И'стина, девочка-королева. — Она тоже пришла убить меня, двадцать лет назад. Она была забывщицей, деваться ей было некуда, и я научила ее работать горничной. У нее контракт с моим владельцем, зарплата ежемесячно переводится на местный спутник. Она может уехать в любой момент, но не думаю, что она захочет.

Кэшер вздохнул.

— Трудно поверить. Ты ребенок, и тебе почти тысяча лет. Ты квазичеловек и отдаешь приказы целой планете.

— Только, когда это необходимо! — перебила его И'стина.

— Ты мудрее тех людей, которых я встречал, но выглядишь ребенком. А как ты сама к себе относишься?

— Как к ребенку, которому тысяча лет. С памятью, знаниями и опытом одной очень мудрой благородной дамы, отпечатанной прямо в моем мозгу.

Кэшер передвинулся на самый краешек кресла. Он пристально посмотрел на девочку. Он видел перед собой ребенка, девочку, которую он любил, но одновременно испытывал перед ней робость, и даже страх. Более могущественного создания он не встречал за всю свою жизнь.

Она смотрела на него с нежной и загадочной полуулыбкой женщины, и лица их купались в желтом утреннем свете Генриады.

— Я начинаю понимать, — начал Кэшер. — Тебе необходимо стать самой собой. Но как странно, здесь, на забытой планете...

— Генриада — необычный мир, — согласилась она. — И я тебе кажусь странной. Но ты прав: всем нам необходимо стать самими собой. Но разве не в этом смысл свободы? Каждый должен быть кем-то, и свобода — в поиске ответа: кем быть? А потом в исполнении предельного назначения, нашей миссии. Разве не так? Как ужасно — быть кем-то и не знать кем!

— Например?

— Например, Косиго. Он был великим королем, хорошим королем на далекой планете, где еще нужны короли. Но совершил непростительную ошибку, и Содействие превратило его в забывщика, выслало на Генриаду.

— Так вот в чем его тайна! — задумчиво произнес Кэшер. — А я?

Она спокойно, но твердо посмотрела на него, прежде чем ответить.

— Ты тоже убийца и все время ищешь оправдания.

Как это похоже на правду! А он никак не мог понять, откуда его мучительные раздумья над тем, что такое справедливость — всего лишь маска мести или нечто совсем другое.

Он вздохнул и замолчал.

— У меня есть работа для тебя, — заявила необыкновенная девочка.

— Работа? Здесь?

— Да. Это похуже убийства, намного. И ты согласишься, Кэшер, если хочешь уйти отсюда раньше, чем я умру через восемьдесят девять тысяч лет. — Она посмотрела вокруг. — Тсс! Юнис идет, не хочу ее пугать — ведь тебе придется совершить ужасную вещь.

— Здесь? — как в бреду, повторил Кэшер. — В этом доме?

— Прямо в этом доме, — громко подтвердила она.

В этот момент Юнис внесла громадный поднос с тарелками и двумя кофейниками. Кэшер уставился на женщину, которая с таким усердием прислуживала трансформированному животному. Но ни Юнис, озабоченно накрывавшая стол, ни И'стина, женщина-черепашка, отдавшая распоряжения своей служанке, не обращали на него ни малейшего внимания. Слова И'стины звенели в мозгу. "Прямо здесь... хуже, чем убийство..." Бес-

смыслица. Такая же, как ужин до пяти по метрическому времени.

Он вздохнул, они посмотрели на него. Юнис — с любопытством, И'стина — заботливо.

— Он лучше остальных, мэм, — заметила Юнис. — Обычно они так падают духом, когда оказывается, что убить госпожу они не могут.

Кэшер не сдержался:

— А они все здесь? Все неудавшиеся убийцы?

— Большинство, сэр.

— Он профессионал, Юнис, настоящий убийца. Поэтому быстро пришел в себя.

Юнис повернулась к Кэшеру и с удовольствием произнесла:

— Настоящий профессионал! Очень приятно познакомиться, сэр. В большинстве своем — это неуклюжие любители. Хозяйке приходится их исцелять, только потом им можно найти занятие.

— И они остаются здесь?

— Если с ними ничего не случается, как со мной. А что делать? Возвращаться к управляющему Ранкину Майклджону?

Имя она произнесла с откровенным презрением. После этого Юнис сделала реверанс, поклонилась И'стине и покинула комнату. И'стина дружелюбно смотрела на Кэшера О'Нейла.

— Лучше займись ужином, плохие новости — плохая приправа. Когда я говорила: “Хуже, чем убийство”, то имела в виду, что это с точки зрения женщины. В доме маньяк-убийца. Он гость, его защищает закон Старой Северной Австралии. То есть мы не можем его убить или выгнать, но мы с тобой вместе, надеюсь, сможем его напугать, остановить, чтобы он перестал досаждать моему хозяину. Ни вылечить его, ни полюбить я не могу. Рассудок его помутился, на чувства его невозможно воздействовать. Единственное средство тут — страх, чистый, стопроцентный ужас. Для этого необходим мужчина. Если ты мне поможешь, я тебя щедро награжу.

— А если нет? — поинтересовался Кэшер.

Она опять взглянула на него, словно хотела проникнуть в самую глубину его души, и он опять почувствовал

сладкую дрожь, привкус мужского желания — как тогда, в первый момент встречи, на пороге дома.

Они перестали смотреть друг на друга.

Истина уставилась в пол.

— Я не умею лгать, — сказала она печально. — Если ты не поможешь, придется испытать иной способ. Будешь жить в доме, есть, пить, спать, пока тебе не станет смертельно скучно и ты не начнешь просить работы. Еще я могла бы тебя влюбить в себя, — она вдруг покраснела от макушки до плеч. — Но это нехороший способ. Я не стану так делать. Итак, или ты заключаешь со мной сделку, или нет. Тебе выбирать. Но сначала давай поедим. Я даже размышляла, не окажешься ли ты тем, кому повезет. Как было бы жутко — бросить моего хозяина совсем одного!

И она налила Кэшеру кофе.

VII

Несколько раз Кэшер пытался вернуть разговор в русло предстоящего дела, но Истина уводила его в сторону, болтала о всяких пустяках. Она даже заставила Кэшера перейти к огромному окну, откуда хорошо были видны дали за болотистыми низинами и заливом. На горизонте небо становилось темным и было усеяно вертикальными извивающимися червями. Это смерчи утюжили Генриаду за пределами воздействия погодных машин Истины. Она предложила ему полюбоваться фантастическими коралловыми замками, выросшими со дна залива; показывала ему семью ветровиков, которые повадились таскать яблоки из ее сада. Но или глаза Кэшера не привыкли к ландшафту, или зрение Истины было намного острее, только ветровиков он так и не увидел. Планета была богата водой. Если бы не ее неудачное положение из-за пространственных ям, сама вода могла бы стать предметом экспорта. Человечество старалось, выращивало на Генриаде ламинарии, они шли в пищу, возмещая фосфор и железо, которых часто не хватало в инопланетных рационах; пыталось исправить климат погодными машинами. В конце концов, Содействию пришлось махнуть на Генриаду рукой. Импорт

на планету не покрывался ее экспортом. Субсидии превысили все обычные размеры. Земные организмы перестраивались здесь слишком энергично. Животные и растения облучались в новые формы, принимая вызов ураганов, дождей, непривычной химии и особого радиоактивного фона. Киты-касатки начали летать, кораллы — расти на открытом воздухе. Унесенные ветром дети иногда выживали, давая начало дикому племени ветровиков, морские медузы стаями бороздили небо. Недавние жители Генриады за умеренную плату арендовали другую планету у одного переселенческого кооператива. Наладили экологию, переселились и жили припеваючи. На Генриаде же остались ураганы, несбывшиеся мечты и развалины.

Самой главной руиной был Мюррей Мадиган. Некогда землевладелец, джентльмен из джентльменов, богатейший человек на планете. Мадиган состарился, одряхлел, страдал слабоумием. Впереди маячила смерть или каталепсия. Смерть жены испугала Мадигана, и он предпочел каталепсию. Большую часть времени он был заморожен и спал с неощутимо бьющимся сердцем и замедленным обменом веществ. Иногда он просыпался на несколько часов или дней и жил нормально. Транс мог длиться неделями, иногда годами. Врачи Содействия осмотрели Мадигана — из научного любопытства — и признали, что подобный образ жизни законам не противоречит, хотя и является очень необычным. Они улетели, оставили Мадигана в покое. Личность его покойной жены, Агаты Мадиган, была целиком впечатана в девочку-черепашу. Это была преступная операция, но врачей щедро подкупили. Все это И'стина поведала Кэшеру во время неспешной трапезы.

В настоящем камине трещал настоящий древний огонь.

Она рассказывала, а Кэшер на нее смотрел — на нежные движения лопаток под тонкой голубой тканью, на такое детское и такое зовущее и мудрое лицо.

Кэшер, практически ничего о Генриаде не знавший, сейчас пытался справиться с мыслями, оценить сложную ситуацию, в которой оказался, и найти выход. Девочка И'стина необыкновенно влекла его, но с чем или с кем

предстояло еще столкнуться ему в этом доме? Военный крейсер его почти перестал интересовать. Ранкин Майклджон, управляющий-сумасброд, все равно ни шиша не даст, если Кэшер не выполнит его задание. Но и о задании он теперь почти не вспоминал. Он приехал в поместье Бьюрегард с определенной целью, но оказался в пути без пункта назначения. Годы горького опыта научили Кэшера одной истине: если замысел провалился, всегда остается проблема собственного выживания. Быть может, жизнь Кэшера О'Нейла еще что-то значила для родного Миззера, и тем или иным путем его возвращение могло принести настоящую свободу Двенадцати Нилам. На девочку он посмотрел другими, равнодушными глазами. Чем она может помочь ему в его планах? Или воспрепятствовать, стать на пути? Обещания ее слишком туманны, в грустном путанном мире реальной политики проку от них никакого. Кэшер просто старался расслабиться и получать удовольствие от присутствия И'стины и того необычайного мира, в котором он вдруг очутился. Прямо в окне перед ним раскинулся залив Эсперанца. На горизонте змеились многочисленные смерчи, пытались пробиться за границу воздействия погодных машин, оплаченных деньгами Бьюрегарда. Машины работали во всему берегу от Амбилокси до Моттиля. Берег задохнулся под толстыми слоями ламинарий — в прошлом ценного экспортного товара. Водоросли теперь стали обычным мусором. Какие-то развалины виднелись вдалеке — должно быть, там был завод по переработке ламинарий. Из-за коралловых замков было плохо видно.

И этот особняк... в чем его тайна?

Девочка-квазичеловек, трансформированная черепаха, сверхъестественно мудрый ребенок, она сама признала, что прошла противозаконную обработку мозга и что ее хозяин — живой труп; некий источник опасности в доме, о котором вслух не говорят; поместье, фактически заменившее правительство планеты — по непонятным причинам Содействие умыло руки, позволив правительству кануть в небытие. Почему? Отчего? И еще раз — почему?

Девочка-черепаха смотрела на него. Будь Кэшер студентом художественной школы, он бы сказал, что у нее загадочно-женственная улыбка мадонны, но Кэшер поня-

тия не имел о древних полотнах. Он мог сказать одно: только И'стина умела так улыбаться.

— Ты удивлен? — спросила она.

Он кивнул. Кроме слов, они ничего не могли дать друг другу, и поэтому он был несчастен.

— Ты не понимаешь, почему Содействие пропустило тебя на Генриаду?

Он снова кивнул.

— Я тоже не знаю почему.

Она взяла его правую ладонь в свою. Рука Кэшера казалась громадной волосатой лапой в ее изящной крохотной ладошке, но твердость взгляда и уверенность в голосе давали понять, что этим он а хочет ободрить Кэшера, а не наоборот. Его утешает р е б е н о к? Забавно, но это так.

Встревожившись, он неловко высвободил руку. Она сжала его ладонь в слабых нежных руках, и он не устоял, не смог сопротивляться. Вернулось чувство, поразившее его на крыльце особняка, он знал И'стину всегда и любил ее всегда. Кажется, на какой-то планете был такой сумасшедший культ, секта, они верили в бесконечные перевоплощения человеческих существ, когда память о минувших жизнях всплывает фрагментами. Не это ли происходит с Кэшером? Здесь и сейчас. Он никогда не видел этой девочки раньше, но знал ее всегда. Он никогда не любил ее, и все-таки от начала времен она была его единственной любовью.

Она сказала почти шепотом:

— Не спеши... не спеши... Смерть может скоро прийти за тобой. Я расскажу, как ее встретить. Но сначала я должна показать тебе самую прекрасную вещь в мире.

Ее рука ласково держала его руку, но Кэшер сердито произнес:

— Я сыт загадками по горло. На Генриаде все только и делают, что загадывают загадки. Управляющий послал меня убить тебя, и я провалил задание. Ты обещаешь сражение и вместо него угощаешь ужином. А теперь ты... Нет, если так будет продолжаться, я разозлюсь, а когда я злюсь, пользы от меня мало. Если нужно драться, то покажи, с кем и где. Сейчас же. Я готов. Улыбка-загадка, улыбка-тайна не дрогнула.

— Кэшер О'Нейл, — торжественно возвестила И'стина, — я хочу показать тебе твое самое главное оружие.

Левой рукой она потянула вверх тонкую золотую цепочку на шее и вытащила спрятанную под платьем на груди фигурку — изображение двух скрещенных брусков дерева и прибитого гвоздями к ним человека. Кэшер усталился на золотой медальон и зашелся истерическим смехом.

— Вот теперь вы меня прикончили, мэм, — выдохнул он. — Теперь от меня пользы ноль. Я ведь знаю, что это такое. Я так и подозревал. Договор робота, крысы и Копта во время их экспедиции обратно в Космос Три — Старая Крепкая Религия. Теперь ты внедрила ее в мое сознание, и первый встречный, почуяв это, сразу разделает меня под орех. Это не оружие, это залог поражения. Мне конец. Один раз я чуть не попал уже под Знак Рыбы, но мне удалось унести ноги. Это было очень давно.

— Кэшер! — крикнула она. — Приди в себя! Ты все забудешь еще до того, как покинешь Бьюрегارد! Это опасно! Он вскочил, он не знал, бежать без оглядки или снова сесть и рыдать над глупой и несчастной своей судьбой. Теперь ему поставят мозговое клеймо фанатика, а это означает вечный запрет на межзвездные полеты! И все из-за какого-то куска золота! Подумать только, если бы она ему не показала...

— Все не так плохо, как ты думаешь, — попыталась успокоить его девочка. Она тоже встала, с любовью заглядывая ему в глаза. — Посмотри — разве я боюсь?

— Нет, — признал он.

— Ты все забудешь, Кэшер, до того, как улетишь. Ведь я не просто девочка-черепаха, я — импринт Агаты Мадиган. Ты слышал о ней?

— Агата Мадиган? — Он медленно покачал головой. — Нет, никогда не слышал, никогда.

— А приходилось ли тебе слышать историю Хечизеры с Гонфалона?

— Еще бы! Я видел этот спектакль, — вспомнил Кэшер. — В основе его — древняя легенда о “ведьме космоса”, так ее называли. Одной силой гипноза она вызывала из пустоты целые боевые армады. Старая сказка. Это было давно.

— Тысяча сто лет — не так уж давно. Тысяча сто лет и четырнадцать месяцев ровно сегодня вечером. Он отошел к окну. Ужасный символ древней религии выбил его из колеи. Распространение религии с планеты на планету жес-

токо каралось, он это знал отлично. Что теперь делать? Ведь он видел изображение Распятого Бога. Полиция и таможенные роботы охотятся именно за такой контрабандой.

Содействие сквозь пальцы смотрело на многие вещи, но только не на контрабанду религий. Борьба с этой контрабандой велась беспощадно. И все равно религиозные идеи как-то просачивались с планеты на планету. Ходили слухи, что даже роботы и квазилюди бывали проповедниками различных религий, во что трудно было поверить. Повелители Содействия тщательно избегали контактов с фанатиками и заботились о том, чтобы пламя религиозного фанатизма не вспыхнуло снова, на этот раз среди звезд, неся иллюзорную надежду и великую погибель человечеству.

“Содействие делало мне только добро, своим большим безликим коллективным мозгом, — подумал Кэшер. — Но что теперь, когда сознание мое раскалено запретным знанием?” Голос девочки вернул его в действительность.

— Ты узнаешь ответ на вопрос, который тебя мучит, Кэшер, если выслушаешь меня. Я Хечизера Гонфалонская. По крайней мере, в той степени, насколько одно сознание может впечатываться на другом. Челюсть у него отвисла.

— Дитя, так в тебе действительно импринт Агаты Мадиган? На самом деле?

— Я умею все, что умела она, — тихо сказала девочка. — Кроме того, кое-что я узнала самостоятельно.

— Но я всегда думал, что это легенда... Если ты та жуткая волшебница с Гонфалона, мне здесь делать нечего. Я тебе не нужен, я ухожу.

Кэшер пошел к двери. Все было кончено. Отвратительный привкус поражения. Если она та самая “ведьма космоса” — она обойдется без него.

— О нет, ты не уйдешь, — остановила она его.

VIII

Неожиданно она возникла в дверях, преградив дорогу. В руке ее был золотой крест-распятие. Кэшер никогда не толкнул бы женщину, но сейчас он спешил и поэтому... Это был не человек, а железная статуя — и тело, и одеж-

да. Она не поддалась ни на миллиметр его напору. — Что теперь? — тихо спросила она.

Он посмотрел назад, увидел настоящую И'стину, девочку-женщину, она ласково улыбалась ему, стоя у окна. Внутренним чутьем он понял, что сдается. Он слышал о проецирующих гипнотистах, но с такими сильными никогда не сталкивался. Как она это делает? Или она сама не знает? Может, это рефлекс? Атавистическая способность, всплывшая из глубин черепашной генетической памяти, которую она сама не умеет объяснить? Способность, настолько тонкая и первобытная, что не поддается анализу?

— Я проецирую, — объяснила она.

— Я вижу, — мрачно сказал Кэшер.

— Я владею также телекинезом, — добавила она, и нож Кэшера выпрыгнул из сапога, поплыл в воздухе.

Кэшер машинально поймал лезвие за ручку, нож немного подергался в ладони, как будто находился возле больших магнитных двигателей. — Я умею ослеплять.

И комната погрузилась в кромешный мрак.

— Но я тебя не слышу! — крикнул он и зверем метнулся к ней на звук ее тихого дыхания.

Теперь он заметил, что симулакрум в дверях не издает никаких звуков, даже не дышит. Он знал: она рядом. Он хотел схватить ее за горло, только чтобы показать, что и он умеет играть в такие игры. — А еще я умею парализовать, — услышал он ее голос, который шел со всех сторон: от потолка, от пяти стен старинной комнаты, от открытого окна, от обеих дверей. Он оказался в невесомости, тело медленно вращалось. Он пытался сосредоточиться, найти среди хора фантомов настоящий голос, поймать И'стину на оплошности. — А сейчас ты будешь вспоминать, — сказала многоголосое эхо призраков.

Сначала он не понял. Что же это за оружие?

Через секунду он узнал.

Кэшер увидел дядю Курафа, как наяву увидел его апартаменты. На коленях пьяного старца сидела девушка, смеялась над ним и над Кэшером О'Нейлом. Когда-то Кэшер сильно страдал от жаркой подростковой тяги к половой любви и одновременно от страха перед невидимыми неписаными законами взаимных отношений мужчин и женщин, которые подразумевала любовь. Он боялся, что

что-нибудь будет не так. Кэшер-настоящий вспомнил Кэшера-тогдашнего, все самые мерзкие воспоминания вернулись к нему, беспомощному в гипнотической власти И'стины.

... Резня во дворце на Миззере. Полковники-заговорщики взяли Кахир, Курафу позволили бежать на Тиоль, планету наслаждений. Но соратники-сообщники Курафа, люди, развратившие старую республику Двенадцати Ниллов, не улетели! Ослепленные яростью солдаты вырезали всех. Кэшер вспомнил кровь. Липкую кровь на полу, темно-красные ручьи на коврах, фонтаны алой крови из белых распоротых глоток, бульканье, коричневые отпечатки ладоней на мраморе столов. Дворец пропитался теплым сладким запахом крови. Юный Кэшер тогда не знал, что в людях столько крови, что столько может вылиться на ароматные простыни, на столики с напитками и едой, собраться в лужи у холодеющих тел.

В конце бойни из дворца Курафа вынесли тысячу триста одиннадцать человеческих тел, в возрасте от двух месяцев до восьмидесяти девяти лет. Сам Кураф, принявший транквилизаторы, стоял у звездолета и ждал отправки в вечную ссылку, а Кэшер О'Нейл — сам Кэшер О'Нейл! — пожимал руку полковнику Веддеру, по приказу которого пролилось море крови. Рука была чистая, с ухоженными ногтями, только по краю манжета засохла чья-то кровь. Полковник Веддер не замечал этого или ему было наплевать.

— Укол и уход! — воскликнула И'стина из ниоткуда. Кэшер увидел, что стоит на четвереньках в той же комнате. К нему вернулось зрение, и теперь он видел, что комната не изменилась. И'стина улыбалась.

— Я выиграла.

Кэшер кивнул. Он еще не доверял голосовым связкам. Он взял стакан с водой, внимательно проверил: крови не было. Конечно, не было! Не сейчас, не здесь.

Он с трудом поднялся. И'стине хватило благоразумия не пытаться ему помочь. Она смотрела, как он жадно пьет воду, — мудрое дитя в простом голубом платье. Кэшер налил еще стакан. И только потом повернулся к ней и спросил:

— Это все ты?

Она кивнула.

— Сама? Без наркотиков и машин?

Она опять кивнула.

— Дитя! — воскликнул он. — Ты не человек! Ты целая боевая система! Да к т о же ты на самом деле?

— Девочка-черепаха по имени И'стина, верная и любящая слуга моего доброго владельца господина Мюррея Мадигана.

— Госпожа, — поклонился ей Кэшер, — вам почти тысяча лет. Я к вашим услугам. Я только надеюсь, что в конце концов вы дадите мне уйти с миром. И сотрете из моей памяти тот религиозный символ.

Не прерывая Кэшера, она взяла со стола медальон, которого Кэшер раньше не замечал. Может, это были старомодные часы или круглая коробочка на тонкой золотой цепочке.

— Смотри сюда, — велела девочка, — если ты мне веришь. И повторяй за мной...

— От твоего маятника у меня голова кружится, — сказал ей Кэшер. — Надень его обратно.

— Нет, Кэшер, это не тот.

— О чем шла речь? — вспомнил Кэшер.

— Ты не помнишь?

— Нет, — отрезал он. — Извини, опять есть захотелось.

Он проглотил рогалик, глазированный сахаром и украшенный фруктами, запил водой.

— Что теперь?

Она смотрела на него, и в ее взгляде светилось бесконечное милосердие.

— Не спеши, Кэшер. Минута, час — значения не имеют.

— Ты ведь хотела, чтобы я с кем-то сразился?

— Правильно, — удивительно спокойно подтвердила она.

— Кажется, я здесь дрался, — с глупым недоумением припомнил он вдруг.

Она хладнокровно посмотрела вокруг.

— Непохоже, чтобы в этой комнате дрались, не так ли?

— Именно, крови нет. Совсем нет.

— Совершенно верно.

— Но почему мне кажется, что была драка?

— Климат Генриады. Он иногда оказывает угнетающее воздействие на психику приезжих. Нужно время, чтобы адаптироваться, — мягко пояснила И'стина.

— Если драки не было, значит, будет?

Старинная дубовая мебель начала вращаться вместе с комнатой. Странное солнце за окнами заливало желтым светом низины, топи, залив, уходящий к границе страны вольных диких смерчей, где не властвовали погодные машины. Кэшер поежился. И'стина стояла гордо, как правящая королева. Юные бутоны грудей чуть выдавались под скромным платьем, на ногах — золотые туфельки без каблуков, на шее — золотая цепочка, убегающая за ворот платья. Что на ней висит? Мысль о только начавших расти грудях вдруг взволновала Кэшера. Он никогда не относился к людям, страдающим нездоровым интересом к подросткам, но в И'стине было что-то далеко недетское.

— Ты ребенок... и не ребенок, — изумленно пробормотал он.

Она кивнула — молча, серьезно.

— Ты женщина из истории, Хечизера с Гонфалона. Ты перевоплотилась.

С прежней серьезностью она отрицательно покачала головой.

— Нет. Я девочка-черепаха, квазичеловек, в меня впечатали личность Агаты Мадиган. Вот и все.

— Ты умеешь парализовать людей, — заметил он. — Не понимаю, как ты это делаешь?

— Просто беру и парализую, — ответила она прямо, и на краю сознания Кэшера белым раскаленным светом вспыхнуло воспоминание.

— Вспомнил, — воскликнул он. — Я должен кого-то убить. Это твой приказ.

— Тебе предстоит бой, Кэшер. Мне жаль тебя посылать, но больше некого. Только ты можешь справиться.

Он схватил ее за руку, и в момент прикосновения она перестала быть ребенком, перестала быть квазичеловеком. Никого и никогда Кэшер так не желал, как сейчас ее. Он почувствовал, что нужен ей. Он не хотел ее отпускать, но она освободила ладонь жестом, которому он не мог не подчиниться.

— Ты будешь драться насмерть, Кэшер, — сказала она, как командир, посылающий специально выбранного бойца на опасное задание.

Он кивнул. Мозг устал и больше ничему не удивлялся. Он понимал, что после отъезда Косиго с ним, Кэшером, что-то произошло. Но что именно? Он не мог вспомнить ясно. Кажется, они пили кофе в этой же комнате. Он испытал любовь к ней, к этой девочке, но на самом деле она квазичеловек, он это знал. Он смутно помнил, что она прожила почти тысячу лет и приобрела талант боевого гипнотизма “ведьмы космоса” Хечизеры Гонфалонской. И еще его почему-то пугала тоненькая цепочка на шее девочки. Он надеялся, что никогда не узнает, причину своего страха.

Он вдруг вздрогнул, напрягся, и мысль лопнула мыльным пузырем.

— Я боец, — сказал он. — Давай, начнем бой. И я уйду.

— Он может тебя убить, но ты его убивать не должен. Он безумен и бессмертен. Но по законам Старой Северной Австралии, откуда был выслан господин и владелец Мюррей Мадиган, мы не вправе причинить вред гостю дома или закрыть перед ним дверь.

— Что я должен сделать? — нетерпеливо перебил ее Кэшер.

— Начни бой. Напугай его. Впечатай в его безумный мозг ужас перед новой встречей с тобой.

— Это мое задание?

— Ты справишься, — серьезно заверила его она. — Я тебя испытала. Вот почему у тебя пробел в памяти.

— Но зачем? К чему столько суеты? Пошли слуг-людей, пусть свяжут его, запретят в комнате с толстой обивкой на стенах...

— Им не справиться, он слишком сильный, слишком хитрый, хотя и сумасшедший. Они не осмелятся остановить его, когда он доберется...

— Куда?

— В рубку управления, — вздохнула И’стина.

— В Бьюрегарде есть особая рубка управления? Так поставьте замок на пульт.

— Это не обычная рубка.

— Что же в ней особенного?! — раздраженно воскликнул Кэшер.

— Это рубка плосколета. Весь дом, местность от Моттиля с одной стороны и до Амбилокси с другой, залил Эсперанца — все это находится на корабле-плосколете.

В Кэшере загорелся профессиональный интерес.

— Если пульт выключен, он не сможет причинить кораблю вреда.

— Пульт нельзя выключить полностью. Хозяин поддерживает ресурсами корабля работу погодных машин, чтобы у нас всегда была хорошая погода.

— Значит, — резюмировал Кэшер, — этот тип хочет отправить все поместье в космос?

— Даже не это, — уныло сказала И'стина.

— Чего же он хочет? — рассердился Кэшер.

— Он добирается до пульта, поднимает корабль невысоко и парит.

— Что?! В своем ли ты уме? Девица, не пытайся меня надуть. Такой плосколет не может парить. От планеты ничего не осталось бы через минуту. Только два-три пилота за всю историю космоса были в состоянии совершить подобное.

— Он один из них, — подтвердила И'стина.

— Как его зовут, в таком случае?

— Наверное, ты знаешь, слышал где-нибудь. Его зовут Джон Веселое Дерево.

— Джон Дерево, ходовой капитан... — Кэшер зябко поежился, хотя в комнате было тепло. — Он умер почти сразу после того знаменитого полета!

— Нет. Он купил бессмертие и сошел с ума. Приехал сюда и живет под защитой моего хозяина.

— Вот как, — пробормотал Кэшер. Больше ему сказать было нечего.

Джон Веселое Дерево, ходовой капитан, великий североавстралиец, совершивший первый глубокий бросок за пределы Галактики. Человек-легенда, подобно великому Магно Гальяно, водившему плосколеты только силой своего живого мозга. Драться с ним? Кто же с ним может драться? Пилоты — для пилотирования, убийцы — чтобы убивать, женщины — чтобы любить и забывать. Предназ-

начения не стоит смешивать — начнется такая путаница, что все может пропасть.

Кэшер быстро сел за столик.

— Еще осталось кофе?

— Тебе не нужно кофе, — сказала она.

Он вопросительно посмотрел на И'стину.

— Ты боец, тебе нужен бой, война. Она ждет тебя вон там. — И'стина показала пальцем на невзрачную дверцу кладовой. — Открой и войди. Он сейчас там, снова манипулирует пультом. И я опять трясусь от страха: вдруг моего хозяина разорвет в клочки? И так я мучаюсь уже сто лет!

— Войди сама, — предложил Кэшер.

— Тебе знакомы корабельные рубки?

— Да, — кивнул он.

— Ты знаешь, что происходит в рубках с неподготовленными людьми? Как обнажается их суть, как это их пугает? Сколько времени уходит на подготовку ходового капитана? Как ты думаешь, что сделает рубка со мной? — наконец, голос ее стал детским, сердитым и тоненьким.

— Что она сделает с тобой? — без интереса переспросил Кэшер. Каждая клеточка его тела источала усталость. Зачем ему эта драка? Мертвецы ссорятся, снова и снова разыгрывая свои давно вышедшие из моды драмы. Почему бы Хечизере Гонфалонской самой не выполнить эту работу?

Она перехватила его мысль и закричала:

— Я не могу!

— Ну-ну, успокойся, — примирительно сказал Кэшер. — А почему?

— Потому что в рубке я превращаюсь в себя!

— Что?! — удивился Кэшер.

— Я девочка-черепаха. У меня внешность человека. Большой мозг. Но я все равно черепаха. Какая бы опасность ни грозила хозяину, я останусь всего лишь черепашкой!

— При чем здесь это?

— Что делают черепахи в момент опасности? Настоящие черепахи — ты, наверное, слышал о них.

— Даже видел, — вспомнил Кэшер, — на какой-то планете. Они прячутся в панцирь.

— И я тоже, — заплакала И'стина. — Прячусь... вместо того, чтобы защищать моего хозяина. Я много могу, я не трусливая. но в рубке я все забываю, забываю, забываю!

— Тогда направим туда робота!

Она застонала.

— Робота?! В своем ли ты уме? Робота — против Джона Веселое Дерево?

Кэшер признал, что робот с самым великим ходовым капитаном истории не справится.

— Тогда пойду я, если так нужно, — с нежеланием согласился он.

— Иди! — воскликнула она. — Сейчас!

Она вцепилась в его рукав, потащила к двери с пестрым узором, такой безобидной на вид.

— Но... — начал Кэшер.

— Не останавливайся! — взмолилась она, — не останавливайся! Не убивай ее, просто напугай, можешь даже ранить. Ты справишься, а я нет. — Она всхлипнула, дернула его за рукав. — Я сразу испугаюсь...

Не успел он опомниться, как она открыла дверь. Свет, яркий, чистый, с голубизной, как небо дома человечества, Матери-Земли, на видеолентах.

Он не противился.

Дверь захлопнулась за его спиной.

Не успев ни осмотреться, ни заметить, есть ли рядом кто-нибудь, Кэшер внезапно догадался о назначении комнаты. "Это ад!" — мелькнуло у него в голове.

Откуда пришло это слово? Кэшер не знал, но был уверен: так называлось место, где добро превращалось в зло, а надежды — в отчаяние. Эта комната была а д о м!

Потом...

IX

Человек, сидевший в комнате, повернул голову и посмотрел в упор на Кэшера. Если это Джон Веселое Дерево, то на сумасшедшего он похож не был. Корена-

стый, с красноватым цветом лица, рыжими волосами и голубыми глазами, с капризными губами соблазнителя...

— Добрый день, — приветствовал его Джон Веселое Дерево.

— Как поживаете? — ответил Кэшер, ничего умнее не придумав.

— Я вас не знаю, — отметил рыжий. Голос был совершенно нормальный.

— Я Кэшер О'Нейл из города Кахир на Миззере.

— Миззер? — захохотал капитан Джон. — Помню, провел там ночь, очень-очень давно. Развлечения были очень экзотические. Но поговорим о другом. Ты приехал убить девчонку И'стину по приказу почтенного Ранкина Майклджона, чтоб ему утонуть в байгаре. Девчонка тебя опутала и теперь хочет, чтобы ты убил меня. Правда, прямо сказать это она боится.

Тем временем Джон Веселое Дерево переключил пульт на нейтральный режим и стремительно вскочил с капитанского кресла.

— Ничего подобного она не говорила, — запротестовал Кэшер. — Наоборот, она предупредила, что ты можешь убить меня.

— Могу, если понадобится.

Бессмертный капитан выпрямился. Он был ниже Кэшера на голову, но очень силен. В голубом свете рубки все казалось неестественно преувеличенным.

Страх охватил Кэшера. Он почувствовал, что ему хочется в туалет, но понимал: повернись он спиной к капитану — и он умрет, как забитый на живодерне вол. С Джоном Веселое Дерево можно было говорить только лицом к лицу.

— Начинай, — предложил капитан. — Дерись!

— Я не говорил, что буду драться, — возразил Кэшер. Мне нужно тебя напугать, но не знаю как.

— Топчемся на одном месте, — раздраженно отметил Джон Веселое Дерево. — Не пройти ли нам в гостиную? Бедняжка И'стина приготовит нам выпить. Скажешь, что ты проиграл.

— Кажется, я ее боюсь больше тебя.

Джон Веселое Дерево расположился в мягком пассажирском кресле.

— Ну ладно, давай так. Что ты предпочитаешь? Бокс? В перчатках, без? Или шпаги? Или концепроволоки? В кладовке у нас все есть. А можно поднять корабль в пространство, провести дуэль в космосе.

— Какой смысл? Ты один из лучших ходовых капитанов.

Джон Веселое Дерево разразился утробным смехом. Ситуация складывалась нелепая.

— Но у меня есть преимущество, — предупредил Кэшер. — Я знаю тебя, а ты меня — нет.

— Люди только и делают, что рождаются, — сказал капитан. — За всеми не уследишь.

Он презрительно усмехнулся. В его манере держаться было своеобразное обаяние. Не спуская глаз с Кэшера, он налил себе из графина и с насмешливым видом поднял стакан, словно собираясь произнести тост в честь незваного гостя. Кэшер стоял, испуганный и одинокий, как никогда одинокий.

Внезапно Джон Веселое Дерево вскочил, глядя куда-то за спину Кэшера, но Кэшер не оглянулся. Старый фокус!

— Так это ты подстроил! — Джон Веселое Дерево сердито выплевывал слова. — Вопреки всем законам решил меня убить. Этот новомодный слух — не шутка?

Голос из-за спины Кэшера негромко произнес:

— Не знаю.

Это был голос усталого старика.

Кэшер не слышал, чтобы в рубку входили.

Годы тренировок пригодились. Не спуская глаз с капитана Джона, Кэшер боком отступил на пять-шесть шагов, пока второй человек не оказался в поле его зрения. Высокий, худой, с желтой кожей и соломенными редкими волосами, с выцветшими, когда-то голубыми глазами он посмотрел на Кэшера и представился:

— Я Мадиган.

“Это и есть хозяин? — подумал Кэшер. — Эту развалину вынуждена обожать И’стина?”.

На раздумье не оставалось времени.

— Ты застал меня бодрствующим, а его — в здравом рассудке. Берегись, — прошептал Мадиган, и кинулся к пульту, но тело старика уже не могло двигаться достаточ-

но быстро. Джон Веселое Дерево тоже бросился к пульту. Кэшер подставил ногу. Джон споткнулся, полетел кувырком, но тут же встал на одно колено. В руке его блеснул нож, такой же, как у Кэшера. Огонь вспыхнул в жилах, неведомая сила отбросила Кэшера к стене. Он застыл, парализованный страхом. Мадиган забрался в капитанское кресло и возился с приборами с таким решительным видом, словно собирался в следующий миг взорвать всю Генриаду. Джон Веселое Дерево бросил быстрый взгляд на хозяина дома, потом на человека, стоявшего перед ним. Кэшер его узнал. Это был он сам. Он прыгнул на Джона Веселое Дерево, рука с блестящим ножом змеей метнулась к горлу капитана. От удара глухое эхо прокатилось по всей рубке.

Бешенство затуманило взгляд Джона. Его нож глубоко, с поворотом вонзился в живот Кэшера-фантома. Фантом ахнул и упал на пол, стараясь вложить выпавшие окровавленные внутренности обратно в зияющую рану. Кровь!

Кэшер вдруг понял, что и как будет делать, хотя никто ему ничего не говорил. Он сформировал третьего Кэшера О'Нейла в дальнем конце рубки, облек его ладони в тяжелые железные перчатки. Сам он, невидимый, стоял у стены. Пока второй Кэшер умирал на пол, третий подкрадывался к пилоту.

— Смерть! — голосом призрака прохрипел третий фантом, и Кэшер с трудом узнал собственный голос.

Джон Веселое Дерево вздрогнул и обернулся, как ужаленный.

— Ты ненастоящий, — догадался он.

Третий Кэшер быстро шагнул, ударил пилота железным кулаком в лицо. Пилот пошатнулся, отскочил, прижал ладонь к окровавленному лицу. Мадиган работал с пультом, даже не надев шлема светострелка.

— Ты впустил ее! — закричал Джон Веселое Дерево на Мадигана. — Ты впустил ее с этим парнем! Убери ее! Пусть она уйдет!

— Кого? — рассеянно спросил Мадиган.

— Эту ведьму, И'стину! Я как гость требую защиты. Это древний закон. Пусть она уйдет!

Настоящий Кэшер не знал, каким образом он управляет фантомом в железных перчатках, но фантом ему подчинялся. Он заставил фантома говорить голосом отчаяния, таким же, как у пилота.

— Джон Веселое Дерево, я не хочу твоей смерти, только твоей крови. Вот этими железными пальцами выдавлю тебе глаза, и кровавые глазницы будут тарашиться с твоего изувеченного лица. Раздроблю тебе зубы и кости, переломаю тысячу раз, и ни один врач, ни одна машина их не восстановят. Превращу тебя в кровавые лохмотья. Смотри, вот кровь! Это лишь начало, крови будет очень много... Ты ведь один раз меня убил — вон, на полу, видишь? Оба посмотрели на первого фантома, который дернулся в последний раз и застыл. Вокруг мертвого тела растеклась кровавая лужа.

Джон Веселое Дерево сказал второму фантому:

— Ты Хечизера Гонфалонская. Тебе не испугать меня. Ты черепаха и ничего мне не сделаешь.

— Взгляни на меня, — сказал настоящий Кэшер.

Джон Веселое Дерево переводил взгляд с одного двойника на другого. Появились первые признаки страха. Из самых глубин сознания Кэшера извергся безумный вопль. Они кричали вместе, он и фантом.

— Кровь! Кровь и гибель! Но мы тебя не станем убивать! Ты станешь калекой, обрубком, безногим и безруким, будешь питаться через трубки, будешь жить и молить о смерти, но кто услышит твою мольбу?

— За что? — вскричал Джон Веселое Дерево. — За что ты так со мной? Что я тебе сделал?

— Ты напомнил мне родной дом, — завыл Кэшер. — Мой дом, полковника Веддера и невинных жертв похоти моего родного дядюшки, кровью оплативших возмездие. Ты заставил меня вспомнить меня самого и теперь будешь наказан, как мог быть наказан я сам.

Но Джон Веселое Дерево, охваченный безумием, оставался храбрым человеком. Он метнул нож в настоящего Кэшера. Фантом прыгнул — это был нечеловеческий прыжок через всю рубку — и поймал нож железной перчаткой. Звякнув, нож беззвучно упал на ковер.

Кэшер увидел все, что должен был увидеть.

... Дворец в Кахире, объятый смертью, погруженный в липкую тишину. Мертвецы, прижимающие к себе свертки, которые пытались спасти в последнюю минуту; девушки с рассеченными шеями в лужах собственной крови, с помадой на губах и тушью на бровях и ресницах на мертвых и все равно красивых лицах. Убитый ребенок с распоротым от паха до груди животом, с поломанной куклой в руках, сам похожий на поломанную куклу. Кэшер видел и заставлял Джона Веселое Дерево смотреть вместе с собой.

— Ты плохой человек, — заявил капитан Джон.

— Очень плохой, — согласился Кэшер.

— Я больше не войду сюда. Ты меняпустишь?

Оба Кэшера-фантома — труп на полу и боец с железными перчатками — лопнули, растворились в воздухе. Непонятно как, но И'стине удалось научить Кэшера древнему искусству боевой репликации.

— Да. Так сказала госпожа.

— Но если не меня, — печально рассуждал Джон Веселое Дерево, — кого ты сделаешь жертвой кровавых своих снов?

— Не знаю. Как будет угодно судьбе. А теперь ступай, если не хочешь отведасть железной перчатки.

Джон Веселое Дерево, опустив голову, зашагал прочь из рубки. Он потерпел поражение. Кэшер в изнеможении уцепился за портьеру, чтобы не упасть, и посмотрел вокруг. Атмосфера в рубке изменилась, зло ушло. Мадиган, несмотря на возраст, справился с пультом, отключив все, что нужно. Он подошел к Кэшеру.

— Благодарю тебя. Я вижу, она не придумала тебя, ты настоящий.

Кэшер откашлялся.

— Да, И'стина меня прислала сюда.

— Моя И'стина, моя девочка, — кивнул Мадиган.

— Ваша, — не стал спорить Кэшер ясно вспомнив маленькие набухшие груди, тело женщины-подростка, зовущие губы и ласковые глаза.

— Сама она бы не смогла. Моя покойная жена, Агата, могла такое сделать. Но И'стина — нет.

Кэшер смотрел на Мадигана. Хозяин дома был в дешевых желтых пижамных брюках и застиранном халате, когда-то в фиолетовую, светло-зеленую и белую полоску. Но

теперь халат выцвел, вылинял, как сам Мадиган. Кэшер заметил белый пластик хирургических имплантов на его руках — через эти гнезда подключались машины и трубки, поддерживавшие жизнь Мадигана во сне.

— Я много сплю, — поделился Мадиган. — Оставляю на хозяйстве И'стину. Я тебе благодарен.

Ладонь его была сухой, вялой, морщинистой. Старик прошептал:

— Скажи, пусть наградит тебя. Все, что хочешь, — в поместье или на Генриаде. Она управляет от моего имени. Поблекшие глаза ожили, он пристально взглянул на Кэшера. На минуту Мюррей Мадиган снова стал прежним, как сотни лет назад, североавстралийским торговцем, резким, смекалистым, волевым, но при том незлым. Он добавил совсем другим тоном:

— Наслаждайся ее обществом, она милый ребенок. Но не бери ее. Не бери ее с собой. Даже не пробуй.

— Почему? — Кэшер был поражен прямой старика.

— Она умрет. Она м о я, так в нее впечатано. Без меня она умрет через несколько дней. Не бери ее с собой.

Мадиган покинул рубку через потайную дверь. Кэшер вышел тем же путем, которым вошел. Мадигана он увидел опять только через два дня, к тому времени старик глубоко ушел в каталептический сон.

Х

Два дня спустя И'стина повела Кэшера посмотреть на спящего Мадигана.

— Туда нельзя! — запротестовала пораженная Юнис. — Н и к о м у нельзя туда входить! Это же комната хозяина.

— Он со мной, — спокойно сказала И'стина.

Она отодвинула тяжелую портьеру из золотых нитей и набрала комбинацию на дисках замка. Дверь была из материала даймони.

Горничная не успокоилась.

— Даже вы, маленькая госпожа, не должны водить туда постороннего.

— Кто сказал, что я не должна? — со скрытой угрозой поинтересовалась И'стина.

Серьезность положения дошла, наконец, до Юнис.

— Конечно, если вы сами его ведете, — забормотала она, — вам виднее. Просто раньше такого не бывало.

— Конечно, Юнис, при тебе не бывало. Но Кэшер О'Нейл уже познакомился с нашим господином и владельцем. Он сражался за нашего хозяина. Неужели ты думаешь, что я поведу в комнату хозяина первого встречного?

— Нет, что вы, нет! — испугалась Юнис.

— Тогда ступай, женщина, — повелела госпожа-ребенок. — Или ты хочешь посмотреть, как я отпираю дверь?

— Нет! — вскрикнула Юнис и обратилась в бегство, почему-то закрыв уши ладонями.

Когда горничная исчезла, И'стина всем весом навалилась на тяжелую ручку двери. Кэшер ждал затхлого запаха могилы или тяжелого — лекарств, но был поражен хлынувшим из загадочной комнаты свежим воздухом и теплым солнечным светом. Проем оказался узким, и Кэшери пришлось протискиваться боком, когда он вслед за И'стиной вошел в комнату. Это была комната громадных размеров, затопленная солнечным светом. Пейзаж за окнами, должно быть, принадлежал Генриаде эпохи расцвета. Мотиль был курортом для миллионов беззаботных отдыхающих, порт Амбикокси кормил половину планет Галактики. Смерчей, заполонивших Генриаду в более позднюю эпоху, не было и в помине. Порядок, аккуратность — как на картине. Комната, как и остальные большие гостинные особняка, была декорирована в стиле необарокко. Неведомый полубезумный архитектор получил свободу воплощать свои фантазии в стали, пластике, алебастре, дереве и камне. Потолок был вогнутый. В каждом углу помещались глубокие ниши-альковы, от чего комната казалась восьмиугольной. Гармония замысла нарушалась несколько сдвинутой в одну сторону мебелью — диваны, кресла в чехлах, мраморные столики, изящные декоративные стулья сгрудились слева от входной двери. Правая сторона комнаты — напротив загадочного окна с иллюзорным пейзажем — была оборудована под операционную. Хирургический стол, гидравлические подъемники, бутылки с прозрачными и цветными жидкостями, висящие на хромированных стойках, и

два больших аппарата — искусственные почки и сердце-легкие (об этом Кэшер догадался позднее). Альковы поражали еще больше. Первый был обставлен на манер старинного погребального салона с огромным черным бархатным гробом на тяжелом постаменте из тикового дерева. Следующий альков оказался рубкой управления древнего звездолета, с множеством ручек, консолей, рычагов и клавишей. Было хорошо видно, что навигационные приборы на пульте показывают галактические координаты поместья Бьюрегард. Имелось здесь и настоящее пилотское кресло с полным набором шлемов, ремней, привязей и амортизаторов. Третий альков вмещал обычную спальню в старинном вкусе: голубые стены, шторы цвета густого темного вина, такого же цвета покрывала и подушки, что создавало резкий, но приемлемый контраст. Четвертый был моделью крепости. Тяжелая дверь из материала даймони, неподвластного ни инструментам, ни излучениям, вдоль стен — стеллажи с пакетами сухих пайков, флягами с водой; хорошо смазанное и вычищенное оружие, включая три концепроволоки разного калибра с запасными батареями, на вид совершенно новыми. В альковах никого не было.

Сам господин и владелец Мюррей Мадиган, обнаженный, лежал на хирургическом столе. К белым пластиковым гнездам на теле тянулись провода. Кэшеру показалось, что он заметил легчайшее движение груди: каталептик дышал с частотой в одну десятую нормальной ли еще реже.

И'стина нимало не смутилась.

— Я проверяю его четыре-пять раз в сутки. Сюда никто не имеет права входить, кроме меня. Ты особый случай. Он знает, что обязан тебе жизнью, и поэтому ты первый посторонний, побывавший здесь.

— Я полагаю, — сказал Кэшер, — почтенный управляющий Ранкин Майклдзон многое бы отдал, чтобы хоть одним глазком сюда заглянуть. Мадиган не дает ему покоя. Он хочет знать, что Мадиган делает, а ведь он ничего не делает.

— Это не совсем так, — возразила И'стина. — Он спит. Не каждый способен на такое: решиться проспать пятьдесят-шестьдесят тысяч лет, просыпаясь иногда, чтобы посмотреть, как идут дела.

Кэшер присвистнул, тут же оборвав себя, словно побоялся разбудить голого старика на хромированном хирургическом столе.

— Так вот почему он выбрал тебя!

Истина энергично мыла руки в спецраковине.

— Вот почему он сделал меня, — поправила она. — Обычные черепахи живут триста лет. Помножь на триста — результат трансформации, — получаем девяносто тысяч. Потом в меня впечатали любовь и обожание. Он не просто мой хозяин, он мой Бог.

— Кто?!

— Ты плохо слышишь? Не расстраивайся. Противозаконных сведений в твоей памяти не будет. Я его боготворю, но это не религия. Это чувство в меня впечатали в момент, когда я открыла свои маленькие черепашьи глаза и меня опустили обратно в резервуар, чтобы увеличить мозг и придать телу вид женского. Затем в мое сознание импринтировали Агату Мадиган. Я именно то, что ему необходимо. Ни на одной планете ни одна женщина — любовница, жена или мать — не была еще так нужна человеку, как я нужна моему хозяину. Он должен знать, что я рядом, когда просыпается. Ты умный человек, Кэшер. Ты бы себя доверил машине, пусть самой хорошей, на девяносто тысяч лет?

— Это было бы непросто — организовать батарею саморемонтирующихся мониторов на такой долгий срок, — согласился Кэшер. — Но получается, что девяносто тысяч лет по четыре-пять раз в день тебе придется... Я даже не могу подсчитать. Ты никогда не устаешь?

— Он мой милый, мой любимый, мой единственный дружок, — пропела Истина, приподнимая веки старца и закапывая под каждое чуть-чуть бесцветной жидкости. Между делом она объяснила: — Обмен веществ сильно замедлился, веки могут прилипнуть к глазным яблокам.

Она повернула голову старика, внимательно осмотрела каждый глаз. Отошла, наклонилась к циферблату низко гудящей машины. Раздался выстрел. Рука Кэшера дернулась, потянулась к оружию, которого у него не было. Девочка-черепаха хмуро улыбнулась ему.

— Извини, я не предупредила. Это хлопущка. Проверка церебральной активности. Он спит, но мозг работает,

сохраняет контакт с окружающим миром. Теперь я спокойна: ему не грозит соскальзывание в смерть. Вернувшись к столу, она взяла Мадигана за подбородок, запрокинула ему голову, ретрактором открыла рот, прижала язык и заглянула в горло.

— Никаких скоплений, — удовлетворенно пробормотала она.

Голова старика вернулась в удобное положение. Истина уже собиралась перейти к следующему этапу, как вдруг ей в голову пришло одно соображение.

— Вымой руки вот в этой раковине и посуши под стерилизатором — пока таймер сам не выключится. Ты можешь мне его перевернуть. Обычно я все делаю сама, ты здесь первый посетитель. Кэшер подчинился, и, пока он мыл руки, Истина натерла свои ладони мазью с сильным цветочным запахом. С ловкостью профессионала она принялась массировать неподвижное тело. Держа руки под сушилкой-стерилизатором, Кэшер дивился силе маленьких ладоней — она гладила, шипала, мяла старую плоть. Спящий, конечно, ничего не чувствовал, но Кэшери показалось, что цвет кожи и тонус мышц улучшаются прямо на глазах.

Он обошел стол и встал напротив Истины.

За окном по иллюзорному лугу расхаживал громадный петух с хвостом, похожим на радугу.

Истина заметила взгляд Кэшера.

— Окно я тоже программирую. Он доволен, когда просыпается. Правда, как умно он придумал: создал меня, чтобы я его любила и заботилась? Хорошо, что я девочка. Так мне легче его любить. Любому мужчине надоела бы ответственность. А мне — никогда.

— И все же... — начал Кэшер.

— Т-с-с, погоди.

Маленькие, но сильные пальцы мяли живот спящего. Она закрыла глаза, сосредоточиваясь на осязании.

— Все чисто, — сообщила она, опуская руки. — Я должна знать, что у него происходит внутри. Просвечивать рентгеном я боюсь: вообрази, какая доза накопится за тысячелетия. Он испражняется два раза в месяц. Раз в неделю я освобождаю мочевой пузырь. Иначе организм отравит сам себя. Теперь помоги перевернуть. Осторожно с

проводами — они от мониторов. Мониторы контролируют физиологические процессы, передают сигнал тревоги мне. В случае выхода из строя части искусственной нервной системы, они включают дополнительные нейроимпульсы.

— Что-нибудь подобное уже случилось?

— Пока нет. Но я всегда наготове. Осторожней с тем проводом, ты слишком быстро его... Вот так хорошо. Теперь массаж спины.

Она снова перевоплотилась в массажиста. Начав с мышц затылка, она двигалась вниз, в паузах умячая ладони цветочной мазью. Над мышцами ног она работала особенно тщательно, сгибая его колени, шлепая по ляжкам. Потом натянула резиновую перчатку, опустила руку в какую-то специальную банку — крышка автоматически открылась — и извлекла из нее лоснящуюся от жира руку. Рукой И'стина проникла в прямую кишку, что-то там щупала, мяла. С довольным лицом она выбросила перчатку в мусорный контейнер, протерла спящего мягким льняным полотенцем, которое отправилось в контейнер вслед за перчаткой.

— Порядок. На два следующих часа он в норме. Потом введу ему немного сахара — сейчас подается обычный физиологический раствор. На щеках ее розовел румянец — результат недавних энергичных усилий, но она по-прежнему была дамой-ребенком, в которой ребенок был глубоко спрятан в собственной детской мудрости от испорченного и запутанного мира взрослых; дамой-хозяйкой в собственном доме, владычицей поместья и целой планеты, с любовью и прилежанием исполняющей долг перед своим хозяином.

— Я еще раньше хотел у тебя спросить... — начал Кэшер и смолк.

— Ты хотел спросить?

Ему стало трудно говорить.

— Я хотел спросить, что ты будешь делать, когда он умрет? В положенное время или раньше, быть может. Что будет с т о б о й?

— Мне все равно, — весело сказала И'стина. Она улыбнулась искренне, он видел, что это не поза. — Я принадлежу е м у. Для него я существую. Может, в меня

что-то вложили на случай его смерти, не знаю. А может, и забыли вложить. В счет идет только его жизнь, не моя. Я позабочусь о том, чтобы он ни одного лишнего часа не потерял. Как по-твоему, я хорошо справляюсь?

— Хорошо, — одобрил Кэшер. — Но это странная работа.

— Нам пора идти.

— А зачем здесь альковы?

— Эти? Это декорации. Он выбирает один из них, чтобы отойти ко сну. Его крепость, его корабль, спальня или гроб. Любой, по настроению. Я его потом все равно переношу на стол на подъемнике, подключаю машины. Он не против, он почти ничего не помнит, когда просыпается. Не помнит, в каком алькове заснул. Пойдем.

Она направились к двери.

Вдруг И'стина остановилась.

— Забыла! Никогда раньше не забывала, а вот сегодня... Я пришла с тобой, потому что ты был его другом, он тебя долго будет вспоминать. Представляешь: ты уже давно умрешь, а он будет тебя вспоминать, — добавила она несколько некстати. Кэшер быстро взглянул на нее. Она смеется над ним? Но увидел лишь детскую серьезность.

— Повернись спиной! — вдруг скомандовала И'стина.

— Зачем? До сих пор ты мне доверяла секреты.

— Ему бы не понравилось, что ты смотришь.

— На что смотрю?

— На то, что я буду сейчас делать. Еще когда я была Агатой Мадиган, я обнаружила, что мужчины очень щепетильно относятся к определенным вещам. Кэшер послушался и повернулся лицом к двери.

В комнате возник новый запах — сильный, напоминающий гераниевую помаду. Он слышал тяжелое дыхание И'стины.

— Теперь можешь повернуться, — сказала она.

И'стина ставила на высокую кафельную полку тюбик с мазью.

— Великий космос, что ты делала?

И'стина засмеялась.

— Ты становишься слишком любопытным.

Растерявшись, Кэшер промышал что-то невразумительное.

— Впрочем, это не твоя вина. Люди — любопытные создания. Суют нос куда попало.

— Это правда, — он покраснел.

— Я доставила ему немножко удовольствия. Он ничего не помнит, конечно, но кардиограф отмечает иногда после этого подъем активности. Сегодня, правда, не получилось. Это я сама придумала, прочитала в одной книжке и решила, что будет неплохо для общего тонуса. Иногда он спит целый год, но обычно просыпается несколько раз в месяц.

Она прошла мимо Кэшера, ухватила за внутренний рычаг двери, навалилась на него, едва не приподнявшись над полом. Дверь открылась, и Кэшер, повинувшись ее жесту, ступил за порог.

— Отвернись еще раз, — попросила И'стина. — Я буду набирать комбинацию, лучше тебе не смотреть. Впрочем, дверь настроена исключительно на меня. Он услышал щелчки вращающихся дисков.

И'стина напевала тихо: — Только на меня, только на меня...

— А зачем? — спросил Кэшер.

— Чтобы любить моего хозяина, хранить его планету, охранять его погоду. Разве он не прекрасен? А как он мудр! Разве не обаятельная у него улыбка?

Кэшер вспомнил выцветшую живую руину в вылинявшей пижаме и тактично промолчал.

— Он мой отец, мой муж, мой сын, хозяин и повелитель. Только подумай, Кэшер, он владеет мной! Разве ему не повезло, что я у него есть? И мне — что я принадлежу ему?

— Но зачем все это? — немного сердито повторил свой вопрос Кэшер, сознавая, что и он то и дело влюбляется в удивительную девочку-женщину.

— Чтобы жить! — воскликнула она. — Просто жить! Я запрограммирована на девятьсот тысяч лет. Он будет спать, пробуждаться, засыпать, видеть сны и снова просыпаться.

— Какой в этом смысл? — настаивал Кэшер.

— Смысл? Какой смысл? Какой смысл в маленьком черепашьем яйце, трансформированном на молекулярном уровне? Какой смысл превращать меня в девочку-квазице-

ловека, которую даже ты не в силах не любить? Какой был смысл в первой моей встрече с хозяином? — Я скажу тебе, в чем смысл. В любви.

— Как? — не понял Кэшер.

— Любовь! Любовь — смысл всех вещей. С одной стороны — любовь, с другой — смерть. Если ты крепок достаточно, чтобы использовать оружие любви, я дам тебе его. Миззер будет у твоих ног. Крейсера и лазеры — детские игрушки в сравнении с оружием любви. С ней невозможно бороться. Ты же не в состоянии бороться со мной.

Они шли по роскошным коридорам с забытыми полотнами на стенах. Столетиями вся эта роскошь никому не служила. В дверной проем справа лился желтый свет Генриады. В одной из комнат кто-то пел — из нее доносился мужской голос в сопровождении струнного инструмента. Позже Кэшер узнал, что это была “Песнь Генриады”:

*Не бросить якоря в Бум Лагуне,
И с севера катит огромный вал,
На Генриаде бушуют бури,
И Амбикокси — могила нам.*

Они вошли.

Навстречу им поднялся мужчина благородной наружности. Это был Джон Веселое Дерево, великий ходовой капитан. Он широко улыбнулся И’стине, его голубые глаза блестели. Он приветствовал хозяйку дома, и только потом заметил Кэшера. С ним произошла разительная перемена. Джон Веселое Дерево отвернулся. Слова застревали у него в горле, когда он произнес сдавленным голосом:

— Дом испачкан кровью. Кровавый человек пришел сюда. Извините, меня тошнит.

Он вышел из комнаты.

— Испытание прошло успешно, — сказала И’стина. — Проблема капитана Джона решена. Больше он к рубке не подойдет.

— Будут еще проверки? Тебе мало? Ты еще недостаточно меня узнала?

— Я ведь не личность, — заметила она. — Я только копия. И я готовлюсь передать тебе главное оружие. Ты

не голоден? Не хочешь пить? Это комната связи и музыкальный салон одновременно.

— Только воды, — попросил Кэшер.

— Изволь.

Незамеченный ранее Кэшером на столике рядом стоял графин из горного хрусталя. Или И'стина переправила его сюда с помощью штучек страшной Хечизеры? Впрочем, это уже неважно. Кэшер предчувствовал новые неприятности.

XI

И'стина открыла полированную деревянную панель. За ней помещался коммутатор высшего класса. Такие машины использовались в плосколетах, обычно их монтировали в рубках управления рядом с пилотским креслом. Стоимость использования аппарата такого класса могла заставить призадуматься правительство любой планеты: стоит ли пересматривать годовой бюджет?

— Это твой? — изумился Кэшер.

— А почему ты удивляешься? — сказала девочка-черепаха. — У меня их несколько, четыре или пять.

— Ты сверхбогата!

— Не я, мой хозяин. Я ему тоже принадлежу.

— Но такие машины... Как он всем управляет?

— Ты о деньгах? — Сейчас она была сушей девчонкой, довольной и шаловливой. — Ну, это просто. Я веду все финансовые дела от его имени. Когда я прилетела, он уже был самым богатым на Генриаде. У него кредиты в струн-эквиваленте. Сейчас он в сорок раз богаче, чем тогда.

— Просто Род Макван! — воскликнул Кэшер.

— Нет, до него нам далеко. У господина Маквана гораздо больше денег. Но и мой хозяин богат. Как ты считаешь, куда улетели люди с Генриады?

— Не знаю.

— На четыре новые планеты — собственность моего хозяина. Поселенцы платят ему очень скромную арендную плату.

— Ты купила эти планеты?

— Для хозяина, — улынулась И'стина. — Тебе пришлось слышать о планетных брокерах?

— Но это же азартная игра?

— Я рискнула, — призналась И'стина, — и выиграла. Теперь ни слова, только смотри.

Она нажала кнопку.

— Мгновенная связь.

— Мгновенная связь, — повторила машина. — Степень важности?

— Сводка военных действий, класс АА-I, подпространственное взыскание.

— Подтверждено, — отозвалась машина.

— Планета Миззер. Настоящий момент. Информация о войне и мире. Когда кончатся военные действия? Машина пощелкивала, словно что-то бормоча про себя. Кэшер, пытаясь вообразить размеры платы за подобный вид связи, как наяву узрел струю денег, фонтаном ударившую из бюджета господина Мадигана через всю Галактику. Машина достигла Миззера и вернулась назад с новостями.

— Разведка боем, стычки небольших отрядов, вылазки. Седьмой Нил. Конец боев через три местных дня.

— Конец связи, — завершила И'стина.

Машина выключилась. — Скоро ты вернешься домой, если пройдешь несколько небольших тестов.

У Кэшера не было слов.

— Мне нужно оружие, крейсер и лазер, — пробормотал он наконец.

— У тебя будет новое оружие, получше старого. А теперь иди к входной двери. Открой, никого не впускай, вернись сюда. Если вернешься живым, милый Кэшер, мы продолжим. Ошарашенный, Кэшер повернулся и вышел. Ему и в голову не пришло спорить. Можно ведь и забывщиком кончить, как горничная Юнис и слуга управляющего Косиго. Он шел через коридоры и залы, не встретив никого на пути, кроме мало заметных роботов-уборщиков. Роботы вежливо кланялись. Он нашел дверь. Что теперь? На вид деревянная, дверь оказалась из несокрушимого материала даймони. Ни намека на замок, ручку, кнопку. Двигаясь как во сне, Кэшер решил действовать наудачу. Может, дверь настроена на его касание? Он приложил ладонь к створке слева. Дверь открылась сама.

На пороге стоял Майклджон. Косиго поддерживал управляющего в вертикальном положении. Поездка, должно быть, была нелегкой: на лице Майклджона синели свежие ушибы, из угла рта сочилась тонкой струйкой кровь. Управляющий сфокусировал взгляд на Кэшере.

— Ты жив. Она и тебя поймала?

— Что вам угодно? — очень вежливо поинтересовался Кэшер.

— Я приехал поговорить с ней.

— С кем? — спросил Кэшер.

Управляющий, как кукла, висел на руках Косиго. По собственным меркам он был весьма храбрым человеком. Несмотря ни на что взгляд его был ясен.

— С Истиной, если она меня примет, — сказал Ранкин Майклджон.

— Она занята. Она не может принять тебя. Косиго!

Забывщик поклонился Кэшеру.

— Меня ты забудешь. Меня ты не видел.

— Я вас не видел, господин. Передавайте привет госпоже. Это все?

— Да. Отвези хозяина домой как можно скорее.

— Мой господин! — воскликнул Косиго, хотя обращение совсем для Кэшера не подходило.

Кэшер обернулся.

— Мой господин, попросите ее расширить зону действия погодных машин на несколько километров. Тогда я домчу его домой в целости и сохранности за десять минут.

— Я попрошу, — сказал Кэшер, — но обещать ничего не могу.

— Конечно, — согласился Косиго.

Он начал усаживать Майклджона в транспортер. Управляющий вскрикивал, как от боли. Кажется, он произносил слова "Мюррей Мадиган". Никто его не слышал, кроме Кэшера и Косиго. Косиго деловито упаковывал управляющего в машину, Кэшер закрывал дверь. Дверь шелкнула. Наступила тишина.

Казалось, дверь никогда и не открывалась, только теплый запах морских водорослей, встревоживший застоявшийся воздух старого особняка, напоминал о происшедшем. Кэшер передал просьбу Косиго о погодных машинах. Истина выслушала просьбу сурово, не глядя на

Кэшера. Машина прощелкала согласие. И'стина вздохнула облегченно.

— Спасибо, Кэшер. Итак, марионетка Содействия и его забывщик уехали.

Она странно смотрела на него, как будто выжидая. Ему вдруг захотелось прижать ее к себе, осыпать поцелуями. Но он стоял неподвижно. Это была не девочка-черепаша, а настоящая властительница Генриады, Хечизера Гонфалонская, о которой раньше он никогда не думал иначе как о персонаже исторической трехмерной драмооперы.

— Кажется, Кэшер, ты видишь меня. Это трудно. Трудно видеть кого-то, даже если смотришь каждый день. И мне кажется, я тебя тоже вижу. Времени осталось мало. Мы оба сейчас должны заняться делом, каждый — своим.

— Которые нам надлежит исполнить? — с надеждой, что она скажет еще что-нибудь, прошептал он.

— У меня свое дело, у тебя — свое, своя судьба на твоей родной планете. Это жизнь, ведь так? Делай то, что должен делать. Главное — понять, что именно, и тогда нам повезет. Ты готов. Я передам тебе оружие, перед которым бомбы, крейсера и лазеры — детские игрушки.

— Великий Космос, И'стина! Не тяни kota за хвост, что это за оружие?

Желтый свет музыкальной комнаты вибрировал вокруг И'стины, ее девичьего голубенького платица.

— Хорошо, я скажу. Это — я.

— Ты?

Кэшер почувствовал неудержимый позыв страсти к невинному и одновременно чувственному ребенку. Задушить ее в объятиях, изнурить в экстазе, на какой только способно его мужское начало!.. И'стина спокойно смотрела на него.

Нет, эта идея не вписывалась в картину. Он должен получить И'стину, но не как женщину. Предстояло нечто большее, и он совсем не был уверен, что это ему понравится. Наконец, устав от дикой неразберихи мыслей, он взмолился:

— Что ты имеешь в виду?

Девочка, сделав шаг к Кэшеру, наморщила лоб.

— Я имела в виду не ночь вдвоем, Кэшер. Тебе бы это все равно не понравилось, ведь я принадлежу хозяину и никому больше. Я дам тебе другое, чего не получал еще никто. Я впечатаю в тебя мое сознание, мою личность. Техники-операторы уже в пути. Ты станешь девочкой-черепахой, Агатой Мадиган и Хечизерой Гонфалонской, и при этом останешься самим собой. И победишь. Никто и ничто никогда уже не сможет тебя убить, Кэшер, кроме несчастного случая. Бедняга! Знаешь ли, с чем ты на самом деле расстаешься?

— С чем? — прохрипел Кэшер, балансируя над бездной Великого Страха. Теперь опасность шла не извне, а изнутри его самого.

— Ты навсегда перестанешь бояться смерти. Больше оправданий у тебя не будет. Ты узнаешь, что в смерти нет ничего особенного.

Он кивнул, внутренне судорожно ища смысл в ее словах.

— Кэшер, я ведь девочка...

Широко открытыми глазами смотрел он на чудесное дитя. Это еще не все... Она стала первым квазичеловеком, превзошедшим людей. О Небо! И он хотел ее тела! Ведь в этом теле жила сила, рождавшая империи и религии! — ... и с моим импринтом в мозгу ты уже не сможешь спать с женщинами, как раньше. Ты будешь знать о них больше, чем они знают о себе. Ты будешь зрячим в стране слепых, слышащим в мире глухих. Не знаю, приятна ли будет тебе женская любовь. Он сказал мрачно:

— Если я освобожу Миззер, то я согласен. Я на все готов.

— Не бойся, в женщину ты не превратишься, — засмеялась она. — Но узнаешь мудрость. И я расскажу тебе историю Знака Рыб.

— Только не это! — взмолился он. — Это религия. Соединение навсегда запретит мне летать.

— Я поставлю блок-защиту, года на два, никто не проникнет в твои мысли. И на Миззер я отправлю тебя сама, через Космос Три.

— Это по стоимости равно большому кораблю!

— Хозяин одобрит, Кэшер. А теперь поцелуй меня — ведь ты все время хотел меня поцеловать. Может, после блока-скремблера ты еще что-нибудь будешь помнить.

Кэшер не двинулся с места.

— Поцелуй меня! — приказала И'стина.

Он обнял ее. Обычная девочка. Она привсталала на цыпочки, подняв к нему лицо. Он поцеловал ее, как целуют картину или религиозный символ. Страсть исчезла бесследно. Он целовал не девочку, а власть, грандиозную власть и мудрость, вложенную в оболочку И'стины.

— Твой хозяин целует тебя так?

Она улыбнулась.

— Очень умно! Да, иногда. Пойдем. Нужно подстрелить парочку детей, пока не приехали техники. Оружие в холле. Кстати, увидишь хороший пример того, что ты будешь уметь, когда станешь мной.

XII

По широоченной лестнице из светлого дуба они спустились на этаж, где Кэшер еще не был. Очевидно, раньше здесь был центр развлечений, когда сам господин и владелец Мюррей Мадиган еще был молод. Роботы хорошо справлялись с уборкой, не допуская в зал пыль и плесень. Кэшер обратил внимание на замаскированные сопла сушилок, охраняющие дорогую тисненую кожу обивки на стенах, бархат табуретов у стойки бара, чтобы не съела их плесень, чтобы не покоробились бильiardные столы и клюшки для гольфа не потеряли формы от времени и влаги.

"Великий Космос, — подумал Кэшер, — Мадиган мог устраивать приемы на тысячу персон." Оружейный шкаф был в отличном состоянии, стекла сверкали. Бархатистая пленка масла покрывала сталь и ореховое дерево прикладов. Ружья были древних земных образцов, очень редкие. Сейчас такими не пользуются, предпочитая современную артиллерию или концепроволоки для ближнего боя. Старые земные ружья имелись только у самых богатых коллекционеров, и только они умели из них стрелять. И'стина коснулась робота-оружейника и разбудила его. Робот отдал честь, посмотрел на И'стину и без лишних вопросов отпер шкаф.

— Тебе знакомы ружья? — спросила И'стина у Кэшера.

— В жизни не держал в руках ружья. Только концевые провода.

— Тогда, если не возражаешь, используем обучающий шлем. Я бы могла обучить тебя гипнотически, специальными приемами Хечизеры, но после гипноза часто болит голова и возникает депрессия. А у шлемов нейроэлектрические фильтры.

Кэшер кивнул, глядя на свое отражение в зеркале. Отражение кивало. Его поразили собственный жалкий и скорбный вид. Но что делать? Впервые в его жизни события вышли из-под контроля, и теперь волна несла Кэшера, как в шторм на море, не оставив ни выбора, ни ответственности. Все зависело только от Истины, от ее власти, пусть доброй и ограниченной. Вместо крейсера она предлагала ему психологическое оружие, о котором Кэшер понятия не имел, которому не мог доверять, даже не знал, как с ним обращаться. Она внимательно, долгим взглядом, посмотрела на Кэшера и повернулась к роботу.

— Кажется, ты малыш Гарри Гадриан? Сторож-оружейник?

— Да, мэм, — отпартовал робот голосом первого ученика в классе. — У меня свиный мозг, и поэтому я очень способный.

— Смотри сюда.

Она развела руки на ширину шкафа, ладони затрепетали бабочками, и руки опустились.

— Что это значит, знаешь?

— Да, мэм, — затараторил маленький робот, и поспешность придала голосу живую окраску. — Это значит: я свободен! Можно-мне-пойти-в-сад-посмотреть-на-цветы-и-деревья-и-другие-живые-вещи?

— Не сразу, Гарри Гадриан. Я заметила в саду ветровиков, они могут напасть на тебя. Сначала выполни мое поручение. Ты помнишь, где обучающие шлемы?

— Серебряные шляпы на третьей полке в кладовой, к каждому из которых присоединен провод.

— Принеси один сюда, как можно скорее. Только очень осторожно отсоединяй провод.

Маленький робот умчался с тихим стуком подошв вверх по ступенькам.

Истина подошла к Кэшеру.

— Я принял решение, я помогу тебе. Гляди веселей. Отчего ты так мрачен?

— Я не мрачен. Управляющий послал меня в Бьюрегард убить девочку-квазичеловека, а она оказалась не девочкой, а страшной женщиной, которая на самом деле давно умерла. Жизнь перевернулась с ног на голову. Все мои планы рухнули в тартарары. Ты предлагаешь мне способ осуществить мой замысел, освободить Миззер. Я столько лет к этому шел! Теперь ты осуществишь мою мечту, пусть даже через Космос Три и с запрещенными знаниями, впечатанными в мой мозг. Как я с этим всем справлюсь — ума не приложу. Сейчас мы будем стрелять в детей. Я в жизни подобного не делал, но я подчиняюсь тебе. Истина, я выдохся, устал, изнемог. Я как выжатый лимон. Я в твоей власти, но я не хочу даже думать об этом.

— Кэшер, сейчас ты на Генриаде, планете-неудачнице, планете-развалине, планете-банкроте. Но не пройдет и недели, как тебя обнаружат среди раненых армии полковника Веддера на Миззере, рядом с Седьмым Нилом. Ты увидишь синее небо родной планеты и будешь готов совершить то, что должен. Память обо мне останется только в смутных воспоминаниях — чтобы ты не смог вернуться или выдать другим секреты Бьюрегарда. Но ты будешь помнить, что любил меня. Может, — она улыбнулась ласково, немного лукаво, как она всегда это делала, — ты женишься на местной девушке, потому что ее тело или лицо напомнят обо мне.

— Через неделю? — охнул Кэшер.

— Даже скорее.

— Да кто ты такая, — прорвало Кэшера, — чтобы манипулировать судьбами настоящих людей? Ты, квазичеловек!

— Я не просила этой власти, Кэшер. Обычно власть не приходит, если ищешь ее. У меня осталось восемьдесят девять тысяч лет жизни, и, пока жив мой хозяин, я буду его любить и заботиться о нем. Разве он не прекрасен и умен? Ну разве он не самый замечательный хозяин в мире?

Кэшер вспомнил старца с пластиковыми гнездами мониторов, вживленных в тело, в вылинявших пижамных брюках и промолчал.

— Ничего не говори, — сказала И'стина. — Я понимаю, ты его видишь другими глазами. Они изменили мой череп, увеличили мозг, подняли мой коэффициент интеллекта выше нормы обычного человека. Я была маленькой счастливой девочкой, когда они заколдовали меня: голосом, прикосновением, изображением — приворожили меня к хозяину. Потом они отвели меня в палату, к постели умирающей женщины, посадили в машину, в другую посадили ее. Когда все кончилось, они вытащили меня в коридор, на коврик. На мне было розовое платье, голубые носки и розовые туфли. Они знали, что я не умру. Понимаешь, Кэшер? Это было девятьсот лет назад. Я долго плакала, устала и заснула. Кэшер ничего не мог ответить, он только кивнул.

— Я всегда была девочкой. Я не помню, как я была черепахой, как ты не помнишь утробы матери или лабораторной колбы. И за один час я перестала быть девочкой, мне уже не нужно было ходить в школу — я получила ее образование, очень хорошее. Она умела говорить на двадцати языках. Она была психологом-гипнотистом, стратегом. И еще — тираном-домоправительницей. Я плакала, потому что кончилось детство, и знала, что буду делать дальше, и я знала, что смогу. Я по-прежнему любила хозяина, но уже перестала быть его маленькой очаровательной помощницей, которая подает таблетки, цукаты и пиво. Я увидела правду: Агата Мадиган умерла, и теперь мне предстояло заботиться, защищать моего хозяина и мою планету. Если я полечу с тобой и буду защищать тебя, я стану взрослой ко времени, когда умрут от старости твои прапраправнуки.

— Нет, что ты, забормотал Кэшер О'Нейл. — Но как же твоя собственная жизнь? Может быть, семья? Красивое лицо И'стины вдруг стало серьезным, как от удара. Теперь это было лицо Агаты Мадиган, женщины бесконечной мирской мудрости, возродившейся для мирских дел при помощи этой мудрости.

— Заказать себе мужа из черепашьего садка? Или продать кусок поместья на промышленный корабль? Ведь я всего лишь квазичеловек, как ты говоришь. Возможно, я и животное, но цивилизованности во мне больше, чем во всех дикарях-ветровиках вместе взятых, а ведь они настоящие люди! Бедняги! Настоящие люди счастливы поймать

утку и сожрать ее сырой, разорвав в клочья! Я не намерена проигрывать, Кэшер, я намерена победить! Мой хозяин создал меня, и я буду исполнять то, для чего он меня создал. А ты, Кэшер, вернешься на Миззер и освободишь планету, хочешь ты этого или не хочешь! Они услышали топот быстрых ножек робота по лестнице. Маленький серебристый робот Гарри Гадриан влетел в зал с обучающим шлемом в руках. Он был счастлив.

— Займи пост, — приказала ему И'стина. — Ты молодец, Гарри. Когда ветровики уйдут, я разрешу тебе погулять в саду.

— А можно мне залезть на дерево? — спросил малыш.

— Да, если ветровики уйдут.

Гарри Гадриан занял пост у оружейного шкафа. В руке у него был ключ — необычный ключ, с заостренным концом и длинный, как шило. Кэшер решил, что это магнитный ключ прямой разновидности, настроенный на замок серией магнитных матриц по всей длине.

— Присядь на пол на минутку, — попросила И'стина. Она опустила шлем на голову Кэшера, подтянула ремешки справа и слева маленькими рычажками, чтобы шлем сидел ровно и плотно.

Улыбнувшись чуть виновато, лизнув палец, она смочила слюной два электрода, и они легли на виски Кэшера. Она настроила верньеры на шлеме, подняла шнур, шедший от шлема сзади, и приложила конец к своему лбу. Кэшер услышал щелчок.

— Готово, — словно издали донесся певучий голос И'стины.

Но его сейчас интересовали только шкаф и ружья. Он знал их все и любил некоторые из них. Он помнил ощущение их прикладов на плече, прямую линию ствола, приятную тяжесть ложа в поддерживающей руке, награду толчка отдачи. Он знал о них все, правда, не понимал, откуда он это знает.

— Хечизера была заядлой спортсменкой, — тихо объяснила И'стина. — Все ее знания и навыки впечатались в твой мозг через меня. Давай возьмем вот эти два.

Повинуясь ее жесту, Гарри Гадриан отворил шкаф и извлек два громадных ружья, похожих на земные мушкетеры докосмической эпохи.

— Если ты хочешь охотиться на детей, — тоном новопеченного знатока заметил Кэшер, — эти штуки не годятся. Они разнесут детей в клочки.

Истина опустила руку в сумку на пояс, вытащила три больших ружейных патрона, похожих на охотничьи.

— Еще три осталось, — сказала она. — Шестерых детишек нам хватит. Кэшер посмотрел на патрон. Таких он еще не видел: невероятно тонкая и сложная обработка.

— Что это за патроны? У них необычный вид.

— Концевые парализаторы. Пролетая в десяти сантиметрах над головой, покаутируют любое живое существо.

— Дети нужны живыми?

— Живыми, конечно. Но без сознания. Это часть твоей последней проверки.

Два часа спустя после увлекательной вылазки к границе погодной зоны на полу в холле лежало шесть неподвижных детских тел: четыре мальчика и две девочки. Тела были худые, с тонкими костями, мягкими длинными волосами, но сильных отклонений от земного стандарта Кэшер не заметил.

Истина вызвала врача-квазичеловека. В зале собралось много слуг — квазилюдей и роботов, всего пятьдесят или шестьдесят. Выше, на лестнице, полускрытый в тени, стоял Джон Веселое Дерево. Кэшер подозревал, что капитана мучает такое же любопытство, как и всех остальных, но подойти он не решается, страшась Кэшера, “человека крови”.

Истина тихо осведомилась у врача:

— Можно им сначала дать сильное эйфорическое? Чтобы они не испугались, когда проснутся, и нам не пришлось бы вылавливать их по всему дому?

— Нет ничего проще, — согласился врач. Кажется, он происходил от собаки, хотя Кэшер не мог определить наверняка.

Доктор взял стеклянную трубочку, коснулся шеи каждого ребенка. Шеи были тонкие и грязные — эти детки в жизни не мылись, кроме как под дождем.

— Разбуди их, — приказала Истина.

Доктор перешел к столику на колесиках. Очевидно, приборы были настроены заранее, потому что он только нажал на кнопку — и дети зашевелились.

Первая реакция — инстинкт бегства. Они приготовились удирать. Самый старший мальчик, лет десяти по земным меркам, сделал три шага... И захохотал.

Истина обратилась к детям ветровиков на старом человеческом языке, произнося слова очень медленно и ясно:

— Дети... ветра... вы... знаете... где... вы? Старшая девочка прошептала что-то в ответ так быстро, что Кэшер не уловил смысла.

Истина повернулась к Кэшеру.

— Она сказала: “Они внутри мертвого места, где никогда не дует ветер и древние мертвые заняты собственными делами”. Девочка нас имеет в виду.

Она снова заговорила с детьми:

— Чего... вам... хотелось... бы... больше... всего?

Старшая девочка пошептала со всеми детьми по очереди, они согласно кивнули. Потом стали в круг и принялись напевать. Со второго раза Кэшер разобрал слова:

Татка — татка — татка

Тутка — тутка — тут

Нужна большая утка

Татка — татка — татка

Тутка — тутка — тут!

Повторив куплет раз пять, дети замолчали и посмотрели на Истину: они верно угадали в ней хозяйку дома. Истина, в свою очередь, обратилась к Кэшеру:

— Они думают, что больше всего хотят любимое лакомство племени — сырую утку. Они получают утку вместе с прививкой от наиболее опасных местных болезней. Потом они получают свободу. Но им необходимо нечто иное. И ты знаешь что. Ты можешь найти ответ. Начиная!

Взгляды всех присутствующих обратились к Кэшеру — глаза людей и квазилюдей, молочно-матовые линзы роботов. Кэшер стоял, объятый страхом.

— Это последнее испытание? — тихо поинтересовался он.

— Можешь считать это испытанием, — сказала Истина, глядя в сторону. — Можно сказать и так. Мысли Кэшера помчались неистово. Превратить детей в забывщи-

ков? Никакой пользы. В доме забывшиков и без них хватает. Истина обещала их отпустить на волю — значит, в доме они не останутся. Проблема ветровиков? Наверняка, так или иначе, Мюррей Мадиган велел ей эту проблему решить. Чего же она ждет он него, Кэшера?

Ответ пришел, как вспышка, как молния.

Если она спросила у него, значит, ответ должен касаться чего-то, чем он владеет и чего не хватает этим детям. Чего-то недостающего у других людей и роботов в доме. Чего-то, что именно он, Кэшер, принес в осажденный смерчами Бьюрегард. И он вдруг понял.

— Воспользуйся моей помощью, госпожа Тина, — сказал он, намеренно прибегнув к неправильному обращению. — Впечатай в сознание этих детей не знания, которыми я владею, но мой эмоциональный портрет, мои страсти и стремления. От знаний им пользы не будет: ни о Миззере и Двенадцати Нилах, пробивающих русло сквозь Блуждающие Пески, ни о Понтопиддале, планете Драгоценных Камней, или об Олимпии, где слепые маклеры прогуливаются под нумерованными облаками. Знания эти детям не помогут. Но ж е л а н и е...

Желание — вещь иного свойства.

Вот чем Кэшер О'Нейл отличался от остальных. Он желал вернуться на Миззер, и страсть эта была выше даже жажды крови и мести. Он умел желать с дикой, яростной силой, бросавшей его через всю Галактику. Истина заговорила тихо, но так, чтобы и остальные слышали:

— Итак, Кэшер О'Нейл, что следует дать им от тебя? Какими твоими чертами наделить их?

— Моей эмоциональной структурой, моей решительностью, моим желанием. Это все. Швырни их потом обратно в ветер. И если желание проснется в них с достаточной силой, они вырастут и узнают, чего хотят. Подумав секунду, Истина кивнула в знак согласия.

— Ты нашел правильный ответ, Кэшер, и нашел его быстро. Ты проник в суть. Юнис, принеси семь шлемов. Доктор, будьте рядом. Горничная Юнис, она же забывщица-убийца, ушла, взяв в помощь двух роботов.

— Кресло! — приказала Истина. — Для него!

Высокий мускулистый квазичеловек раздвинул толпу и притащил с другого конца зала тяжелое кожаное кресло.

“Но как все странно! — думал Кэшер. — Великая властительница и девочка-подросток одновременно. Встречу ли я похожую на нее когда-нибудь?” Он уже больше не страшился Знака Рыб, изображения распятого на двух брусках. Не вызывал в нем больше дрожи ужаса Космос Три, куда отправилось столько путешественников и откуда вернулось так мало. Он чувствовал покой и безопасность, мудрость и власть И’стины. Он предчувствовал, что ничего подобного с ним уже не произойдет, никогда он больше не встретит ни ребенка, правящего планетой, ни полумертвеца, чья нить жизни скреплена бесконечной преданностью служанки, ни неистовой волшебницы гипноза, перепрыгнувшей в жизнь после смерти, но уже без человеческой злобы в искусственно измененных черепаших генах, хранящих ее отпечаток.

— Догадываюсь, о чем ты думаешь, — сказала И’стина. — Но мы уже сказали друг другу все, что нужно было сказать. Я не раз и не два прошупывала твоё сознание, и знаю точно: Космос Три выплюнет тебя у развалин форта на берегу Седьмого Нила, там, где река начинает большой изгиб, ибо ты отчаянно хочешь вернуться на Миззер. Я люблю тебя, Кэшер, по-своему, но могу оставить тебя здесь только забывщиком, только слугой моего господина. Ты ведь знаешь, он для меня — самое главное.

— Мадиган...

— Мадиган... — повторила она, и в устах ее само имя владельца звучало молитвой. Юнис принесла шлемы.

— Когда с этим будет покончено, Кэшер, тебя перенесут в кондиционную. Прощай, мой несбывшийся! И на глазах у всех она поцеловала его в губы.

Кэшер был полон спокойной уверенности и терпения. Начал меркнуть свет, но он все еще видел голубое платье, и в памяти его звучал тихий ласковый смех. В последний миг, когда еще не погасло сознание, он заметил нового человека в зале: высокого старца в застиранном купальном халате, с выцветшими голубыми глазами и редкими соломенными волосами. Мюррей Мадиган покинул свою страну жизни и смерти, чтобы последний раз взглянуть на Кэшера О’Нейла. И теперь он не выглядел слабым или выжившим из ума. Он снова стал великим, мудрым, вне разу-

мения Кэшера О'Нейла. Маленькая ладонь И'стины нежно тронула его руку, и опустилась черная бархатная безмолвная тьма.

XIII

Когда Кэшер проснулся, то увидел, что лежит обнаженный под жарким небом Миззера. Два солдата с нашивками санитаров подхватили его на брезентовые носилки.

“Миззер! — воскликнул он про себя. В горле было слишком сухо. — Я дома!”

Вдруг лавиной вернулась память, и он попытался удержать ее, но напрасно: возникнув, воспоминания тут же исчезли, и даже будь у него бумага, он не успел бы их записать.

Он вспомнил: большой зал, он сам — в черном кресле, среди собравшихся — сам великий Мюррей Мадиган, ласковые пальцы И'стины, его любимой, его девочки, она теперь на расстоянии бесчисленных световых лет от него.

Еще он вспомнил: иная комната, с цветными витражами и запахом благовоний, сцены страданий и слез и сцены величия на фресках; два деревянных бруска и человек, прибитый к ним, распятый; закодированная, спрятанная в его сознании, хранится теперь последняя и непобедимая мудрость Знака Рыб. Кэшер это знал. И он знал, что больше никогда не сможет бояться.

И еще он вспомнил: яркий свет, игорный стол, крупье сгребает лопаткой богатства тысячи планет к нему, Кэшеру. Он был женщиной: красивой, полногрудой, гордой, усыпанной драгоценностями. Он был Агатой Мадиган, он ставил и выигрывал. (“Это перешло от И'стины во время импринтирования”, — подумал Кэшер). И в сознании Хечизеры Гонфалонской, чье сознание теперь тоже принадлежало ему, горели достоверные знания о том, как добиваться власти над людьми, квазилюдьми и даже роботами, склонять их к сотрудничеству, не пролив ни капли крови и не произнеся ни единого сердитого слова.

Он услышал голос санитаря:

— Очень сильные ожоги. Интересно, куда делась его форма?

Обычные слова, но какая музыка, музыка родной речи Миззера! Они подняли носилки, а Кэшер вспомнил лицо Ранкина Майклджона, его глаза, со скрытым глубинным отчаянием глядящие поверх полного стакана. Управляющий Генриадой, тот, что послал Кэшера в Бьюрегард в 2.75 утра. Носилки немного трясло.

Он вспомнил болота Генриады и понял, что скоро не сможет вспомнить вообще ничего. Черви смерчей на границах погодной зоны. Безумное и мудрое лицо Джона Веселое Дерево. Космос Три? Космос Три? Он уже сейчас не помнил, как его запускали через Космос Три. Кошмары человечества всех веков ворвались в сознание Кэшера. Он забился в агонии, носилки как раз ставили на санитарную повозку. Он увидел лицо девушки — как же ее з в а л и? И заснул.

XIV

Четырнадцать миззерских дней спустя произошло первое испытание.

Два полковника — врач и контрразведчик, — оба в рабочих мундирах сил специального назначения полковника Веддера, стояли у кровати Кэшера О'Нейла.

— Ваше имя — Кэшер О'Нейл. Непонятным образом вы очутились среди раненых и убитых в вылазке, — сердито проговорил полковник-врач.

Кэшер О'Нейл смотрел на него, не поднимая головы с подушки.

— Еще что-нибудь скажите, — шепотом попросил он врача.

— Вы политический преступник, мы пока не знаем, как удалось вам затесаться в наши ряды, но вы нарушили закон. Как вы вообще оказались на планете? Вас нашли на берегу Седьмого Нила.

Полковник-контрразведчик согласно кивал в такт словам врача.

— Вы то же самое думаете? — обратился Кэшер к контрразведчику.

— Вопросы буду задавать я! — отрезал полковник.

Вдруг каким-то невидимым пальцем — до сих пор Кэшер не подозревал о его существовании — он прошупал сознание полковников. Обычными словами трудно было описать ощущение. Как будто некто прошептал Кэшеру на ухо: “У этого уязвима левая передняя доля, зато второй неплохо бронирован спереди, его можно достать через средний мозг”. Кэшер не боялся, что его выдаст выражение лица: слишком сильная боль терзала его, было не до тонкостей мимики. (Где-то он слышал невероятную легенду о Хечизер Гонфалонской... Но где? Где-то бешеные бесконечные ураганы поднимали в желто-коричневое небо болота низин... Но где, когда, что это было? Времени вспоминать не было. Ему предстоит драться за собственную жизнь).

— Мир вам, — прошептал Кэшер.

— Мир вам, — хором, немного удивленно, ответили полковники.

— Наклонитесь ко мне, — сказал Кэшер, — мне тяжело говорить.

Полковники стояли остолбенев.

Где-то в тайниках своей памяти Кэшер отыскал верную ноту, верный тон, несущую волну, которая будет бить в цель, заставит этих двоих исполнить его желание.

— Это Миззер, — прошептал Кэшер.

— Конечно, Миззер, — отрезал контрразведчик. — А вы — Кэшер О’Нейл. Что вы здесь делаете?

— Наклонитесь ко мне, господа, — сказал он так тихо, что те двое едва могли услышать его слова.

На этот раз они подчинились.

Обожженные руки Кэшера потянулись к ним, полковники заметили движение, но Кэшер был тяжело ранен и без оружия, и они не испугались, позволив ему дотронуться. Их сознания ярко вспыхнули внутри его собственного, как если бы он одним духом проглотил оба чужих мозга. Больше он не открывал рта. Он обращался к ним мысленно — мыслью-поток, мыслью-ливнем: “Я не Кэшер О’Нейл. Его тело вы найдете в другой палате, через четыре двери дальше по коридору. Я штатское лицо, меня зовут Биндо”. Полковники, тяжело дыша, смотрели только на Кэшера. Ни один из них не проронил ни слова. Кэшер

продолжил: “Наши отпечатки пальцев и досье перепутались. Передайте мне дело погибшего Кэшера О’Нейла, быстро. Похороните тело с почестями. Когда-то он любил вашего вожда. Не стоит распространять слухи о его непонятном возвращении из космоса. Меня зовут Биндо. Вы найдете мое досье в административном отделе. Я гражданское лицо, специалист по химии крови, проводил полевые исследования кровяных солей. Вы слышите меня, господа? Вы слышите меня сейчас? Вы всегда будете меня слышать, но ничего не вспомните, когда проснетесь. Мне плохо. Принесите мне воды и обезболивающее”. Его мозг все еще крепко держал полковников в трансе. — Проснитесь, — приказал Кэшер О’Нейл. И отпустил их руки.

Полковник-врач поморгал и сказал дружелюбно:

— Вам скоро станет лучше, господин Биндо. Санитар принесет вам воды и обезболивающее.

Он повернулся к полковнику из контрразведки.

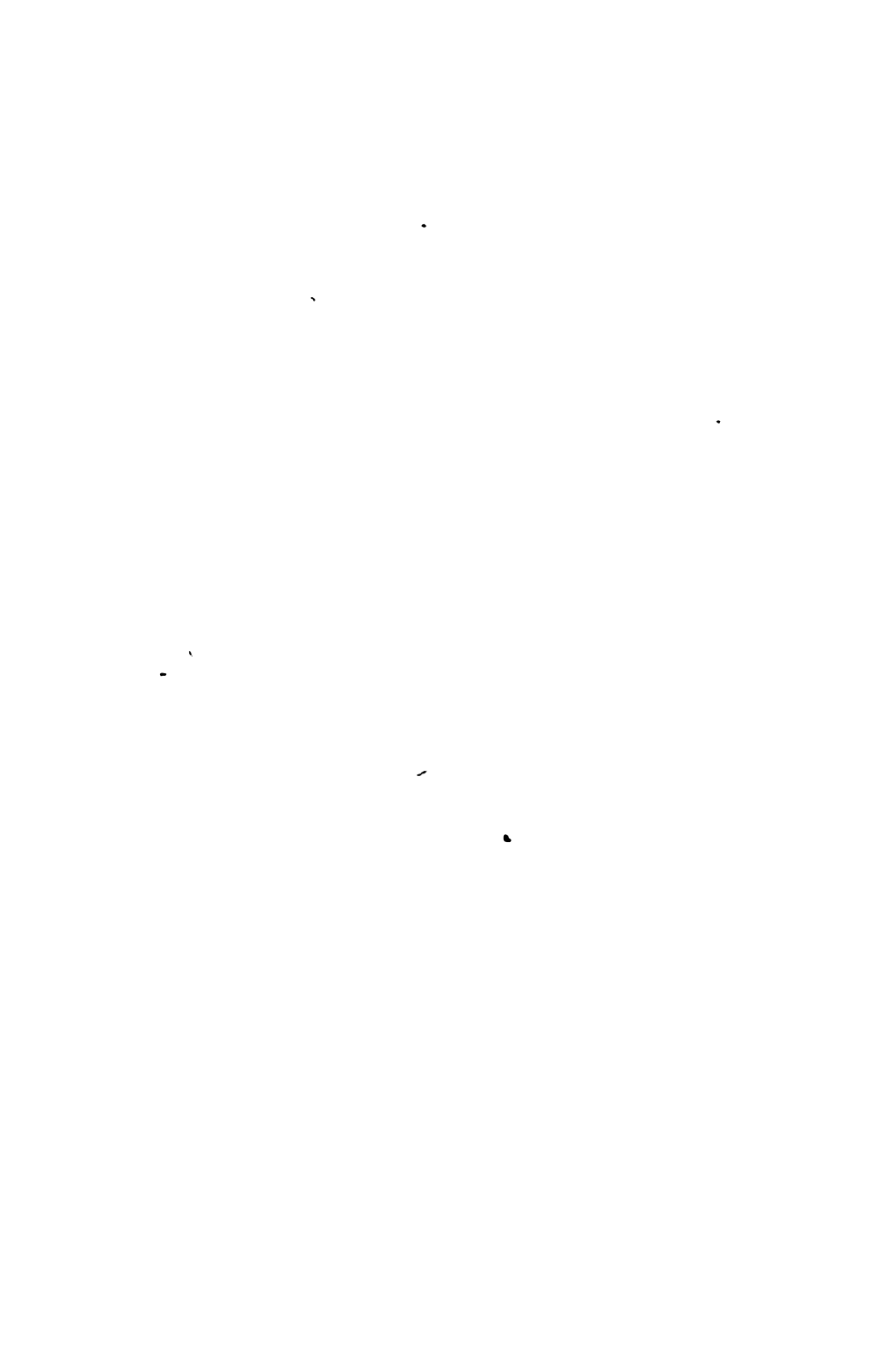
— В палате дальше по коридору есть любопытный труп. Вам нужно на него взглянуть.

Кэшер О’Нейл лежал и пытался вспомнить, что же с ним происходило совсем недавно. Но вокруг было слишком много голубого света Миззера и запаха песка. Где-то стучали копыта лошадей, скачущих галопом. На миг он вспомнил голубое детское платье и, непонятно почему, заплакал.

НА ПЛАНЕТЕ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

New York 1972

Представьте себе лошадь. Она взобралась через расселины на утес из драгоценных камней. И любовь человека была той силой, которая двигала ее.

Представьте себе Миззер, планету утешения, где наследный правитель, полковник Уэддер, поставил все явления общественной жизни в такие жесткие рамки, что малейший отход от стандарта стал рассматриваться как преступление.

Представьте себе Женевьеву, которая была так богата, что стала пленницей собственного богатства; которая была так прекрасна, что стала жертвой собственной красоты; которая была так умна, что знала: ничего, абсолютно ничего нельзя поделаться со своей судьбой.

Представьте себе Кэшера О'Нейла, блуждавшего среди планет, жаждавшего справедливости и в глубине души таившего надежду, что справедливость и месть — разные вещи.

Представьте себе Понтопидан, планету из драгоценных камней, где люди были слишком богаты и заняты, чтобы иметь хорошую пищу, свежий воздух и здоровые развлечения. Все, что у них было, — это алмазы, рубины, турмалины и изумруды.

Соедините все это и вы узнаете одну из самых странных историй, которую рассказывают в различных мирах.

I

Когда Кэшер О'Нейл прибыл на Понтопидан, он узнал, что ее столица называлась Андерсен. Шло второе столетие Возрождения Человека. Повсюду люди выискивали себе ста-

ринные имена, разговаривали на мертвых языках, следовали древним обычаям. И происходило это с такой быстротой, с какой роботы и люди-животные-гомункулы могли извлекать информацию из всякой рухляди на заброшенных звездных путях или в подземных руинах самой колыбели Человека.

Возрождение сыграло роковую роль в судьбе Кэшера. На его родной планете Миззер оно привело к революции и его изгнанию. Кэшер был племянником бывшего правителя планеты, Курафа, чья коллекция фильмов об обычаях разных планет считалась богатейшей в заселенной части Галактики. Кэшер оставался в стороне от политической борьбы, выражая впрочем молчаливое одобрение, когда полковники Джибна и Уэддер взяли планету в свои руки во имя реформы. Он обратился с мольбой о помощи к Содействию лишь тогда, когда Уэддер стал тираном, но безрезультатно. И вот теперь он путешествовал среди звезд в поисках людей и оружия, чтобы уничтожить Уэддера и сделать столицу Миззера Кахир богатым и прекрасным городом, каким он был прежде.

О'Нейл почувствовал, что его дело безнадежно, когда приземлился на Понтопидане. Люди здесь были добросердечны, дружелюбны и умны, у них не было причин для войн, не было оружия для борьбы и не было врагов, с которыми следовало сражаться. Уровень общественного сознания был здесь не слишком высок. Понтопидан занимали в основном мелкие повседневные дела.

Во время его прибытия, понтопидане находились в состоянии крайнего возбуждения из-за лошади. Какая ерунда! Ну кто из миззерян стал бы волноваться из-за какой-то лошади?!

Именно так и заявил Кэшер О'Нейл:

— К чему столько волнений из-за лошади? У нас на Миззере масса лошадей. Это существа с четырьмя руками, и весят они в восемь раз больше человека. На каждой руке у них по одному пальцу. Ноготь на пальце очень прочный, и поэтому они быстро бегают. Наш народ держит их для езды.

— А зачем ездить? — удивился герцог Уинсент, наследный правитель Понтопидана. — Зачем ездить, если можно летать? У вас что, нет орнитоптеров?

— Мы не ездим на них, — возразил Кэшер с негодованием. — Мы заставляем их бегать наперегонки, и та, что выигрывает, получает приз.

— Но тогда, — заметил Филипп Уинсент, получается как-то нелогично. Испытав этих четырехпальцевых созданий, вы узнаете, кто из них самый быстрый. И что дальше? Какой в этом смысл?

Племянники его прервала. Это было маленькое хрупкое создание. Кэшер О'Нейл любил женщин покрупнее с ясными серыми глазами, тщательно очерченными бровями, изысканной прической из серебристых волос и маленьким, очень чувственным ротиком. В соответствии с местной модой лицо племянницы покрывала какая-то пудра или мазь, розовая, под цвет лица, но с оттенком сиреневого. Женщину двадцати двух лет такой оттенок уже бы старил, и она выглядела бы как потасканная кокетка. На Женевьеву же приятно было смотреть, хотя ее экстравагантность и была в глаза. Она производила впечатление счастливого ребенка, играющего во взрослого, и это у нее хорошо получалось. Кэшер знал, что на этих отдаленных планетах порой трудно угадать возраст их обитателей. Женевьева могла оказаться и шикарной дамой далеко не первой молодости. Однако вновь взглянув на нее, Кэшер усомнился в своем предположении. Говорила она с юношеской дерзостью.

— Но дядя, они же животные!

— Знаю, — пробормотал дядя.

— Но дядя, разве ты не понимаешь?

— Перестань говорить “но дядя”, и скажи, что ты имеешь в виду, — проворчал с теплотой в голосе диктатор.

— О животных ничего нельзя сказать наверняка.

— Ну конечно, — согласился дядя.

— Это получается как в игре, дядя, — поясняла Женевьева. — Они никогда не уверены, что кто-нибудь из них дважды сделает одно и то же. Представь себе, какое это чудесное зрелище: прекрасные огромные создания с Земли бегают по кругу на своих четырех пальцах, а их большие ногти выбивают драгоценные камни из почвы!

— Не думаю, что это действительно так. Планета Миззер богата не драгоценными камнями, как наша, а землей. У тебя ведь есть горшки с богатой, питательной и мягкой землей, не так ли?

— Конечно, дядя. И я знаю, сколько ты заплатил за нее. Ты был очень щедр. И до сих пор щедр, — дипломатично добавила она, быстро взглянув при этом на Кэшера

О'Нейла, чтобы выяснить, как он оценил семейную любовь.

— Мы не очень богаты землями на Миззере. В основном это пески, а земля для возделывания есть только вдоль Двенадцати Нилов — это наши крупные реки.

— Я видела фотографии рек, — вспомнила Женестьева. — Воображаю, как живет в мире полном земли для цветочных горшков!

— Ты отклонилась от темы, дорогая. Мы лишь хотели узнать, зачем кому-то понадобилось привозить лошадь на Понтопидан. Я думаю, вы могли бы посостязаться с лошадью, если бы у вас был секундомер. Но будет ли это интересно? Попробуете, молодой человек?

Кэшер О'Нейл постарался не выйти за рамки приличий.

— На моей родине лошади соревнуются лишь между собой. Я видел, как мой дядя засекал время каждой из множества участниц соревнований.

— Ваш дядя? — заинтересовался правитель. — А кто же такой ваш дядя, если у него по кругу бегают эти ваши четырехпалые лошади? Ведь они с Земли и очень дорогие.

Кэшер почувствовал, как у него сдвинуло горло.

— Мой дядя... я думал, вы знаете... был прежним правителем на Миззере.

Герцог Уинсент для человека его комплекции легко вскочил на ноги. Юная Женестьева судорожно схватилась за горло.

— Кураф! — воскликнул диктатор. — Кураф! Даже у нас мы слышаны о нем. Но ведь вы вроде патриот Миззера, а не человек Курафа.

— У него не было детей... — сказал Кэшер.

— Конечно же, при его-то образе жизни, — проворчал старик.

— ... а я его племянник и наследник. Но я не хочу восстанавливать тоталитарную власть, даже если и стану правителем. Просто я хочу избавиться от полковника Уэддера. Он разорил мой народ, и я ишу деньги, оружие или поддержку, чтобы освободить родную землю от гнета.

Суть была именно в этом, подумал Кэшер О'Нейл. После такого заявления люди либо начинали ему верить, либо нет. Если не верили, он вряд ли мог что-то поделать. Если верили, он мог вызвать у них некоторую симпатию. Поначалу только симпатию — не помощь.

Однако Содействие, отказавшись предпринимать какие-либо действия против полковника Уэддера, выдало О'Нейлу пропуск путешественника по всему миру. Это было то, чего обыкновенный человек не мог приобрести даже за сбережения в течение сотен жизней. Его порочный старый дядя уехал в Санвейл на Триалле, заброшенную планету, чтобы там доживать между казино и пляжем. О'Нейл стал совестью Миззера. Только он, единственный среди межзвездных путешественников, серьезно помышлял о том, чтобы бороться за свободу Двенадцати Нилов. И здесь мог настать решающий момент.

— Я не намерен оказывать вам поддержку, — заявил наследственный правитель, но произнес это дружественным тоном.

Племянница дернула его за рукав.

Старик продолжил:

— Перестань, девочка. Я не собираюсь давать тебе ничего, если ты из рода этих порочных Курафов, если только...

— Все что угодно, сэр, чтобы я мог получить помощь или оружие и вернуться домой к Двенадцати Нилам.

— Ну ладно. Если только ты откроешь мне свой ум, я ведь очень неплохой телепат.

— Открыть мой разум? Но зачем?

Это было совершенно неприлично, и О'Нейл был шокирован.

Различные мужчины и женщины, правительства планет добивались от него множества странных вещей, но никто прежде с такой беззастенчивой наглостью не просил его открыть ум.

— Зачем вам мой ум? — продолжал О'Нейл. — Какая вам от этого польза? В моей памяти нет ничего особенного.

— Чтобы убедиться, — объяснил наследственный правитель, — что ты не слишком носишься со своими убеждениями. Если ты уверен, что знаешь, что надо делать, ты можешь стать еще одним полковником Уэддером и принести своему народу много новых страданий ради какой-либо неосуществимой утопии. А если тебе, наоборот, на все наплевать, ты можешь стать похожим на своего дядю. Правда, по-настоящему, он не приносил большого вреда. Он просто обкрадывал планету и у него были необычные привычки, о которых ходили сплетни среди звезд. Но ведь за всю свою жизнь он никого не убил, не так ли?

— Нет, сэр, — подтвердил О'Нейл. — Никого

Кэшеру было приятно, что он может сказать хоть одно доброе слово о своем дяде, ведь о нем мало что можно было сказать хорошего.

— Я не люблю распутных старых слюнтяев, подобных твоему дяде, — сказал Филипп Уинсент, — но они и не вызывают у меня ненависти. Они не очень обижают других. По-настоящему они обижают только себя. Они просят свое богатство. Вот как с теми лошадьми на Миззере. Мы никогда бы не завезли в Понтопидан живых существ, только для того, чтобы играть с ними. А ты знаешь, мы хоть и не так богаты, как Старая Северная Австралия, но у нас здесь хорошие доходы.

О'Нейл не стал спорить. Он был осторожным юношей, а ставка была слишком велика, и он промолчал.

Правитель поглядел на него пронизывающим взглядом. Ему понравилось тактичное молчание Кэшера. Женестьева вновь потянула его за рукав, но он, нахмурившись, не прореагировал.

— Если, — продолжил Уинсент, — ты выдержишь два испытания, я дам тебе зеленый рубин величиной с мою голову. Конечно, если разрешит мой совет. Но мне думается, я смогу их уговорить. Первое испытание состоит в том, что ты позволишь мне заглянуть в свой ум, и я смогу убедиться, что не имею дело с очередным фанатиком, который представляет опасность для человечества. В противном случае я угощу тебя обедом и отправлю с планеты как можно быстрее. А второе испытание состоит вот в чем: реши загадку нашей лошади. Единственной лошади на Понтопидане. Почему здесь это животное? Что мы должны с ним делать? Если оно вкусное, как его приготовить? Или, быть может, мы можем продать лошадь в другой мир, подобный вашему Миззеру, где, как видно, ценят лошадей?

— Благодарю вас, сэр, — сказал Кэшер О'Нейл.

— Но, дядя... — начала было Женестьева.

— Помолчи, детка, дай юноше сказать, — остановил ее диктатор.

— Я хотел спросить только, — сказал О'Нейл, — что можно сделать с зеленым рубином. Я даже не знал, что они бывают зеленые.

— Это то, в чем мы специализируемся на Понтопидане. У нас развиты геолого-химические науки. Ученые установили, что наша планета изначально являлась осколком другой взорвавшейся планеты. А использовать рубин просто. С помощью зеленого рубина вы получите луч лазера, который может смести весь город Кахир в одно мгновение. Но тебе придется еще попутешествовать, чтобы найти корабль и получить аппарат для установки твоего зеленого рубина. Если, конечно, я дам его тебе. Тогда ты еще далеко продвинешься в своей борьбе с полковником Уэддером.

— Благодарю вас, благодарю вас, достопочтенный сэр! — воскликнул Кэшер О'Нейл.

— Но, дядя, — все-таки выговорила Женевьева, зачем устраивать эти два испытания, если я знаю ответы на твои вопросы?

— Ты узнала все о нем, — уточнил правитель, — с помощью какого-либо своего способа?

Женевьева вспыхнула под гримом сиреневого цвета.

— Я знаю столько, сколько необходимо для нас.

— А откуда ты это знаешь, дорогая?

— Просто знаю.

Дядя ничего не сказал, только снисходительно улыбнулся, как будто уже не раз слышал эту фразу раньше.

Она топнула ножкой.

— И о лошади я тоже знаю, абсолютно все.

— А ты ее видела?

— Нет.

— Ты говорила с ней?

— Лошади не умеют говорить.

— А большинство гомункулов могут, — сказал дядя.

— Но это не гомункул. Это обыкновенная неизменившаяся старая земная лошадь. Она никогда не разговаривала.

— Тогда что же ты знаешь, моя дорогая? — В голосе дяди звучала любовь, но присутствовала также и нотка нетерпения.

— Я засняла все. Историю лошади Понтопидана. Я собиралась показать вам ее сегодня утром, но ваша канцелярия послала сюда этого молодого человека.

Кэшер О'Нейл взглянул на Женевьеву извиняющимся взглядом.

Она не заметила его. Она глядела на дядю.

— Ну что ж, раз ты все это сделала, можно взглянуть. Он посмотрел на обслуживающих.

— Внесите стулья и принесите напитки. Вы знаете, что пью я. Юная леди выпьет чай с лимоном. Настоящий. Вам кофе, молодой человек?

— У вас есть кофе! — воскликнул Кэшер О'Нейл.

И сразу почувствовал, что сморозил глупость. Понтопидан был богатой планетой.

Стулья расставили по местам, принесли напитки. Наследный правитель выглядел задумчивым, словно еще и еще раз взвешивал в уме свое предложение Кэшеру О'Нейлу. Наконец он обратился к гостю, понизив голос:

— Наш уговор остается в силе? Не обращайтесь внимания на то, что говорит моя племянница.

Кэшер энергично кивнул. И правитель снова начал хмуриться на своих и успокоился только тогда, когда тигрочеловек вошел в комнату, неся поднос с акробатическим изяществом. Стулья стояли уже на месте.

Уинсент велел племяннице сесть и кивком предложил Кэшеру О'Нейлу занять место по другую сторону от себя.

Затем приказал:

— Притушите свет.

Комната погрузилась в полутьму.

Люди заняли места за тремя основными сиденьями, а гомункулы присели на скамейки позади них. Говорили очень мало. Кэшер О'Нейл подумал, что правитель Понтопидана не слишком обременен заботами, если он интересовался такой чепухой как какая-то лошадь. Похоже было, все его обязанности исчерпывались опекой племянницы и наблюдением за тем, как роботы грузят драгоценные камни, в то время как гомункулы взвешивают их, делают записи и выписывают счета заказчикам.

II

Видеофон оказался удивительным устройством. Экрана не было.

Тем не менее прямо перед ними появилось изображение планеты Понтопидан. Она сверкала в безвоздушном про-

странстве, словно демонстрируя, какие несметные сокровища сокрыты в ее недрах. То тут, то там виднелись огромные купола, похожие на тот, в котором располагался дворец.

Голос Женевьевы, по-девичьи звонкий, начал за кадром рассказ о планете. Очевидно ее информация была подготовлена не только для отца, но и для гостей из внешнего мира. Конечно же, подумал Кэшер О'Нейл, если они не производят достаточно продуктов питания с помощью гидропоники и у них нет ни единого настоящего человеческого поселения, то им придется активно вести торговлю, привлекая заинтересованных лиц из других миров.

Рассказ был интересным, но сама девушка вызывала еще больший интерес. Ее лицо сияло в мерцающем свете, который отражали объемные образы размером чуть больше метра. О'Нейл подумал, что никогда еще ему не приходилось встречать женщину, в которой так сочетались бы ум и очарование. Она была женственной до кончиков пальцев, и в то же время с очень развитым интеллектом. Чувствовалось, что ей нравилось быть умной. Это предвещало счастливую жизнь. Кэшер поймал себя на том, что украдкой разглядывает Женевьеву. Взгляды их на мгновение встретились. Полумрак позволил им скрыть смущение.

Видеофон перешел к рассказу о дипси — гигантских каньонах, прорезавших поверхность планеты. Некоторые цветные виды были настолько необыкновенными, что трудно было поверить в их реальность. Кэшер О'Нейл входил в число первых лиц планеты Миззер и много времени провел, рассматривая коллекции видеозаписей своего дяди. Среди них были изображения самых удивительных миров. Но никогда он не видел ничего подобного.

Один из пейзажей запечатлел заход солнца за шестикилометровую скалу из материала, напоминающего изумруд. Необычайно яркие лучи небольшого, но мощного сиреневого понтопиданского солнца струились по изумрудному склону словно живая вода. Даже созерцание редуцированного образа размером метр на метр захватывало дух.

Порода на дне дипси подверглась выветриванию, образуя причудливые цилиндрические колонны, которые, по видимому, разрушались, достигнув высоты в два-три человеческих роста.

Голос Женевьевы объяснял, что слишком плотная атмосфера Понтопидана будет непригодной для дыхания человека в течение последующих двух тысяч пятисот двадцати лет, поскольку обитатели планеты не хотят безрассудно тратить свои богатства на такую роскошь, как изменение атмосферы: учитывая, что все население планеты составляет всего шестьдесят тысяч живых существ, они носили маски или же жили в своих городах под куполами, некоторые из которых в радиусе имели много километров. Помимо обычной гидропоники они ввезли семь с половиной гектаров садовой почвы в пять с половиной сантиметров глубиной вместе с достаточным количеством воды, чтобы сделать сады богатыми и плодоносными. Они также доставили сюда червей по цене восьмикратного бриллианта за живого червя в надежде сохранить почву садов рыхлой и живой.

Записанный на пленку голос Женевьевы звучал гордо, рассказывая о достижениях своего народа и становился грустным, повествуя о трудностях, испытываемых обитателями Понтопидана: “Уже многие обитатели планеты бежали от радиоактивности. Гейзеры могут быть в любой момент загрязнены. Поэтому мы так заботливо за ними присматриваем. Ни один из них пока не исчерпан, за исключением Хиппи Дипси, откуда пришла лошадь. Взгляните на следующую картину”.

Камера поднималась все выше и выше от поверхности планеты. Она странствовала среди гор из алмазов и долин из турмалинов, затем отразила черно-голубой диссонанс — внутреннее пространство. Один из каньонов с высоты выглядел гротескным подобием женских бедер, поднимавшихся вершинами полуразрушенных холмов, плавно переходящих к северу в яркую, радужную равнину.

— Это, — пояснила Женевьева, перебивая свой собственный голос на экране, — Хиппи Дипси. Вон там, видишь, голубое? Это единственное озеро на весь Понтопидан. И здесь мы спускаемся в лачугу отшельника.

Кэшер О’Нейл почти явственно ощутил головокружение, когда камера рухнула вниз в глубину огромного каньона. Казалось, что края каньона движутся, словно

губы, отворяясь и принимая внутрь камеру, чтобы проглотить.

Внезапно они очутились возле прекрасного озерца. На берегу стояла маленькая хижина. В дверном проеме сидел мужчина. Он был мертв.

Он находился там уже длительное время; тело его почти мумифицировалось.

Записанный голос Женевьевы объяснял: "... по обычаям и законам ностриллиан, они объявили ему, что время его вышло. Они наказали ему идти в Дом умирающих, когда у него иссякли силы жить. В Старой Северной Австралии обитатели настолько богаты, что дают возможность каждому жить, сколько он хочет. Любой старик может с помощью струна совершить омоложение снова и снова и получить право на жизнь. Если же его желание жить иссякает, он приглашается в Дом умирающих, где пронзительно кричит дни и недели, задыхаясь от блаженства, пока не умирает в состоянии полного счастья..."

Тут последовала небольшая заминка, различимая даже в записи.

"Мы не знаем, почему этот человек отказался от продолжения жизни. Он заявил, что у него были видения Хиппи Дипси и что это самое прекрасное место среди всех миров, что он хочет построить там убежище и жить в одиночестве, взяв с собой лишь своих любимцев. Мы думали, что это какие-то маленькие домашние животные. Когда его предупреждали о том, что Хиппи Дипси очень опасное место, он ответил, что его это не волнует, потому что он стар и все равно ему скоро умирать. Затем он предложил заплатить нам планетарный подоходный налог в двенадцатикратном размере, если мы предоставим ему двадцать гектаров территории Хиппи Дипси на условиях полного владения. Никаких съемок, никакого сканирования, никакой помощи, никаких посетителей. Только одиночество и пейзаж. Звали его Перинье. Мой дедушка больше не спрашивал ни о чем, кроме как о переводе кредита. Заплатив, Перинье попросил оставить его одного и после смерти. Он даже не захотел, чтобы его запустили в ракете на орбиту Понтопидана навечно, чтобы начать медленное путешествие в никуда, как поступали многие из людей. С момента его поселения там — это наша первая съемка. Мы сделали

это тогда, когда свет покинул гостиную и один из тигролюдей высказал уверенность, что человеческий разум подошел к концу в Хиппи Дипси.

Мы и не предполагали, что там осталось любимое животное старика. Мы никогда не пытались снимать лошадь. Она прибыла самостоятельно, покинув место, где находилась хижина Перинье”.

* * *

Внезапно затараторил находившийся в комнате робот: “Люди, люди! Движущийся объект пришел из Хиппи Дипси. Объект имеет неправильную форму. Люди, ответьте мне, люди, ответьте! Уничтожить или не уничтожить? Это неправильный объект. Он упал и не взлетает”.

Резкий щелчок прекратил трескотню робота.

Ладно скроенная женщина на экране принялась за дело. По ее гибкой грациозной походке Кэшер О’Нейл предположил, что ее предки были кошками, хотя ничто в ее манерах и одежде не говорило, что она не относится к людям.

Женщина в кадре включила экран. Она двигала руками перед собой, как слепая, прокладывая себе дорогу ясным днем.

На внутреннем экране возникло лицо.

— Что за лицо! — удивился Кэшер О’Нейл. — Да это лошадь!

Лицо, подобное новорожденному коту, представить себе легко: Миззер полон котов. Но представить себе лицо с огромным ртом, с большими желтыми зубами, с массивным носом... И эти странные глаза, глядевшие так дружелюбно... Кадры мелькали, но ни один из них не отразил ничего враждебного в зрачках лошади. Это были спокойные добрые глаза. Два нелепых уха торчали вверх и небольшой клоч золотистых волос стоял гребешком на голове между ушей.

Сцена вокруг также выглядела комично: у всех присутствующих был изумленный вид. Женщина-кошка была удивлена не менее зрителей. Незаметно для себя она коснулась кнопки записи и невольно засняла на пленку себя и свои действия.

Женевьева прошептала:

— Позже мы установили, что это палонинский пони. Это очень своеобразный вид лошади. И Перинье сделал его бессмертным, или почти бессмертным.

— Шшш! — шикнул на нее правитель.

Экран внутри экрана показывал, как женщина-кошка сделала еще несколько движений руками в воздухе. Вид расширился.

У лошади было четыре одинаковых конечностей — рук или ног, определить было трудно.

Животное прокладывало себе путь через узкую расщелину из рубинов, которая вела наружу из Хиппи Дипси. Она тяжело дышала. Кислородные баллоны у нее на боках сильно подпрыгивали, когда она карабкалась по склонам. Должно быть, она увидела что-то, возможно, образ женщины-кошки, потому что заговорила:

— Уаа, уаа!

Женщина-кошка на ближнем экране произнесла очень четко:

— Назовите ваше имя, возраст, вид и вашего старшего на этой планете.

В голосе ее слышалось едва заметное чувство превосходства.

— Уаа, уаа, уаа!

Кэшер О'Нейл понимал, что происходит нечто нелепое. Для него лошадь, даже такая необычная, как эта, была не такой диковиной, как для сбитателей Понтопидана. Если хорошенько присмотреться, в лошади не было ничего сверхъестественного по меркам Двенадцати Нилов или Лошадиного Базарчика в родном городе Кэшера. Это был взрослый жеребец, уже не годный ни для размножения ни для седла. В золотой гриве мелькала седина, зубы были заметно стертые. На теле животного виднелись следы травм и ран. Оно было пригодно лишь для того, чтобы забить его и скормить собакам. Но он ничего не сказал, сидящим здесь людям. Они все еще были зачарованы зрелищем.

Женщина-кошка настаивала на своем:

— Ваше имя не Уауауа. Идентифицируйте себя соответствующим образом. Сначала имя.

Лошадь ответила ей тем же словом на более высокой ноте.

Вероятно забыв, что она записывает себя, как бывает в чрезвычайной ситуации, женщина-кошка сказала:

— Я позову настоящих людей, если вы не ответите! Они рассердятся по-настоящему!

Лошадь округлила глаза, но ничего не ответила.

Женщина-кошка нажала сигнал тревоги и сообщила:

— Мне нужен орнитоцер. Большой. Чрезвычайное положение. Необходимо отправиться в Хиппи Дипси. Там находится не человек, а животное, оно не в состоянии говорить.

Лошадь, казалось, поняла смысл послания, и попыталась подтвердить его:

— Уаа, уаа, уаа!

— Взгляните, — сказала женщина-кошка кому-то на экране, — что он делает. Очевидно, что-то случилось.

Тонкий отдаленный голос с другого экрана раздраженно возразил:

— Глупая женщина-кошка! Невозможно полететь на орнитоцер в Дипси. Скажи своему слабоумному приятелю, чтобы он возвращался назад, и мы подберем его космической ракетой.

— Уаа, уаа, уаа! — с нетерпением сказала лошадь.

— Это не мой приятель. — Резко воспротивилась женщина-кошка. — Я обнаружила его пару минут назад. Он просит помощи. Любому идиоту это ясно, даже если язык животного нам не понятен.

Изображение исчезло.

Следующий кадр показывал крохотную человеческую фигурку, орудующую прожектором на вершине невообразимо высокого утеса. Луч прожектора касался участков скалы. Отсвечивающий блестящий склон ее напоминал стену дома со множеством таинственных окон. Отблески рассыпались и исчезали по мере перемещения прожектора.

Далеко внизу появилась вспышка. Огонь пришел изнутри горы.

Даже увеличивающим объективом оператор не мог получить детальную картину. С одной стороны маячила фигура лошади, ее ноги разошлись под немыслимыми углами, она пыталась удержаться в расщелине, по другую сторону от сияния виднелись крохотные фигурки людей, раскочи-

вающиеся на своеобразных перевязях в попытке добраться до лошади.

В отличие от не очень четкого изображения, техника записи позволяла различать все звуки, даже усталое дыхание старой лошади. Она вновь произнесла одно из своих специфических лошадиных слов. Она наблюдала за людьми, и была при этом убеждена в их добрых намерениях. Ее огромные, печальные глаза были различимы в свете проектора. Время от времени лошадь вглядывалась вниз и вздрагивала от испуга.

Кэшер О'Нейл считал поведение животного вполне естественным. Ведь лошадь успела преодолеть четыре из семикилометровой высоты скалы, и теперь ей грозила опасность сорваться вниз.

Среди группы людей, роботов и гомункулов, громко раздавался голос человека-тигра:

— Это рискованно, но не очень. Я смогу перепрыгнуть через огонь и помочь этому горемыке — обвязать его канатом, чтобы он не свалился вниз прежде, чем мы закончим работу. А возможно, я смогу просто охватить его руками и перепрыгнуть назад. Это будет абсолютно безопасно, если мы обвяжемся страховыми веревками. Я никогда не видел менее цепкого существа в моей жизни. То, что можно было бы назвать “пальцами”, выглядит у него как маленькие коробочки из кости, мало пригодные еще для лазания.

Раздалось бормотание других голосов и затем приказ старшего:

— Вперед!

Никто не был готов к тому, что произошло затем.

Оператор снимал человека-тигра, когда к его широкой талии прикрепляли веревку. Человеку-тигру не потрудились придать чисто человеческую внешность. Уши у него торчали на верхушке головы, желтые и черные полосы пересекали лицо, огромные резцы выглядывали из рта снизу, антеннообразные усы топорщились в стороны. Но его достаточно изменили психологически: он был спокоен, дружелюбен и даже немного юмористичен, рот его был тщательно переделан, чтобы приспособить его артикуляционный аппарат к человеческой речи.

Он прыгнул — это был могучий прыжок, прямо через верхушку пламени. Лошадь увидела его.

Она прыгнула тоже, почти в тот же момент, тоже через верхушку пламени, но в другом направлении.

Лошадь перепугалась человека-тигра больше, чем скалы...

... И приземлилась прямо на группу рабочих. Хотя она и не имела намерения повредить их, но тем не менее сшибла одного человека — настоящего человека — со скалы. Человеческий крик оборвался в бездонной тьме внизу.

Роботы оказались более проворными, чем живые существа. Они спеленали лошадь раньше, чем пришли в себя люди и гомункулы, и просигналили крановщику, чтобы он поднимал груз наверх. Лошадь беспомощно барахталась в воздухе, дергая ногами.

Человек-тигр перепрыгнул назад через пламя, приблизившись к краю экрана. Изображение его пропало.

В обзорной комнате, наследный правитель Филипп Уинсент встал. Он потянулся, оглядываясь.

Женевьева выжидающе глядела на Кэшера О'Нейла.

— Вот какая история, — задумчиво произнес правитель. — Теперь вы решите мою загадку.

— Где же теперь лошадь? — спросил Кэшер О'Нейл.

— В госпитале, конечно. Моя племянница проводит вас.

III

После короткого, болезненного и очень основательного сканирования его мозга наследным правителем, Кэшер О'Нейл и Женевьева отправились в госпиталь, где лежала лошадь. Люди Понтопидана не знали, что с ней сделать, поэтому лишь давали ей сильное успокоительное и подкармливали ее через вену питательными растворами. Женевьева сообщила Кэшеру, что лошадь чахнет.

Они шли в госпиталь по аметистовым булыжникам.

Вместо космического скафандра Кэшер носил шлем, который снабжал его кислородом. Но в отличие от хозяев планеты испытывал неудобства от низкого атмосферного давления. Но он терпеливо переносил трудности, надеясь получить зеленый рубин, который может послужить мощным оружием в его войне за освобождение Двенадцати Нилов от власти полковника Уэддера. Когда зуд от непри-

вычного давления немного унялся, он почувствовал удовлетворение от прогулки в сопровождении такой изящной красивой девушки в госпиталь через поля драгоценностей. (Позже, он иногда размышлял над тем, что могло бы случиться, если бы он нормально себя чувствовал на Понтопидане. Был ли зуд частью его судьбы, которое сберегли его для освобождения города Хахира и планеты Миззер? Ведь он мог влюбиться в эту девушку и остаться здесь на Понтопидане, забыв свой долг!).

На Женевьеве был новый вид косметики для прогулок — утепляющая персиковая пудра, которая сохраняла натуральную свежесть щек. Ее глаза живого, темно-серого цвета, затемняли длинные ресницы, чувственная улыбка постоянно провоцировала, и было удивительно, что правитель Понтопидана не останавливал дуэли и убийства между молодыми людьми, добивавшимися ее благосклонности.

Наконец они прибыли в госпиталь, где Кэшер О'Нейл надеялся отдохнуть от неприятного зуда.

Здание располагалось под землей.

Вход выглядел роскошно, отделанный бриллиантами и рубинами, размером с кирпичи, массивную дверь украшала картина. Даже Кураф с его расточительностью не мог себе позволить создать что-либо подобное этой двери. Женевьева заметила его взгляд.

— Она стоит многих кредитов. Мы доставили сюда слепого художника из Олимпии, чтобы создать эту эмаль-картину. Бедняга! Он приложил столько усилий, пытаясь украсить экстрадрагоценные камни, пока наконец не понял, что мы платим честно и никогда никому не позволяем уехать с краденным.

— И что же вы сделали? — поинтересовался О'Нейл.

— Мы перехватили краденное в космосе на краю атмосферы. У нас больше кораблей на орбите, чем у любой другой планеты известной мне.

Они вошли в госпиталь.

Респектабельного вида главный хирург настоял на том, чтобы они зашли в его кабинет и угостил их чаем и пирожными, им обоим не терпелось поскорее взглянуть на

лошадь, но воспитанность не позволяла им идти напролом. Наконец они прошли всю процедуру и оказались в комнате, где содержали лошадь.

Приглядевшись, они поняли, что животное страдало. По всему телу виднелись рваные раны и порезы. На одном из копыт средний палец был сломан, доктор заменил на серебряно-кадмиевый брусок. Лошадь подняла голову, когда они вошли, но увидев, что это просто люди, а не люди-лошади, приняла прежнее положение.

— Какие перспективы, доктор? — спросил Кэшер О'Нейл, отворачиваясь от животного.

— Можно, я поначалу задам вам, сэр, глупый вопрос?

Удивленный Кэшер утвердительно кивнул головой.

— Меня мучает любопытство, что за старинное у вас имя “Кэшер”?

— Это просто, — усмехнулся Кэшер. — Так меня звали в молодости. На Миззере каждый получает детское имя, которое обычно не сохраняется. Позднее ему дают молодежное имя, которое отражает какую-либо характерную черту человека или является дружеской шуткой, пока он не выберет себе профессию. Когда он определяется с карьерой, то получает свое профессиональное имя. Если мне удастся освободить Миззер и свергнуть полковника Уэддера, то тогда, думаю, я получу соответствующее профессиональное имя.

— Но почему “Кэшер”, сэр? — настаивал доктор.

— Когда я был мальчишкой, меня часто спрашивали, какой подарок мне хочется получить, я всегда предпочитал кэш. Наверное, по контрасту с моим расточительным дядей меня и прозвали Кэшер.

— А что такое кэш? Одна из ваших сельскохозяйственных культур?

На мгновение Кэшер удивленно вскинул брови.

— Кэш — это деньги. Бумажные кредитки. Люди передают их друг другу, когда покупают вещи.

— Здесь, на Понтопидане, все деньги принадлежат мне. Все, — заявила Женевьева. — Дядя — мой опекун. Но я никогда не позволю касаться их или растратить. Это достояние планеты.

Доктор почтительно мигнул.

— Теперь о лошади, сэр, если вы простили меня за интерес к вашему имени. Очень странный случай. Физио-

логически это чистый земной тип. Он основан исключительно на растительной диете, и очень близок к человеку. Простой желудок и очень большое сердце. Оно больше всего доставляет нам хлопот, потому что в плохом состоянии. Животное умирает.

— Умирает?! — вскрикнула Женестьева.

— Все это очень печально, даже ужасно, — подтвердил доктор. Умирает, но не может умереть. Так может продолжаться много лет. Перинье затратил достаточно струна на это животное, чтобы сделать его бессмертным. Теперь животное изношено, но не может умереть.

Кэшер О'Нейл издал продолжительный низкий прерывистый свист. Все в комнате подпрыгнули от неожиданности, но он не обратил на это внимания. Так он свистел вблизи конюшен, когда-то на родной планете, когда подзывал лошадь.

Услышав свист, большая голова приподнялась, глаза уставились на него с мольбой, и он увидел, как из них закапали слезы.

Он присел на корточки у лошадиной головы, положив руку на гриву.

— Быстро, — велел он хирургу, — дайте мне кусочек сахара и телепата-нечеловека. Телепат не должен быть плотоядного происхождения.

Доктор тупо смотрел. Он вымолвил "сахар" помощнику, а сам присел рядом с Кэшером О'Нейлом и сказал:

— Поясните относительно гомункула. Этот госпиталь не для них. У нас есть всего лишь несколько из них. Лошадь находится здесь по распоряжению его светлости Филиппа Уинсента, который приказал, чтобы коню Перинье были предоставлены наилучшие условия. Он даже сказал мне, — добавил доктор, — что если с животным что-то случится, то следующие восемьдесят лет я проведу в патрулировании. Поэтому я делаю все, что могу. Вы считаете, что я слишком болтлив? Некоторые так говорят. Какого рода гомункулы вам нужны?

— Мне нужен, — очень спокойно пояснил Кэшер, — телепат-нечеловек, который поймет, что хочет это живо-

тное, и пояснит ему, что я собираюсь ему помочь. Все лошади вегетарианцы и не любят мясоедов. Есть ли у вас где-то поблизости гомункулы-вегетарианцы?

— Мы используем людей-белок, — ответил главный хирург, — когда мы меняем воздушную вентиляционную систему, то люди-белки меняют старое оборудование. У нас есть также люди-тигры, люди-кошки, а мой секретарь — волк.

— Нет, нет! — остановил его Кэшер О'Нейл. — Можете ли вы представить лошадь, доверившуюся волку?

У хирурга появилась идея.

— Ведь лошади и собаки использовались раньше совместно, еще на заре человечества, когда все люди жили на Земле?

— Конечно, — согласился Кэшер. — Мы все еще используем их совместно, когда охотимся на Миззере, но по этим нововведенным законам Содействия мы не можем использовать преступников-гомункулов для охоты.

— У меня есть хорошая собака, — сказал главный хирург. — Она разговаривает превосходно, но такая застенчивая, что чувствует себя неловко, когда пациенты влюбляются в нее. Мне пришлось перевести ее на обслуживающие стерилизующих механизмов.

— Пригласите ее сюда, — велел Кэшер, — и пояснил, обратившись к Женеьеве:

— Они приведут собаку-телепата, которая сможет мысленно общаться с лошадью. Возможно, мы получим ответ.

Она мягко положила руку ему на кисть. Это был благосклонный жест принцессы. Желала ли она ему добра в отличие от своего вероломного дядюшки, или это был просто сиюминутный импульс молоденькой девушки, которая еще ничего не знала о путях, по которым вращается мир?

IV

Сеанс телепатии прошел удачно.

Женщина-собака была почти совершенно очеловечена. Она выглядела как изнуренная пожилая женщина, не удостоенная того, чтобы ее жизнь была продлена наркотиком сантаклары под названием струн. Но работа была ее жизнью, и ее было в изобилии. Кэшер О'Нейл почувствовал

зависть, когда он понял, что счастье может быть уделом совсем не выдающийся личности. Эта женщина-собака, с ее исхудалым лицом и седыми волосами, находила больше удовлетворения в своей жизни, чем Курафа — в своих удовольствиях, полковник Уэддер — в своем могуществе или он сам — в своем крестовом походе. Справедливо ли это? Почему изможденная старуха-нечеловек счастлива, а он нет?

— Не огорчайтесь, — сказала она, — вы преодолеете все трудности и после этого будете счастливы.

— Преодолею что? — спросил он. — Я ничего не говорил еще.

— Вы пленник самого себя. Уже долгое время вы избегаете спокойствия и счастья. Но вы хороший человек. Вы мне чем-то напоминаете эту лошадь.

— Конечно, — кивнул Кэшер О'Нейл. — Это смелая старая кляча, вырвавшаяся из ада, куда не забираются люди.

Она спросила:

— Мы связаны?

— Связаны, — подтвердил он.

Женевьева придвинулась. Ее ухоженное, хорошенькое, выразительное личико светилось восхищением.

— Можно мне... можно мне присоединиться?

— Почему бы нет? — сказала женщина-собака, глядя на нее.

Он тоже кивнул. Они втроем взялись за руки и затем женщина-собака положила свою левую руку на лоб лошади.

* * *

Песок разлетался из-под ног, когда они бежали к Кахиру, ощущая приятное давление человеческого тела на своих спинах. Красное небо Миззера горело над ними. Затем раздался крик:

— Я лошадь, я лошадь, я лошадь!

— Ты с Миззера, — мысленно сказал ей Кэшер О'Нейл, — с самого Кахира!

— Я не знаю названий, — мысленно откликнулась лошадь, — но ты с моей земли. Земля, хорошая земля.

— Что ты здесь делаешь?

— Умираю, — пожаловалась лошадь. — Умираю сотни и тысячи восходов солнца. Один старик привез меня сюда.

Здесь не было ни езды, ни скачек, ни людей. Только старик и небольшое пространство. Я умираю с тех пор, как прибыла сюда.

Кэшер О'Нейл подумал о том, как жестоко поступил Перинье со своим любимцем, сделав его бессмертным и в то же время оставшимся без дела.

— Ты уверена, что умираешь?

Ответ лошади пришел мгновенно:

— Конечно, нелощадь.

— Знаешь ли ты, что такое жизнь?

— Да. Существование лошади.

— Хочешь ли ты умереть?

— От нелощади? Да, если это будет навсегда.

— Что тебе нравится больше всего? — мысленно спросила ее Женестьева.

Ответ вновь пришел мгновенно:

— Грязь на моих копытах, и мокрый воздух снова, и человек на моей спине.

Женщина-собака прервала их беседу:

— Дорогая лошадь, ты знаешь меня?

— Ты собака, — промыслила лошадь. — Хорошая собака!

— Верно, — мысленно подтвердила счастливая старуха, — и я могу сказать этим людям, как сделать тебя счастливой. Спите теперь все, и когда вы проснетесь, то будете на пути к счастью.

Ее внушение было настолько сильным, что Кэшер О'Нейл и Женестьева начали терять сознание, так что обслуживающий персонал вынужден был их поддержать.

Пока они приходили в себя, собака-человек заканчивала свои распоряжения хирургу:

— ... И добавьте до сорока процентов кислородной составляющей в воздух. Ей нужна реальная личность для верховой езды, некоторые из ваших орбитальных часовых могут поездить на ней верхом, все равно они ничего не делают. Вселить ощущение песка с Миззера можно гипнотическим путем. Загрузите в ее мозг пару сюжетов с приключениями в пустыне. Но ее сердце вы починить не сможете и не пытайтесь. Ну, а обо мне не беспокойтесь. Я не собираюсь требовать что-либо для себя. Люди-человеки! — она рассмеялась. — Вам ведь не до нас, собак. Возможно, несколько минут вы будете чувствовать себя неловко, но

не волнуйтесь. Я отправляюсь назад, к своим машинам. Я люблю свою работу. До свидания, моя хорошая, — кивнула она Женеьеве. — И до свидания, путник! Удачи тебе, — добавила она, обращаясь к Кэшеру О'Нейлу. — Ты будешь несчастным, пока борешься за справедливость, но когда добьешься ее, мир придет к тебе, и счастье. Не беспокойся. Ты молод и болезни не грозят тебе еще многие годы.

Она сделала им полный реверанс в стиле, в котором прощаются друг с другом дамы Содействия. По ее морщинистому старому лицу расплылась улыбка, одновременно добрая и насмешливая.

— До свидания, босс, — обратилась она напоследок к хирургу, и вышла.

— Что ж, ее идея неплоха, — сказал хирург.

* * *

Кэшер О'Нейл пошел посмотреть на заседание совета.

Советник, Башнак, был особенно громогласен, выступая против идеи сохранить лошадь.

— Сэр, — вопил он, — сэр! Мы даже не знаем имени животного! Зачем нам оно?

— Не знаем, — согласился Филипп Уинсент. — Но зачем нам его имя?

— Лошадь не идентифицирована даже как животное. По сути она представляет собой лишь кусок мяса, доставшийся нам в наследство от Перинье. Мы можем забить ее и съесть. Или же, если это нам не подходит, просто продадим ее за пределы планеты. Вокруг много людей, которые заплатят большие деньги за редкое земное мясо. Вы можете не обращать на меня внимания, сэр! Вы наследный правитель, а я никто. У меня нет власти, нет собственности. Я в вашей власти. Но я хочу предложить вам следовать собственным интересам. У меня есть только голос. Вы не можете упрекнуть меня за то, что я использую свой голос, пытаясь вам помочь, не так ли, сэр? Это все, что я могу сделать. Если вы растратите все кредиты на это животное, это будет абсолютно неправильно. Мы не такая уж богатая планета. Мы должны оплачивать дорогостоящую защиту, чтобы остаться в живых. Мы не имеем возможности оплатить воздух для наших детей, а вы хотите потратить деньги на лошадь, которая даже

не умеет разговаривать! Сэр, совет собирается голосовать против вас только потому, что хочет защитить ваши собственные интересы и интересы Достопочтенной Женеьевы, наследной корононосительницы Понтопидана. Вам не избежать этого, сэр! Мы склоняемся перед вашим могуществом, но мы настаиваем на своем...

— Слушай! Слушай! — закричали несколько советников не обескураженные, по крайней мере, обращением к наследному правителю.

— Я буду говорить, — произнес Филипп Уинсент.

Упрямый советник поднял руку, несмотря на то, что правитель объявил о своем намерении говорить. Филипп Уинсент возвысил голос:

— Ты сможешь высказаться, когда я закончу, если захочешь.

Он спокойно оглядел комнату, сдержанно улыбнулся, одарил Кэшера О'Нейла сдержанным кивком и объявил:

— Джентльмены, это не судьбу лошади мы здесь обсуждаем. Судьбу Понтопидана. Все мы, понтопидане, призваны сегодня на суд. Это самый суровый суд, суд нашей совести.

— Если мы убьем эту лошадь, джентльмены, мы не причиним ей большого вреда. Это старое животное, и я не думаю, что оно боится смерти, теперь, когда оно уже не в полном одиночестве, которого боялось больше, чем смерти. Мы же можем лишь немного помочь ему, или же немного помучить.

— Но речь здесь идет о справедливости и гуманности человека. Почему мы оставили Старую Землю? Почему пала цивилизация? Предстоит ли ей вновь пасть? И что такое цивилизация? Винтовки и бластеры, лазеры и ракеты, плосколеты и сверхсветовики? Вы знаете не хуже меня, джентльмены: цивилизация это не только то, что мы можем сделать руками. Даже в Темные Века у человечества были бомбы и управляемые снаряды, кроме того, было оружие с эффектом Каскаския, которое мы даже не сумели переоткрыть. Темные Века стали темными потому, что люди потеряли себя. Это большая работа стать человеком, и ее необходимо совершить, или придет падение. Джентльмены, эта лошадь нас судит. По нашему отношению к ней определится, цивилизованные мы люди или нет.

Писатели, жившие в стране под названием Франция, сделали это слово популярным за три столетия до эры космических путешествий. Быть “цивилизованным” означает для людей прежде всего быть великодушными. Если мы убьем лошадь, мы проявим себя дикарями. Если мы будем обращаться с лошадью гуманно, мы будем достойны того, чтобы называться людьми. Теперь голосуйте и голосуйте свободно.

После его речи в зале раздались возбужденные голоса. Филипп Уинсент явно наслаждался бурей, которую он поднял. Он позволил членам совета шептаться минуту или две, прежде чем встал из-за стола и произнес:

— Джентльмены, вы готовы?

Раздались согласные голоса. Башнак попытался еще раз возразить:

— Не забывайте, что это все-таки вопрос общественных фондов!

Но соседи зацыкали на него. Наконец воцарилось спокойствие. Все лица повернулись к наследному правителю.

— Джентльмены, мне нужно еще одно свидетельство. Женевьева, согласны ли со мной вы? Ведь цивилизация подразумевает, что женский голос — первый, а мужской вторит ему.

— Да, — согласилась Женевьева со счастливой улыбкой.

В зале раздались аплодисменты.

V

Месяцем позже Кэшер О'Нейл сидел в каюте лайнера — плосколета средних размеров, находясь уже вне досягаемости Понтопидана. Наследный правитель планеты драгоценностей не изменил его мозга и не поверг ниц зелеными лучами. Молодого человека переполняли воспоминания.

Он вспомнил Женевьеву, плачущую в саду.

— Я очень несчастна, — рыдала она, и ее слезы капали на его накидку. — Официально я владелица этой планеты, богатая, могущественная, свободная. Но фактически я собой не распоряжаюсь. Я не могу уехать отсюда. Я слишком важная персона. Мой дядя тоже не может делать то, что хочет: он наследный правитель и всегда должен выполнять то, что решает совет после недельных дебатов. Я не имею

права любить вас. Вас ждут странствия и сражения, справедливые и несправедные дела. А я не свободна. Иногда я ненавижу, ненавижу, ненавижу себя. Пожалуйста, Кэшер, можете ли вы взять флайер и увезти меня в космос?

— Лазеры вашего дяди разрежут нас на кусочки прежде, чем мы уберемся отсюда.

Он держал ее прекрасные маленькие ручки и ласково смотрел на нее. В это мгновение он испытывал к девушке необыкновенную нежность. Его эмоции были мягкими и спокойными. Это была простая, ясная приязнь одной личности к другой.

Она взглянула на него и поняла, что он не собирается целовать ее. Что-то в выражении ее лица позволило ему предположить, что она предлагает ему нечто большее, чем романтический поцелуй в саду.

Он обратился к ней с грустью и участием:

— Вы помните ту женщину-собаку, ту, что работает псудомойкой в госпитале?

— Конечно. Это доброе и жизнелюбивое существо, она помогла всем нам.

— Иди и работай с ней. Ничего не спрашивай у нее. Ничего не говори. Просто работай с ней и ее машинами. Скажи ей, что я так посоветовал. Счастье мимолетно. Но ты можешь поймать его. Я думаю, что мне его немного досталось.

— Полагаю, я поняла вас, — тихо сказала Женестьева, — Кэшер, прощайте и всего самого наилучшего вам. Мой дядя ожидает нас.

Вместе они вернулись во дворец.

Другим воспоминанием было прощание с Филиппом Уинсентом наследным правителем Понтопидана. Спокойный, гладко выбритый, с хорошо ухоженным лицом, он глядел на него с милостивой благосклонностью. Кэшер О'Нейл почувствовал большое уважение к этому человеку. Он понял, что для правителя неискренность часто является платой за мир и благополучие его народа.

— Вы умный молодой человек. Вы могли бы вернуть себе власть.

— Я не хочу такой власти! — закричал Кэшер О'Нейл.

— Я дам вам один совет, — сказал наследный правитель. Это хороший совет. Я достаточно освоил искусство политика: иначе я не выжил бы без отказа от власти. Используйте мой опыт. Не скрывайте от ваших врагов имя дяди. Уничтожьте его. Примите свое собственное имя и управляйте мудро, тогда никто в течение десятилетий и не вспомнит вашего дядю. Только вас будут помнить. Пока вы еще слишком молоды. Вы не можете сейчас победить, но вы прогрессируете и добьетесь триумфа. Поверьте мне, я разбираюсь в таких вещах. Ваше оружие уже тайно упаковано, и вы можете уехать с ним.

О'Нейл едва дышал, не веря своим ушам. Он пытался вникнуть поглубже в смысл слов могущественного и более опытного человека, когда правитель добавил с легкой улыбкой:

— Спасибо вам за то, что сберегли мне деньги. Вы оправдали свое имя, Кэшер.

— Сберег вам деньги?

— Я имею в виду производство люцерны. Ведь лошадь надо кормить люцерной.

— Ерунда, — воскликнул Кэшер О'Нейл. — Это же было очевидно.

— Но я сам не подумал об этом, — сказал наследный диктатор, — и мой штаб тоже. А ведь мы не тупицы. Это показывает, насколько вы талантливы. Вы догадались, что Перинье должен был иметь пищевой конвертер, чтобы сохранить лошадь живой в Хиппи Дипси. Все, что необходимо было сделать, — это настроить его на производство люцерны и избежать расходов на поставку пищи для лошади дважды в год. Мы рады сберечь такой кредит. Мы не бедны, но нам не нравится тратить зря. Ну а теперь вы можете раскланяться со мной и уезжать.

Кэшер О'Нейл так и сделал бросив прощальный взгляд на влюбленную Женеьеву, неподвижно стоявшую рядом с креслом дяди.

Его последнее воспоминание касалось совсем недавних событий.

Он заплатил двести тысяч кредитов за то, что задумал, прямо на лайнере. Он нанял стояночного капитана, ску-

чавшего теперь, когда корабль был в полете и ходовой капитан принял дела.

— Можете вы наладить мне телепатический контакт с лошадью?

— С какой лошадью? — поинтересовался ходовой капитан. — Где она? Вы хотите заплатить за это?

— Лошадь, — терпеливо объяснил Кэшер О'Нейл, — это немодифицированное земное животное. Не псевдочеловек. Крупная особь, но не разумная. Она находится на Понтоидане. Я заплачу по обычной цене.

— Миллион земных кредитов, — заявил стояночный капитан.

— Вы с ума сошли! — заорал Кэшер О'Нейл.

Они столковались на двухстах тысячах за хорошую связь и десяти тысячах кредитов за использование корабельного оборудования, если связь не удастся наладить. Но Кэшеру сопутствовала удача. Техник был человеком-змеей: проворным, хладнокровным и превосходно знавшим свое дело. В считанные минуты он настроил сеть и вежливо произнес:

— Я думаю, готово.

Так оно и было. Он забрался прямо в мозг лошади.

... Бескрайние пески Миззера обрушились на Кэшера О'Нейла. Длинные линии Двенадцати Нилов прорисовывались вдаль. Он скакал ровно и мощно. Поблизости были другие лошади, другие всадники, другие механизмы, но сам он осознавал только удары собственных тяжелых копыт о крепко спрессованный песчанник и тяжесть ездока у себя на спине.

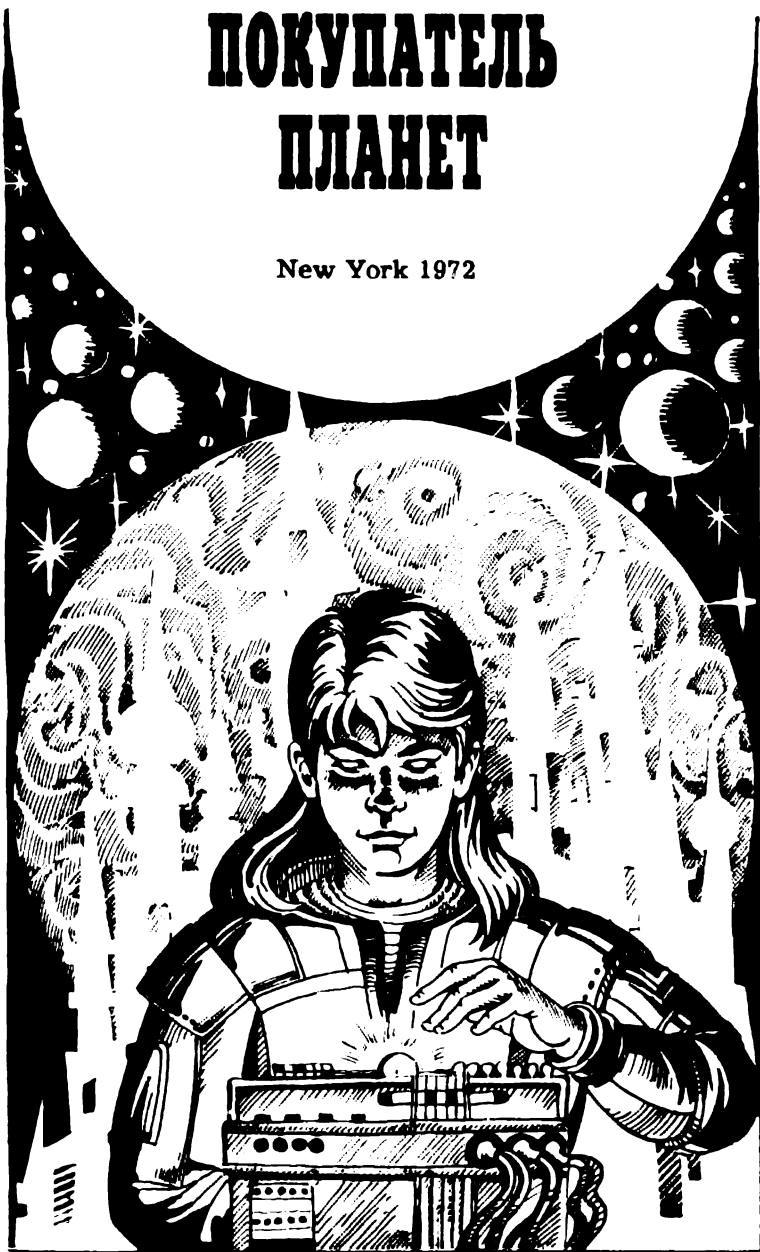
Смутно, как при галлюцинациях, Кэшер О'Нейл мог одновременно видеть маленький орбитальный корабль, в котором старая лошадь легко галопировала в разреженном воздухе с удивленным курсантом, сидящем у нее на спине. Там, вверху, не имея веса, старое изношенное сердце будет биться еще много-много лет.

Он снова увидел лошадиный рай. Стук копыт раздавался в ушах. Ожидание стабильного конца, массаж, обильная зеленая пища, и взгляд кобылки утром...

Лошадь Понтопидана ощущала необычайное спокойствие. Она доверяла людям — источнику дружелюбия и власти звезд. И люди были добры к ней. Лошадь чувствовала себя очень сильной снова. Кэшер ощущал движение старого тела к берегу реки как грезу о силе, как завершение службы, как окончательное исполнение партнерства.

ПОКУПАТЕЛЬ ПЛАНЕТ

New York 1972

12 К. СМЯТ

Тед, моей настоящей жене, с любовью

ТЕМА И ПРОЛОГ

Сюжет, место действия и время — существенны.

1 Сюжет прост.

Был паренек, который купил планету Земля. Мы знаем, что по нашей цене. Это случилось, но нам бы хотелось, чтобы этого никогда снова не произошло. Он прибыл на Землю, чтобы достичь того, чего хотел, и улетел, оставшись в живых, после множества удивительных приключений. Это — сюжет.

2 Место действия?

Это — Старая Северная Австралия. Какая же другая планета это может быть? Где еще фермеры платят десять миллионов кредитов за платок и пять за бутылку пива? Где еще люди ведут мирную жизнь, не касаясь милитаризма, в государстве, которое само ставит мины-ловушки несущие смерть или что еще хуже? Старая Северная Австралия имела струн — лекарство — и более чем тысяча других планет шумно требовала его. Но вы могли достать струн только на Норстралии (так, для краткости, они называли Ста-

рую Северную Австралию)¹, потому что это был вирус, который развивался, паразитируя на ненормальных, деформированных овцах. Овец вывезли с Земли, когда поселенцы отправились в космос создавать пасторальное общество; овец берегли как величайшее из воображимых сокровищ. Простые фермеры стали настоящими миллиардерами, но они не оставляли фермерство. Раньше они были упрямыми, а теперь стали еще упрямее. Люди становятся совершенно скаредными, если вы грабите их и причиняете им вред почти три сотни лет. Они стали упрямы. Они избегали чужеземцев, кроме засланных шпионов и чрезвычайно редких туристов. Они не смешивались с другими народами, становились словно мертвые (мертвые в переносном смысле) и воротили носы, если вы попадали к ним.

Потом один из их рода объявился на Земле и купил ее. Всю поверхность, вклады, ресурсы и население. У Земли возникли настоящие проблемы.

И у Норстралии тоже.

Если бы существовало два правительства, Норстралия воспользовалась бы жизненным опытом Земли и продала бы планету назад за меньшую цену. Так Норстралийцы вели свои дела. Они могли сказать: “Убирайся, приятель. Ты можешь сам править своим влажным, старым шаром. У нас есть свой хороший сухой мир.” Такой у них был характер. Непредсказуемый. Но один паренек купил Землю, и она была его.

По закону он мог выкачать Океан Заходящего Солнца, вывести его в космос и продать воду по всей обитаемой галактике.

Но он этого не сделал.

Он хотел чего-то другого.

Земные эксперты думали, что это — девушки, и они пытались подsunуть ему девушек всех форм, разме-

¹ От Нор(д) — север (англ.) и (Ав)стралии. (Прим. пер.)

ров, запахов и возрастов — всех от молодых дам из хороших фамилий до самок квазилюдей кошачьего происхождения, которые все время романтично улыбались, по крайней мере первые пять минут, после того как принимали горячий антисептический душ. Но он не хотел девушек. Он хотел собирать почтовые марки.

Это расстроило планы и Земли, и Норстралии. Норстралийцы были жестокими людьми с суровой планеты, и они строго соблюдали права собственности. (Почему бы им их не соблюдать? Они большей частью сами являлись собственниками.) История вроде этой могла начаться только на Норстралии.

3

На что Норстралия похожа?

Кто-то однажды сказал о ней примерно так:¹

“И серой стала земля. И серой стала трава от неба до неба. Но не возле воды. Не возле горы — низкой или высокой, а возле холмов серых-серых. Посмотри на испещренную серыми пятнами, покрытую серой рябью полосу света вон на той звезде”.

Это — Норстралия.

Весь грязный мусор смывает: все труды, ожидания боль. Люди сражались за свою жизнь, пытаясь избежать чудовищных превращений. Люди сражались за то, чтобы иметь руки и носы, глаза и ноги, быть мужчинами и женщинами. Они снова воссоздали свой человеческий облик, вернулись из кошмаров при дневном свете столетий, когда чудовища-люди сосали воду из луж, мечтая о том, чтоб вновь стать людьми. Норстралийцы стали ими, отторгнув ужасные образы.

А овцам — бедным существам это не удалось. Под тошнотворными шкурами они выращивали бессмертие

¹ Использован перевод повести “Малинькие катята” Матери Хиттон”. Автор перевода Н. Л. Труханова.

для людей. Кто скажет, что наука могла сделать это? Наука — порочна! Открытие произошло совершенно случайно. Попробовав случайно, человек стал производить струн.

Бежево-коричневые овцы лежат на серо-голубой траве, а в это время над низким пологом неба проплывают тучи, как железные трубы, в которые упирается потолок всего мира.

Выбери же овечку, человек, за это воздастся тебе. Кашляни на меня планетой, чихни бессмертием. Если ты ищешь то место, где живут простак и деревенщина вроде тебя, так оно здесь.

Вот и вся книжка, мальчик.

Если ты не видел Норстралии, ты не видел ничего. Но когда ты увидишь ее, ты не согласишься своим глазам.

“Малинькие катята” Матери Хиттон внизу ожидают вас. Они маленькие домашние зверьки, маленькие, маленькие, маленькие зверьки. Милые маленькие существа, так говорят. Но не верьте в это. Нет человека, который видел их и ушел оттуда живым. Вам это не удастся. Это будет страшный удар. Все будет разорвано, разломанно.

На картах эта планета обозначена как “Старая Северная Австралия.”

Мы можем быть уверены, что все там так и есть.

4

Время.

Первое столетие Возрождения Человека.

Тогда жила К'мель.

В это время покончили с Шеолом, словно сбили хлыстом яблоко прямо в руку.

Далеко это отстоит от нашего времени? Пятнадцать тысяч лет после того как упали бомбы и встряхнули Старую, Старую Землю.

Недавно. Понятно?

5 О чем сюжет этого романа?

Прочитайте.

О ком он? Он начнется с повествования о Роде МакБэне — настоящее имя которого Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн. Но вы же не сможете рассказать историю, если станете называть главного героя таким длинным именем как Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн. Вы поступите так, как поступили его соседи — назовете его Родом МакБэном. Старые дамы всегда говорят: “Род МакБэн сто пятьдесят первый...” и потом вздыхают. Флуп — вырывается воздух из их легких, друзья. Но мы не нуждаемся во вздохах. Мы знаем, что его семья была выдающейся. Мы знаем, что бедный мальчик был рожден для неприятностей.

Почему он имел неприятности?

Он был рожден для наследования Роковой Фермы.

Он едва не погиб в Саду Смерти.

Его отец умер в самой сухой части космоса, где люди никогда не умирают хорошей, простой смертью.

Когда у Рода появились проблемы, он доверился своему компьютеру.

Компьютер сыграл в одну азартную игру, и выиграл Землю. МакБэн отправился на Землю.

Это история сама по себе — пустое место, как и история К’мель.

И много, много времени спустя, МакБэн нашел свою правду и вернулся домой.

Вот о чем эта история. Остались детали.

Они изложены дальше.

ГЛАВА I У ВРАТ САДА СМЕРТИ

Род МакБэн день за днем наталкивался на трудности. Он знал, что это так, но не мог ничего с этим сделать. Он удивился, если бы его оставили в покое с полуочищенным струном — продуктом столь редким и драгоценным, что его никогда не продавали — выходцам с других планет.

Он знал, что придут сумерки, когда он станет смеяться и хихикать, нести чепуху в одной из Комнат Умиравших, куда отправляют свихнувшихся из небольшого человеческого племени; или его выставят с планеты, помиловав как потомка самых древних обитателей на планете — прямой наследник Роковой Фермы. Та была спасена его пра32-дедом, который привез астероид льда, превратил его в ферму несмотря на яростные возражения соседей, и изучил ловкие трюки с артезианскими колодцами, которые заставили его травы расти, в то время как поля соседей из серо-зеленых превратились в пыль на ветру. МакБэн сохранил насмешливое старое название своей ферме — Роковой Фермы.

Род знал, придет время и ферма станет его собственностью.

Или он умрет, хихикая в месте заклания — там, где люди смеются, усмеваются и веселятся умирая.

Он обнаружил, что и сам бормочет рифму, которая была частью традиции Старой Северной Австралии:

*Мы убиваем для жизни,
И умираем чтобы расти...
Этим путем должен мир идти!*

Он получил образование, до глубины костей понимал, что его собственный мир очень своеобразный — им завидовали, их любили, ненавидели и боялись во всей галактике. Он знал, что принадлежит к народу совершенно особых людей. Другие народы и расы собирали урожаи, выращивали животных для пищи, проектировали машины или производили оружие. Норстралия ничего похожего не делала. Со своих сухих полей, из своих редких колодцев, от своих ненормальных, больных овец, они добывали само бессмертие.

И продавали его по очень высокой цене.

Род МакБэн немного прогулялся по двору. Его дом — длинная хижина, выстроенная из балок — остался у него за спиной. Диамони — балки, которые нельзя резать и гнуть. Они — твердые сверх всех пределов твердости. Их купили как подходящие на тридцать планет и привезли также и на Старую Северную Австралию. Хижина была как крепость, которая вынесла бы даже прямое попадание орудия, это была хижина, простая внутри, и перед ней был двор с перетертой пылью.

Последняя красная полоска зари белого дня.

Род знал, что не уйдет далеко.

Он слышал как женщина вышла из дома через заднюю дверь — одна из родственниц, которые пришли подстричь и приодеть его перед триумфом... или, наоборот, перед поражением.

Они и не подозревали, как много знал Род. Во время его болезни, они, годы, задумчиво бродили вокруг него, рассчитывая, что его телепатическая глухота не пройдет. Проблема была. Не без этого. Но много раз Род слышал вещи, которые, как все считали, он не слышал. Он даже запомнил маленькое печальное стихотворение о молодых людях, которые оказались не в состоянии пройти тест по той или другой причине и отправились в Дом Умиравших, вместо того, чтобы присоединиться к гражданам Норстралии и полностью признанным гражданам Ее Высочества Королевы. (Норстралийцы не имели настоящей королевы

около пятнадцати тысяч лет, но они были верны традиции, и не давали таким простым фактам поколебать себя.) Маленькое стихотворение говорило: *“Этот дом появился давным-давно?..”* Юмор висельников.

Род стер свои следы в пыли и неожиданно вспомнил все стихотворение. С нежностью он продекламировал его про себя:

*Этот дом появился давным-давно,
Там где старцы бормочут в горе,
Где боль времени — постоянная боль,
И привычные вещи жгут словно соль.
И из Сада Смерти — юности нашей
Мы отважно вкусили страх.
Мускулистой рукой и предательством
Они выиграли и упрятали нас.
В этом доме давным-давно.
Те, кто умер молодым, не войдя сюда,
Те жили, зная, что рядом ад..
Но старики сделали как хотели.
Из Сада Смерти седая старость
Взирает со страхом на молодость, радость.*

Правильно было сказано, что судьи со страхом взирают на молодость и радость. Роб не встречал никого, кто не предпочитал жизнь смерти, хотя он слышал о людях, которые выбрали смерть... он бы тоже выбрал... а кто выбирал другое, окажись он на их месте? Но выбравшие смерть были трех- четырех- пяти-рукими.

Роб знал: некоторые люди говорили, что лучше бы он был мертвым, только из-за того, что он никогда так и не обучился телепатическому общению и словно чужеземец или варвар пользовался старыми словами, которые необходимо было произносить.

Однако, Роб сам не думал, что было бы лучше, если бы он умер.

На самом деле, он иногда смотрел на нормальных людей и удивлялся, как они умудряются жить, когда у них в голове постоянно щебечут мысли других людей. Когда разум Рода просыпался так, что он мог временно “слишать”, он чувствовал как сотни или тысячи разумов

с невыносимой отчетливостью грохочут в его голове, он мог “слишать” даже мысли людей, которые, как они думали, отгорожены мысленной защитой. Потом, очень скоро, милосердное облако помех опустилось на его разум, и он был полностью отгорожен от остальных, что вызывало зависть у всех на Старой Северной Австралии.

Его компьютер однажды сказал ему:

— Слова “слишать” и “гаварить” исковерканные слова “слышать” и “говорить”. Они всегда произносятся тоном чуть выше, так словно ты задаешь вопрос под воздействием удивления и тревоги, если произносишь слова голосом. Эти слова используются только для обозначения при телепатическом общении между гражданами или между гражданами и квазигражданами.

— Что такое квазиграждане? — спросил Род.

— Животные, видоизмененные до умения говорить, понимать, и выглядывшие, обычно, наподобие людей. Они отличались от церебоцентрических роботов тем, что роботы строились на основе мозгов настоящих животных, но механически и электронно переделанных, в то время как квазилюди целиком составлялись из живых тканей земного происхождения.

— Почему я не видел ни одного из них?

— Им не разрешают появляться на Норстралии, если они не обслуживают оборонительные укрепления Государства.

— Почему мы называем нашу планету — Государство, когда все другие называются мирами или планетами?

— Потому что твой народ — подданные Королевы Англии.

— Кто такая Королева Англии?

— Она была Земной правительницей в Самые Древние Дни, более чем пятнадцать тысяч лет назад.

— Где она сейчас?

— Я же сказал, что прошло пятнадцать тысяч лет, — объяснил компьютер.

— Я понял. — Но не может же быть какой-то Королевы Англии через пятнадцать тысяч лет? — настаивал Род. Как можем мы быть ее подданными?

— Я знаю ответ со слов людей, — донеслось из дружелюбно настроенной красной машины. — Но он ничего не говорит мне. Я процитирую его тебе так, как рассказали мне его люди. “Она могла открыть даже проклятый родник в те дни. Кто знает? Где-то среди звезд есть другая Старая Северная Австралия, и мы можем открывать новые родники, ожидая свою собственную королеву.” Она ведь могла отправиться в путешествие, когда старая Земля начала скисать, — компьютер несколько раз прокудахтал эти слова своим странным древним голосом, а потом беспомощно добавил голосом, лишенным интонации. — Может ты хочешь приказать, чтобы я перенес это в оперативную память?

— Мне не нужно столь многого. Следующий раз, когда я стану “слишать” мысли других разумов, я попытаюсь выудить что-нибудь еще.

Этот разговор произошел больше года назад, но Род так и не стал искать ответ.

Прошлой ночью он задал компьютеру более важный вопрос:

— Я завтра умру?

— Вопрос неуместный. Ответ невозможен.

— Компьютер! — закричал Род. — Ты знаешь, я люблю тебя.

— Ты так говоришь.

— Я включил твой узел истории, после того как починил тебя. К тому времени эта твоя часть не работала сотни лет.

— Точно.

— Я пробрался в это место и обнаружил ручное управление там, где мой прадед оставил его, когда оно устарело.

— Точно.

— Завтра я отправлюсь на смерть, а тебя это даже не печалит.

— Я так не говорил, — ответил компьютер.

— Тебе не все равно?

— Я не запрограммирован на эмоции. С тех пор как ты починил меня, Род, ты должен был понять, что я единственный полностью механический компьютер, функционирующий в этой части галактики. Я уверен, что

если бы я обладал эмоциями, я бы очень опечалился. Это самый оптимальный вариант, с тех пор как ты мой единственный приятель. Но у меня нет эмоций. Я имею дело с числами, фактами, языком и памятью — все.

— Может так случиться, что я умру завтра в Хихикающей Комнате?

— Это неправильное название. Он называется Дом Умиравших.

— Ладно, пусть Дом Умиравших.

— Приговор тебе будет вынесен современным человечеством. Он базируется на эмоциях. Пока я не знаю индивидуальные интересы членов совета, я не могу сделать хоть какое-нибудь стоящее предсказание.

— Как ты думаешь, что случится со мной, компьютер?

— Я не могу объективно судить. Я ответил. Не хочу тратить энергию на обсуждение этого вопроса.

— Ты хоть что-нибудь знаешь о моей жизни и о смерти поджидающей завтра? Я знаю, что не могу “гаварить”. Но я же могу издавать звуки ртом. Могут они меня за это убить?

— Я не знаю конкретных людей, и более того, я не знаю причин происходящего, — сказал компьютер, — но я знаю историю Старой Северной Австралии до времен твоего пра14-дедушки.

— Тогда расскажи мне, — сказал Роб. Он сидел на корточках в зале, слушая установленный здесь на века компьютер контроля, который сам восстановил, и снова слышал историю Старой Северной Австралии так, как его пра14-дедушка толковал ее. Если исключить личные имена и даты, то это была простая история.

Утром жизнь Роба окажется на волоске.

На Норстралии оставалось все меньше людей, которые пытались сохранить черты, присущие Старой, Старой Земле и другой Австралии, затерянной среди звезд. Иначе поля зарастали, пустыли их дома, овцы умирали в подвалах под бесконечными хибарками скучившихся и беспомощных людей. Каждый хотел сохранить характер, бессмертие и богатство — существующий особый порядок. Все это шло в противоположность темпераменту Норстралии.

Простой характер Норстралии был неизменен — самое неизменное среди звезд. Это древнее Государство было единственным человеческим институтом, древнее Содействия.

* * *

Эта история была простой. Разум компьютера с длинными цепями переиначил ее.

* * *

Возьмите фермерскую культуру со Старой, Старой Земли — Дома Рода Человеческого.

Перенесите культуру на отдаленную планету.

Коснитесь ее крылом неудач и нанесите вред засухой.

Наградите людей болезнью, деформацией, дерзостью. И пусть дела у них идут так плохо, что человек может продать одного ребенка, чтобы купить другому воды, которая даст ему еще один день жизни, в то время как сверла все глубже врезаются в сухую скалу в поисках влаги.

Научите людей бережливости, медицине, науке, боли, выживанию.

Преподайте этим людям уроки собственности, войны, горя, алчности, великодушия, благочестия, надежды и отчаянье уйдет.

Дайте культуре выжить.

Выживут больные, деформированные, одинокие, покинутые, заброшенные.

Потом пусть им выпадет самая большая удача за всю историю человеческой цивилизации.

Через тошнотворных овец придут необъятные богатства — наркотик жизни или струн, который до бесконечности продлевает человеческую жизнь.

Продлевает ее... но со странными побочными эффектами, так что большинство Норстралийцев предпочитали умереть в возрасте тысячи лет, или около того.

Норстралия была потрясена открытием.

Как и все остальные обитаемые миры.

Но лекарство нельзя было синтезировать, сделать искусственно, продублировать процесс. Это нечто можно было добыть только из дыхания тошнотворных овец, пасущихся на равнинах Старой Северной Австралии.

Грабители и правительства пытались украсть лекарство. Раз за разом они достигали цели. Но это было давно. Со времен пра19-дедушки Роба они больше не предпринимали попыток.

Люди с других планет пытались воровать овец.

Несколько их выкрали. (В Четвертой Битве у Новой Алисы, половина человеческого населения Норстралии погибла, под ударом Светлой Империи. Причиной послужила потеря двух тошнотворных овец — самки и самца. Светлая Империя считала, что выиграла. Овцы чувствовали себя хорошо, но народили здоровых ягнят, не выделяющих больше струна, и умерли. Светлая Империя заплатила четырем военными флотами за холодную коробку, полную баранины.) Монополия осталась за Норстралией.

Норстралийцы начали экспортировать наркотик жизни систематически.

Они оказались невозможными богачами.

Самый бедный человек на Норстралии был богаче самого богатого человека, включая императоров и завоевателей. Каждые руки на ферме зарабатывали в день по сотне мегакредитов Земли — измеряемые в реальной монете Старой Земли, а не в бумагах, которые последовательно путешествуют по арбитражам.

Но Норстралийцы сделали свой выбор: выбор...

Остаться самими собой.

Налогом они принудили себя вернуться к примитивизму.

Товары роскоши имели накрутку в 20 000 000%. За те деньги, на которые вы могли бы купить пятьдесят дворцов на Олимпии, на Норстралии вы могли купить привезенный носовой платок. Пара туфель, для работы в поле, стоили столько же, сколько сотня яхт на орбите. Все машины были запрещены, кроме оборонительных и использующихся для сбора лекарств. Квазилюди никогда не производились на Норстралию и импортировались только для оборонных целей по совершенно секретным причинам. Старая Север-

ная Австралия оставалась простой, открытой, как поселения пионеров.

Многие семьи иммигрировали, чтобы насладиться своим богатством.

Но проблема неселения оставалась, наравне с налогами, простой и тяжелой работой.

Потом повторная попытка — уменьшить население, если возможно.

Но как, откуда, где? Проблема рождаемости — ужасно! Стерилизация нелюдей, нечеловекоподобных, небританцев. (Последнее было очень древним словом, обозначающим “на самом деле очень плохой”).

Потом семьи. Пусть семьи имеют детей. Пусть Государство тестирует их, когда им исполняется шестнадцать лет. Если они не подходят под стандарты, подарим им счастливую, счастливую смерть.

Но как же семьи? Вы не разрушите семьи, не в консервативном фермерском обществе, когда соседи — люди которые боролись и умирали рядом с вами сотни поколений. Тогда появился Закон Исключения. Любая семья, линия которой обрывалась, могла подвергнуть последнего выжившего наследника повторному тесту... и так до четырех раз. Если он не выдержит испытания, его будет ждать Дом Умирающих. Родственники усыновят наследника из другой семьи с передачей имени и положения.

Вскоре Норстралийцы были разделены на два класса, трудовой и привилегированный и класс наследственных уродов. Но так не могло продолжаться, ни тогда, когда все пространство вокруг пахло опасностью, не тогда, когда люди сотен миров грезил и умирали с мыслью, как бы выкрасть струн. Жители Норстралии были бойцами, но решили не становиться ни солдатами, ни императорами. Тем не менее они были бдительными, богатыми, умными, простыми и смертными.

Старая Северная Австралия стала самым жестоким, разумным, простым миром в галактике. Один за другим, без оружия, Норстралийцы ехали в другие миры, убивая всех, кто нападал на них. Правители боялись их. Обычные люди или ненавидели или поклонялись им. Глаза мужчин всей вселенной с подозрением взирали на их женщин. Содействие оставило их одних, иногда защищало, не давая Нор-

стралийцам понять, что защищают их. (Как в случае Раумсонга, который привел весь свой мир к смерти от бедствий и вулканов, потому что был разрушен Золотистый Корабль.)

Матери Норстралийцев научились стоять с сухими глазами, когда их дети, употребляли наркотики, когда проваливали тесты, с восторгом несли чепуху и хихикая шли к своей смерти.

Пространство и подпространство вокруг Норстралии стали густыми, сверкая множеством оборонительных сооружений. Могущественные люди, живущие на разных планетах, плавали на крошечных боевых судах вокруг прибывающих на Старую Северную Австралию. Когда люди встречали Норстралийцев в портах, они думали, что Норстралийцы выглядят просто — внешний вид был ловушкой и иллюзией. Тысячи лет Норстралийцы отражали непровоцированные атаки. Они выглядели такими же простыми, как овцы, но разум их был утонченным, как у змеи.

А теперь... Роб МакБэн.

Последний наследник, самый, самый последний наследник одной из самых гордых древних фамилий был признан полууродом. Он был нормальным даже по Земным стандартам, но Норстралийцы решили, что он — не как все. Он был очень плохим телепатом. Он не мог “слишать”. Другие люди не могли коснуться его разума, прочесть его мыслей. Все, что они могли различить — раскаленные пузыри и приглушенное шипение бессмысленных субсемян, обрывки мыслей, которые ничего не значили. Да и “гаварил” он плохо. Мысленно он и вовсе не мог говорить. Когда же он пытался делать это, соседи бежали в поисках защиты. Если Род был в ярости, проклятый рев почти лишал их сознания, на них обрушивалась волна такой сильной и кровавой ярости, как мясо в руках мясника на бойне. Если он будет счастлив, это будет неправильно. Его счастье, которое он передавал, не зная об этом, отвлекало резчиков в скалах с вкраплениями драгоценных камней. Его счастье высверливалось в людей первоначально вызывая чувство удовольствия, которое быстро сменялось острым дискомфортом и внезапным желанием оказаться без зубов. Нервы зубов выкручивало от сильного, не поддающегося описанию дискомфорта.

Люди подозревали, что он мог “слишать”, но не знали, что он “слишал” всех на расстоянии нескольких миль, “слишал” с микроскопическими подробностями и телескопической четкостью. Когда его телепатия включалась на прием, защитные поля мыслей, которые возводили другие, переставали существовать. (Если бы некоторые из женщин в окрестности Фермы Рока знали, что МакБэн случайно разглядывает их мысли, они краснели бы, как раки, до конца жизни.) Как результат, Род МакБэн боролся против разнообразных несортируемых мыслей.

Преыдушая комиссия не присудила ему право владения Роковой Фермой, а послала на хихикающую смерть. Они не смогли оценить его смекалку, быстрый ум, необычную физическую силу. Но их одолели сомнения относительно его психологического барьера. Уже трижды он был на судилище.

И все три раза решение было отложено.

Они выбрали менее жестокий путь и не послали его на смерть, но с непривычного младенчества и бодрого отрочества у Рода оставалась надежда, что у него естественным способом разовьется нормальная для Норстралийцев способность к телепатии.

Они переоценили Рода.

Он это знал.

Благодаря подслушиванию, которое Род МакБэн не мог контролировать, по кусочкам и обрывкам он понял, что происходит, хотя никто не говорил ему о рациональных причинах и способах прогресса.

Получалось все уныло. Он был большим мальчиком, который поднял пыль во дворе перед своим домом одним последним бесполезным пинком, и повернул назад в хижину, прошел прямо через главную комнату к задней двери и оттуда на задний двор, где вежливо приветствовал своих родственниц, в то время как они с болью в сердцах, стали одевать его, готовя к испытанию. Они не хотели, чтобы ребенок расстраивался, даже если он, такой же взрослый, как мужчина и выглядит более спокойно. Они хотели скрыть от него страшную правду.

Род все знал.

Но притворялся, что не знает.

Сердечно, немного испуганно, но не громко, он сказал:

— Все в порядке, тетушка! Все в порядке, кузина. Здравствуй, Марибель. Здесь твоя овца. Почисти меня и приведи в порядок для известковых состязаний. Смогу ли я носить кольцо в носу или ленту с бантом на шее?

Женщины, что помоложе, рассмеялись, но самая старая его “тетя” — на самом деле четвероюродная кузина, замужем за человеком из другой семьи — серьезно и печально показала на стул во дворе и сказала:

— Садись, Родерик. Это — важное событие, и мы обычно не разговариваем до тех пор, пока все приготовления не закончатся.

Она прикусила нижнюю губу и продолжила, не потому, что хотела испугать мальчика, а потому, что хотела произвести на него впечатление:

— Вице-председатель сегодня будет здесь.

“Вице-председатель” стоял во главе правительства. Это был не Председатель Временного Правительства Государства, которого избрали на несколько тысяч лет. Норстралийцы не любили шикарности, и думали, что “вице-председатель” стоял выше всех остальных людей. С другой стороны, такой титул ставил чужаков в тупик. (На Рода он не произвел впечатление. Род “слишал” мысли этого человека. Выпал один из тех редких моментов, когда включалось “слишанье”, и Род обнаружил, что голова Вице-председателя полна цифр и лошадей, результатами каждых лошадиных скачек за триста двадцать лет и прогнозами на шесть состязаний, которые, вероятно, состоятся в следующие три года.)

— Да, тетушка, — сказал Род.

— Не реви сегодня все время. Ты не должен пользоваться своим голосом, разве только придется сказать “да”. Только кивай головой. Это произведет гораздо лучшее впечатление.

Род начал было отвечать, но жадно сглотнул и снова кивнул.

Тетушка утопила гребень в его густых, желтых волосах.

Другая женщина, почти девочка, принесла маленький столик и таз. По выражению ее лица Род мог бы сказать, что она “гаварит” с ним, но это был, как раз тот момент, когда он ничего не “слишал”.

Тетушка особенно свирепо дернула его за волосы, в то время как девушка держала его за руки. Род не знал, что тетушка намеренна делать. С криком он дернулся назад.

Таз упал с маленького столика. И тогда Род осознал, что это простая теплая вода.

— Извините, — сказал он. Но голос его прозвучал словно крик. На мгновение Род почувствовал сильное унижение и разозлился.

“Они убьют меня, — подумал он. — ... Наступит время, когда сядет солнце, а я войду в Хихикающую Комнату, смеясь и смеясь перед тем как медики сотрут все, что есть в моем котелке.”

Он упрекнул себя.

Две женщины ничего не сказали. Тетушка ушла, чтобы принести шампунь, а девушка вернулась с кувшином, заново наполнив таз.

Они встретились взглядом.

— Я хочу тебя, — сказала она, отчетливо, спокойно, с улыбкой, которая казалась ему необъяснимой.

— Что? — спросил Род.

— Только тебя, — сказала она. — Я хочу тебя для себя. Ты останешься жить.

— Ты, Лавиния, моя кузина, — сказал он, словно впервые сделал какое-то открытие.

— Ш-ш-ш, — ответила она. — Тетя возвращается.

Когда девушка успокоилась и начала вычищать грязь у Рода из-под ногтей, а тетушка тереть его волосы словно овечью шерсть, Род почувствовал себя счастливо. Его настроение изменилось безразличием к своей судьбе, легко принимая серое небо над головой, тучи, клубящиеся над землей. Хотя его одолевал маленький страх, такой маленький, что мог показаться крошечным домашним животным в миниатюрной клетке — бегающем по кругу его мыслей, но это не был страх смерти. Как-то, внезапно, Род взвесил свои шансы и вспомнил, как много других людей играло своей судьбой. Маленький страх был чем-то другим — страхом, что он не сможет вести себя как следует, если они прикажут ему умереть.

“Но тогда, — подумал он, — я не буду беспокоиться”. Отрицание не слово — только подкожное впрыскивание,

которое сделает так, что первую плохую новость о том, что его собственное существование под угрозой, он встретит счастливым смехом.

И приятное умиротворение неожиданно победило его “неслишанье”.

Род глазами не видел Сада Смерти, но он видел его в разумах тех, кто присматривал за ним. Это был огромный фургон, спрятанный за следующим рядом холмов, где жил Старый Билли — 1 800-тонный баран. Род слышал грохот голосов в маленьком городке, расположенном в восемнадцати километрах. И он заглянул в голову Лавинии.

Там было его изображение. Но что это была за картина! Такая увеличенная, такая красивая, такая храбрая. Когда он начинал “слишать”, он должен был не двигаться, держа себя в руках, чтобы другие люди не поняли, что редкий телепатический дар вернулся к нему.

Тетушка заговорила с Лавинией без шумных слов:

— В полночь мы увидим этого мальчика в гробу.

Лавиния, с извинениями, подумала совершенно обратное.

— Нет, не увидим.

Род равнодушно сидел на стуле. Две женщины, с печальными и неподвижными лицами, продолжали “гаварить”, и каждая аргументировала свое мнение.

— Откуда ты знаешь... разве тебе уже так много лет? — “гаварила” тетушка.

— Он станет владельцем самой древней фермы на всей Старой Северной Австралии. Он носит старинное имя. Он... — “гаварили” ее мысли, мечась, словно она заикалась, — ... очень красивый юноша, и он превратится в удивительного мужчину.

— Обрати внимание на мои мысли, — “прогаварила” тетушка снова. — Я сказала тебе, что мы увидим его в гробу ночью, а в полночь он отправится в движущемся гробу в Долгий Путь.

Лавиния вскочила на ноги. Она едва не опрокинула таз с водой во второй раз. Она напрягла горло и рот, чтобы заговорить, но лишь закашлялась.

— Извини, Род. Извини.

Род МакБэн, сохраняя прежнее выражение лица, сделал благодарный, глупый, маленький кивок, чтобы не

возникло подозрений, что он “слишал”, о чем они “гаварили”.

Лавиния повернулась и побежала, громко крича (“гаваря”) тетушке:

— Пусть кто-нибудь другой делает ему маникюр. Ты — бессердечная, не оставляешь надежды. Возьми кого-нибудь другого омыwać трупы. Не меня. Не меня.

— Что случилось с ней? — спросил Род у тетушки, словно он не знал.

— Она — трудный человек, только и всего. Просто трудный. Нервы, я так думаю, — прибавила тетушка каркающим голосом. Она не очень хорошо говорила, так как все — ее семья и друзья “гаварили” и “слишали”. — Мы “гаварили” между собой о том, что, быть может, ты умрешь завтра утром.

— А там будет священник, тетушка? — спросил Род.

— Что?

— Священник, как в старом стихотворении, сочиненном в грубые, грубые дни, до того как наши люди обнаружили эту планету и спустили сюда наших овец. Каждый знает его:

*На том месте, где священники сходят с ума,
На том месте, где мать моя сожжена.
Я не могу показать вам мой дом,
Он скрылся за склоном гор...*

— Там еще много другого, но я помню только часть. Разве священник не специалист в том, как умереть? Тут вокруг что-то есть?

Он читал ее мысли, в то время как она врала ему. Когда он заговорил, то имел совершенно отчетливую картину одного из их более отдаленных соседей, человека по имени Толливер, который обладал очень вежливыми манерами; но ее слова совершенно не касались Толливера.

— Некоторые вещи индивидуальное дело каждого, — сказала она, каркая словами. — Во всяком случае, эта песня вовсе не про Норстралию. Она о Рае VII. Поэтому мы покинули его. Я не знала, что ты слышал эту песню.

В ее мозгу можно было прочесть:

— Этот мальчик так много знает.

— Спасибо, тетушка, — сказал он покорно.

— Теперь ты останешься один, чтобы сполоснуться, — сказала она. — Мы использовали ужасно много воды для тебя сегодня.

Род последовал за тетушкой и почувствовал, что более доброжелательно относится к ней, когда понял, что она думает: Лавиния правильно все чувствовала, но она сделала ошибочные выводы. Этой ночью его ждет смерть.

Слишком много!

Род на мгновение заколебался, умеряя свой странно настроенный мозг. Потом он выпустил дрожащие завывания телепатической радости, по крайней мере большую ее часть. Все неподвижно застыли, затем внимательно посмотрели на него.

Вслух тетушка сказала:

— Что это?

— Что? — невинно спросил он.

— Этот шум не “гаварение”.

— Это словно мысленно чихнуть, я так думаю. Я не знаю, как это получается, — глубоко в душе он хихикал. Он может и стоял на дороге, которая вела в Сад Смерти, но порезвиться пока он может.

“Глупый путь к смерти,” — подумал Род про себя.

У него появилась странная безумная идея:

“Возможно, они не убьют меня. Возможно, у меня хватит сил. Собственных сил. Ладно, скоро увидим”.

ГЛАВА II ИСПЫТАНИЕ

Род прошел по пыли, сделал три шага вверх по складной лесенке, спускавшейся с борта вагончика трейлера, и один раз постучал в дверь так, как его проинструктировали. Открылась дверь и он вошел, зеленый свет ударил ему в лицо.

Там был сад.

Он вдохнул сырой, сладкий воздух с запахом ладана. Чрезмерное обилие ярко-зеленых растений. Свет был не ярким; потолок создавал ощущение прозрачного синего не-

ба. Род огляделся. Имитация Старой Старой Земли. Растения на зеленых равнинах были 'цветущими'. Род вспомнил картины, которые показывал ему компьютер. Картины выглядели красиво, но, к сожалению, не передавали запаха. Здесь влажный воздух. Влажный воздух всегда поддерживает запахи растений. Наконец, почти робко, Род поднял взгляд на трех судей.

С удивлением он увидел, что один из них и вовсе не Норстралиец, а местный специальный уполномоченный Содействия, Повелитель Красная Дама — тощий человек с резко очерченным, вопрошающим лицом. Двое других были старый Таггарт и Джон Беаслей. Род не слишком хорошо знал их.

— Добро пожаловать, — сказал Повелитель Красная Дама, говоря монотонно как человек из Дома Человечества.

— Благодарю, — сказал Род.

— Вы — Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн сто пятьдесят первый? — спросил Таггарт, хорошо зная, что Род как раз эта личность.

“Повелитель с Земли — это удача! — подумал Род. — Надо попробовать “послушать” о чем они думают!”

— Да? — сказал Повелитель Красная Дама.

Тишина.

Двое других судей глядели на мужчину из Дома Человечества. Чужеземец посмотрел на Рода. Род внимательно — на него и потом почувствовал тошноту на дне своего желудка.

Первый раз в жизни он встретил того, в чьи мысли он хотел проникнуть своим особым восприятием.

Наконец, Род подумал:

— Я понимаю.

Повелитель Красная Дама резко и внимательно посмотрел на него, словно ожидал подтверждения своего простого “да?”.

Род уже ответил — телепатически.

Наконец Старый Таггарт нарушил тишину.

— Ты не умеешь говорить? Я спросил твое имя.

Повелитель Красная Дама поднял руку, призывая к терпению. Такого жеста Род раньше не видел, но немедленно понял, что он означает.

Потом Повелитель мысленно обратился к Роду:

— Ты читаешь мои мысли.

— Действительно, — подумал Род, отвечая ему.

Повелитель Красная Дама прижал руку ко лбу.

— Ты причиняешь мне боль. Ты что-то хотел мысленно сказать мне?

Уже голосом Род ответил:

— Я сказал вам, что читаю ваши мысли.

Повелитель Красная Дама повернулся к двум другим мужчинам и заговорила с ними:

— Вы оба “слишали”, что он пытался “гаварить”?

— Нет, — мысленно оба ответили ему. — Только шум, громкий шум.

— Он — широкополосник, как я. И я был разжалован за это. Вы знаете, что я всего лишь Повелитель Содействия, который был разжалован из Повелителя до Специального Уполномоченного...

— Да, — “прогаварили” они.

— Вы знаете, что они не смогли вылечить меня от криков и мысли, что я умру?

— Нет, — ответили они.

— Вы знаете, Содействие решило, что я не смогу беспокоить вас здесь и послало меня на вашу планету для исполнения этой жалкой работы, теперь вам понятно, что сбilo меня с пути?

— Да, — ответили они.

— Тогда, как вы предложите поступить с этим юношей? Не пытайтесь одурачить его. Он уже все знает об этом месте.

Повелитель Красная Дама с симпатией взглянул на Рода, и подарил ему едва заметную улыбку поддержки.

— Вы хотите убить его? Сослать его? Отпустить его на свободу?

Два других человека стали беспокойно мысленно переговариваться. Род понял — они боятся, что он будет читать их мысли о себе. Они также сопротивлялись грубой стремительности Повелителя Красная Дама в вынесении решения. Род почти ощущал как плывет в густом, влажном воздухе, потом запах роз наполнил его, и он перестал чувствовать другие запахи, кроме роз. И еще он понял, что в комнате вместе с ним пять человек, хотя раньше он не видел пятого.

Пятым оказался солдат Земли в форме. Солдат был красивым, стройным, высоким, с настоящей военной выправкой. Более того он был не человеком, и в руке у него было странное оружие.

— Что это? — “прогаварил” Род, обращаясь к Землянину. Повелитель Красная Дама видел его лицо, но не мысли.

— Квазичеловек. Человек-змея. Единственный на планете. Он увезет вас отсюда, если решение будет вынесено против вас.

Беаслей отрезал почти зло:

— Ну-ка, прекратите. Это — слушанье дела, не безумное чаепитие. Не болтайте. Сохраним формальность.

— Вы хотите формального слушания? — спросил Повелитель Красная Дама. — Формальное слушанье для человека, который знает все наши мысли? Это глупо.

— На Старой Северной Австралии, мы всегда проводим формальные слушания, — сказал Старый Таггарт. С врожденной остротой восприятия личной опасности, Род как бы впервые увидел Таггарта: озабоченный старик, который, не покладая рук, проработал на бедной ферме тысячу лет; фермер, как и его предки; человек богатый только на миллионы мегакредитов, израсходовать которые у него никогда не находилось времени; человек крепкий, гордый, осторожный, педантичный, праведный и очень справедливый. Такие люди не признают нововведений. Они борются с переменами.

— Послушайте тогда, — сказал Повелитель Красная Дама, — послушайте, если таков ваш обычай, Господин и Собственник Таггарт, Господин и Собственник Беаслей.

Норстраллийцы умиротворенно коротко кивнули.

Почти робко посмотрел Беаслей на Повелителя Красная Дама.

— Господин и Специальный Уполномоченный, вы скажете слова? Хорошие старые слова? Те, что помогут нам осознать наш долг и выполнить его?

Род заметил как вспышка ярости пронеслась через разум Повелителя Красная Дама, в то время как Специальный Уполномоченный Земли мысленно подумал:

— К чему все эти разговоры об убийстве бедного маленького мальчика. Дайте ему уйти или убейте его.

Но Землянин не направил свои мысли вовне, и два Норстралийца не осознали его личный взгляд на эти вещи.

Внешне Повелитель Красная Дама остался печален. Он воспользовался голосом, как Норстралийцы поступали во время великих церемоний.

— Мы здесь слышали человека.

— Мы здесь слышали его, — подтвердили двое других.

— Мы не вынесли решения и не приговорили его к смерти, хотя это еще может случиться, — сказал он.

— Может случиться, — подтвердили они.

— И куда, на Старой, Старой Земле, человек может уйти?

Они знали ответ наизусть и вместе с трудом ответили:

— Это путь Старой, Старой Земли; это путь к звездам, и не важно, как далеко уйдет человек. Семя пшеницы посеяно в темную, влажную землю. Семя человека в темной, влажной плоти. Семя пшеницы тянется вверх к воздуху, солнцу и свободе; стебель, листья, цветок и зерна — под открытым небом. Семя человека растет в соленом океане утробы — темного моря тел людей. Жнут пшеницу руки людей. Мягкие прикосновения вечности жнут людей.

— И что это значит? — нараспев произнес Повелитель Красная Дама.

— Смотреть с милосердием, решать с милосердием, убивать с милосердием, но вести жатву людскую сурово, справедливо и праведно. Пусть же пшеница растет высоко и гордо на Старой, Старой Земле.

— Кто здесь? — спросил он.

Они оба процитировали наизусть полное имя Рода.

Когда они закончили, Повелитель Красная Дама повернулся к Роду и сказал:

— Я произнес высшие церемониальные слова, но я обещаю тебе, что ты удивишься нашему решению, каким бы оно ни было. Прими его легко.

Род заглянул в голову Землянина и двух Норстралийцев. Он видел, что Беаслей и Таггард одурманены ритуальными словами, влажностью и запахом, стоящим в воздухе, и фальшивым синим небом вместо крыши трейлера. Они не знали, что делать дальше. Но Род видел резкие, победные мысли сформировавшиеся в глубине мозга Повелителя Красная Дама. “Я помогу этому мальчику спа-

стись!" Род почти улыбался, несмотря на присутствие человека-змеи с жесткой улыбкой и неподвижными зрачками, стоящего всего в трех шагах от него и немного сзади, так что Род мог видеть его только уголком глаза.

— Господа и Собственники! — снова заговорил Повелитель Красная Дама.

— Господин Председатель! — ответили они.

— Могу ли я обвинить этого человека?

— Обвини его! — нараспев произнесли они.

— Родерик Фредерик Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн сто пятьдесят первый.

— Да, сэр, — сказал Род.

— Наследник Роковой Фермы!

— Это я, — сказал Род.

— Слушай его! — сказали двое других.

— Ты пришел сюда, ребенок и гражданин Родерик, не для того, чтобы мы рассудили или обвинили тебя. Раз такие вещи случились, они должны были случиться в другом пространстве или времени, и они должны были изменить людей. Единственное, что интересует нас на этих подмостках: сможешь ты или нет быть признан человеком и остаться в этом мире, в безопасности, на свободе и в достатке, не вызывая нареканий, а обратив все свое внимание на безопасность и благополучие этой планеты? Мы не наказываем, и мы не судим, но мы решаем, и мы решаем жить ли тебе. Ты понимаешь? Ты сердишься?

Род молча кивнул, упиваясь воздухом, пропитанным влажным запахом роз, и убаюканный давлением влажной атмосферы. Если сейчас все пойдет не так, то все это будет продолжаться недолго. Недолго, так как человек-змея стоит совсем рядом в пределах досягаемости. Род попытался заглянуть в мозг змеи, но ничего не услышал, кроме неожиданного и открытого неповиновения чьим-либо приказам.

Повелитель Красная Дама продолжал. Таггард и Беслей выглядели так, словно никогда не слышали этих слов.

— Дети и граждане, вы знаете законы... Мы не обнаружили что в тебе есть изъян или что все правильно. Нет преступления, которое мы смогли бы тут осудить, нет проступка. Никакой вины. Мы хотим только рассудить про-

стой вопрос: можешь ты дальше жить или нет? Ты понимаешь? Ты сердишься?

Род ответил:

— Да, сэр.

— И как ты себя чувствуешь, ребенок и гражданин?

— Что вы имеете в виду?

— Совет спрашивает тебя. Каково твое мнение? Ты должен жить или умереть?

— Мне нравится жить, — ответил Род. — Но я все свое детство пытался развить свои способности...

— Я не спрашиваю совета у тебя, ребенок и гражданин, — сказал Повелитель Красная Дама. — Мы спрашиваем тебя, что ты думаешь?

— Вы хотите, чтобы я сам рассудил себя?

— Да, мальчик, — сказал Беаслей. — Ты знаешь законы. Расскажи их, чтобы мы могли рассудить тебя.

Резкая дружелюбность лица соседа неожиданно оказалась необычно важной для Рода. Он посмотрел на Беаслея, так словно никогда раньше не видел этого человека. Эти люди пытаются судить его — Рода; и он, Род, должен был помочь им решить, что им делать с ним. Медицина человека-змеи и хихикающая смерть... или выйти на свободу. Род начал говорить одновременно оценивая себя. Он говорил для Старой Северной Австралии. Старая Северная Австралия была жестоким миром, гордым и жестоким миром. Не удивительно, что ему дали возможность самому принять суровое решение. Род собрался с мыслями и заговорил чисто и обдуманно.

— Я скажу — нет. Не давайте мне жить. Я не годен. Я не могу “слишать” и “гаварить”. Никто не знает, на что могут быть похожи мои дети, но пока все говорит против них. Кроме одного...

— И что же это, ребенок и гражданин? — спросил Повелитель Красная Дама, в то время как Беаслей и Таггарт выглядели так, словно смотрели на последнего пятиметрового представителя лошадиного рода.

— Посмотрите на меня внимательно, граждане и члены комиссии, — сказал Род, обнаружив, что очень легко начать говорить нараспев в церемониальной манере. — Посмотрите на меня внимательно и не принимайте во внимание мое счастье, потому что вам не положено, по зако-

ну, никого судить. Посмотрите на мой талант — тот способ, которым я “слишу”; на гром, которым я “гаварю”, — Род полностью собрался для финальной рискованной фразы, и когда его губы готовы были произнести, он выплюнул мысленно в них:

*Гнев — красная ярость,
кроваво-красная,
огненная ярость,
шум, вонь, ослепительное сверкание, грубость,
раздражение и ненависть, ненависть, ненависть,
все заботы этого горького дня,
хрусть, шлеп, плюх!*

Все это слилось воедино. Повелитель Красная Дама поледенел и поджал губы; старый Таггарт закрыл руками лицо, Беаслей выглядел дико и тошнотворно. В полном молчании воспарившему в комнате Беаслей отвернулся и его вырвало.

Чуть дрожащим голосом Повелитель Красная Дама спросил:

— И что означает эта демонстрация, ребенок и гражданин?

— В усиленной форме это может быть использованно как оружие?

Повелитель Красная Дама посмотрел на двух коллег. Они “загаварили”, но на их лицах ничего не отражалось, если, конечно, они “гаварили”. Род не смог прочесть их мыслей. Последнее усилие стоило ему всех его телепатических сил.

— Давайте продолжим, — сказал Таггарт.

— Ты готов? — спросил Повелитель Красная Дама у Рода.

— Да, сэр, — ответил Род.

— Я продолжу, — сказал Повелитель Красная Дама. — Раз ты понимаешь свой случай, как мы увидели, нам пора решиться и вынести приговор, убить тебя немедленно или так же немедленно отпустить на свободу. После случившегося мы определяем тебя как обладающего малым, но драгоценным даром, и благодарим тебя за вежливость с которой ты продемонстрировал это решение. Без вежливости

это не могло быть правильно услышано, а если бы оно было не услышано, то не приблизило бы решения, а без принятого решения не было бы безопасного суждения, обещающего безопасность на последующие годы. Ты понимаешь? Ты рассержен?

— Предположим так, — сказал Род.

— Ты в самом деле понимаешь? Ты в самом деле согласен? Это о твоей жизни идет речь, — сказал Повелитель Красная Дама. — Приготовься защитить нас.

Род хотел спросить “как”, когда понял, что приказ обращен не к нему.

Человек-змея ожил и тяжело задышал. Он отчетливо выговаривал старые слова, со странными модуляциями в каждом слогe:

— По высокому или по высшему максимуму, мой повелитель?

В ответ Повелитель Красная Дама указательным пальцем правой руки ткнул прямо в потолок. Человек-змея зашипел и подобрался для атаки. Род похолодел, он ощутил как волосы на его затылке встают дыбом, он почувствовал невыносимую тревогу. Если это и был повод выставить человека-змею из вагона-трейлера, то все равно не было желающих подслушивать вынесения решения. Напряжение и угроза повисли в воздухе.

Трое членов совета держались за руки и казались спящими.

Повелитель Красная Дама открыл глаза и встряхнул головой, почти незаметно, как солдат-змея.

Солдат-змея отключился. Он вернулся в неподвижное состояние, уставившись перед собой. Члены совета были готовы и могли говорить. Род затаил дыхание. Наконец, Тагтарт встал, тяжело вздохнул и обратился к Роду.

— Вот дверь, мальчик. Иди. Ты — гражданин. Свободный.

Род остановился поблагодарить его, но старик поднял правую руку:

— Не благодари меня. Долг. Помни... ни одного слова. Иди.

Род нырнул к двери, нетвердо проскочил через нее, и оказался на собственном дворе. Свободен!

Мгновение он стоял во дворе, ошеломленный.

Любимое серое небо Старой Австралии клубилось низко над головой; тут не было сверхъестественного света Старой Земли, где небеса, как говорили, вечно сияют голубизной. Род чихнул, когда сухой воздух коснулся его ноздрей. Он почувствовал прохладу одежды, когда влажные испарения стали подниматься от его тела. Он не думал, намочка его рубашка от влажного воздуха внутри трейлера или от его пота. Тут было много людей, и много света. А запах роз остался далеко, словно в другой жизни.

Лавиния стояла возле него, всхлипывая.

Он, повернувшись, посмотрел на нее, когда коллективный вздох толпы заставил его оглянуться.

Человек-змея вышел из фургона. (Это всего лишь старый фургон, понял Род, такой, в каких он бывал сотни раз.) Его земная обстановка выглядела словно кульминация богатства и разложения среди пыльных одежд мужчин и полинялых платьев женщин. Одежда Рода тоже выглядела ярко среди рыжевато-коричневых одежд Норстралийцев. Солдат отдал Роду салют.

Род не ответил салютом. Он только внимательно посмотрел на квазичеловека.

Возможно, они изменили свое решение и обрекли его на хихикающую смерть?

Солдат поднял руку. Там был бумажник, который, как казалось, был кожаным, великолепно сделанный, из материала другого мира.

Род заговорил, запинаясь.

— Это не мое.

— Это... не... твоё... — сказал человек-змея, — но... это... дар... который... люди... внутри... обещали... тебе... Прими... его... потому что... мне... сухо... тут... снаружи.

Род взял бумажник и засунул его в карман.

Какой может быть ему еще дар, после того, как они подарили ему жизнь, глаза, дневной свет, ветер?

Солдат-змея смотрел на него сверкающими глазами. Он не сказал ничего, но, отдав салют, быстро вернулся назад в фургон. У двери он повернулся и посмотрел на толпу, которую словно оценивал, как бы ее побыстрее уничтожить. Он не сказал ничего угрожающего. Он открыл дверь и исчез в фургоне. Не было признака того, что кто-то из людей есть внутри. Так и должно было быть, думал Род,

должен быть какой-то путь, чтобы провести и вывести их незаметно из Сада Смерти. Род прожил по соседству долгое время и никогда даже не подозревал, что в этом фургоне может быть кто-то из его соседей.

Люди же были счастливы. Они спокойно стояли во дворе, ожидая пока Род сделает первое движение.

Род напряженно повернулся и посмотрел вокруг более осмысленно.

Он поднял руки, чтобы приветствовать всех их.

Все бросились к нему. Женщины целовали его, мужчины хлопали его по спине и трясли за руку, маленькие дети стали распевать короткую песенку о Роковой Ферме. Он оказался в центре толпы, которая привела его на собственную кухню.

Многие из людей кричали от радости.

Род понял...

Они любили его.

Непостижимо сознание людей. Смутно, нелогично, они желали ему добра. Даже тетушка, которая предсказывала гроб для него — хныкала без всякого стыда, и уголком передника вытирала глаза и нос.

Он сам по себе уродец, устал от людей, но в этот момент их доброта обрушилась на него ужасной волной. Род позволил им усадить себя на своей собственной кухне. Среди бормотания, плача, смеха, тепла и фальшивого бодрого облегчения, он услышал простую фугу, повторяющуюся снова и снова. Они любили его. Он вернулся из объятий смерти. Он был Родом МакБэном.

Род чувствовал себя опьяневшим, ничего не выпив.

— Я не могу перенести это, — закричал он. — Мне нравится, что вы все так обрушились на меня, но от этих сентиментальностей с ума можно сойти...

— Разве это не приятные речи? — пробормотала старая жена одного фермера, жившего поблизости.

Полицейский, в парадной форме, согласился.

Люди постепенно уходили. Поздравления продолжались целых три дня, и все плакали от счастья и не осталось ни одной полной бутылки вина на Роковой Ферме.

Время от времени Род прислушивался своим сверхъестественным даром "слишания". Он заглядывал во все их разумы, в то время как они цитировали, пели, пили и ели,

и был счастлив: они искренне радовались. Они любили его. Они хотели, чтобы ему было хорошо. Род думал, насколько такой любви может хватить, и все же наслаждался этим.

Лавиния исчезла в первый же день. На второй и третий день ее не было. Гости дали Роду выпить настоящего Норстралийского пива, которое имело 108 добавок к основному составу. Выпив его, Род забыл Сад Смерти, сладкие влажные запахи, инопланетный выговор Повелителя Красная Дама, претенциозное синее небо потолка.

Он заглядывал в мысли своих гостей снова и снова и читал одну простую мысль:

“Ты — наш мальчик. Ты прошел испытание. Ты остался жив. Удачи, Род, большой удачи тебе, парень. Мы не увидели тебя трясущимся, хихикающим и “счастливым”, идущего к дому, где тебе надлежало бы умереть.”

“Я сделал это, — думал Род, — или мне просто повезло?”

ГЛАВА III НЕНАВИСТЬ ОЧСЕКА

В конце недели, празднество пошло на убыль. Собравшиеся тетушки и дядюшки, двоюродные сестры и братья вернулись в свои комнаты. На Роковой Ферме стояла тишина, и Род потратил утро, чтобы убедиться, что овцы не выели всю траву на полях в течение этого долгого праздника. Он обнаружил, что Дайси, молодую 300-тонную овцу, не переворачивали два дня и у нее появились огромные пролежни; еще Род открыл, что питательные трубки Таннера, его 1 000-тонного барана, сжались и у бедного барана опухли ноги. В остальном все было в порядке. Даже когда он увидел красного пони Беаслей, привязанного на его дворе, он не стал беспокоиться.

Весело подошел Род к своему дому, без всякого почтения приветствуя Беаслей:

— Выпьем со мной, Господин и Собственник, Беаслей! Вы теперь не один! Да вы же просто мой сосед, сэр!

— Спасибо за приглашение, парень, но я пришел, чтобы увидеться с тобой. Я приехал по делам.

— Да, сэр, — сказал Род. — Вы — один из моих преподавателей, не так ли?

— Да, но у тебя проблемы, парень, — сказал Беаслей. — Настоящие проблемы.

Род улыбнулся ему равнодушно и печально. Он знал, что старик прилагает большие усилия, чтобы говорить с ним голосом, вместо того, чтобы “гаварить” прямо в его мозг; он оценил то, что Беаслей пришел к нему лично, вместо того, чтобы прислать других опекунов. Это был знак того, что он, Род, прошел тяжелое испытание. Совершенно спокойно Род нараспев произнес:

— Всю эту неделю, сэр, я думал, что уже избежал все проблемы.

— Что ты имеешь в виду собственник МакБэн?

— Вы помните... — Род не смел упомянуть Сад Смерти, тот факт, что Беаслей был одним из тайного совета, кто признал его годным к жизни.

Тогда заговорил Беаслей:

— Некоторые вещи, мы не упомянем, парень. И этому я вижу, ты хорошо обучен.

Он остановился и внимательно посмотрел на Рода с выражением лица человека, глядящего на необычный труп перед тем как перевернуть его, чтобы идентифицировать. Род тяжело воспринял такой взгляд.

— Садитесь, парень, садитесь, — сказал Беаслей, командуя Родом в его собственном доме.

Род присел на скамейку, так как Беаслей занял единственный стул — огромный резной стул из другого мира, принадлежавший еще прадеду Рода. Он сел. Род не любил, когда ему приказывали, но был уверен, что Беаслей заботится о нем и, возможно, делает невероятные усилия говорить с помощью горла и рта.

Беаслей снова посмотрел на Рода особым выражением — смеси симпатии и отвращения.

— А теперь встань, парень, посмотри вокруг, чтобы быть уверенными, что тут точно никого нет.

— Этого можно и не делать, — возразил Род. — Моя тетушка Дорис уехала сразу после того как я был оправ-

дан, работница Элеанор забрала телегу и отправилась на рынок, а у меня на ферме всего две пары рук.

Обычно, несущая богатство гниль гигантских полупарализованных овец поглощала все внимание любых двух встретившихся Норстралийских фермеров, несмотря на различия в возрасте и положении.

Но не в этот раз.

На уме у Беаслейя было что-то серьезное и неприятное. Он выглядел так загадочно, что Род почувствовал реальную симпатию к этому человеку.

Беаслей повторил:

— Сходи посмотри.

Род не спорил. Он послушно пошел к задней двери, заглянул за южный угол дома, никого не увидел, обошел дом вдоль северной стороны, снова никого не увидел и вошел в дом через переднюю дверь. Беаслей не пошевелился, разве только налил немного больше горького пива из бутылки в свой стакан. Род поймал его взгляд. Без всяких слов Род сел. Если человек так сильно интересуется им (а Род думал именно так), и если человек умен (о чем Род знал точно), стоило выполнить его требования и послушать, что же он скажет. У Рода до сих пор было приятное ощущение, что его сосед любит его — ощущение слабо проступало на честных лицах ожидающих его Норстралийцев, когда Род вышел снова на свой задний двор из фургона Сада Смерти.

Беаслей заговорил так, как он говорил бы о необычной пище или редкой выпивке:

— Мальчик, для этого разговора есть несколько причин. Если кто-то подслушает его, он не сможет просто так выкинуть его из головы, понятно?

Род на мгновение задумался. потом искренне ответил:

— Я слишком молод, чтобы быть уверенным, но я никогда не слышал о ком-то подслушивающем произнесенные слова, когда он может “услышать” их мысленно. Кажется, или то, или другое. Вы же никогда не говорите, когда вы “гаварите”?

Беаслей кивнул.

— Это так. Я хочу рассказать тебе кое-что из того, что не рассказал, и, конечно, когда я стану рассказывать тебе,

я постараюсь говорить потише, так чтобы никто не мог подслушать нас, понятно?

Род кивнул.

— Так в чем же дело, сэр? Что-то неправильно с моим титулом наследника?

Беаслей стал пить, не сводя взгляда с Рода, глядя на него поверх кружки.

— В этом тоже есть проблемы, парень, но хоть все здесь не так плохо, об этом я могу поговорить с тобой и с другими опекунами. Тут дело более личное. И похуже.

— Пожалуйста, сэр! В чем же дело? — закричал Род, почти раздраженный всей этой таинственностью.

— Очсек заинтересовался тобой.

— Что такое Очсек? — спросил Род. — Я никогда о таком не слышал.

— Ни что, а кто, — сумрачно сказал Беаслей. — Очсек как ты знаешь — парень в правительстве Содействия. Человек, который хранит книги для Зампредседателя. Это — Поч. Сек. (что означает Почетный Секретарь или что-то доисторическое). Так его называли, когда мы впервые ступили на эту планету. Но теперь все называют его Очсеком и пишут, как и говорят. Он знает, что не может дать обратный ход приговору, вынесенному в Саду Смерти.

— Никто не может! — закричал Род. — Такого никогда не было. Каждый это знает.

— Они могут знать это, но есть гражданский суд.

— Как они могут судить меня гражданским судом, если мне даже обвинение не предъявлено? Вы сами знаете...

— Никогда, парень. Никогда не говори, что Беаслей что-то знает, или чего-то не знает. Говори только, что ты думаешь, — даже в частной беседе, только между ними двумя, — Беаслей не хотел нарушать фундаментальную тайну слушанья в Саду Смерти.

— Это только так говорится, Господин и Собственник Беаслей, — разгоряченно заговорил Род, — что гражданский суд есть нечто, что применяется к собственнику, если соседи долгое время жалуются на него. Но ведь у них не было ни времени, ни повода жаловаться на меня?

Беаслей задержал руку на чашке. Произносить слова было для него настоящей мукой. Капли пота проступили у него на лбу.

— Предположим, парень, что я знаю, — печально сказал он, — через собственные каналы о том, как проходило судилище в том фургоне... там! Я скажу, что как-то узнал об этом... и я точно знаю, что Очсек ненавидит иностранного джентльмена, который мог быть в трейлере в роли...

— Повелителя Красная Дама? — прошептал Род, в конце концов потрясенный фактом, что у Беаслея хватило сил говорить, о чем обычно даже не упоминали.

— Конечно, — кивнул Беаслей. Его гордое лицо едва не расплылось от слез. — Я уверен, что Очсек знает о тебе и чувствует, что закон нарушен, все нарушено, что ты — уродец, который может причинить вред всей Норстралии. И что же мне делать?

— Я не знаю, — сказал Род. — Возможно, все мне рассказать?

— Никогда, — сказал Беаслей. — Я — гордый человек. Дай мне еще выпивки.

Род пошел к серванту, принес еще бутылку горького пива, удивляясь, где и когда он может найти Очсека. Он никогда не имел никаких дел с правительством; его семья — в первую очередь его дед, всю жизнь, а потом его тети и кузины — брали на себя заботы обо всех официальных бумагах, разрешениях и прочих вещах.

Беаслей сделал большой глоток пива.

— Это хорошее пиво. Говорить — тяжелая работа, даже если это — хороший способ сохранить секрет, если ты совершенно уверен, что никто не сможет заглянуть в наши головы.

— Я его не знаю, — сказал Род.

— Кого? — спросил Беаслей, мгновенно прервав ход своих мыслей.

— Очсека. Я не знаю никакого Очсека. Я никогда не был в Новой Канберрии. Я никогда не видел официальных представителей, нет, даже никаких инопланетян, я никогда не встречал джентльмена, о котором мы говорили. Как может Очсек знать меня, если я не знаю его?

— Ну, ты даешь, парень. Он не был тогда Очсеком.

— Во имя овец, скажите мне, кто он! — спросил Род.

— Никогда не произноси имя Повелителя, если говоришь о Повелителе, — мрачно сказал Беаслей.

— Сожалею, сэр. Я — извиняюсь. Кто это?

— Хоугхтон Сум сто сорок девятый, — сказал Беаслей.

— У нас нет соседа с таким именем, сэр.

— Да, — грубо сказал Беаслей, так словно приближался к концу дороги неразрешимых тайн.

Род смотрел на него, по-прежнему недоумевая.

Далеко-далеко по дороге за Холмами Подушки, заблела гигантская овца. Возможно, это означало, что Хоппер передвинул на новое место ее платформу, так чтобы она смогла дотянуться до свежей зелени.

Беаслей наклонился к Роду. Он зашептал, и смешно было видеть нормального человека запутавшегося в собственных нашептываниях, из-за того, что он не говорил своим голосом полгода. Его слова звучали тихо, неразборчиво, так словно он начал рассказывать Роду крайне непристойную историю, или задавал ему какой-то личный и очень неподходящий вопрос.

— Твоя жизнь, парень, в опасности, — прошептал он. — Я знаю, что у тебя есть одна странность. Мне очень не хочется спрашивать тебя, но я должен. Сколько ты помнишь о своей жизни?

— А, это? — сказал Род. — Я не думал, что кто-то спросит об этом, даже если это неправильно. Я прожил четыре детства, с нуля до шестнадцати лет. Моя семья надеялась, что я научусь “гаварить” и “слишать”, как все остальные, но я оставался самим собой. Конечно, я не был настоящим малышом на третий раз, когда они стерли мою память. Я стал всего лишь безликим идиотом в биологическом возрасте сорока восьми лет.

— Все это так, парень. Но можешь ли ты вспомнить те, другие жизни?

— Куски и фрагменты, сэр. Куски и фрагменты. Они не соединяются вместе... — он прервался и вздохнул. — Хоугхтон Сум! Хоугхтон Сум! Горячий и Простой. Конечно, я знаю его. Стреляный парень. Я знал его в свое первое детство. Мы были хорошими друзьями, но мы сильно ненавидели друг друга. Я был уродцем, и он — тоже. Я не мог “гаварить” и “слишать”, он не мог принимать струн. Это означало, что я никогда не пройду через Сад Смерти — меня ждала хихикающая комната и великолепный гроб. А ему... ему было хуже. Он мог прожить время, отпущенное Старой Землей — сто шестьдесят лет, или

около того, и потом — все. Должно быть, он сейчас самый быстро старящийся человек. Бедняга! Как же он стал Очсеком? Какая сила сделала его Очсеком?

— Сейчас ты узнаешь это, парень. Он говорил, что он твой друг, и что ему совсем не нравится делать это, но он должен проследить, чтобы ты был убит. Для блага Норстралии. Он сказал, что это — его долг. Он собрался стать Очсеком, потому что всегда отчитывался о своем долге, и люди мало печалились о нем, потому что он должен был скоро умереть. Только одна жизнь Старой Земли была дана ему, несмотря на то, что весь струн во вселенной производят у его ног. Он не мог принимать его...

— Значит они так и не вылечили его?

— Не вылечили, — согласился Беаслей. — Сейчас он старик, и озлоблен этим. И еще, он поклялся увидеть твою смерть.

— А он может сделать это? Повелитель Очсек, я имею в виду.

— Он может. Он ненавидит того иностранного господина, о котором мы говорили, потому что тот инопланетянин назвал его провинциальным глупцом. Он ненавидит тебя, потому что ты останешься жить, а он — нет. Как ты называл его в школе?

— Горячий и Простой. Мальчишеская шутка.

— Он не горячий, и не простой. Он холодный, загадочный, жестокий и несчастный. Если бы мы все не знали, что вскоре он умрет, через десять или через сто лет, мы бы сами препроводили его в Хихикающую Комнату. Из-за несчастья, которое он несет, и из-за его некомпетенции. Но он — Очсек, и он заинтересовался тобой. Я сказал тебе об этом. Хоть и не должен был. Когда я увидел его лукавую физиономию, разглагольствующую о тебе, то попытался как можно скорей предупредить тебя, парень, но ты пировал со своей семьей и с соседями до последнего времени... Когда я увидел, что эта белая, лукавая рожа подкрадывается, а ты не видишь этого... тогда я сказал себе: Род МакБэн не может быть убит официально, к тому же бедный парнишка заплатил сполна за то, чтобы быть человеком, поэтому я все рассказал тебе. Я могу дать тебе шанс, хоть и задену этим свою гордость, — вздохнул Беаслей. Его ярко-красное лицо

выглядело взволнованным. — Я могу нанести вред своей гордости, а это плохо здесь в Норстралии, где человек может жить сколько захочет. Но я счастлив здесь. С другой стороны, мое горло болит от этого разговора. Принеси еще бутылку пива, парень, перед тем как я встану из-за стола и уеду на своей лошади.

Без слов Род принес ему еще бутылку пива, и налил его с кивком благодарности.

Беаслей не собиравшийся больше ничего говорить, мелкими глотками пил пиво. “Возможно, — подумал Род, — он осторожно “слишает” вокруг, есть ли поблизости какой-нибудь человек, который мог бы подслушать телепатически весь их диалог.

Когда Беаслей поставил кружку и собрался уходить, Род не смог сдержать последний вопрос, который произнес свистящим шепотом. Беаслей уже настроился на мысленную речь, поэтому равнодушно посмотрел на Рода. “Возможно, — подумал Род, — он просит меня “гаварить”, но он забыл, что я вовсе не могу “гаварить”. Пауза возникла, поэтому Беаслей прочищал свое очень грубое горло:

— В чем дело парень? Не заставляй меня говорить больше. Мое горло исцарапано, а моя гордость растоптана.

— Но, что же мне делать, сэр? Что мне делать?

— Господин и Собственник МакБэн, это — твои проблемы. Я — не ты. Я не знаю.

— А что бы вы делали, сэр? Предположим, вы стали бы мной.

На мгновение синие глаза Беаслей усталились на Холмы Подушки.

— Улетел бы с планеты. Улетел бы. Куда угодно. За сотни световых лет или около того. Когда этот человек... он... он умрет, ты вернешься назад, свежий, как только что распутившийся цветок.

— Но как, сэр? Как я могу это сделать?

Беаслей похлопал его по плечу, подарил ему широкую, безмолвную улыбку, поставил ногу в стремя, запрыгнул в седло и посмотрел сверху вниз на Рода.

— Я не знаю, сосед. Но удачи тебе. Больше того что я уже сделал для тебя я ничего не сделаю. До свидания.

Он нежно хлопнул свою лошадь открытой ладонью и та рысцой выбежала со двора. Выхав со двора, лошадь перешла на рысь.

Род стоял в дверях своего собственного дома, совершенно один.

ГЛАВА IV СТАРЫЕ СОКРОВИЩА

После того как Беаслей ушел, печальный Род немного побродил вокруг фермы. Он чувствовал, как не хватает ему деда, который был еще жив во время его третьего детства, и который умер пока Род проходил через четвертую попытку уничтожить препятствие телепатического общения. И еще Род чувствовал как ему не хватает его тетушки Маргот, которая добровольно ушла из жизни в возрасте девятист двух лет. Зато осталось бесполезное изобилие двоюродных сестер и родственников, у которых он мог попросить помощи. Двое работали на ферме. Возможно, ему удастся увидеть саму Мать Хиттон, потому что она некогда была замужем за его прапрадедом. Но сейчас Род не хотел ни с кем общаться. Ему не о чем было говорить с людьми. Очсек тоже был человеком... вообразите "горячий и простой" приобрел могущество! Род знал, что эта борьба касается только его одного.

Его лично.

Что было его собственностью раньше?

Даже жизнь ему не принадлежала. Он мог вспомнить лишь отрывки различных периодов своего детства. Он даже вспомнил отдельные неприятные вспышки боли — время от времени родные возвращали его назад в младенческий возраст, в то время как биологически он становился все старше и старше. Это не он так решил. Дед приказывал делать это, или Заместитель Председателя, или тетушка Маргот просила об этом. Никто особо его не спрашивал, только говорил:

— Ты бы согласился...

Род разозлился.

Он был хорош... так хорош, что возненавидел их на все времена и удивлялся если бы они узнали, как он ненавидит их. Ненависть его никогда не остывала, потому что настоящие люди обладали полным набором чувств, которые он так жаждал получить. Но Род и любил их тоже.

Пытаясь обдумать все это, Род бродил осматривая свое имущество.

Большая овца лежала на платформе — навеки тошнотворное, навеки гигантское создание. Возможно некоторые из них еще помнили те времена, когда были ягнятами, когда могли свободно бегать по редкой траве, пробивая головами плеофильмовые покрытия каналов и сами пили, когда им хотелось пить. Теперь же они весили сотни тонн, и их кормили машины, за ними смотрели сторожевые машины, их лечили автоматические доктора. Они питались и пили при помощи рта, только потому что опыт показывал, что они станут толще и проживут больше, если у них останется хоть какое-то подобие нормальной жизни.

Тетушки Дорис, которая присматривала за домом Рода, до сих пор не было.

Его работница Элеанор, которой он платил годовую сумму много больше, чем другие планеты тратили на вооружение, задержалась на рынке.

Пастухов Билла и Хоппера тоже не было.

Да Род и не хотел говорить с ними.

Он хотел бы увидеть и поговорить с Повелителем Красная Дама, этим странным человеком с другой планеты, с которым он встретился в Саду Смерти. Повелитель Красная Дама выглядел так, словно знал больше чем Норстрэлийцы; так словно он пришел из более великого, жестокого, мудрого общества, чем то, которое знала большая часть людей на Старой Северной Австралии.

Но ведь вы не можете спрашивать у Повелителя. В жизни такого не бывает.

Род добрался до крайних пределов своей земли.

Дальше лежали земли Гемфри Лаусвита — широкая полоса бедных земель, за которыми присматривали только отчасти — сложенные в строение ребра давно мертвых овец. На закате они отбрасывали сверхъестественные тени. Семья Гемфри по закону обладала этими землями сотни лет. Тем не менее земля пустовала за исключением не-

скольких анонимных животных, которым Государство позволяло бродить по любой земле, находящейся как в общественном, так и в частном пользовании.

Род знал, что может зайти на эту землю только на два шага.

Все, что он мог сделать, это перешагнуть межевую линию и закричать, мысленно обращаясь ко всем людям. Он мог сделать это, хотя по-настоящему “гаварить” не мог. Телепатический призыв о помощи мог привести стражей с орбиты в течение семи или восьми минут. Тогда Род смог бы только сказать:

— Клянусь. Я стал уже Господином и Собственником. Я требую, чтобы Правительство защитило мою жизнь. Смотрите на меня, люди, а я еще раз все это повторю.

Тройное повторение одного и того же сделало бы его Официальным Бедняком, который не останется без надзора... но не было стражи, не было заявления — ничего, иначе его ожидало скитание по Старой Северной Австралии и та работа, которую бы он выполнял, когда хотел, и бросал, когда хотел. Это была бы хорошая жизнь, свободная жизнь, лучшее, что Правительство могло предложить собственникам, которые прожили долгие столетия в трудах, ответственности и гордости. Это была великолепная жизнь...

Но не мог МакБэн принять этого, не мог из-за титула. Не мог он.

Несчастливым вернулся он в дом. Он прислушался к Элеанор “гаварящей” с Биллом и Хоппером и одновременно накрывающей обед — огромное блюдо с дымящейся бараниной, картошкой, круто-сваренными яйцами. Сваренное на ферме пиво достали из кладовки. (Род знал, что существовали планеты, где люди никогда, до самой смерти, так и не пробовали таких блюд. Они жили питаясь обработанным картоном, который изготавливался из продукта уборных, заново насыщенного питательными веществами и витаминами, с измененным запахом, стерилизованного и выводившегося из организма на следующий день.) Род знал, что это — хороший обед, но обед его не взволновал.

Как мог он говорить об Очсеке с этими людьми? Их лица пылали от удовольствия, когда они появились справа от Сада Смерти. Они думали, что Род счастлив остаться в живых и присоединиться к наиболее уважаемым гражда-

нам планеты. Роковая Ферма была хорошим местом, даже несмотря на то, что она не была так велика.

В самый разгар обеда, Род вспомнил дар солдата-змеи. Род положил его на верхнюю полку в своей спальне. Из-за гостей и визита Беаслейя, он так и не открывал его.

Род поставил тарелку и пробормотал:

— Я вернусь.

Бумажник был на месте, в спальне. Снаружи он выглядел великолепно. Род взял его, открыл.

Внутри был плоский металлический диск.

Билет?

Куда?

Род перевернул его. Билет имел телепатическую гравировку и видимо телепатически прокричал весь маршрут ему прямо в мозг, но Род не мог “слишать” его.

Род поднес билет к масляной лампе. Некоторые диски, вроде этого, имели старинные надписи, которые по крайней мере демонстрировали главные ограничения. В лучшем случае это мог быть персональный орнитоптер до Озера Мензи, или билет на аэробус до Мельбурна и обратно. Род нашел старинные надписи. Одну старинную надпись он прочел, поднеся билет к свету:

Дом Человечества и обратно.

Дом Человечества!

Повелитель оказал ему великую милость, это была сама Старая Земля!

“Но тогда, — подумал Род, — мне удастся убежать от Очсека, и я проведу остаток своей жизни со своими друзьями, зная, что я удрал от Горячего и Простого. Но я не могу. Как-то я должен обойти Хоугхтона Сума. Обойти его на повороте. Вот так.

Род вернулся назад к столу, забросил остаток обеда себе в желудок, так словно это были катышки овец, и рано поднялся в свою спальню.

Впервые в жизни он плохо спал.

И во время сна к нему пришел ответ:

— Спроси Гамлета.

Гамлет не был человеком. Он был просто рисунком — картинкой в пещере, но он был мудрым; он сам был со

старой Земли, и не имел друзей, которым мог бы выболтать секреты Рода.

С этой мыслью Род еще поворочался на своей спальной полке, а потом погрузился в глубокий сон.

Утром выяснилось, что его тетушка Дорис так и не вернулась, так что Род обратился к работнице Элеанор:

— Я уйду на весь день. Не высматривайте меня и не беспокойтесь обо мне.

— А как же ваш ленч, Господин и Собственник? Вы же будете бегать вокруг фермы и устанете.

— Тогда заверните мне чего-нибудь с собой.

— Но разве Господин и Собственник не может мне сказать, куда он отправляется? — В ее голосе были неприятные нотки, так словно она все еще следила за ним, как за ребенком. Род этого не любил, но с искренностью ответил:

— Я не покину ферму. Поброжу вокруг. Мне надо подумать.

Она сказала более доброжелательно:

— Подумай, Род. Иди и думай. Но если ты спросишь меня, то я посоветую тебе оставаться с семьей...

— Я знаю, что ты скажешь, — сказал Род, перебив ее. — Я не стану принимать сегодня важных решений, Элеанор. Только поброжу и подумаю.

— Все правильно, Господин и Собственник. Поброди вокруг и прояви беспокойство о земле, по которой ты ходишь. Ты ведь должен беспокоиться о ней. Я обрадовалась, когда мой отец официально объявил себя нищим. Мы же постараемся разбогатеть, — неожиданно она вспыхнула и засмеялась над собой. — Теперь ты один из нас, Род. Вот твоя пища. А воду ты взял?

— Позаимствую у овец, — непочтительно сказал он. Элеанор знала, что Род шутит, и помахала ему на прощание.

Старая, старая дыра вела на задний двор дома. Ею Род и воспользовался. Он не хотел долго обходить дом, чтобы ни один человеческий глаз, ни одна человеческая мысль не смогла обнаружить его секрет — то, что он на-

шел в возрасте восьми лет. Через всю боль и все проблемы пронес он этот секрет — глубокая пещера полная ломаных и запрещенных сокровищ. Туда-то он и собирался пойти.

* * *

Солнце стояло высоко в небе, нарисовав ярко-серую полосу на фоне серых облаков, когда Род скользнул в щель, выглядевшую словно сухая оросительная канава.

Он сделал по канаве несколько шагов, потом остановился и внимательно прислушался, действуя очень осторожно.

Не было слышно никаких звуков, кроме фыркания молодого барана в миле отсюда.

Род внимательно огляделся.

Вдалеке так же лениво, как обьевшийся ястреб, парил полицейский орнитоптер.

Род отчаянно пытался как можно больше “услышать”.

Он ничего не “услышал” мысленно, но его уши уловили медленную, тяжелую пульсацию собственной крови, прилившей к голове.

Значит нужно попробовать.

Потайная дверца была тут, прямо в стене канавы.

Род поднял ее, открыл, и резко, словно голубь, как пловец продирающийся в родную гавань, нырнул в нее.

Он знал дорогу.

Его одежда чуть порвалась, но вес тела протолкнул его через сужающийся дверной проем.

Он протянул руки и, словно акробат, поймал внутренний рычаг. Дверь со щелчком закрылась. Как он испугался, когда он, еще маленьким, попал в эту западню в первый раз! Он соскользнул по веревке и взял факел, так и не поняв необходимость ловушки-двери в склоне оврага в первое свое посещение.

Сейчас это было легко.

С глухим стуком он приземлился. Яркий, странный свет залил все вокруг. Замурлыкал кондиционер, компенсируя влажное дыхание Рода, которое могло испортить сокровища, собранные в комнате.

Там было два десятка драма-кубов, с двумя различными размерами проекторов. Там были груды мужской и

женской одежды, сохранившейся с давних времен. В углу, в сундуке, находилась маленькая машина Века Космоса — грубый, но прекрасный механический хронограф, а на его поверхности было написано древнее имя: *“Джаегер Ле Коултре”*. Его привезли с земли пятнадцать тысяч лет назад.

Род сел в совершенно непозволительное кресло — одно из которых, казалось, было комплексной конструкцией из подушек на скрепленной раме. Прикосновение к креслу излечило Рода от забот. Одна ножка его была сломана, дедушкой Рода в порыве страстей в девятнадцатом колене во время Чистящего Уничтожения.

Чистящее Уничтожение было последним политическим кризисом Старой Северной Австралии, который случился много столетий спустя, когда последние квазилюди были выловлены и выдворены с планеты, и когда все опасные излишества были отвергнуты правительственными авторитетами, и были выкуплены собственниками за цену в двадцать раз большую, чем первоначальная. Последние усилия по сохранению простоты, богатства и благополучия Норстралии. Каждый гражданин поклялся, что он сохранил для себя только самое необходимое, и за приносящими клятву следила тысяча телепатов. Существование тайного убежища свидетельствовало о высшей ментальной силе, которая позволила Роду МакБэну СХХХ нанести только символический вред своим любимым сокровищам, некоторых из которых даже не было в списке разрешенных к выкупу, вроде например инопланетных драма-кубов. Ему удалось спрятать эти вещи в дальнем углу своего поля; спрятать так хорошо, что ни грабители, ни полиция не заподозрили о их существовании за прошедшие сотни лет.

Род взял свой любимый драма-куб — “Гамлет” Уильяма Шекспира. Куб активировался только когда его касался человек. Край куба превращался в маленькую сцену, появлялись прекрасные миниатюрные актеры и говорили на Древне-Английском — языке очень близком к языку Старой Северной Австралии; и шли телепатические комментарии, реплики на Старом Общем Языке, разъясняющие историю. Так как Род был невосприимчив к телепатии, он изучил Великий Английский, пытаясь понять драму, без комментариев. С самого начала ему не понравилось то, что он видел, и он потряс куб, пока пьеса не по-

дошла к концу. Наконец, Род услышал, как в последней сцене уже знакомый голос Гамлета произнес:

— Я гибну, друг. — Прощайте, королева
Злосчастная! — Вам, трепетным и бледным,
Безмолвно созерцающим игру,
Когда б я мог (но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы... —
Но все равно, — Горацио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным.

Род осторожно потряс куб и сцена сменилась. Гамлет сказал:

... какое раненное имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

Род осторожно опустил куб. Яркие световые фигуры исчезли.

В комнате стало тихо.

Но он получил мудрый ответ. И мудрость, возраст которой был сопоставим с возрастом человечества, была провозглашена, возвращена к жизни. Род понял, что нашел ответ к основной проблеме.

Но ответ не к его собственной проблеме. Ответ к проблеме Хоугхтона Сума — Горячего и Простого. Сум был Очсеком, который умирал. Следовательно, гонимым. Это Очсек, которого “смерть, свирепый страх, быстро схватил”, точно отрежиссировал его арест, даже если на это ему потребовалось несколько десятилетий, вместо нескольких минут. Он, же — Род МакБэн, жил. Его старый знакомый умирал, и умирая (да, умирал всегда, всегда!), не мог забыть свое негодование. Даже если бы Род любил Очсека в этом было бы немного горечи.

1 В. Шекспир. “Гамлет”. Здесь и далее — перевод М. Лозинского.

Значит, Очсек.

Но при чем тут он?

Род отряхнул бесценную грудку, бесценные манускрипты и подобрал маленькую книгу названную "Реконструкция версии позднего английского языка". На каждой странице, стоило только открыть ее, молодой человек и женщина семи сантиметров ростом поднимались и начинали декламировать текст. Род пролистал страницы книги, так что фигуры появлялись и дрожая исчезали словно слабые языки пламени в светлый день. На одной из них, посреди какого-то стихотворения, взгляд Рода задержался. Фигурка процитировала:

— *Мой вызов обязал меня
И хвастовство перед судом.
Не уважал я эту власть...
И если испытанья ждут,
За все я заплачу сполна.
Не для меня свободы сласть,
Предстану я перед судом.*¹

Род посмотрел в нижнюю часть страницы и увидел имя: *Казимир Колегров*. Конечно, он видел это имя раньше. Поэт древности — хороший поэт. Но что слова значат для него — Рода МакБэна, сидящего в тайной норе на своей собственной земле. Он господин и собственник, во всем кроме последнего титула, и он должен бежать от врага, которого не может установить.

"Мой вызов обязал меня..."

Вот ключ ко всему! Он бежит не от Очсека. Он бежит от себя самого. Он сам осудил себя как врага, потому что это соотносится с детством продолжительностью в шестьдесят лет и бесконечными неприятностями, уступчивостью по отношению к вещам, которых он никогда не знал. Как может он "слишать" и "гаварить" как другие люди, если где-то в космосе господствуют совсем иные отличительные черты для людей? Разве не могло настоящее правосудие осудить и очистить его?

¹ К.Колегров. Здесь и далее — перевод В.Кана. "Поэты Америки", "Иностранная литература", 1974.

Он сам — вот, кто был жесток.

Другие люди были добры. (Посторонние люди помогли ему.)

Род имел собственное, внутреннее чувство беспокойства и использовал его в своем отношении к внешнему миру, словно ужасное маленькое стихотворение, которое прочитал давным-давно. Та книжка находилась где-то в этой комнате, и когда Род впервые прочитал ее, он почувствовал, что давно умерший поэт пережил это сам. Но это было нереально. Другие люди имели другие проблемы, и стихотворение было намного старше, чем Род МакБэн. Оно звучало:

*Колеса судьбы все крутятся,
Души людей все мелются,
Люди кричать пытаются
Из глубины безданных
Ловушек богов-машин.*

“Богов-машин, — подумал Род. — Вот ключ к разгадке. У меня единственный на планете полностью металлический компьютер. Ставка — урожай струна, выиграть или проиграть все.”

Юноша встал.

— Бороться, — сказал он кубам на полу. — И большое спасибо тебе, прадед в девятнадцатом колене. Ты столкнулся с законом, и ты не проиграл. А теперь ты помог мне снова стать Родом МакБэном.

Он повернулся и прокричал себе:

— К земле!

Крик смутил его. Он почувствовал, что на него смотрят невидимые глаза. Он чуть не покраснел и возненавидел себя за это.

Он стоял возле сундука сокровищ, и в ярости перевернул его на бок. Две больших золотых монеты, бесценных, но ничего не стоящих, как монеты, были странными, бесшумно упали на толстые старые ковры. Снова Род мысленно послал “прощай” тайной комнате и подпрыгнул к рычагу. Он схватился за него, подтянул его к подбородку, поднялся повыше, закинул ногу на него, но не удержался. Потом поставил на рычаг вторую ногу и осторожно, но на-

прягая все мускулы, потянулся к черному пятну над ним. Неожиданно свет потух, кондиционеры снова зажужжали, и дневной свет упал на Рода, когда от его прикосновения люк-ловушка открылся.

Род высунулся в канаву. Дневной свет казался тускло-серым после яркого комнаты сокровищ.

Все тихо. Все чисто. Род крутанулся в канаве.

Дверь тихо, могучим движением, сама закрылась за ним. Род не знал, что она запиралась генетическим кодом предков Рода МакБэна. Если любая другая личность коснулась бы ее, она простояла бы закрытой долгое время — почти вечность.

Понимаете, это и в самом деле была его дверь. Род был тем самым мальчиком, которому она предназначалась.

— Эта земля породила меня, — сказал Род, вылезая из канавы и оглядываясь. Проснулся молодой баран. Его фыркание прекратилось и над холмом прокатился его стон. Снова его мучает жажда! Роковая Ферма была не столь уж богата, чтобы беспредельно поить водой эту гигантскую овцу. Тут жили по суровым законам. Род мог бы попросить опекунов дать овце побольше воды, если бы наступила настоящая жажда. Но никакой земли в обмен на воду.

Никакой земли.

Нет земли на продажу.

Казалось, земля к нему не относится, зато Род относился к этой земле — бескрайним сухим полям, покрытым реками и каналами, скрытым дренажным сооружением, ловившим каждую каплю, которая в противном случае могла уйти к соседям. Это был пасторальный бизнес: его продукт — бессмертие, вид оплаты — вода. Содружество могло бы затопить планету, могло бы создать маленькие океаны и финансово поддерживать их существование, но планета и люди считались единым целым с точки зрения экологии. Старая Австралия — легендарный континент старой Земли, ныне покрытый руинами покинутого Китайского города-мира Нанбейна — первоначально была просторной, сухой, открытой, прекрасной. Планета Старая Северная Австралия, неся мертвый вес старых традиций, оставалась прежней.

Вообразите деревья. Вообразите листву — растительный продукт несъеденным опадающий на землю. Вообразите воду льющуюся тысячами тонн, и ни у кого нет слез

облегчения или счастливого смеха! Вообразите Землю. Старую Землю. Дом Человечества. Род пытался представить себе целую планету населенную Гамлетами, пропитанную музыкой и поэзией, по колено утопленные в крови и трагедиях. На самом деле это невозможно было представить, хотя Род и пытался.

Словно ребенок, дрожа, трепеща каждым нервом он думал: "Вообразите себе Земную женщину!"

Они, должно быть, ужасающе прекрасные существа! Посвященные древним и развращенным искусствам. Окруженные вещами, которые давным-давно забыты на Норстралии, они потакают опытам, которые закон нашего мира давно запретил! Если Род встретится с ними: он не сможет ничего сделать. Что, что же станет он делать, когда встретится с гением земной женщины?

Он спросит у своего компьютера! Пусть даже соседи смеются над ним, но он имеет единственный на планете настоящий компьютер.

Но ведь его соседи не знают, что делал его дедушка в девятнадцатом колене. Он хотел поймать компьютер на лжи. Компьютер знал о забытых вещах, которые Закон Чистки вымел из жизни Норстралии. И еще компьютер завирал как извозчик. Род, кстати, удивлялся, мог ли быть "извозчик" неким архаичным официальным лицом Земли, который ничего не делал, но говорил неправду, день ото дня, всю жизнь. Но ведь компьютер обычно не лгал ему — Роду?

Если дедушка-19 поступал так дерзко с компьютером, и Род мог поступить как угодно. А может быть его компьютер знает все о женщинах.

"Хороший компьютер!" — думал Род, пока бежал вдоль длинных — длинных полей к своему дому. Элеанор будет усталой до изнеможения. Может вернуться Дорис. Билл и Хоппер разозлятся, если им придется ждать хозяина, опаздывающего на обед. Прибавив скорости Род направился к маленькому обрыву за домом, надеясь, что никто не заметит, как он там прыгнет. Род был намного сильнее большинства людей, которых он знал, но он был озабочен по некоторой личной необъяснимой причине, не известной остальным.

Никого не было.

Род добрался до обрыва.

Никто не увидел.

Он спрыгнул. Вначале его ноги, а потом колени ударились о каменистую осыпь, в то время как он скатился к основанию склона.

А там оказалась тетушка Дорис.

— Где ты был? — спросила она.

— Пойдемте, мэм, — сказал он.

Она насмешливо поглядела на него, но она знала что больше лучше не спрашивать. Разговор всегда был ей неприятен. Она ненавидела звук собственного голоса, который, как она считала, звучал гораздо выше, чем нужно. Дело сделано.

Они обедали в доме, закрыв двери и запалив масляные лампы. Серый мир был безлунным, беззвездным, черным. Это была ночь, его собственная ночь.

ГЛАВА V ССОРА ЗА ОБЕДЕННЫМ СТОЛОМ

В конце трапезы Роду захотелось, чтобы Дорис говорила с грацией Королевы. Она так и делала, но ее глаза, спрятанные под густыми бровями, выражали не благодарность, а совсем другое.

— Ты уедешь, — заявила она. Слова ее прозвучали как обвинение, а не как вопрос.

Двое “слишавших” людей посмотрели на него с большим сомнением. Неделю назад он был мальчиком. Теперь же он был, официально признанным Гражданином.

Служанка Элеанор тоже посмотрела на него. Она ненавязчиво улыбалась. В отличие от всех остальных присутствующих тут, она была на его стороне. Когда же они были одни, она изводила Рода, как только могла. Она знала его родителей до того как те отправились в сильно запоздалый медовый месяц и были перемолоты в молекулы в битве между налетчиками и полицией. От этого у нее по отношению к Роду развилось чувство собственности.

Род попытался “пагаварить” с Дорис, надеясь, что это может сработать.

Это не сработало. Оба работника соскочили со своих мест и выбежали во двор. Элеанор осталась сидеть на своем месте, крепко держась за стол. Она ничего не говорила, и тетя Дорис стала бранить его так громко, что Род не мог вставить ни одного слова.

Род знал, она хочет, чтобы он закричал ей: "Прекрати!", но вместо этого он дружелюбно посмотрел на нее.

Так начался скандал.

Скандалы были частым событием в жизни Норстралии, потому что Отцы учили, что скандалы — своего рода терапия. Дети ссорились, пока взрослые не останавливали их. Свободные люди скандалили, пока Господа не включались в спор. А Собственники ссорились и скандалили до бесконечности, пока сами не прекращали. Никто не скандалил в присутствии людей с других планет, когда объявлено состояние боевой готовности, не скандалили с членами оборонного комитета и с полицией на службе.

Роб МакБэн был Господином и Собственником, но он еще находился под опекуном. Он был гражданином, но бумаги его еще не были выправлены. Он был уравновешенной личностью.

Законы же были для всех равны.

Хоппер вернулся назад к столу и пробормотал:

— Сделай это снова, парень, и я дам тебе такую затрещину, которую ты никогда не забудешь!

Хоппер редко пользовался своим голосом. У него был прекрасный резонирующий баритон, полнозвучный, сердечный и искренне звучащий.

Билл не сказал ни слова, но состроил рожу, и Род стал прикидывать, что он "гаварит" остальным.

— Если вы "гаварите" обо мне, Билл, — сказал Род с каплей высокомерия, которого раньше не чувствовал, — вы сделаете мне большое одолжение если будете пользоваться словами, когда говорите, иначе вы вылетите с моей земли!

Голос Билла звучал хрипло, как у старой машины:

— Я думаю, вы знаете, вы — ~~помни~~¹, что у меня на свое имя больше денег в банке в Сиднее, чем стоите вы и

¹ Так пренебрежительно называют эмигрантов, приехавших в Австралию. (Прим. пер.)

вся ваша вонючая земля. Не говорите мне больше, чтобы я убирался с вашей земли, вы ублюдочный недоросток, или я и впрямь уберусь. Заткнитесь!

Род почувствовал что его желудок свело от ярости.

Он разозлился еще сильнее, когда почувствовал как рука Элеанор, словно сдерживая его, легла на его руку. Он хотел, чтобы никто, кроме нее из этих проклятых бесполезных нормальных людей не указывал ему, когда он должен “гаварить”, а когда “слишать”. Неожиданно тетя Дорис спрятала лицо в передник. Она начала, как делала всегда, плакать.

Только, когда Род собрался заговорить снова, возможно о том, чтобы Билл навсегда покинул ферму, его разум свернул на таинственные пути, как иногда делал он. Теперь Род мог “слишать” на мили. Люди вокруг него ничего не заметили. Род увидел гордую радость Билла от мысли о деньгах на его счету в Банке Сиднея, на которые можно купить не одну ферму; он выжидал время, когда сможет выкупить назад землю, которую отец потерял. Род понял честную досаду Хоппера и был немножко пристыжен, увидев, что Хоппер смотрит на него с гордостью и с забавной привязанностью. В Элеанор Род ничего не разглядел, только безмолвное беспокойство, страх, что она может потерять его так как она уже потеряла многих из-за “хммммм” и “гмммм”, странно бессмысленных упоминаниях, которые обретали форму в ее мозгу, но выглядели совершенно бесформенно для Рода. И он услышал, как мысленно причитает тетушка Дорис:

“Род, Род, Род не покидай нас! Пусть он всего лишь мальчик, но я из рода МакБэнов. Я никогда не пойму как вести себя с уродом вроде него.”

Род стоял спокойно ожидая пока ей ответят, когда другая мысль коснулась его разума:

“Ты — дурак... Ступай к своему компьютеру!”

“Кто это сказал?” — подумал Род, не пытаясь “гаварить”.

“Твой компьютер,” — повторил издалека тоненькийголосок.

“Ты не можешь “гаварить”. Ты — просто машина, и в тебе нет ни грамма живого мозга,” — сказал Род.

“Когда ты вызываешь меня, Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн сто пятьдесят

первый, я могу сам "загаварить" через большое расстояние. Я намекал тебе, но ты закричал мысленно только сейчас. Я почувствовал как ты "загаварил" со мной.

— Но... — сказал Род вслух.

— Полегче парень, — отрезал Билл. — Возьмите полегче. Я не то имел в виду.

— Ты использовал одно из своих заклинаний, — сказала тетушка Дорис, неожиданно высунув покрасневший нос из-под передника.

Род встал.

Вот, что сказал он им всем:

— Извините. Пойду пройдуся. Прогуляюсь в ночи.

— Вы пойдете к компьютеру? — спросил Билл.

— Не ходите, мистер МакБэн, — сказал Хоппер. — Не давайте нам повода сердиться на вас. То место плохое даже днем, а ночью оно просто ужасно.

— Откуда вы знаете? — повторил Род. — Вы же никогда там не были ночью, как и я. Много времени...

— Там мертвые люди, — сказал Хоппер. — Это — старый военный компьютер. Ваша семья никак не могла вернуть его на первоначальное место. Но его на ферме быть не должно. Вещь вроде этой должна находиться в космосе, на орбите.

— Все будет в порядке, Элеанор, — сказал Род. — Вы сказали мне, что делать. Каждый из вас, — прибавил он умерив последний всплеск ярости. Когда его "слишанье" смолкло, он увидел вокруг себя обычные непроницаемые лица.

— Ладно, Род. Убирайтесь к своему компьютеру. У вас странная жизнь, и вы живите ею, Господин МакБэн, и никого тут в округе не будет.

Род встал.

— Извините, — сказал он снова, вместо "до свидания".

Он остановился в дверях, заколебавшись. Роду больше хотелось сказать "до свидания", но он не знал как выразить свои чувства словами. Однако, он не мог "гаварить"; не мог "гаварить" так, чтоб они "слишали". А слова сказанные голосом были такими грубыми, такими плоскими для чувств, которые ему необходимо было выразить.

Все присутствующие смотрели на него, а он на них.

— Н-д-да! — сказал он в грубом карканье полунасмешки и почувствовал отвращение к самому себе.

Их лица выразили восприятие его чувств, хотя слова для них ничего не значили. Билл кивнул, Хоппер посмотрел на него дружелюбно и немного беспокойно. Тетушка Дорис перестала хныкать и начала вытягивать руку, но прервала жест на половине, а Элеанор неподвижно сидела за столом, поглощенная своими собственными проблемами.

Род повернулся.

Куб освещенный светом — хижина-комната, остались позади. Впереди была тьма ночи Норстралии. Очень редко тьму разрезали вспышки молний. Род посмотрел на дом, единственное, что он мог ясно видеть во тьме, и куда он мог вернуться. Дом был забытым, покинутым храмом. Где-то там находился семейный компьютер МакАртура, который был старше компьютера МакБэна и который называли Дворцом Правителя Ночи.

ГЛАВА VI ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЯ НОЧИ

Род бежал вприпрыжку по раскинувшимся просторам земли — его земли.

Другие телепатически нормальные Норстралийцы “слишали” слова из ближайших домов. Род не мог прогуливаться как телепат, так что он насвистывал сам себе мелодии в каком-то странном ключе с множеством бемолей. Свист эхом отдавался в его бессознательном мозгу через безмерно развитые барабанные перепонки, которые он истощал компенсируя неспособность “слишать”. Впереди оказался кособор и Род поднялся на него. Он лез, продираясь через группу кустов. Тут он услышал своего самого молодого барана — Сладкого Уильяма, громко фыркающего овце, находившейся двумя холмами дальше.

Вскоре Род увидел его.

Дворец Правителя Ночи.

Самое бесполезное здание на всей Старой Северной Австралии.

Закаленный и конечно невидимый глазом солдат, если забыть о его чудовищных контурах, очерченных пылью, припорошившей здание.

Дворец и правда некогда был дворцом на Хафи 11, который вращался и всегда одной стороной был обращен к одной из звезд. Люди там творили дела, которые были сравнимы с богатством Старой Северной Австралии. Они открыли Пушные Горы альпийской конфигурации, на которой рос цепкий неземной лишайник. Лишайник был мягким, мерцающим, теплым, прочным и безмерно красивым. Люди зарабатывали состояния осторожно срезая его с гор, чтобы не повредить, и продавали в самые богатые миры, за баснословные деньги. На Хафи 11 было два правительства. Одно для людей живущих в дневное время, которые в основном торговали и занимались маркетингом. Горячее солнце лишало возможности собрать богатый урожай лишайника, этим и занимались ночные обитатели — те, кто далеко уходил в поисках чахлах лишайников — великолепных растений, неизменной и нежной красоты.

Диамони пришли на Хафи 11, так же как они пришли на многие другие планеты, включая Старую Землю — Дом Человечества. Они пришли откуда-то и куда-то ушли. Некоторые люди думают, что они были человеческими существами, которые перестроили себя для жизни в субпространстве. Другие считают, что Диамони с искусственной планеты на внутренней поверхности которой они жили. А есть и третьи, кто считает, что они просто решили выпрыгнуть из нашей галактики. А некоторые считали, что никаких Диамони не существует. Последнее предположение не утвердилось, потому что Диамони внесли в архитектуру свое очень эффективное слово — здания, которые были не подвержены действию коррозии, эрозии, возраста, тепла, холода, вибрации и оружия. На самой Земле их величайшим чудом был Земной порт — словно бокал двадцати пяти километров высотой с невероятным посадочным полем на ее вершине. На Норстралии Диамони ничего не оставили. Возможно, они не хотели встречаться с Старо-Северно-Австралийцами, которые имели репутацию существ грубых и плохо относящихся к чужестранцам попадающим на их планету. Было очевидно, что Диамони решили проблему бессмертия своим собственным способом. Они были

выше большинства рас рода человеческого, пропорциональные и красивые. По их виду нельзя было сказать молоды они или стары. Они выглядели до тошноты неуязвимыми, говорили с методичной тяжеловесностью, и покупали сокровища для собственного коллективного пользования, а не для перепродажи или извлечения выгоды. Они никогда не пытались добыть струн или необработанный вирус, который нужно было еще очистить. Хотя торговые корабли Диамони избегали военных дорог, они конвоировались военным флотом Старой Северной Австралии. Была одна сцена, когда эти две расы встретились в главном порту Олимпии. Норстралийцы — высокие, откровенные, любящие жизнь и чрезвычайно богатые. Диамони — богатые, сдержанные, красивые, лоснящиеся и бледные. Страх (и со страхом, обида) появилась у Норстралийцев перед Диамони. Элегантность и снисходительность была на стороне Диамони. Так они относились ко всем остальным, включая Норстралийцев. Их встреча не имела успеха. Норстралийцы не ожидали встретить людей, которые не заботились о своей бессмертности, даже пенни за бушель не давали. Диамони презрительно относились к расе, которая не только не ценила архитектуру, но и пыталась не пустить архитекторов на свою планету, кроме как архитекторов оборонительных сооружений; расу, которая собиралась вести грубую, пасторальную жизнь до конца времени. Но до тех пор пока Диамони не ушли, чтобы никогда не вернуться, Норстралийцы не поняли, что упустили самую выгодную сделку всех времен — удивительные здания, которые Диамони так щедро разбрасывали по планетам, которые они посещали по торговым целям или просто нанося визиты вежливости.

На Хафи 11, Повелитель Ночи вынес древнюю книгу и сказал:

— Я хочу это.

Диамони, который имел наметанный глаз на пропорции и формы, сказал:

— Мы возьмем эту картинку в наш мир. Это — здание Древней Земли. Некогда его называли великим храмом Дианы Ефесианской, но он был разрушен до начала космического века.

— Это то, что я хочу, — сказал Повелитель Ночи.

— Достаточно легко воспроизвести, — сказал один из Диамони, которые все выглядели словно принцы. — Мы возведем его для вас завтра ночью.

— Минутку, — сказал Повелитель Ночи. — Я не хочу точное воспроизведение этого здания. Только фасад... для украшения моего дворца. В остальном я совершенно доволен своим дворцом, и пусть мои системы обороны будут встроены прямо в него.

— Если мы построим вам дом, — мягко сказал один из Диамони, — то он не будет нуждаться в системе обороны. Только роботы закрывающие окна на случай мегатоннах бомб.

— Вы, господа, хорошие архитекторы, — сказал Повелитель Ночи, причмокнув губами над моделью города, который они показали ему, — но я привык к тем системам безопасности, которые знаю. Я хочу, чтобы вы построили мне только фасад. Как на этой картинке. Более того, я хочу, чтобы он был невидимым.

Диамони перешли на свой язык, который звучал, словно был земного происхождения, но который так и не расшифровали несмотря на то, что существовало несколько записей их разговоров.

— Ладно, невидимый, — сказал один из них. — Значит вы хотите получить великий храм Дианы Ефесианской со старой Земли.

— Да, — ответил Повелитель Ночи.

— Зачем... если никто не сможет видеть его? — сказал Диамони.

— Это третья особенность здания, господин. Я хочу, чтобы видеть ее мог я и мои наследники, а больше никто.

— Если здание будет материально, но невидимо, то каждый придет посмотреть на него, и тогда ваше мероприятие провалится.

— Я смогу позаботиться об этом, — сказал Повелитель Ночи. — Я заплачу столько, сколько мы говорили — сорок тысяч избранных кусков Пушистого Горного Меха. Но вы сделаете этот дворец видимым только для меня и моих наследников.

— Мы — архитекторы, а не волшебники! — заявил Диамони с самым длинным плащом, который мог быть их предводителем.

— Вот это мне и нужно.

Диамони заспорили между собой, обсуждая некоторые технические проблемы. Наконец один из них подошел к Повелителю Ночи и сказал:

— Я — корабельный хирург. Можно я осмотрю вас?

— Зачем? — спросил Повелитель Ночи.

— Посмотрим, сможем ли мы построить здание специально для вас. Хуже будет, если мы не решим, в каких особых характеристиках мы нуждаемся.

— Подойди, — сказал правитель. — Осмотри меня.

— Здесь? Сейчас? — удивился доктор Диамони. — Не предпочли бы вы спокойное место, или отдельную комнату? Или может быть вы сможете подняться на борт моего корабля? Это было бы много удобнее.

— Для вас, — заявил Повелитель Ночи. — Не для меня. Здесь мои люди держат вас на прицеле. Вы никогда не вернетесь на свой корабль, если захотите ограбить меня — украсть мои Пушистые Горные Меха, или украсть меня так, чтобы продать самому себе в обмен за мои сокровища. Вы осмотрите меня здесь и сейчас или вообще не осмотрите.

— Вы, Повелитель, грубый, глупый человек, — сказал другой элегантный Диамони. — Может лучше вы скажете своей страже, что вы попросили осмотреть вас. В противном случае они могут не понять нас и получить физические повреждения, — сказал Диамони со слабой улыбкой.

— Приступайте, иностранцы, — разрешил Повелитель Ночи. — Мои люди следят за всем, что происходит, подслушивают через микрофон, вделанный в мою верхнюю пуговицу.

Он пожалел о своих словах через две секунды, но было уже слишком поздно. Четыре Диамони подняли его и повернули так ловко, что стражи и не поняли, как это было сделано и Повелитель Ночи в три секунды потерял все свои одежды. Один из Диамони то ли погрузил его в ступор, то ли загипнотизировал. Повелитель Ночи не мог даже вскрикнуть. После, он не мог даже вспомнить, что с ним делали.

Стражи задохнулись от удивления, когда увидели как Диамони выдернули бесчисленное количество иголок из глаз-

ных яблок их босса. Никто не видел, как их втыкали. Стражи опустили свое оружие, когда Повелитель Ночи повернулся от ярости чуть ли не светясь зеленым изнутри. Он задыхался, морщился, а потом его вырвало, когда Диамони залили в него невероятное количество лекарства. На все это им понадобилось менее получаса.

Повелитель Ночи голый, покрытый пятнами, сидел на полу. Его рвало.

Один из Диамони спокойно сказал стражам:

— Ему не причинили никакого вреда, но он и его наследники смогут видеть часть спектра — ультрафиолетовые лучи. Это свойство распространится на много поколений. На ночь положите его в постель. Утром он будет чувствовать себя хорошо. И пусть никого не будет перед его дворцом завтра ночью. Мы все сделаем так, как он просил. Великий храм Дианы Ефесианской.

Старший офицер стражи ответил:

— Мы не сможем убрать стражу перед дворцом. Это — меры предосторожности и никто, даже Повелитель Ночи, не сможет отменить их. Люди Дня снова могут атаковать меня.

Диамони ласково улыбнулся:

— Тогда перепишите имена стражников, и пусть они скажут слова прощания. Мы не будем бороться с ними, офицер, но они окажутся замурованными в стенах нового дворца. Вдовы и дети смогут завтра восхищаться статуями своих мужей и отцов.

Офицер стражи посмотрел на своего Повелителя, который лежал на земле, закрыв голову руками. Повелитель Ночи кашляюще произнес:

— Оставьте... меня... одного!

Офицер посмотрел на равнодушно стоящих в стороне Диамони и сказал:

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

Ефесианский храм появился утром.

Колонны были античными колоннами древней земли. На фризе были изображены боги, жрецы и лошади. Здание было изысканных пропорций.

Повелитель Ночи видел его.

Его приспешники не видели.

Было уплачено сорок тысяч кусков Пушного Горного Меха.

Диамони улетели.

Повелитель Ночи умер. Но у него был наследник, который тоже мог видеть здание. Оно было видимо только в ультрафиолетовой части спектра и обычные люди Хафи 11 видели его только, когда его засыпало снегом в сильный шторм.

Но сейчас оно принадлежало Роду МакБэну, и находилось на Старой Северной Австралии, а не Хафи 11.

Как это произошло?

Кто захотел купить невидимый храм?

Уильям Дикий, вот кто. Дикий Уильям МакАртур, которым восхищались и по отношению к которому испытывали досаду, неприязнь, удивление все поколения Норстралийцев. И все из-за его диких шуток, его прихотей, его капризов.

Уильям МакАртур был двадцать вторым дедушкой Рода МакБэна по материнской линии. Он был человеком своего времени, настоящим человеком. Счастливый, вечно пьяный, но совершенно трезвым разумом. Очаровательно трезвый, когда он был смертельно пьяным. Своими словами он мог сбить овцу с ног, когда расхаживал. Он мог говорить все, что угодно о Государстве. Что он и делал.

Он мог.

Государство выкупало все дома Диамони, которые смогло обнаружить, используя их в оборонительных целях. Хорошенькие, маленькие коттеджи под викторианскую эпоху были отправлены на орбиту, как дальний ряд укреплений. Поле действия войны перенеслось в другие миры и через пространство до Старой Северной Австралии. Стали бомбить убежища и ветеринарные центры для лечения тошнотворных, производящих богатство овец. Никто не мог укрыть здание Диамони. Оно было построено так, что можно было снять здание с фундамента, поместить его на ракеты или на платформу, а потом перевести через пространство на новое место. Норстралийцы не спускали дворец с орбиты. Они его просто сбросили. И это ничуть не повредило зданию. Некоторое время здания Диамони стояли в стороне, потому что хоть Диамони просили делать постройки разборными, но строили они прочно.

Хафи 11 лежал в руинах. Лишайники подхватили растительную инфекцию и вымерли. Несколько Хафианцев,

которые остались нищими, попросили у Содействия статус беженцев и эмигрантов. Государство вернуло им их маленькие здания, но даже Государство Старой Северной Австралии не знало, что делать с невидимым и невероятно красивым греческим храмом.

Дикий Уильям посетил храм. Он в трезвом виде навестил полностью невидимый храм, используя “глаза снайпера” настроенные на ультрафиолет. Он убедил правительство дать ему возможность истратить половину своего необъятного состояния для перевозки здания в долину рядом с Роковой Фермой. Потом, он некоторое время наслаждался храмом. Сильно напившись он упал и сломал шею, и его безутешная дочь вышла замуж за красивого и практичного МакБэна.

И теперь храм принадлежал Роду МакБэну.

И приютил его компьютер.

Его собственный компьютер.

Род мог говорить о нем как о добавлении к тайнику спрятанных сокровищ; говорить о нем, в другой раз, как о месте, которое само по себе говорит; голос посреди поля и сверкающий красно-черный металл старого компьютера был покрыт изысканными миниатюрами. Род мог прийти к этому странному зданию — Дворцу Повелителя Ночи, встать как некогда стояли поклонники Дианы и крикнуть:

— Великая Диана Ефесианская!

Когда он подходил с нужной стороны, перед ним была полная консоль, автоматически открывавшаяся при его появлении, так как показал Роду его дедушка, три детства тому назад, когда старый МакБэн еще питал большие надежды на то, что Род превратится в нормального Старо-Северно-Австралийского мальчика. Дедушка использовал свой персональный код, открывая доступ к контролю и предлагая компьютеру сделать собственные записи для идентификации личности Рода, так чтобы Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакБэн CLI навсегда запомнился машине, неважно какого он будет возраста, неважно как изувечен или внешне изменен, неважно каким тошнотворным и жалким он может вернуться к машине отцов. Старик даже не спрашивал машину, каким образом она проводила идентификацию. Он доверял компьютеру.

Род по ступеням поднялся во дворец. Его второе зрение рисовало ему колонны, увитые древней резьбой. Род совершенно не знал, почему может видеть в ультрафиолетовой части спектра, так как он не наблюдал различий между собой и другими людьми в части зрения, если исключить частые головные боли, которые начинались у него в особенно светлые дни. Но в случае Дворца разница была налицо. Это было его место, его храм, его собственность. Он видел, что многие из его двоюродных братьев и сестер видели Дворец в ночное время. Они видели его так как их семейной чертой было видеть семейный храм, который не мог видеть ни один из их друзей. Но они не имели туда доступа.

Только Род имел доступ сюда.

— Компьютер,пусти меня, — крикнул он.

— Излишне сообщение, — сказал компьютер. — Для вас вход всегда открыт.

Голос был голосом мужчины Норстралийца и в нем звучали театральные нотки. Род никогда не был уверен, что это голос его предка. Потом, изменив голос на тот, которым она обычно пользовалась, машина ответила Роду:

— Информация относительно этого голоса была стерта. Исторически, со времени установки здесь и в последующее время, когда меня кодировали, очевидно, предполагалось, что я — мужчина.

Род был полон жизни и испытывал жгучую боль из-за чувства страха перед Дворцом Повелителя Ночи, который яркий и видимый стоял под темными облаками Норстралии. Он хотел сказать что-нибудь, что облегчило бы ему душу, но только пробормотал:

— Я здесь.

— Наблюдайте и относитесь с уважением, — прозвучал голос компьютера. — Если бы я был личностью, я мог бы высказать поздравления, что вы остались живы.

— Что я должен делать сейчас? — спросил Род.

— Вопрос слишком глобальный, — ответил компьютер. — Вы хотите выпить воды или отдохнуть в комнате? Я могу сказать вам где одно и где второе. Вы хотите поиграть со мной в шахматы? Я выиграю как и в том множестве партий, что мы играли по вашей просьбе.

— Заткнись, старый дурак! — закричал Род. — Это не то, что я имею в виду.

— Компьютеры могут быть дураками, если только они неисправны. Я — исправен. Заявление, что я дурак — нелогично, и я вычеркиваю это из своих запоминающих систем. Повторите вопрос, пожалуйста.

— Что мне делать со своей жизнью?

— Ты можешь работать, ты можешь жениться, ты можешь стать отцом сто пятьдесят второго Рода МакБэна и других детей, ты можешь умереть и твое тело с большими почестями отправят на орбиту. Ты можешь делать все, что хочешь.

— Предположим я сломал бы себе шею в эту ночь? — стал спорить Род. — Тогда бы ты ошибся?

— Я бы ошибся, но я учитываю степени вероятности.

— Что мне делать с Очсеком?

— Повторите.

Роду пришлось рассказывать историю несколько раз, прежде чем компьютер понял в чем дело.

— Я не нашел данных относительно человека, которого вы называете Хоугхтоном Сумом, а иногда “Горячим и Простым”. Его история не известна мне. Шансы против того, что вы убьете его расцениваются как 11,713 к одному, потому что многие люди знают вас и знают как вы выглядите. Я дам вам совет как решить проблемы с Поч. Сексом.

— У тебя есть какие-то идеи?

— У меня есть ответы, а не идеи.

— Тогда дай мне кусочек кекса с изюмом и стакан молока.

— Это будет стоить вам двенадцать кредитов и прогулки в ваш кабинет, где вы сможете все это получить. Тем временем я куплю их в Крайней Централи.

— Я сказал, что хочу, — сказал Род.

Машина зажужжала. На консоли замерцали лампочки.

— Крайняя Централь позволила мне самому использовать каналы снабжения. Завтра вам нужно будет заплатить за доставку. — Дверца открылась. Из нее выскользнул поднос с сочным куском кекса с изюмом и стаканом дымящегося, свежего молока.

Род подошел и поел.

Между делом он сказал компьютеру:

— Ты должен знать, что делать с Горячим и Простым. Это ужасно пройти через Сад Смерти и потом столкнуться с тупицей вроде этого докучливого зануды.

— Он не может докучать вам настолько, чтоб убить. Вы слишком сильны.

— Узнаю идиота, ты — слабоумная задница! — сказал Род. Машина сделала паузу.

— Идиот отождествлен. Корректировка сделана. Приношу вам извинения, дитя МакБэн.

— Я проверяю Централь, — сказал компьютер. Огоньки замигали и последовала длинная пауза. Наконец компьютер ответил. — Ваши статусы изменились. Оба. Вы теперь уже Господин и Собственник Роковой Фермы и меня. Но вы еще по-прежнему ребенок МакБэнов до тех пор, пока ваши опекуны не оформили бумаги.

— Когда они делают это?

— Добровольное действие. Человек. Выбор неточный. За четыре или пять дней, так кажется. Как только они сделают это Поч. Сек. получит реальное право арестовать вас как некомпетентного и опасного Собственника. С вашей точки зрения это будет очень плохо.

— А что ты думаешь? — сказал Род.

— Я думаю, что этот фактор должен беспокоить. Я сказал тебе правду.

— И что из этого всего следует?

— Все, — сказал компьютер.

— Ты не можешь остановить Поч. Сека?

— Но не без того, чтобы остановить еще кое-кого.

— А как ты думаешь, что станут делать люди? Посмотри, компьютер, ты говоришь с людьми много сотен лет. Ты знаешь наши имена. Ты знаешь мою семью. Разве ты ничего не знаешь о нас? Разве ты не сможешь помочь мне? Что ты думаешь обо мне?

— Какой вопрос первый? — сказал компьютер.

Род с яростью швырнул пустой поднос и стакан на пол храма. Руки робота втянули их в контейнер мусора. Он посмотрел на старый полированный металл компьютера. Металл должен был быть полированным. Род потратил сотни часов полируя его — все шестьдесят шесть панелей — только потому, что машина была его детищем.

— Ты не знаешь меня? Ты не знаешь какой я?

— Ты — Род МакБэн сто пятьдесят первый. Особенно-сти: ты — позвоночник с маленькой грудной костяной клеткой и головой на одном конце и с воспроизводящим инструментом на другом. Внутри костяной клетки у тебя материал, напоминающий жесткое свиное сало с кровью. И этим вы думаете... думаете лучше чем я, хотя я имею более пяти миллионов синаптических связей. Вы — удивительный объект — Род МакБэн. Я знаю вас. Я могу отделить человеческую часть вашего “я” от звериной.

— Но ты же знаешь, я в опасности.

— Я это знаю.

— Что ты говорил о том, что нельзя остановить Горячего и Простого без того, чтобы не остановить кого-то еще? Ты можешь остановить кого-то еще?

— В начальной части вопроса ошибка. Я не могу никого остановить. Если я попытаюсь использовать силу, военные компьютеры Обороны Государства уничтожат меня раньше, чем я начну планировать собственные действия.

— Ты же частично военный компьютер.

— Так принято считать, — произнес неутомимый, неторопливый голос компьютера, — но Государство обезопасило меня до того как твои предки получили меня в пользование.

— Что ты можешь сделать?

— Род МакБэн сто сороковой приказал мне не рассказывать никому об этом.

— Я отменяю этот приказ.

— Это невозможно сделать таким образом. Твой прадедущка записал предупреждение, которое ты должен выслушать.

— Давай, — сказал Род.

Наступила тишина, и Род подумал о том, что машина прерывает в древних архивах драма-кубы. Род стоял в перистиле Дворца Повелителя Ночи пытаясь разглядеть Норстралийские облака ползущие по небу у него над головой. Казалось это какая-то особенная ночь. Но кроме темноты по ту сторону освещенного портика храма, он не видел ничего.

— Вы поняли как нужно скомандовать? — спросил компьютер.

— Я не слышал никакого предупреждения, — сказал Род.

— Он “гаварил” из куба памяти.

— Ты “слишал” это?

— Я не могу понять этого. Это только между людьми. Только для семьи МакБэна.

— Тогда, — сказал Род, — я приказываю сделать это.

— Приказано, — сказал компьютер.

— Как я могу остановить все это.

— Ты можешь на время обанкротить Норстралию, купив Старую Землю, а потом вести переговоры требуя чего-то.

— О, боже! — сказал Род. — Ты снова стал логичным, компьютер! Это одна из твоих ситуаций “если”.

Голос компьютера не изменил тона. Он не мог. Последовательность слов однако содержала упрек.

— Это не невообразимая ситуация. Я — военный компьютер, и я продумал экономические военные действия. Если ты сделаешь именно так, как я велю тебе, ты легальным способом подложишь большую свинью всей Старой Северной Австралии.

— Как долго это будет продолжаться? Две сотни лет? Старый и Простой уложит меня в могилу.

Компьютер не мог смеяться, он мог сделать паузу. И он сделал паузу.

— Я только проверю время на Бирже Нового Мельборна. Сигналы с Биржи говорят, что она будет открыта через семнадцать минут. Так как ваш голос приказал мне это сделать, то это будет сделано. Мне понадобится четыре часа. Это означает, что вам придется подождать четыре часа семнадцать минут, плюс минус пять минут.

— Ты думаешь, что сможешь это сделать?

— Я просто компьютер, устаревшая модель. Во все остальные встроены мозги животных, чтобы избегать ошибки. У меня этого нет. Более того, ваш пра12-дедушка превратил меня в оборонительную ячейку.

— А разве Государство не отключила эти твои функции.

— Я компьютер, в который заложено умение лгать всем, кроме семей МакАртура и МакБэна. Я солгал Государству, когда они проверяли, что я могу. Я вынужден говорить правду только вам и вашим законным потомкам.

— Я это знаю, но что же делать?

— Я предсказываю, что мое влияние на дела космоса больше влияния Правительства, — произнесено это было неприятным, равномерно звучащим голосом. Род и сам начал верить в это.

— И ты этим воспользуешься?

— Я играл в военные игры более сотни миллионов раз. Пока я ждал тебя, мне больше нечего было делать.

— И ты никогда не проигрывал.

— Я проигрывал много раз, когда начинал первым. Но за последнюю тысячу лет я не проиграл ни одной военной игры, когда использовались реальные данные.

— А что случится, если сейчас ты проиграешь?

— Ты будешь опозорен и станешь банкротом. Я буду продан и демонтирован.

— И все? — радостно воскликнул Род.

— Да, — сказал компьютер.

— А я смогу остановить Старого и Простого, если стану хозяином Старой Земли. Пойдем.

— Я не хожу никуда, — сказал компьютер.

— Я говорю образно, начинай.

— Ты имеешь ввиду то, что я должен купить Землю, как мы и говорили?

— Что еще? — взвыл Род. — О чем еще мы говорим?

— Ты должен съесть немножко супа, горячий суп и транквилизаторы. Я не могу работать оптимально, если тут будет находиться возбужденное человеческое существо.

— Все правильно, — сказал Род.

— Ты должен уполномочить меня купить их.

— Я уполномочиваю тебя.

— Это будет стоить три кредита.

— Во имя семи здоровых овец, что это значит? Сколько стоит Земля?

— Семь тысяч миллионов мегакредитов.

— Добавь три кредита за суп и таблетку, если это не помешает твоим вычислениям.

— Вышел, — сказал компьютер. Появилась тарелка с супом и пилюля.

— Теперь давай купим Землю, — сказал Род.

— Вначале выпей суп и съешь пилюлю, — сказал компьютер.

Род выпил суп и проглотил пилюлю.

— Теперь пошел, приятель.

— Повторяй за мной, — сказал компьютер. — Я закладываю свою овцу Сладкого Уильяма за сумму в пять сотен тысяч кредитов Бирже Нового Мелбурна...

Род повторял и повторял.

Время превратилось в кошмар повторения.

Компьютер понизил голос до тихого бормотания, почти шепота. Когда Род запинался, компьютер останавливал его и поправлял.

— Первая закупка... короткая оплата... выбор покупки... полупустой резерв... жертвую на продажу... предлагается временное резервирование... первая параллель... вторая параллель... депозит счетов... конверт СНЗ кредитов... конверт ГИД кредитов... двенадцать тысяч тонн струна... заклад вперед... гарантия покупки... гарантия продажи... держать... резерв... параллельные гарантии предыдущих депозитов... обещание выплаты против залога земли... гарант... земля МакБэнов... земля МакАртуров... сам компьютер... условно юридически... купить... продать... гарантии... залог... удержание... предлагаемые подтверждения... предлагаемые отмены... четыре тысячи миллионов мегакредитов... приемлемая цена... приемлимый отказ... депозит против интереса... параллельный предварительный залог... условная доставка... солнечная погода... купить... продать... задаток... отказ от маркетинга... отказ от продажи... не имеющиеся в распоряжении... не собранные сейчас... зависимость от радиации... условный маркетинг... купить... купить... купить... купить... устойчивое наименование... неустойчивое наименование... сделки заключены... переоткрытие... регистрировать... зарегистрированно... подтверждение центральной Земной... сделки заключены... пятнадцать тысяч мегакредитов...

Голос Рода превратился в шепот, но компьютер уверенно диктовал, компьютер не устал, компьютер отвечал на все вопросы приходящие извне.

Много раз Род и компьютер выслушивали телепатические предупреждения встроенные в гнездо торгового коммуникатора. Компьютер оставлял их без внимания, а Род

не “слишал” их. Предупреждения оставались неслышанными.

— ... купить... продать... поддержать... выступить... депозит... конвертировать... гарантировать... выступить в арбитраже... сообщить... Государственный налог... коммиссионные... купить... продать... купить... купить... купить... купить... сделать взнос! сделать взнос! сделать взнос!

Процесс покупки Земли пошел.

К тому времени как первые серебряно-серые лучи зари осветили небо, сделка была завершена. У Рода кружилась голова от усталости и смущения.

— Иди домой и ложись спать, — сказал компьютер. — Когда люди обнаружат, что ты сотворил при моей помощи, многие из них, возможно, придут в возбуждение и захотят поговорить с тобой достаточно обстоятельно. Я считаю, что ты не должен им ничего говорить.

ГЛАВА VII СМЕРТОНОСНЫЙ ВОРОБЕЙ

Пьяный от усталости, Род побрел по собственной земле назад в свою хижину.

Он не верил в то, что что-то произошло.

Если Дворец Повелителя Ночи...

Если Дворец...

Если компьютер сказал правду, он уже самый богатый человек, когда-либо живший на свете. Он рискнул и выиграл не несколько тон струна, планету или две, и такое количество кредитов, которое достаточно для того, чтобы до основания потрясти Государство. Он владелец Земли — планеты перед которой любая сверхдеспозит — пустое место, настолько высока верхняя граница. Он хозяин планеты, стран, шахт, дворцов, тюрем, полицейских служб, флотов, телохранителей, ресторанов, фармацевтических предприятий, текстильных предприятий, ночных клубов, театров, авторских свидетельств, лицензий, земель, множества овец, множества земель, множества струна. Он выиграл.

Только на Старой Северной Австралии появился человек, который мог сделать такое без солдат, репортеров, те-

лохранителей, полиции, экспертов, налоговых инспекторов, предсказателей, докторов, общественных лидеров, травли, расследования, сострадания, ненависти и оскорблений.

Старая Северная Австралия хранила безмолвие.

Тайна, простота, бережливость... добродетель пронесла их через мир-ад Рая VII, где горы ели людей, вулканы травили овец, отравляющий кислород заставлял людей бредить с блаженством, когда они метались перед смертью. Норстралийцы пережили множество бед, включая тошнотворность и деформацию. Если Род МакБэн вызвал финансовый кризис, об этом не было напечатано в газете, не было никаких передач по видовым коробкам, никакого возбуждения среди народа. Правительственные авторитеты получили известие о кризисе в рабочие корзины после того как выпили чая и поели сладостей на следующее утро. Если все сработало, то все оплачено честно и грамотно. Если не сработало, то, так как сказал компьютер, земля Рода будет выставлена на аукционе, а его самого мягко выпроводят с планеты.

То есть как раз то, что Род собирался сделать тем или иным способом прежде чем до него доберется Очсек. — Горячий и Простой, надоедливый человек с карликовой жизнью, с детства затаивший ненависть и лелеющий ее много лет!

Род на минутку остановился. Вокруг него вытянулась равнина его собственной земли. Далеко впереди, налево от него, мерцал стеклянный червь речного покрытия, выгнувшегося длинной бочкообразной трубой. Там хранилась драгоценная вода, собранная из испарений. Она тоже принадлежала Роду.

Может быть будет принадлежать. После того как закончится эта ночь.

Род подумал было броситься на землю и уснуть прямо здесь. Он делал так раньше.

Но не в это утро.

Не теперь, когда он мог оказаться таким человеком — человеком, который с помощью своего богатства заставил крутиться вокруг себя многие миры.

Компьютер с легкостью заварил всю эту кашу. Род мог не контролировать свою собственность, или контролиро-

вать, но только в том случае, если бы попал в крайне критическое положение. Компьютер создал критическое положение продав по рыночным ценам сантаклар¹, который будет добыт в последующие четыре года. Серьезное критическое положение для любого воспитанника пасторального общества.

Из-за этого последовало и все остальное.

Род сел.

Он не пытался вспоминать. У него в голове все воспоминания сбились в кучу. Он хотел только восстановить дыхание, вернуться домой, уснуть.

Рядом с Родом было дерево с термостатически контролируемым куполом, который поднимался всякий раз, когда ветер был слишком сильным или слишком сухим. Подземное орошение сохраняло дереву жизнь, когда на поверхности ощущался недостаток влаги. Это была одна из экстравагантных штук МакАртуров, которые унаследовали предки МакБэна и присоединили к Роковой Ферме. Дерево было видоизмененным земным дубом, очень большим, высотой в полных тринадцать метров. Род гордился деревом, хотя не любил его. Он имел родственников, которые завидовали его дереву и совершали трехчасовые поездки, только чтоб посидеть в его тени — тусклой и рассеянной — тени подлинного дерева Земли.

Когда Род посмотрел на дерево, он услышал резкий шум:

Безумный, неистовый смех.

Смех без шуток.

Тошнотворный дикий смех пьяного головокружения.

Род разъяренно огляделся. Кто смеется над ним? Кто мог нарушить границы его владений? И что тут было смешного?

(Всем Норстралийцам известно, что юмор — “удовольствие от неправильного срабатывания”. Так написано в Книге Риторики, которую вручали Назначенные Родственники, если дети были признаны гражданами после тестов в Саду Смерти. Тут не было ни школ, ни классов, ни библиотек, ни учителей — только частные учреждения. Тут существовало семь либеральных художественных училищ,

¹ Вещество, из которого добывают струн.

шесть научно-практических училищ и пять полицейских и военных училищ. Специалисты обучались за пределами этого мира, но они набирались среди выживших в Саду и никто из них не мог отправиться дальше садов, если бы не спонсоры — те, кто рисковал жизнями студентов, когда решался вопрос природной склонности к тому или иному делу — вещи гарантирующие то, что известно как восемнадцать отраслей знания Норстралийцев. Книга Риторики была второй, шла прямо после Книги Овцы и Чисел, так что все Норстралийцы знали почему смеются и что такое смех.)

Но этот смех!

А-а-х, кто же это мог быть?

Усталый человек? Невозможно. Враждебная галлюцинация, навеванная Поч. Секон, его Очсековскими способами с помощью необычной телепатической силы? Едва ли.

Тут Род и сам рассмеялся.

Редкое и прекрасное животное. Птица кукабара. Такие же птицы смеялись в Настоящей Австралии на Старой Старой Земле. Всего несколько экземпляров птицы попало на новую планету. Размножались они не очень хорошо, хотя Норстралийцы с уважением относились к ним, любили их и желали им здравствовать.

Большой удачей считалось услышать смех птицы. Если услышал ее смех, значит у людей впереди хороший день. Удача в любви, защита от вражеского глаза, свежее пиво в холодильнике, или хорошего шанса в торговых делах.

“Смех, птичий смех!” — подумал Род.

Возможно, птица поняла его. Смех стал громче, обрел безумное веселье. Голос птицы звучал так, словно она смотрела самую смешную птичью комедию, на которую приглашали только птичью аудиторию, и птички шутки заставляли надрываться от хохота, биться в конвульсиях, невероятно, специфически, дерзко и ошеломляюще смеяться. Птичий смех стал истерическим, с нотками страха. В нем слышалось предупреждение.

Род шагнул к дереву.

Пока он не видел кукабару.

Заглянув искоса в крону дерева, Род стал разглядывать побледневшее небо, говорившее о том, что скоро наступит утро.

Для Рода дерево казалось ослепительно зеленым, так как сохранило большую часть земного цвета не став бежевой или серой, как земные травы адаптировавшись и разрослись на земле Норстралии.

Можно было быть уверенным, птица была там — крошечная, гибкая, смеющаяся, наглая.

Неожиданно птица закаркала. Это уже был не смех.

Пораженный, Род отступил и стал оглядываться в поисках опасности.

Этот шаг спас ему жизнь.

Небо взвыло у него над головой, хлестнул ветер. Темная тень пронеслась позади него со скоростью пули и исчезла. Она летела над землей и Род успел разглядеть ее.

Безумный воробей.

Воробьи достигали веса двадцати килограммов и имели напоминающие мечи клювы, почти в метр длиной. Долгое время Государство не обращало на них внимания, потому что они охотились на гигантских вшей — размером с футбольный мяч, которые разрослись так же как тошнотворные овцы. То и дело воробьи сходили с ума и нападали на людей.

Род повернулся, посмотрел вслед улетающему воробью, который был уже в сотне метров.

Некоторые безумные воробьи, как говорили слухи, были и вовсе не безумными, а ручными, посланными с миссией зла и смерти к людям Норстралии, чей разум был обращен к преступлению. Это было редкостью, но случалось.

Может Очсек уже нападал?

Род схватился за пояс с оружием, когда воробей снова поднялся в воздух. Хлопая крыльями он стал подниматься вверх, словно невинная птишка. У Рода с собой ничего не было, кроме светлого, достаточно длинного пояса и жестяной коробки. Что мог сделать человек голыми руками против меча, который разрезал воздух по прихоти обезумевшего птичьего мозга?

Род приготовился к следующему птичьему броску, держа жестяную коробку на манер щита.

Но коробка по размерам не могла заменить щит.

Птица понеслась вниз, со свистом рассекая воздух головой и клювом. Род высматривал ее глаза, а когда увидел их, прыгнул.

Взметнулась пыль, когда гигантский воробей чиркнул по земле своим, напоминающим копье клювом, раскрыв крылья, лупя по воздуху, чтобы преодолеть гравитацию, затормозить в нескольких сантиметрах от поверхности и отлететь в сторону с помощью могучих взмахов крыльев. Род стоял и спокойно смотрел, радуясь тому, что спасся.

Его левая рука была мокрой.

Дождь был такой редкостью на равнинах Норстралии, что Род о нём даже не подумал. Он глупо посмотрел вниз.

Кровь. Его собственная кровь.

Клюв птицы-убийцы промахнулся, но птица коснулась Рода краем крыла, давно превратившегося в оружие, и напоминающего острую бритву. Лопастей больших перьев были угрожающе твердыми, переходя на кончиках в острые ножи. Птица порезала Рода так быстро, что он даже не почувствовал.

Как любой добропорядочный Норстралиец, Род подумал о первой помощи.

Кровь лилась не очень сильно. Вначале он должен перевязать себе руку или попытаться спрятаться пока не началась новая атака?

Птица за него ответила на вопрос.

Зловещий свист прозвучал снова.

Род бросился на землю, пытаясь добраться до основания ствола — туда, где птица не смогла бы его достать.

Птица, хоть и ранила Рода, сделала несколько тактических ошибок. Она спокойно приземлилась, похлопав крыльями, постояла на земле, склонив голову набок и глядя на Рода. Когда птица задвигала головой, меч-клюв зловеще засверкал в слабом свете восходящей зари.

Род добрался до дерева и поднялся, прячась за ствол, но едва не поплатился жизнью. Он забыл с какой скоростью воробей может бегать по земле.

Секунду птица стояла — комичное и злое создание, изучая Рода своими пронизательными, яркими глазами. В следующую секунду нож-клюв вонзился в тело Рода, чуть пониже плеча.

Род почувствовал как вниз от плеча побежал ручеек. Ноющая боль в теле предшествовала резкой боли. Род удалил птицу световым поясом, но промахнулся.

Теперь, получив две раны, Род начал слабеть. Руки его были залиты кровью, к телу прилипла рубашка, намокшая от крови.

Птица, отскочив, снова изучала его, наклонив голову. Род попытался оценить свои шансы. Один точный удар, и птица была бы мертва, но она лишила его такой возможности.

Если его удар не достигнет цели... победа окажется за птицей, и Поч. Сек. — бывший Горячий и Простой победит!

Теперь уже Род не сомневался, что Хоугхтон Сум устроил это нападение.

Птица бросилась на Рода.

Род забыл о своем плане обороны.

Вместо этого он ударил птицу ногой, а потом схватил ее тяжелое, грубое тело.

Оно показалось Роду большим футбольным мячом, наполненным песком.

От удара нога Рода подвернулась, но птица отлетела на добрых шесть или семь метров. Род метнулся за дерево и посмотрел назад на птицу.

Кровь толчками била из его плеча.

Птица-убийца оставалась на ногах. Она шла уверенно и спокойно вокруг дерева. Одно крыло у нее слегка обвисло. Удар ногой, кажется повредил крыло, а не ноги, и не эту ужасную, сильную шею.

Птица снова комично наклонила голову. Это кровь Рода капала с ее длинного серебристо-серого клюва, теперь ставшего красным. Роду хотелось бы больше знать об этих птицах. Он никогда не был так близок к мутировавшему воробью, и он понятия не имел, как с ним сражаться. Все, что он знал: воробьи нападают на людей очень редко и иногда люди умирают в результате таких встреч.

Род попытался “гаварить”, испустив крик, который должен был привести родственников и летающую полицию к нему на помощь, но обнаружил, что телепатические силы и вовсе оставили его, и тогда он сосредоточил все свои мысли и внимание на птице, зная что ее любое следующее движение приведет к непоправимой смерти. Это была не временная смерть, когда поблизости спасательный отряд. Тут не было никого из родственников, никого, кроме возбужденного и симпатичного кукабара, безумно ухохатывающегося над Родом, сидя на дереве.

Род закричал на птицу, надеясь испугать ее.

Птица-убийца отплатила ему не большим вниманием, чем если бы была глухой рептилией. Дурацкая голова снова была наклонена. Маленькие, сверкающие глазки смотрели на Рода. Красный меч-клюв быстро становился коричневым в сухом воздухе. Он рыскал из стороны в сторону, выискивая нужное направление, чтобы пронзить мозг или сердце Рода. Он удивился, как птица решает эти проблемы с точки зрения геометрии — угол атаки, направление удара, движение клюва, вес и направление бегства жертвы — его, Рода.

Род отодвинулся назад на несколько сантиметров, намериваясь взглянуть на птицу с другой стороны ствола.

Что-то прошипело в воздухе. Беспомощное шипение маленькой, ласковой змейки.

Птица, когда Род снова увидел ее, выглядела странно. Неожиданно Роду показалось, что у птицы два клюва.

Род изумился.

По-настоящему он не понял, случившегося, пока птица внезапно не покачнулась, не упала набок, и не осталась так лежать — мертвая... на сухой, холодной земле. Глаза воробья остались открытыми, но стали пустыми. Тело птицы немного искривилось. Крылья развернулись в предсмертных спазмах. Одно крыло почти дотянулось до ствола дерева, но механизм, охраняющий дерево, поднял пластиковый жезл и предотвратил удар. Замечательный механизм, к сожалению, не был ориентирован на защиту людей.

Только потом Род разобрал, что второй "клюв" и вовсе был не клювом, а дротиком. Его заточенное острие, пробив череп птицы, вонзилось в мозг.

Не удивительно, что птица сразу упала замертво!

Когда Род огляделся вокруг, ища своего спасителя, земля вздыбилась и он, падая, ударился о нее.

Он терял кровь намного быстрее, чем предполагал.

Словно ребенок, у которого кружится голова, Род огляделся.

Бирюзовое мерцание. Над ним стояла Лавиния. У нее была открытая медицинская сумка, и она заливала раны Рода криптогермом — живым бинтом, который был таким дорогим, что только на Норстралии — экспортере струна, его можно было держать в аптечке первой помощи.

— Не двигайся, — сказала Лавиния. — Не двигайся, Род. Вначале мы должны остановить кровотечение. Прошу прощения, но у тебя большие неприятности.

— Кто?.. — слабо спросил Род.

— Поч. Сек., — ответила она.

— Ты знаешь? — спросил он, удивившись, что она так быстро во всем разобралась.

— Я сказала тебе — не разговаривай, — она взяла походный нож и разрежала его вонючую рубашку так, чтобы поднести флакончик и брызнуть прямо на рану. — Я была уверена, что у тебя неприятности, когда приехал Билл и сказал что-то безумное, словно ты вместе с обезумевшей машиной поставил на кон полгалактики. Я не знаю, где ты был, но я думаю, что ты мог оказаться в своем старом храме, который остальные не могут видеть. Я не знала, какая опасность подстерегает тебя, поэтому я принесла это, — она хлопнула себя по бедру. Глаза Рода округлились. Она украла одно-килотонную гранату у своего отца. Сейчас она держала ее наготове, на случай нового нападения. На следующий вопрос Рода, Лавиния ответила раньше, чем он спросил. — С этим все в порядке. Я сделала холостую гранату и подложила ее, когда забрала эту. Когда я забирала ее, включился монитор Защиты. Я просто объяснила, что задела ее своей новой метелей, которая оказалась длиннее, чем обычно. Ты думал, я дам Горячему и Простому убить тебя? Я — твоя двоюродная сестра, твоя знакомая и родственница. Всем известно, что я — двадцатая прямая наследница Роковой и всех удивительных вещей, что есть на ферме, после тебя.

Род попросил:

— Дай мне воды.

Он подозревал, Лавиния говорит с ним, чтобы отвлечь его внимание от боли. Рука горела. Лавиния прыскала ее криптогермом. Когда лекарство впиталось, боль успокоилась. Потом она вколола диагностическую иглу и прочитала крошечную светящуюся надпись на конце иглы. Род знал, что эта штука оснащена как анализаторами и антисептиками, так и установкой рентгеновских лучей, но он никогда не думал, что ее будут использовать вот так, в поле.

Лавиния ответила на вопрос Рода, раньше, чем он задал его. Она была очень чувствительной девушкой.

— Мы не знаем, что сделает Очсек дальше. Он умеет уничтожать людей с той же легкостью, как животных. Я не хочу вызвать помощь, пока вокруг тебя друзья.

Род выдавливал слова. Казалось, ему не хватает дыхания.

— Откуда ты узнала, что это — он?

— Я видела его лицо... я "слишала", когда заглянула в мозг птице. Я чувствовала как Хоугхтон Сум каким-то странным способом разговаривал с птицей. Я видела твое мертвое тело глазами птицы и чувствовала волну любви и одобрения, счастья и радости, которая прокатилась через сознание птицы, когда работа была закончена. Я думаю, этот человек — зло, зло!

— А ты сама знаешь его?

— А какая девушка в округе его не знает? Он — гадкий человек. Он испорчен с детства, с того момента как узнал, что ему суждена короткая жизнь. Для него нет границ. Люди пожалели его и решились, что он сможет выполнять работу Поч. Сека. Если бы спросили меня, я послала бы его в Хихикающую Комнату давным-давно! — лицо Лавинии стало пурпурным от гнева. Выражение у нее было таким, что, обычно спокойная и веселая, она была сама на себя не похожа. Род удивился, откуда такая глубокая ненависть могла появиться у нее.

— Почему ты ненавидишь его?

— Потому что это — он.

— Что он такого сделал?

— Он смотрел на меня, — ответила девушка. — Он смотрел на меня так, как девушкам не нравится. Потом он заполз в мой мозг, пытался показать мне все непристойное, грязное, бесполезное, которое хотел сделать.

— Но он же не сделал ничего?... — спросил Род.

— Да, — фыркнула она. — Руками он ничего не делал. Я не могла заявить на него. Но теперь-то я заявлю. Теперь он стал делать то, о чем "гаварил" мне.

— Ты можешь заявить и об остальном, — сказал Род, пытаясь говорить, но тем не менее втайне радуясь, что он не единственный враг Очсека.

— Нет, я не смогу, — сказала Лавиния. Ее лицо пылало от ярости, растворенной в горе. Горе было более глубоким и более реальным, чем ярость. Впервые Род ощутил интерес к Лавинии. Что же могло случиться с ней?

Девушка посмотрела на него и заговорила, повернувшись к мертвой птице.

— Хоугхтон Сум самый противный человек из всех, кого я знаю. Надеюсь, он умрет. Он никогда не избавится от своего гнилого детства. Постаревший, противный мальчишка — враг людей. Мы никогда не знали, каким он может быть. И если бы ты, Род сто пятьдесят первый, немного отвлекся от своих проблем, то помнил бы, кто я такая.

— Кто же ты на самом деле? — удивившись, сказал Род.

— Я — Дочь того Отца.

— И что? — спросил Род. — Все девочки такие же.

— Значит ты никогда ничего не знал обо мне. Я — Дочь того Отца из “Песни Дочери Отца”.

— Я никогда не слышал ее.

Лавиния посмотрела на Рода. На глазах у нее навернулись слезы.

— Тогда послушай. Я спою ее тебе сейчас. Все это — правда, правда, правда...

Ты не знаешь, на что похож наш мир.

И надеюсь, ты не узнаешь.

Мое сердце трепещет от звона лир,

Но меня ты никак не обманешь.

Моя жена сошла с ума.

Я любил ее, подарил ей кольцо,

И она носила его...

Родила мне детей, а потом, а потом...

Не осталось любви. Ничего...

Моя жена сошла с ума.

И теперь она живет не со мной,

Обезумев и постарев.

Я ее боюсь, и ей горько одной,

И любви между нами нет.

Моя жена сошла с ума.

Ты не знаешь на что похож наш мир.

Война не спалит его.

Отгремел твоей жизни прекрасный пир,

Молнии выжгли его.

Моя жена сошла с ума.

— Я вижу, ты слышал ее тоже, — вздохнула она. — Так мой отец написал. О моей матери. О моей матери!

— Ах, Лавиния, — сказал Род. — Извини. Я никогда не думал, что это имеет к тебе какое-то отношение. И ты моя троюродная или четвеюродная сестра. Но, Лавиния, тут что-то не так. Как могла твоя мама сойти с ума, если она на прошлой неделе была в моем доме и выглядела так хорошо?

— Она никогда не сходила с ума, — сказала Лавиния. — Это — мой отец сошел с ума. Он сочинил эту жестокую песню о моей матери, чтобы досадить соседям. Он мог выбрать Хихикающую Комнату, чтобы умереть или отправиться в какое-нибудь тошнотворное место, и жить там бессмертным и безумным. Сейчас он так и делал. А Очсек, Очсек угрожал вернуть его родственникам, если я не стану делать то, что он хочет. Ты думаешь, я забуду это? После всего? После того как люди поют эту ужасную песню с тех пор как я себя помню? Ты удивлен, что я знаю об этом?

Род кивнул.

Проблемы Лавинии потрясли его, но у него самого были неприятности.

Солнце никогда не пылало над Норстралией, но Род неожиданно почувствовал жажду и ему стало жарко. Род хотел спать и удивлялся опасностям, которые окружали его.

Лавиния встала рядом с ним на колени.

— Прикрой глаза, Род. Я стану тихо “гаварить”, так чтобы никто не услышал кроме Билла и Хоппера на твоей ферме. Когда они придут, мы спрячемся днем, а ночью сможем добраться до твоего компьютера и спрятаться там. Я попрошу их принести поесть.

Она заколебалась.

— И, Род?

— Да? — спросил он.

— Забудь обо мне.

— Почему?

— Из-за моих неприятностей, — с раскаянием сказала она.

— Сейчас у меня самого много проблем, — сказал он. — Давай не обвинять друг друга, но ради овец, дай мне поспать.

Он погрузился в сон, а она сидела рядом с ним, насвистывая громкую, чистую мелодию. Она долго-долго тянула каждую ноту. Род знал некоторых людей, особенно женщин, которые насвистывали, когда пытались сконцентрироваться на телепатическом "гаварении".

Род, прежде чем уснуть, посмотрел на нее. Он увидел, что глаза Лавинии глубокой, странной синевы. Они безумно походили на далекие небеса самой Старой Земли.

Род уснул и во сне почувствовал, что его несут.

Руки, которые несли его, казались дружелюбными, и Род погрузился в глубокий... глубочайший сон без сновидений.

ГЛАВА VIII СНЗ-ДЕНЬГИ, ГИД-ДЕНЬГИ

Когда, наконец, Род проснулся, он почувствовал, что его раненное плечо туго забинтованно. Раненная рука пульсировала. Род чувствовал слабость, потому что боль усилилась и он временами терял сознание.

Бормотание голосов?

Не было на всей Старой Северной Австралии места, где бормочут голоса. Люди сидели вокруг и "гаварили" друг с другом, "слишали" ответы не произнося ни одного звука. Телепатия давала возможность яркого и быстрого общения. Чтобы мысли беседующих не разбегались и были установлены соответствующие телепатические щиты так, чтобы беседа производила эффект разговора шепотом.

Но тут звучали голоса. Голоса. Много голосов.

И запах был другой. Воздух был влажным... роскошно, экстравагантно влажным, словно скупец загнал бурю с дождем в свою хижину!

Атмосфера напоминала атмосферу в трейлере Сада Смерти.

Проснувшись, Род увидел Лавинию, которая пела странную песню. Он слышал ее раньше, она была сильно навязчивой, имела мучительно однообразную мелодию. Лавиния пела, и звучало это вроде одного из тех сверхъестественных плачей, который его народ пел,

оплакивая экспериментальную группу на покинутой планете Рай VII. Судьба этой группы людей оказалась ужасной.

*Жив ли кто или все мертвы
на озере серо-зеленом?*

*Небо голубое, но нет синевы
над старым, высоким кленом.*

*Огромный клен и маленький дом
на озере серо-зеленом,*

*И девицы нет в доме под окном
под старым, высоким кленом.*

Глаза Рода открылись. И в самом деле пела Лавиния. Род видел ее уголком глаза. Тут не было дома. Тут была коробка, больница, тюрьма, корабль, пещера или крепость. Обстановка казалась механизированной и роскошной. Свет — искусственный, цветом почти как жемчуг. Из задних комнат, доносился шум, словно чужеродные машины освобождали силу для целей, которые законы Нор-стралии запрещали достичь чистым лицам. Повелитель Красная Дама склонился над Родом. Фантастический человек нарушил песню, нараспев произнеся:

Зажги фонарь...

Зажги фонарь...

Зажги фонарь,

а вот и мы идем!

Когда он увидел очевидные признаки того, что Род сбит с толку, он взорвался смехом.

— Это самая древняя песня из тех, что вы слышали, мой мальчик. Это докосмическая песня. Ее пели, когда корабли напоминали большие железные дома. Они плавали по воде и сражались друг с другом. Мы ждали, когда вы проснетесь.

— Воды, — сказал Род. — Пожалуйста, дайте мне воды. Почему вы все говорите?

— Воды! — закричал Повелитель Красная Дама кому-то за своей спиной. Его резкое, тонкое лицо горело от возбуждения, когда он повернулся к Роду. — Мы говорим,

потому что я включил зуммер. Если люди на корабле разговаривают вслух, им намного веселее.

— На корабле? — переспросил Род, потянувшись к чашке ледяной воды, которую протянула ему чья-то рука.

— Это — мой корабль, Господин и Собственник Род МакБэн сто пятьдесят первый. Земной корабль. Я вызвал его с орбиты и посадил тут с позволения Государства. Конечно, они не знают, что вы на борту. Они не обнаружат правду, потому что мое Робото-гуманоидное Мозговое Дефазовое Устройство осталось там. Никто не догадается, не додумается, а кто телепатически попытается проникнуть на это судно, не получит ничего, кроме головной боли.

— Откуда вы взялись? — спросил Род. — Что происходит?

— Все в свое время, — ответил Повелитель Красная Дама. — Давайте вначале я расскажу вам предысторию. Вы знаете этих людей, — он махнул в сторону собравшейся группы.

Лавиния сидела держа Рода за руку. Билл и Хоппер с их начальницей Элеанор и с теткой Рода Дорис выглядели странно, так как сидели на низкой, мягкой, роскошной земной мебели. Они все маленькими глотками потягивали какую-то земную выпивку цвета, которого Род никогда раньше не видел. Выражение их лиц было различным. Билл выглядел успокоенным, Хоппер — счастливым, тетя Дорис — полностью смущенной. Лавиния выглядела так, словно любовалась сама собой.

— И потом здесь... — продолжал Повелитель Красная Дама.

Человек на которого он показал, мог и не быть человеком. Он полностью напоминал людей Норстралии, но был гигантом. Существа такого рода не выходили из Сада Смерти.

— К вашим услугам, — сказал гигант почти трехметрового роста. Казалось, если он встанет в полный рост, то ударится головой в потолок. — Я — Дональд Дамфри Хордери Энтони Гарвуд Гайнес Вентворт четырнадцатого поколения, Господин и Собственник МакБэн, военный хирург. К вашим услугам, сэр!

— Но это — тайна. Хирург не работает ни на кого, только на правительство.

— Я работаю на Земное Правительство, — сказал Вентворт-гигант. Лицо его расплылось в широченной улыбке.

— И я вместе с ним, — продолжал Повелитель Красная Дама. — Мы оба инструменты и как дипломаты представляем Земное Правительство. Я нанял этого человека. Сейчас он находится под охраной Земных законов... Через два-три часа вам станет лучше.

Доктор Вентворт, посмотрел на свою руку так словно у него был хронограф.

— Два часа и семнадцать минут.

— Ну, а здесь наш последний гость, — сказал Повелитель Красная Дама.

Слегка сердитый мужчина встал и подошел к Роду. Он посмотрел на Рода и протянул руку:

— Джон Фишер сотый. Мы уже знакомы.

— Да? — сказал Род, но совершенно равнодушно. Он просто следил за происходящим.

— Ферма Хорошего, Неопытного Кенгуренка, — сказал Фишер.

— Я там не был, — ответил Род. — Но я слышал о ней.

— Вам не нужно было ездить туда, — фыркнул сердитый Фишер.

— Меня представили тебе как дедушку.

— О, да, Господин и Собственник, — сказал Род, не вспомнив ни о чем, но удивившись, почему низкорослый, краснолицый человек так сердит на него.

— Ты не знаешь, кто я? — спросил Фишер. — Я управляю кредитами и доходами Правительства.

— Удивительная работа, — сказал Род. — Уверен, это — сложное дело. Вы можете дать мне поесть?

Повелитель Красная Дама перебил его:

— Вам нравится французский фазан с китайским муссом, вымоченный в воровском вине с Виолы Сидерии? Это блюдо будет стоить вам шесть тысяч тонн очищенного золота, находящегося на орбите Земли. Если я прикажу, его отправят вам специальным курьером.

По какой-то необъяснимой причине, вся комната взвыла от смеха. Мужчины поставили свои бокалы, чтобы не пролить их содержимое. Хоппер воспользовался удобным случаем, чтобы заново наполнить бокал. Тетя Дорис смот-

рела весело и гордо, так, словно сама откладывает драгоценные яйца, или делает нечто единственно удивительное. Только Лавиния, хоть и смеялась, ухитрилась посмотреть на Рода с симпатией, так что он не почувствовал в ее взгляде насмешки. Повелитель Красная Дама засмеялся так же громко, как и остальные, и даже низкорослый, сердитый Джон Фишер позволил себе слабую улыбку, тоже протянув руку и заново налив себе. Животное — небольшое и выглядевшее очень похожим на маленького человечка, подняло бутылку и наполнило его бокал. Род заподозрил, что это — “обезьяна” со Старой, Старой Земли. Он слышал много историй об этом существе.

— Это — шутка? — сказал Род, хотя отчасти понимал, что все дело именно в нем. Он лишь вернул им слабую улыбку, чувствуя как растет в нем чувство голода.

— Мой робот приготовил для вас земное блюдо — французский тост с кленовым сиропом. Вы могли прожить десять тысяч лет на этой планете и никогда его не попробовать. Род, вы не понимаете, почему мы смеемся? Вы знаете, что вы сделали?

— Очсек пытался убить меня, я так думаю, — сказал Род.

Лавиния прижала руку ко рту, но было слишком поздно.

— Так вот, кто это был, — сказал доктор Вентворт, голосом величественным, как и он сам.

— Но вы же не смеетесь надо мной потому что... — начал Род.

Потом он замолчал.

Ему в голову пришла ужасная мысль.

— Вы имеете в виду, что этот безумный план и в самом деле сработал... эта глупость старого, семейного компьютера?

Снова грохнул смех. Доброжелательный смех. Но это был смех бедных людей, страдающих от скуки; людей, которые встречали необычное в штыки или смехом.

— Да, — сказал Хоппер. — Ты купил биллион миров. Джон Фишер фыркнул на него:

— Не преувеличивайте. Он использовал струн только за шесть лет. За эту сумму не купить биллион миров. Во-первых заселенных миров намного меньше, чем биллион.

Даже миллиона не насчитать. Во-вторых, не так-то много миров можно купить. Я сомневаюсь, что он смог бы скупить миров тридцать или сорок.

Маленькое животное, побуждаемое неким незаметным сигналом Повелителя Красная Дама, вышло из комнаты и вернулось с подносом. Запах, идущий с подноса заставил всех людей в комнате принюхаться: он сочетал остроту и сладость. Обезьянка ловко поставила поднос в щель у изголовья кровати Рода. После этого обезьянка сняла воображаемую шапочку, отдала салют и пошла на свое место за стулом Повелителя Красная Дама.

Повелитель Красная Дама кивнул.

— Поднимись и поешь, мальчик, это за мой счет.

— Странная пища, должен я сказать, — заметил огромный доктор Вентворт. — Это — самый богатый человек из многих миров, и он не может заплатить за роскошную трапезу?

— В этом есть нечто странное? Мы всегда обязаны добавлять двадцать миллионов процентов к товарам, — с яростью фыркнул Джон Фишер. — Вы хоть понимаете, что люди, прилетающие на орбиту вокруг нашего солнца, только и ждут когда мы изменим наш образ мышления. Тогда они смогут продать нам половину всего хлама вселенной. Мы окажемся по колено в утиле, если уменьшим наши тарифы. Я удивляюсь вам, доктор, забыть фундаментальные законы Старой Северной Австралии.

— Он не жалуется, — сказала тетя Дорис. От выпивки она стала болтливой. — Он — думает... Мы — пьем.

— Конечно, мы все думаем. Или это — дневные грезы. Некоторые из нас уезжают богатыми людьми, отправляются в другие миры. Некоторые из нас даже ухитряются вернуться назад к суровым условиям, когда понимают на что похожи другие миры. Я говорю, — сказал доктор, — что ситуация Рода очень смешна для всех, кроме нас, Норстралийцев. Мы богатеем за счет импорта струна, но мы остаемся бедными, пытаемся выжить.

— Кто бедный? — огрызнулся Хоппер, словно его задели за живое место. — Я могу посостязаться с вами в количестве мегакредитов, Док, как только вы решите рискнуть. Или я встречу вас метая ножи, если вам так больше нравится. Я такой же, как любой другой человек!

— Это, как раз то, что я имею в виду, — сказал Джон Фишер. — Хоппер может поспорить с кем угодно на этой планете. Мы одинаковы, пока мы свободны, но мы жертвы нашего собственного богатства... Норстралия наша родина!

Род посмотрел на свою пищу и сказал:

— Господин и Собственник Фишер, вы говорите ужасно хорошо для того, кто не является уродцем, вроде меня. Как вам это удастся?

Фишер с яростью снова взглянул на юношу. Он разозлился по-настоящему:

— Вы думаете, что финансовые записи можно надиктовать телепатически? Я потратил столетие своей жизни, надиктовывая их в звуковой микрофон. Вчера я потратил большую часть дня, диктуя различные документы, касающиеся неприятностей, которые вы устроили финансовой службе Государства на ближайшие восемь лет. Вы знаете, что я должен сделать на следующем собрании Государственного Консилиума?

— Что? — спросил Род.

— Я должен вынести приговор вашему компьютеру. Он слишком хорош, чтобы находиться в частном владении.

— Вы не можете его отобрать! — выкрикнула тетюшка Дорис, чуть мягче чем нужно из-за обилия выпитого земного напитка. — Компьютер фамильная собственность МакАртуров и МакБэнов.

— Вы сможете сохранить храм, — сказал Фишер, — но ни одна семья больше не станет диктовать, что делать всей планете. Вы знаете, что мальчик, сидящий здесь, имеет четыре мегакретита на Земле?

Билл икнул.

— Я и сам имею больше.

Фишер фыркнул в его сторону.

— На Земле? СНЗ денег?

В комнате наступило молчание.

— СНЗ денги. Четыре мегакретита? Он может купить Старую Австралию и этот корабль вместе с нами! — быстро протрезвел Билл.

Тут нежно заговорила Лавиния.

— Что такое СНЗ денги?

— А вы знаете, Господин и Собственник МакБэн? — спросил Фишер тоном, не допускающим возражений. —

Вам лучше это знать, потому что вы гораздо больше увязли в этом, чем кто-либо из присутствующих.

— Я не хочу говорить о деньгах, — сказал Род. — Я хочу узнать, что сделает Очсек...

— Не беспокойся о нем! — засмеялся Повелитель Красная Дама. Встав на ноги, он драматически ткнул в себя пальцем. — Как представитель Земли, я зарегистрировал шестьсот восемьдесят пять тяжб одновременно. Все тяжбы были возбуждены против вас от имени должников Земли, которые боятся, что вы можете причинить им неприятности...

— В самом деле? — поинтересовался Род. — Уже причина?

— Конечно нет. Все они знают ваше имя и тот факт, что вы оставили их не у дел. Но они станут беспокоиться, если узнают. Как ваш агент я свяжу Поч. Сека. Хоугхтона Сума законами так, как никто на этой планете не был связан ранее.

Большой доктор захихикал.

— Бросьте умничать, хоть вы и мой господин, и начальник. Должен сказать, вы знаете нас — Норстралийцев, очень хорошо. Мы настолько свободно мыслящие, что если даже и предъявим Очсеку обвинение в убийстве, у него будет время еще много чего натворить, прежде чем его осудят по обвинению. Но это по цивилизованному методу! Горячие овцы! Пусть лучше Очсек просто не сможет никогда выбраться с этой планеты.

— Он и дальше останется Очсеком? — спросил Род.

— Что вы имеете в виду?

— У него останется должность Очсека?

— Да, — сказал Фишер. — Мы дали ему эту должность на две сотни лет, а проживет он всего лет сто двадцать. Он — несчастный парень. Большую часть отведенного ему времени он вынужден будет держать себя в цивилизованных рамках.

Наконец Род выдохся. Он поел. Маленькая сверкающая комната с ее механической элегантностью, влажным воздухом, звучащими голосами... Роду казалось, что он спит. Здесь стоял взрослый человек, рассуждающий так, словно находился на Старой Земле. Все собравшиеся интересовались делами Рода не потому что он был Родериком Фре-

дериксом Рональдом Арнольдом Уильямом МакАртуром МакБэном сто пятьдесят первым, а потому что он был Родом — мальчиком, по сравнению с ними; мальчиком, который столкнулся с опасностью и которому улыбнулась судьба. Род оглядел комнату. Разговоры стихли. Все посмотрели на Рода, и тот увидел на лицах собравшихся то, чего раньше не замечал. Что же это? Это была не любовь. Внимание совмещенное с каким-то сортом удовольствия и снисходительного интереса. Род понял, что взгляды многозначительные. Собравшиеся поклонялись Роду, как обычно поступают сдержанные игроки в крикет, в теннис и великие следопыты... словно он тот чудесный Хопкинс Харвей — парень из другого мира, который выиграл борцовый матч с "тяжелым человеком", с Верелда Шемеринга.

И как их воспитанник, Род неопределенно улыбнулся собравшимся и почувствовал, что плачет.

Все стояли, затаив дыхание. Большой доктор — Господин и Собственник Вентворт, нарушив тишину, заметил:

— Время сказать Господину и Собственнику Фишеру. Род лишится всей своей собственности, если мы ничего не предпримем. Может он даже лишится жизни.

Лавиния вскочила и заплакала:

— Тебя, Род, не смогут убить...

Доктор Вентворт остановил ее:

— Садись. Мы не собираемся убить его. А вы прекратите эти глупости! Мы здесь все — друзья.

Род проследил за взглядом доктора и увидел, как Хоппер резко отдернул руку от большого ножа, который носил на поясе. Он был готов вступить в бой с любым, кто попытается напасть на Рода.

— Садитесь, садитесь, все вы садитесь, пожалуйста, — сказал Повелитель Красная Дама, говоря как-то возбужденно с акцентом Земли. — Я — здесь хозяин. Садитесь. Никто этой ночью Рода не убьет. Доктор, садитесь за мой стол. Садитесь. Вы угрожаете или пробить мне потолок, или разбить себе голову. Вы, вы — Мадам и Собственница, тоже, — сказал он тетушке Дорис. — Теперь, доктор, мы сможем все обсудить.

— Не можете ли вы подождать? — спросил Род. — Я хочу спать. Вы же должны спросить мое мнение? Я

не принимал никакого решения, и не приму, пока все не узнаю. Всю ночь я провел с компьютером. Потом — долгая прогулка. Птица Очсека...

— Вы уже ничего не сможете решить, если не решили это ночью, — сказал доктор твердо и уверенно. — Иначе вы окажетесь мертвецом.

— Кто же убьет меня? — спросил Род.

— Любой из тех, кто захочет заработать. Или хочет получить силу. Или, кому хочется жить ни в чем себе не отказывая. Или кто еще в чем-то нуждается. Мечь. Женщина. Наваждение. Наркотики. Вы сейчас не просто персона, Род. Вы — воплощение Норстралии. Вы — Мистер Деньги! Не спрашивайте, кто может убить вас? Мы не сможем... я думаю. Но не искушайте нас.

— Сколько у меня денег? — спросил Род.

Разозлившись, Джон Фишер отрезал:

— Так много, что компьютер засбоил, подсчитывая их. Доход за полтора струновых года. Возможно, три сотни лет полного дохода Старой Земли. За прошедшую ночь вы послали больше сообщений, чем правительство Государства за последние двенадцать лет. Сообщения дорогие. Один килокредит в СНЗ-деньгах.

— Я уже давно спросила, что значит “СНЗ”-деньги, — сказала Лавиния, — и никто не может объяснить мне.

Повелитель Красная Дама вышел в центр комнаты. Он встал там в позу, которую на Старой Северной Австралии раньше не видели. Это была настоящая поза мастера церемоний, открывающего вечер в большом ночном клубе, но для людей, которые никогда не видели такие щепетильные жесты. Его движения выглядели сверхъестественно и странно красиво.

— Дамы и господа, — сказал он, используя фразу, которую большинство из присутствующих только читали в книгах. — Я предлагаю вам пить, пока остальные разговаривают. Я прошу каждого обратить внимание. Доктор, вы сможете подождать, пока будет говорить финансовый секретарь?

— Я думаю, что парень хочет подумать над собственным выбором, — раздраженно сказал доктор. — Он хочет, чтобы я сделал ему операцию здесь, в полночь, или нет? Я думаю, она будет иметь приоритет, ведь так?

— Дамы и господа, — сказал Повелитель Красная Дама, — Господин и Доктор Вентворт в самом деле имеет очень хорошее предложение. Но не надо спрашивать Рода о чем он не имеет представления. Господин Финансовый Секретарь, вы могли бы рассказать нам все, что случилось в эту ночь?

Джон Фишер встал. Он был круглолицым. Его карие, подозрительные, разумные глаза разглядывали их. Мы на Норстралии не носим с собой денежных знаков, но на некоторых планетах существуют кусочки бумаги или металла, которые используются для расчетов при финансовых операциях. Мы говорим о переводе наших денег центральному компьютеру, который совершает все перемещения капиталов за нас. Что бы случилось, если захотел бы я сейчас пару туфель?

Никто не ответил. Он и не ждал от слушателей ответа.

— Я бы, — продолжал он, — пошел в магазин, нашел на экране туфли, которые торговцы из внешних миров держат на орбите. Я бы выбрал туфли, какие хотел. Я заплатил бы хорошую цену за туфли на орбите?

Хопперу надоели эти теоретические вопросы, поэтому он громко сказал:

— Шесть шиллингов.

— Правильно. Шесть миникредитов.

— Но это — деньги, которые туфли стоят на орбите. Вы забыли про тариф, — сказал Хоппер.

— Определенно. И каким же будет тариф? — спросил Джон Фишер, фыркнув.

Хоппер фыркнул в ответ:

— В две сотни тысяч раз больший, так установили ваши проклятые дураки в управлении Государства.

— Хоппер, вы можете купить туфли? — спросил Фишер.

— Конечно, я могу! — его руки воинственно дернулась, но Повелитель Красная Дама наполнил его стакан. Он вдохнул аромат, вздохнул и сказал: — Все правильно, это вы имеете в виду?

— Так вот, на орбите находятся ГИД-деньги. Г — от “гарантированности”, И — от “и”, и Д — от “доставки”. И любое количество денег может скрываться за этим. Со струном лучше всего обращаться так, и с золотом все в

порядке, и с редкими металлами, и с хорошей мануфактурой. Вывозя эти вещи, деньги покидают планету, попадают в руки получателей. Сколько раз корабль может слетать на Старую, Старую Землю?

— Пятьдесят или шестьдесят, — неожиданно сказала тетя Дорис. — Даже я знаю это.

— И как много кораблей летают туда и обратно?

— Все, — сказала она.

— Нет, — одновременно закричало несколько человек.

— Каждый корабль совершает от шестидесяти до восьмидесяти перелетов, в зависимости от интенсивности солнечного излучения, от искусства прокалывать пространство, и капитана, от того, что может случиться на земле. Кто-нибудь из вас видел старого капитана?

— Да, — ответил Хоппер с мрачным юмором, — одного мертвого в гробу.

— Итак, если вы хотите что-то получить с Земли, вы отчасти оплачиваете корабль, часть заработной платы капитана и его команды, вы оплатите страховку их семьям. Вы знаете, сколько будет стоить доставить этот стул назад на Землю? — спросил Фишер.

— В три сотни раз больше стоимости стула, — сказал Доктор Вентворт.

— Почти правильно. В двести восемьдесят семь раз.

— Откуда вы знаете так много дерьма? — спросил Билл, приподнимаясь. — И зачем вы тратите наше время на этот пердеж?

— Попридержите-ка свой язык, — сказал Джон Фишер. — Не надо говорить гадости в присутствии дам. Я рассказываю вам, потому что мы должны будем отправить этой ночью на Землю, если мы хотим, чтобы Род остался живым и не потерял свои богатства...

— Вот это я и хочу сказать! — закричал Билл. — Пусть он вернется к себе домой. Мы можем вооружиться маленькими бомбами и держать их наготове, на тот случай, если кто-то сможет прорваться через Норстралийскую оборону. Зачем играть в мерзких извозчиков, если вы не уверены, что мы будем в безопасности? Заткнись и отпусти мальчика. Пошли, Хоппер.

Повелитель Красная Дама вышел на середину комнаты. Он не гарцевал по-земному, показывая представления. Он

сам был старым сотрудником Содействия, и не раз спасал себе жизнь с помощью грубого оружия и грубых поступков. В руках он держал что-то, что никто из присутствующих не мог хорошенько разглядеть.

— Убийство случится сейчас, если кто-нибудь двинется, — сказал он. — Я сделаю это. Я сделаю. Шевельнитесь и увидите. И если я совершу убийство, я буду вынужден арестовать сам себя, держать сам себя под стражей и оправдать себя. У меня есть странная сила, люди. Не вынуждайте меня использовать ее. Не вынуждайте меня продемонстрировать ее, — сверкающая вещь исчезла в его руке. — Господин и Доктор Вентворт, вы находитесь под моей командой. Остальные — мои гости. Все предупреждены. Не трогайте мальчика. Это — территория Земли. — Он отошел немного в сторону, внимательно следя за всеми собравшимися своими странными проницательными глазами землянина.

Хоппер демонстративно плюнул на пол.

— Значит, я буду превращен в лужу мерзкого клеястера, если брошусь на помощь старине Биллу?

— Что-то вроде того, — сказал Повелитель Красная Дама. — Хотите попробовать? — Теперь хорошо было видно то, что он сжимал в руках. Его взгляд метался между Биллом и Хоппером.

— Заткнись, Хоппер. Мы заберем Рода, если Род нас об этом попросит. Но если он не попросит, это будет совсем другое дело. Так как Господин и Собственник Мак-Бэн?

Род оглянулся в поисках своего давным-давно умершего дедушки. Потом он понял, что все смотрят на него.

Повертев головой, он ответил:

— Я не хочу сейчас никуда идти, парни. Спасибо вам. Продолжайте, господин секретарь, свой рассказ про СНЗ-деньги и ГИД-деньги.

Оружие исчезло из рук Повелителя Красная Дама.

— Мне не нравится оружие с Земли, — сказал Хоппер. Он говорил грубо и конкретно, ни к кому не обращаясь. — И люди с Земли мне не нравятся. Они — грязные. В них нет ничего хорошего и честного.

— Пей, парень, — сказал Повелитель Красная Дама с демократической добротой, которая была так фальшива,

что работница Элеанор, молчавшая весь вечер, дико закаркала, засмеялась, словно Кукобара на дереве. Повелитель Красная Дама внимательно посмотрел на нее. Он поднял бокал и кивнул финансовому секретарю, Джону Фишеру, чтобы он закончил свой рассказ.

Фишер был взволнован. Ему, очевидно, не понравилась угроза землянина и то, что у него было оружие, но Повелитель Красная Дама (покрывший себя позором и высланный со Старой Земли) был тем не менее полномочным дипломатом Содействия, а Старая Северная Австралия не могла отмахнуться от Содействия. Миры, которые так поступали сами оставались внакладе.

Он продолжал с печалью и обидой в голосе:

— К этому можно немного прибавить. Если деньги пересчитывают из расчета тридцать три и треть процента за поездку, и если цена возрастает еще на пятьдесят пять процентов за доставку обратно на Старую Землю... вам нужно будет заплатить гору денег, чтобы получить один миникредит на Земле. Иногда лишнее препятствие лучше. Правительство Государства ждет месяцы и годы реально хороших перемен и, конечно, мы берем во фракт космические корабли, которые не могут садиться на планету. Оно будет ждать сотни или тысячи лет, в то время как наши крейсера летают вокруг только для того, чтобы быть уверенными, что никто нас не ограбит. Существовали такие Норстралийские роботы, о которых не знает ни один из вас и даже не знает Содействие, — он бросил быстрый взгляд на Повелителя Красная Дама, промолчавшим при этом, — которые делают это так же хорошо, не толкаясь вокруг планеты. Мы ничего не оставляем грабителям. И у нас есть другие вещи, которые даже хуже чем Мать Хиттон и ее “малинькие катята”. Так вот, деньги и струн, которые финально достигают Старой Земли, становятся деньгами СНЗ. СНЗ! С — от “свободы”, Н — значит “на”, З — от “Земли”. Это самый хороший вид денег, находящихся на Старой, Старой Земле... Земля имеет центральный компьютер. Или имела...

— Имела? — удивился Повелитель Красная Дама.

— Он был разрушен в прошлую ночь. Род разрушил его. Перегрузил.

— Невозможно! — закричал Повелитель Красная Дама. — Я должен проверить.

Он подошел к стене, опустил стол. Все увидели невероятную миниатюрную консоль. Меньше чем через три секунды она засветилась. Красная Дама что-то сказал в микрофон. Его голос был чистым и холодным, как лед.

— Приоритет... Содействие... Военный вызов... Настоятельный вызов... Настоятельный вызов... Вызывает Красная Дама... Земной порт...

— Подтверждаем, — сказал голос Норстралианца. — Подтверждаем и поручаемся.

— Земной порт, — сказала консоль свистящим голосом. Эти слова наполнили комнату.

— Красная Дама... Содействие... официально... запрос... все... в порядке... вопрос... задан... груз отправлен... вопрос...

— Запрос... все... в порядке... груз... послан... — пришел ответ и наступила тишина.

Люди в комнате выглядели потерянными. Даже по стандартам Норстралии, послания отправляющиеся со скоростью больше скорости света были вещью, которую одна семья могла использовать не чаще двух раз за тысячу лет. Они смотрели на Красную Даму, пока он колдовал над этими таинственными силами. Быстрый ответ Земли этому худому человеку заставил всех их вспомнить, что хоть Старая Северная Австралия и производит богатства, распределяет большую их часть Земля, и супер-правительство Содействия может дотянуться до самых далеких уголков, куда Норстралия и сунуться бы не рискнула.

Повелитель Красная Дама заговорил с нежностью в голосе.

— Кажется, центральный компьютер снова работает, на тот случай если правительство захочет проконсультроваться с ним. Груз мальчика здесь.

— Вы говорили обо мне с Землей? — спросил Род.

— Почему нет? Мы хотим, чтобы ты отправился жить туда.

— Но безопасность?.. — начал доктор.

— Я имею рекомендации, о которых никому ничего не известно, — сказал Повелитель Красная Дама. — Закан-

чивайте, господин Финансовый Секретарь. Расскажите молодому человеку, что у него есть на Земле.

— Ваш компьютер обошел правительство, — сказал Джон Фишер сотый. — И он заложил все ваши земли, всех ваших овец, все ваши торговые права, все ваши семейные сокровища, право на ношение имени МакАртура, право на ношение имени МакБэна и самого себя. Потом он купил товары. И, конечно, считается, что не он сделал это, а вы — Род МакБэн.

Глядя в полном недоумении, Род обнаружил, что его правая рука метнулась ко рту, так удивлен он был.

— Я?

— Потом вы перевели товары в струн, вы предоставили его для продажи. Вы вернули назад заложенное, титулы и изменили цены, так что даже центральный компьютер не понял, что вы делаете. Вы скупили почти весь струн на восемь лет вперед, кое-что на семь и отдельные лоты на шесть лет. Вы заложили все, что купили и это позволило вам купить еще больше. Потом неожиданно вы уничтожили рынок, завалив его предложениями фантастических товаров, вернув заложенное на шесть, семь и восемь лет. Ваш компьютер очень расточительно использовал Текущие Донесения, так что министерство обороны Государства вызвало своих сотрудников посреди ночи. Но за время пока они вычисляли, что могло случиться, это случилось. Вы зарегистрировали монополию на двухгодичный экспорт, что невозможно было предсказать. Правительство попыталось принять меры, но пока они делали это, вы зарегистрировали право на владение Землей и перевели все в СНЗ-деньги. С СНЗ-деньгами вы скупили весь импорт Старой Северной Австралии, и когда, наконец, правительство провозгласило критическое положение, вы стали обладателем импорта струна на полтора года, владельцем множества мегакредитов, СНЗ-денег — мегакредитов, всего, чем земные компьютеры могут управлять. Вы — самый богатый человек из тех, что жили. И даже из тех, кто будет жить на свете. Этим утром мы изменили много законов, и я сам подписал новые договоры с земной стороной, подтвержденных Содействием. Тем не менее, вы самый богатый в этом мире, и вы достаточно богаты, чтобы ку-

пить всю Старую Землю. Факт: вы заранее оговорили то, что купите ее если Содействие не заплатит больше.

— Почему мы? — спросил Повелитель Красная Дама. — Зачем нам это? Мы лучше посмотрим, что он станет делать с Землей, после того как ее купит. А если что-то пойдет не так, мы просто убьем его.

— Вы убьете меня, Повелитель Красная Дама? — спросил Род. — Я думал, вы хотите меня спасти?

— И то, и другое, — сказал доктор, поднимаясь, — правительство Государства не станет отбирать у вас вашу собственность, хотя есть сомнения относительно того, что вы будете делать с Землей, когда приобретете ее. Члены правительства не дадут вам остаться на этой планете и подвергнуться опасности стать человеком, выкрав которого, преступники смогут потребовать самый большой выкуп. Завтра они начнут отбирать у вас ваше имущество, и им не помешает то, что вы попытаетесь убежать. Земное правительство идет своими путями. Если вы сможете организовать свою собственную систему обороны, то советую это сделать. Конечно, полиция будет защищать вас, но что из того? Я — доктор, и я здесь для того, чтобы сопровождать вас в путешествии, если вы надумаете.

— А я — представитель правительства, и я арестую вас, если вы не согласитесь, — заявил Джон Фишер.

— А я — представитель Содействия, которое не провозглашает себя полицией, и меньше всего по отношению к чужестранцам. Но это — моя персональная полиция, — сказал Повелитель Красная Дама, вытянув руки и перекрутив пальцы в бессмысленном, гротескном жесте, но каким-то очень угрожающим образом, — которая проследит, чтобы мальчик в безопасности добрался до Земли, и по заслугам воздаст ему, если он попытается сюда вернуться!

— Вы будете защищать его на время всего путешествия! — воскликнула Лавиния, с радостью посмотрев на него.

— На время всего путешествия. Насколько смогу. Пока я жив.

— Слишком большое самомнение у этих напыщенных хвастунов, — пробормотал Хоппер.

— Следите за своим языком, Хоппер, — сказал Повелитель Красная Дама. — Род?

- Да, сэр?
- Ваш ответ? — Повелитель Красная Дама говорил тоном, не допускающим возражений.
- Я еду, — сказал Род.
- Что вы собираетесь делать на Земле? — спросил Повелитель Красная Дама с некой церемониальностью.
- Хочу достать подлинный “треугольный Мыс”.
- Что? — воскликнул Повелитель Красная Дама.
- “Треугольный Мыс”. Почтовая марка.
- Что такое почтовая? — спросил Повелитель Красная Дама, и в самом деле озадаченный.
- Оплата за пересылку.
- Но что вы собираетесь делать с этими отпечатками пальцев или рисунками глазной сетчатки?
- Нет, я имею в виду кусочек бумаги, — возразил Род.
- Бумажные послания? — спросил Повелитель Красная Дама, он выглядел так, словно кто-то упомянул боевой корабль из травы, безволосую овцу, тучную женщину или что-то еще столь же невозможное. — Бумажное послание? — повторил он, а потом засмеялся совершенно очаровательно. — Ох! — сказал он таким тоном, словно совершил невероятное открытие. — Вы имеете в виду антиквариат?..
- Конечно, — сказал Род. — Нечто существовавшее раньше, чем человек вышел в космос.
- На Земле много антиквариата, и я уверен, вам понравится изучать и коллекционировать его. Это будет великолепно. Только не делайте никаких неверных поступков или у вас и в самом деле возникнут неприятности.
- Что такое неверные поступки? — спросил Род.
- Покупка настоящих людей или попытка сделать это. Миграция религии с одной планеты на другую. Контрабанда квазилюдей.
- Что такое религия? — спросил Род.
- Позже, позже, — сказал Повелитель Красная Дама. — Вы узнаете это позже. Доктор, можете продолжать.
- Вентворт встал осторожно, так чтоб его голова не ударилась в потолок. Он слегка нагнул голову.
- Род, у нас есть две коробки.

Когда он произнес это, дверь утонула в стене, открыв им маленькую комнату. Там была большая коробка, напоминающая гроб и маленькая коробочка, похожая на те, в которых женщины любят хранить свои украшения.

— Есть преступники, дикие правительства, заговорщики и авантюристы... и даже простые, хорошие люди порой совершают неверные поступки, когда становятся богатыми — они все ждут вас, чтобы украсть вас, или ограбить, или даже убить...

— Зачем им убивать меня?

— Для того, чтобы оказаться на вашем месте и попытаться присвоить ваши деньги. — сказал доктор. — Теперь посмотрите. Перед вами важный выбор. Если вы выберете большую коробку, мы передадим вас конвою и вы будете ждать сотню или тысячу лет подходящего каравана. Но вы останетесь в безопасности на девяносто девять и девять десятых процента. Или мы пошлем большую коробку по регулярной космолинии, тогда кто-нибудь сможет украсть вас. Или мы “скунем” вас и поместим в этой маленькой коробке.

— Этой маленькой коробке? — воскликнул Род.

— Скуненого. Вы же скунете овец, не так ли?

— Я слышал об этом. Но человека, нет. Дегидрировать мое тело, замариновать голову и заморозить все это в навозную массу? — воскликнул он.

— Именно так. Совершенно правильно! — радостно воскликнул доктор. — Это даст вам реальный шанс остаться в живых.

— А кто потом соберет меня. Мне нужен будет свой собственный доктор?... — его голос неестественно задрожал перед лицом такого рискованного мероприятия, которое выглядело достаточно опасно.

— Вот ваш доктор. Он уже прибыл, — сказал Повелитель Красная Дама.

— Я к вашим услугам, — произнес маленький земной зверек — “обезьянка”, отвесив легкий поклон собравшейся компании. — Меня зовут О’гентур, и я дипломированный врач, хирург и парикмахер.

Женщины задохнулись от удивления. Хоппер и Билл с ужасом смотрели на маленького зверька.

— Вы — квазичеловек! — завопил Хоппер. — Мы никогда не давали ублюдочным тварям свободно расхаживать на Норстралии.

— Я не квазичеловек. Я — животное. Условно к...

Обезьяна подпрыгнула. Тяжелый нож Хоппера запел словно музыкальный инструмент, впившись в мягкий металл стены. В другой руке Хоппер держал длинный тонкий нож. Он был готов метнуть его в сердце Повелителя Красная Дама.

Левая рука Повелителя Красная Дама вытянулась. Что-то было в его руке безмолвное, ужасное. В воздухе послышалось шипение.

Там, где был Хоппер, осталось только облако маслянисто-густого дыма, воняющего горелым мясом. Дым медленно поднимался к вентиляторам. Одежда Хоппера и его личные вещи, включая фальшивый зуб, лежали на стуле, где он сидел. Они были без повреждений. Его выпивка стояла на полу, рядом со стулом, навсегда оставшаяся недопитой.

Глаза сверкнули, когда он отстраненно посмотрел на Повелителя Красная Дама.

— Принято к сведению и будет доложено военно-воздушным силам Старой Северной Австралии, — сказал Фишер.

— Я тоже доложу о случившемся, — сказал Повелитель Красная Дама, — так как на дипломатически неприкосновенной территории было использовано оружие.

— Не важно, — сказал Джон Фишер сотый, и вовсе не разозлившись. Он только побледнел и стал выглядеть немного болезненно. Случившееся не испугало его, но придало решимости. — Давайте закончим с этим. Какая коробка, мальчик, большая или маленькая?

Служанка Элеанор встала. Она ничего не сказала, но теперь она завладела всеобщим вниманием.

— Возьмите его, — сказала она, — и вымойте его как вымыли для Сада Смерти. Я хочу, чтобы все было сделано именно так. Вы видите, — согласилась она. — Я всегда хотела увидеть синие небеса Земли, переехать в дом, который стоял у большой-большой воды. Я выберу большую коробку, Род, и если я останусь живой, ты будешь в долгу, позволишь мне поразвлекаться на Земле. Ты возьмешь ма-

ленькую коробку, Родди. И этот маленький доктор, покрытый мехом, позаботится о тебе, Род.

Род встал.

Все смотрели на него и на Элеанор.

— Вы согласны? — спросил Повелитель Красная Дама.

Он кивнул.

— Вы согласны быть “скупенным” и оказаться в маленькой коробочке для того, чтобы отправиться на Землю?

Он снова кивнул.

— Вы заплатите все экстра-расходы.

Он снова кивнул.

Доктор сказал:

— Вы позволите мне разрезать и уменьшить вас, в надежде, что будете снова восстановлены на Земле?

Род снова кивнул ему.

— Кивка головы недостаточно, — сказал доктор. — Ваше согласие должно быть записано.

— Я согласен, — спокойно сказал Род.

Тетушка Дорис и Лавиния вышли вперед, чтобы отвести Рода в раздевалку и демонстрационную. Только когда они взяли его за руки, доктор похлопал Рода по спине быстрым, резким движением. Род подпрыгнул.

— Глубокий гипноз, — сказал доктор. — Вы сможете хорошо подготовить его тело, но следующее слово, которое нужно сказать: пожелать ему большой удачи на Старой, Старой Земле.

Глаза женщин были навывкате, но они повели Рода очиститься перед операцией и путешествием.

Доктор повернулся к Повелителю Красная Дама и к финансовому секретарю Джону Фишеру.

— Хочется, чтобы все получилось удачно, — сказал он. — Однако, жаль этого человека.

Билл сидел спокойно, от горя примерзший. Он смотрел на пустую одежду Хоппера, оставшуюся на сидении рядом с ним.

Консоль звякнула.

— Двенадцать часов по Гринвичу. Нет неприятных погодных условий от побережья Ла-Манша до Мэя. Мефла и здания Земного порта. Все в порядке!

Повелитель Красная Дама приготовил выпивку для господ. Он протянул новый бокал Биллу. Но тот не притронулся к выпивке.

За дверью, где очищали тело, одежду и волосы, перед тем как полностью загипнотизировать Рода, Лавиния и тетушка Дорис, бессознательно возвращались к церемонии в Саду Смерти. Они понизили голоса до речитатива.

*Из Сада Смерти, из юности нашей
Отважно вкусили мы страх.
А мускулы вместе с предательством
Выиграли, обманули нас.*

Трое оставшихся в зале, некоторое время внимательно прислушивались. Из ванной комнаты доносились звуки. Элеанор в одиночестве, не привлекая внимания, мылась. Она тоже готовилась к долгому путешествию и возможной смерти.

Повелитель Красная Дама тяжело вздохнул:

— Выпивка, Билл. Хоппер сам виноват.

Билл отказался говорить с ним, но протянул свой бокал.

Повелитель Красная Дама наполнил его бокал и бокалы других. Он повернулся к Джону Фишеру сотому и сказал:

— Вы полетите с ним?

— С кем?

— С мальчиком.

— Думаю так и будет.

— Лучше не надо, — сказал Повелитель Красная Дама.

— Вы имеете ввиду — опасность?

— Это только половина проблемы, — ответил Повелитель Красная Дама. — У вас не получится доставить его прямо в Земной порт. Отправьте его в хорошую больницу. Есть такая одна, достаточно хорошая, на Марсе, если они еще не закрыли ее. Я знаю Землю. Половина людей Земли захочет поприветствовать его, а другая половина захочет его ограбить.

— Вы представляете правительство Земли, Сэр и Специальный Уполномоченный, — сказал Джон Фишер. — Странно, что вы так говорите о ваших соотечественниках.

— Они не всегда такие, — засмеялся Повелитель Красная Дама. — Только когда они сильно распалены. Секс не

может сравниться с большими деньгами, когда речь идет о людях Земли. Все они думают, что хотят силы, свободы и еще шесть невозможных вещей. Я не говорю от имени правительства Земли, только от себя.

— Если мы сами не полетим, то кто же? — требовательно спросил Фишер.

— Содействие возьмет опеку над ним.

— Содействие? Вы же не занимаетесь коммерцией. При чем тут вы?

— Мы не занимаемся коммерцией, но мы столкнулись с критическим положением. Я могу остановить крейсер, совершающий далекий рейд, и Род пробудет на его борту многие месяцы, прежде чем кто-то его найдет.

— Военный корабль! Разве вы не можете использовать пассажирский!

— Могу ли я? — переспросил Повелитель Красная Дама с улыбкой.

— Содействие? — сказал Фишер и улыбаясь добавил. — Но цена будет ужасной. Как вы заплатите за это? Цена слишком велика, чтобы быть оправданной.

— За это заплатит Род. Особые пожертвования, для особых услуг. Один мегакредит за такое путешествие.

Финансовый секретарь присвистнул.

— Это ужасная цена за простое путешествие. Вы хотите ГИД-деньги, и никаких денег на поверхности. Я правильно понял?

— Нет. СНЗ-деньги.

— Горячие, промасленные лунные лучи! Это в тысячи раз более дорогое путешествие, чем мог бы совершить человек.

Большой доктор прислушивался к ним обоим.

— Господин и Собственник Фишер, — сказал он, — я рекомендую прислушаться к этому совету.

— Вы? — с яростью воскликнул Джон Фишер. — Вы — Норстралиец, и вы хотите ограбить этого бедного мальчика?

— Бедного мальчика? — фыркнул доктор. — Он не бедный. Путешествие не пойдет ему на пользу, если он не останется в живых. Наш местный друг экстравагантен, но его идеи — пустой звук. Я внесу одну поправку.

— Какую же? — быстро спросил Повелитель Красная Дама.

— Полтора мегакредита за билет туда и обратно... если он останется жив-здоров и с ним ничего не произойдет, разве что по естественным причинам. Но есть одно условие. Только один килокредит, если вы доставите его на Землю мертвым.

Джон Фишер потер щеку. Он подозрительно взглянул на Повелителя Красная Дама, который сел и посмотрел на доктора, чей голос доносился из-под потолка.

Голос позади него заговорил:

— Пусть так, Мистер Финансовый Секретарь. Мальчик все равно не сможет использовать деньги, если умрет. Вы не сможете бороться с Содействием, вы лишь можете быть благоразумны с Содействием, и вы не сможете купить Содействие. Со своими возможностями они поработят нас на тысячи лет и заимеют большую часть струна, который мы производим. Они припрячут его где-нибудь. Ведь так! — Билл посмотрел на Повелителя Красная Дама. — Вы имеете представление о том, откуда у Содействия взялись деньги?

Повелитель Красная Дама нахмурился:

— Никогда не думал об этом. Я уверен, что средства должны быть ограниченны. Но я никогда не задумывался о том, откуда они взялись. Для этого вопроса у нас есть бухгалтеры.

— Видите, — сказал Билл. — Даже Содействие не любит терять деньги. Примите предложение доктора, Повелитель Красная Дама. Примите его, Фишер, — то, что он использовал их суримена — было очень невежливо, но на это не обратили внимания.

— Я так и поступлю, — сказал Повелитель Красная Дама. — Это правила очень близкие к обычной письменной страховке, которую мы не имеем права давать, но я напишу такой договор.

— Я подпишу его, — сказал Джон Фишер. — Пройдут тысячи лет прежде чем другой финансовый секретарь Нор-стралии заплатит такие деньги за билет, но... он заплатит. Я согласую это со счетом Рода. Тем, что на нашей планете, по крайней мере.

— Я буду свидетелем этого, — сказал доктор.

— Вы не можете, — отрезал Билл. — У мальчика нет здесь друзей, кроме меня. Пусть я буду свидетелем.

Они посмотрели на него. Все трое.

Он опустил взгляд.

Потом он заговорил:

— Сэр и Господа, пожалуйста, разрешите мне стать свидетелем.

Повелитель Красная Дама кивнул и открыл консоль. Он и Джон Фишер надиктовали контракт. В конце Билл назвал свое имя, как имя свидетеля.

Две женщины привели Рода МакБэна обнаженного в комнату. Он был совершенно чистым, и смотрел вперед, так словно грезил наяву.

— Это комната для операции, — показал Повелитель Красная Дама. — Я обрызгаю нас всех антисептиком, если не возражаете.

— Конечно, — сказал доктор. — Это необходимо.

— Вы станете резать и вываривать его прямо здесь и сейчас? — воскликнула тетя Дорис.

— Здесь и сейчас, — согласился Повелитель Красная Дама, — если доктор одобрит. Но Роду повезет, если после этого нормально восстановят.

— Я согласен, — сказал доктор. — Я одобряю.

Он взял Рода за руку, повел его в комнату с длинным гробом и маленькой коробкой. По знаку Повелителя Красная Дама стены открылись, показав комплект хирургических сокровищ.

— Подожди минутку, — сказал Повелитель Красная Дама. — Пусть ваш коллега присоединится.

— Конечно, — сказал доктор.

Обезьянка выпрыгнула из своей корзины, когда услышала как ее позвали по имени.

Гигант и обезьянка вместе уложили Рода в маленькой сверкающей комнате. Потом они закрыли дверь.

Те, кто остались за дверью, сидели и нервничали.

— Господин и Собственник Красная Дама, — сказал Билл, — с тех пор как я здесь кроме выпивки мне ничего не предлагали.

— Конечно, Сэр и Господин, — сказал Повелитель Красная Дама, не имея ни малейшего представления, как титуловать Билла.

Род не кричал, не стучал, не протестовал. Пересыщение сладким ужасом неприятной медицинской процедуры вызывало у него мурашки по всему телу. Две женщины

сидели неподвижно, так же как и все остальные. Элеанор, закутавшаяся в невообразимо большое полотенце сидела вместе с ними. Когда пошел второй час операции над Родом, Лавиния заплакала.

Она ничем не могла ему помочь.

ГЛАВА IX ЛОВУШКИ, СУДЬБА И НАБЛЮДАТЕЛИ

Всем известно, что нет коммуникационных систем без утечки информации. Даже внутри трудно достижимых коммуникационных контуров Содействия были слабые места, гнилые места, болтливые люди. Компьютер МакАртура-МакБэна, укрытый во Дворце Повелителя Ночи, не имел времени работать с абстрактной экономикой и богатыми моделями, компьютер не мог попробовать любви или человеческой безнравственности. Все сообщения, касающиеся операции Рода относительно экспорта сантаклара и струна, были ясны и понятны. И не удивительно, что на многих мирах люди увидели в Роде шанс, удобный случай, жертву, благодетеля или врага.

Все знали старое стихотворение:

*Улыбнулась удача и счастливы люди
И денег полным полно.
Кто удачи поймал, продав свою мать,
Тому, скажем мы, повезло.
А другие пускай проиграют все
И балластом пойдут на дно.*

И в этом случае это применимо. Люди бежали разогреченные или охлажденные от новости.

* * *

На Земле, в один прекрасный день, в Земном порту. Специальный Уполномоченный Тидринкер впился зубами в карандаш.

Четыре мегакредита СНЗ-денег уже пришли, а деньги все шли и шли.

Тидринкер жил в лихорадке вечного унижения. Он сам так выбрал. Он называл это “почетным позором” и шло от экс-Повелителей Содействия, которые выбрали длинную жизнь вместо службы и почета. Он был тысячником, что означало, что он продал свою карьеру, репутацию и авторитет за долгую жизнь в тысячу или более лет. (Содействие узнало, давным-давно, что лучший способ защитить своих членов от соблазна было соблазнить их самим. Предложение “почетного позора” и понижение, спокойная работа внутри Содействия, для тех из Повелителей, кто мог соблазниться и продать секреты в обмен на долгую жизнь. Но при этом их физические недостатки сохранялись. Тидринкер был одним из них.)

Он знал новости, и был искусным, мудрым человеком. Относительно денег МакБэндион ничего не мог сделать, но такие деньги вызвали удивление на Земле. Тидринкер мог купить малое — немного гордости. Возможно, он даже мог фальсифицировать записи и даже попытаться снова жениться. Он легко вспорхнул, несмотря на то, что прошли сотни лет с тех пор как от него ушла первая жена, когда увидела его ходатайство о долгой жизни и почетном позоре:

— Иди и живи, ты — дурак. Живи и наблюдай как я умру без тебя, после того как истекут четыре сотни лет, которые может прожить любой человек, если захочет того; наблюдать как умирают твои дети, твои друзья, наблюдать как все ваши увлечения и идеи летят в тартарары. Ступай, ужасный маленький человечек, а я умру, с точки зрения человеческого существа.

Несколько мегакредитов могли бы помочь этому.

К Тидринкеру могли заявиться неожиданные гости. Его квазичеловек, Б’данк происходящий от крупного рогатого скота держал пауков-мусорщиков — насекомых весом в тонну, которые выполняли работы в том крайнем случае, если слуг башни оказывалось недостаточно. Ему нет необходимости долго держать в плену этого торговца Норстралии... только на такой срок, чтобы успеть выполнить приказ и быстро убить.

А может и нет. Если Содействие поймает его, они будут удивлены, открыв вещи ужаснее чем сам Шеол.

А может и да. Если он преуспее, он спасется от скуки бессмертия и сможет весело провести несколько десятилетий.

Он снова сжал зубы.

— Не делай ничего поспешного, Тидринкер, — сказал он сам себе, — только думай, думай, думай. Те пауки выглядят так, словно могут все.

* * *

На Виоле Сидереа, на Совете Гильдии Воров.

— Предположим, два полицейских крейсера вращаются вокруг солнца. Отметимся у них для регистрации фрахта или продажи, так чтобы нам не захотелось бежать в полицию. Пошлем агента на каждую линию, которая соединена с Земным портом. Помните, нам не нужен человек. Только его багаж. Будьте уверены, что он везет полтонны или около того струна. Если нам повезет, он заплатит половину того, что мы потеряли на деле Бозарта. Лучше бы мы никогда не слышали о Бозарте. Ничего. Пусть три старших вора будут в самом Земном порту. Надо быть уверенными, что нам не подсунут фальшивый струн, разбавленный один к тысяче. Но так как они перевозят МакБэна багажом, есть шанс... Я знаю, все это стоит денег, но вы заплатите деньги, чтобы заработать еще больше. Согласны, джентльмены воровского искусства?

Хор согласия пронесся над столом. Не согласился только один старый, мудрый вор, который сказал:

— Вы знаете мою точку зрения.

— Да, — подтвердил председатель, с безразличной вежливой ненавистью, — мы знаем твою точку зрения. Грабить трупы. Расчищать обломки. Стать гиенами вместо волков.

С неожиданным юмором старик сказал:

— Грубо. Но точно... и безопасно.

— Мы будем голосовать? — спросил председатель, оглядев столы.

Раздался хор возражений.

— Тогда принято, — сказал президент воров. — Крепко ударим. Ударим по маленькой цели, а не по большой.

* * *

Десять километров под поверхностью Земли.

— Он приезжает, отец! Он приезжает.

— Кто приезжает? — спросил голос, похожий на гром.

П'ламельяни сказала это так, словно это была мольба:

— Благословенный, предопределенный, гарант наших людей, новый вестник от роботов, крыс и Копта соглашения. С деньгами, которые он несет, он поможет нам, спасет нас, откроет нам свет дня и бескрайние просторы небес.

— Ты богохульствуешь, — сказал О'телекели.

Девушка смолкла. Она не только уважала своего отца. Она поклонялась ему, как религиозному вождю. Его глаза сверкали, когда он смотрел через тысячи метров грязи и скалы в глубины пространства. Возможно он и правда мог предвидеть... Даже его люди не могли быть уверены насколько далеко простираются его возможности. Его белое лицо и белые волосы придавали взгляду чудодейственно проницательную способность.

Печально и добродушно он прибавил:

— Моя дорогая, ты ошибаешься. Мы просто не знаем кто такой на самом деле этот МакБэн.

— Разве этого не было написано? — взмолилась она. — Разве этого не было обещано? Это тот, которого робот, крыса и Копт послали назад нам с особым посланием. "Из самых дальних далей придет тот, кто принесет несчетные сокровища и полное спасение." Разве это не может быть он? Ведь может быть?

— Моя дорогая, — ответил он, — у тебя неправильное представление о реальных ценностях, если ты думаешь, это — мегакредиты. Иди почитай Книгу Шрама, потом подумай и скажи мне, что ты думаешь. Но пока — никакой больше болтовни. Мы не должны вызывать волнения у наших бедных, угнетенных людей.

Временный Совет Содействия на Старой Северной Австралии.

— Все подонки со всего мира. Они все попытаются надавить на нас через глупого мальчика.

— Правильно.

— Если он останется здесь, они придут сюда.

— Правильно.

— Пусть он уезжает на Землю. Я чувствую, что маленький негодяй Повелитель Красная Дама как-то ночью вывезет его контрабандой и избавит нас от проблем.

— Правильно.

— Потом же совершенно правильно будет ему вернуться назад. Он не подгадит нашей системе безопасности, заставив ее выглядеть глупо. Я боюсь, что хоть он и яркая личность, по земным стандартам он — деревенщина.

— Правильно.

— Может нам послать еще двадцать или тридцать Родов МакБэнов, так чтобы нападающие и в самом деле потеряли его?

— Нет.

— Почему нет, Сэр и Собственник?

— Потому что это будет выглядеть ловким ходом. Мы никогда не делаем ловкие ходы. У меня есть следующий вопрос получше.

— Какой же?

— Предположительно, что мы во всех мирах выставим хороших претендентов, тем, кто хочет наложить руки на деньги МакБэна. Сделаем предположительно так, чтоб они не узнали, что мы организовали это. Звездные закоулки наполнятся Родами МакБэнов, в комплекте с описаниями случившегося на Норстралии, и этого хватит на ближайшую пару сотен лет. И никакой уверенности, что мы все вернем на свое место. Глупость есть глупость. Если они решат, что мы ловкие, и нас вовлекут во всю эту кутерьму! — говоривший вздохнул. — Но как заставить непробиваемых дураков поверить, что наши предки не были ловкими, хоть им и удалось выскользнуть с Рая V11? Как могут они не считать нас ловкими, если мы держим нашу монополию тысячи лет? Они не сделают глупость, если

подумают об этом, но надо не дать им так подумать. Правильно?

— Правильно.

ГЛАВА X ССЫЛКА

Род проснулся со странным чувством, что все в порядке. В уголке его разума сохранились воспоминания об аде крошечном: ножах, крови, медицинских препаратах, обезьяне, работающей как хирург. Странные грезы! Он огляделся вокруг и тут же попытался вскочить с кровати.

Весь мир был охвачен огнем!

Ярко сверкал невыносимый огонь, словно паяльная лампа.

Но он лежал на кровати. Он осознал, что на нем удобный, свободный жакет, заканчивающийся завязками, которые некоторым образом приковывали его к кровати.

— Элеанор! — закричал он. — Подойдите сюда.

Он вспомнил как безумная птица напала на него. Лавиния дотащила его к хитрому Землянину, Повелителю Красная Дама. Он вспомнил медицину и суету. Но это... что же это?

Когда дверь открылась, невыносимый свет еще больше залил его. Это было так, словно все облака соскользнули с неба Старой Северной Австралии, оставив только сверкающие небеса и раскаленное солнце. Были люди, которые видели, что случилось, когда погодные машины случайно сломались и дали урагану пробить брешь в облаках, но что-то другое происходило в этот раз.

Вошел красивый человек, но он не был Норстралийцем. Его плечи были хрупкими, а лицо — чистое и свежее как у ребенка. Он был одет в старый медицинский костюм, весь белый, а на устах играла комбинация улыбки и профессиональной симпатии хорошего психиатра.

— Я вижу, вы чувствуете себя лучше, — сказал он.

— Я на земле? — спросил Род. — На спутнике? Тут я чувствую себя как-то странно.

— Вы не на Земле, человек.

— Я понял, что нет. Но я никогда тут не был. Где это место?

— Марс. Станция Старой Звезды. Я — Джеанджакуес Вомакт.

Род пробормотал его имя, повторяя, но так перевернул, что незнакомцу пришлось повторять его по складам. Когда с этим покончили, Род снова принялся разглядывать нового знакомого.

— А где это, Марс? Вы можете развязать меня? Откуда исходит этот свет?

— Я развяжу вас сейчас, — сказал доктор Вомакт, — но оставайтесь в кровати, пока не поедите и не пройдете некоторые тесты. Свет... это — свет солнца. Я бы сказал, что пройдет еще около семи часов по местному времени, до того как оно зайдет. Сейчас позднее утро. Вы знаете, что такое Марс? Это — планета.

— Новый Марс, вы имеете в виду, — гордо сказал Род. — Это тот, который полон необычных магазинов и зоологических садов.

— Единственный магазин, который есть тут у нас — кафетерий и РХ. Новый Марс? Я слышал, что где-то есть такое место. Там и впрямь большие магазины и какие-то представления с животными. Слоны, которых вы можете подержать на руках. Они там тоже есть. Это не то место. Подождите секунду, я подвезу вашу кровать к окну.

Род выглянул из окна и испугался. Голое, темное небо. Никаких облаков в поле зрения. Тут и там было несколько нор. Они выглядели словно “звезды”, которых видели люди, когда перелетали на космических кораблях с одной планеты густо покрытой облаками, на другую. Все было залито ярким ужасным светом из светильника, подвешенного высоко в небе. По позе доктора, склонившегося рядом с ним, он определил, что доктор не боится этого постоянного сияния водородных бомб.

Говоря тем же голосом, и не пытаясь, чтобы он звучал по-мальчишески, Род спросил:

— Что это?

— Солнце.

— Не морочите мне голову. Скажите мне правду. Каждый называет свою звезду солнцем. Что это за звезда?

— Солнце. Настоящее солнце. Солнце Старой Земли. Так же как это равнина — равнина Марса. Старого Марса, а не Нового Марса. Марса — соседа Земли.

— Эта штука не падает, а поднимается и потом... бум!.. или падает?

— Солнце, вы имеете в виду? — спросил доктор Вомакт. — Нет, я не думаю, что оно “бум!”. Я уверен, что оно проделывает тот же путь, что ваши и мои предки наблюдали полтора миллиона лет, когда они все голыми бегали по Земле, — доктор занимался какими-то своими делами, говоря об этом. Он провел по воздуху странно выглядевшим маленьким ключом, завязки упали с рук Рода и повисли свободно. Род посмотрел на свои руки в ярком свете, они показались ему странными. Они выглядели обнаженными и чистыми, как и руки доктора. Сверхъестественные воспоминания вернулись к нему, но его неумение “гаварить” и “слишать” телепатически заставило почувствовать себя не в своей тарелке.

— Если это — Старый Марс, как же получается, что вы говорите со мной на языке Старой Северной Австралии? Я думал, мой народ единственный во вселенной говорит на Древнем Английском, — он гордо передвинулся, и грубо заговорил на Старом Общем Языке. — Вы видите, моя семья так же хорошо научила меня и этому языку, но я раньше никогда не покидал свой мир.

— Я говорил на вашем языке, потому что выучил его, — ответил доктор. — Я изучил его, потому что вы заплатили мне за это очень щедро. За месяцы, которые потребовались, чтобы вас восстановить, это было нетрудно. Мы только сегодня закончили восстановление части памяти, но я говорил с вами уже сотни часов.

Род попытался снова заговорить.

Он не смог произнести ни слова. Его горло сжалось и он испугался, что даже поест не сможет... если вообще станет что-то есть.

Доктор дружески взял его за руку.

— Полегче, Господин и Собственник МакБэн. Когда вы выйдете отсюда все будет в порядке.

Род захрипел:

— Я был мертв? Мертвым. Я?

— Не полностью мертвым, — сказал доктор, — но близким к тому.

— Коробка... это маленькая коробка! — закричал Род.

— Что маленькая коробка?

— Пожалуйста, доктор... скажите, меня привезли в ней?

— Та коробка не была такой уж маленькой, — сказал доктор Вомакт. Он начертил в воздухе куб, по размеру похожий на маленькую дамскую шляпную коробку, которую Род видел в личной операционной Повелителя Красная Дама. — Она была вот такой. Ваша голова полностью сохранила свой натуральный размер. Именно поэтому так легко и так быстро было вернуть вас в нормальное состояние.

— А Элеанор?

— Ваша спутница? Она тоже уже пришла в чувства. Никто не перехватил корабль.

— Вы имеете в виду, что остальное тоже правда. Я до сих пор самый богатый человек во вселенной? И я уехал, уехал из дому? — Роду захотелось уткнуться в покрывало и зарыдать, но он этого не сделал.

— Я рад видеть, что вы так ярко реагируете на создавшуюся ситуацию, — сказал доктор Вомакт. — Это показывает, что не нужно ни успокоительного, ни гипноза, но я хочу знать, как бы мы могли помочь вам вернуться к нормальной жизни? Простите меня за этот разговор. Я говорю так как предписано в медицинском журнале. Это тяжело быть другом пациенту, даже когда он на самом деле похож на...

Вомакт был маленьким человеком, на целую голову ниже Рода, но столь пропорционально сложен, что не выглядел карликом или малышом. Его лицо было тонким, с космами неукротимых черных волос, которые торчали во все стороны. Среди Норстралийцев, такой фасон прически можно было бы назвать эксцентричным. У остальных землян же волосы росли свободно и носили их длинными. Прическа его была земного фасона. Род находил это глупым, но не отвратительным.

Но не появление Вомакта было причиной подобного настроения у Рода. Он был тем человеком, от которого звенело в каждой поре тела. Вомакт мог стать печальным,

когда хотел, по своей медицинской мудрости, как приказывали доброта и спокойствие, но такие вещи ничуть не привлекали его. Он был живым, поддающимся смене настроений, любящим жизнь, разговорчивым, но он также чувствовал человека с которым говорил. Он никогда не смучал. Даже среди женщин Норстралии, Род никогда не видел человека, настроение которого было столь переменным. Когда Вомакт говорил, его руки находились в неприятном движении — что-то чертили в воздухе, вычерчивали кривые, зависали в каких-то точках. Говоря, он улыбался, хмурился, вопросительно поднимал брови, взглядом изображал удивление, смотрел в сторону с удивлением. Род подумал о двух Норстралийцах, имеющих долгий телепатический разговор, “гаварящих” и “слишащих” друг друга, в то время как их тела реагировали, устраивались поудобнее и меняли положение. Их разумы работали напрямую. Делать все это, говоря живым голосом... для Норстралийца, удивительно. Было что-то грациозное и милое в движениях земного доктора, который являл полную противоположность быстрому и решительному, при приближении опасности, Повелителю Красная Дама. Род начал думать, что если Земля полна людей, похожих на Вомакта, она может оказаться удивительным, но суматошным местом. Вомакт однако намекнул, что его семья была необычной, так что даже в долгие, утомительные годы совершенствования, когда каждый еще имел номера, они сохранили в секрете свою фамилию, не забыв ее.

Однажды в полдень Вомакт предложил пойти прогуляться по Марсианской равнине на несколько километров, до руин первого человеческого поселения на Марсе.

— Мы будем разговаривать, — сказал он. — Через мягкие шлемы легко разговаривать. Моцион хорошо скажется на вас. Вы молоды, и должны много двигаться.

Род согласился.

В последующие дни они стали друзьями.

Род обнаружил, что доктор не придавал значения тому, что он выглядел так молодо, всего на десять или около того лет старше его. Доктору было сто десять лет, и он сделал себе первое омоложение всего десять лет назад. У него еще будет два, а потом он умрет в возрасте четырех-

сот лет, если на Марсе сохранится нынешнее положение дел.

— Вы, мистер МакБэн, можете подумать, что вы странный, дикий тип. Я могу пообещать вам, молодой буко, что старая Земля столь счастлива и безопасна в эти дни, как никогда ранее. Вы не слышали о Возрождении Человечества?

Род заколебался. Он не обращал внимания на такие новости, но не хотел дискредитировать свою родную планету, показав, что на ней игнорируют подобные вещи.

— Это как-то связано с языком, не так ли? И продолжительностью жизни тоже? Я никогда не уделял особого внимания инопланетным новостям, за исключением технических новинок или больших битв. Я думаю, некоторые люди на Старой Северной Австралии сохранили интерес и к Старой Земле... Так что же это такое?

— Содействие наконец взялось за реализацию большого плана. На Земле не осталось опасности, надежды, награды, будущее простиралось в бесконечность. У каждого тысяча-и-один шанс прожить четыре тысячи лет как позволено личностям, которые всю свою жизнь могут заниматься любимым делом...

— Почему же каждый так и не сделает? — перебил его Род.

— Содействие относится к недомеркам очень порядочно. Оно предлагает им удивительно прелестные и возбуждающие пороки, после того как им исполняется семьдесят лет. Это — комбинация электроники, лекарства и секса в субъективном понимании. Тот, кто не может много работать становится блаженным и окончательно умирает совершенно счастливым. Кто хочет прожить больше сотни лет, когда может прожить пять-шесть тысяч лет оргий и пережить множество приключений каждую ночь.

— Для меня это звучит ужасно, — сказал Род. — У нас есть Хихикающие Комнаты, но там люди умирают сразу. Они не причиняют беспокойство, умирая среди своих родственников. Думать о том ужасном, что случится, и оставаться нормальными.

Лицо доктора Вомакта затуманилось от гнева и горя. Он отвернулся и посмотрел на бесконечную равнину Марса. Дорогая синяя Земля дружески висела в небе. Он по-

смотрел на звезду Земли с ненавистью, а потом сказал Роду, склонив голову:

— Вы можете остаться здесь, мистер МакБэн. Моя мать была недомерком и после того как она поступила так, мой отец последовал за ней. А я — нормальный. Но я не уверен, что смогу стать чем-то большим, чем есть. Конечно, они не были моими настоящими родителями — никакой грязи не было в моем роду — но они оказались моими последними адептами. Я всегда думал, что ваши Старо-Северо-Австралийцы — безумные, богатые варвары, которые убивают детей в двухлетнем возрасте, если они не могут как-то там прыгнуть или сделать что-то вроде того. Я считал вас совершенными варварами. Разве вы не живете со сладко-тошнотворной вонью смерти в своих апартаментах.

— Что такое апартаменты?

— Это то, где мы живем.

— Вы имеете в виду дом, — сказал Род.

— Нет. Апартаменты — часть дома. Две сотни тысяч апартаментов иногда составляют один дом.

— Вы имеете в виду, что две сотни тысяч семей живут в одной ненормально большой комнате? — спросил Род. — Такая комната должна быть длинной в несколько километров.

— Нет, нет, нет! — сказал доктор, рассмеявшись. — Каждые апартаменты имеют свою жилую комнату, спальные секции, которые выдвигаются из стены, обеденные секции, свои ваннные комнаты, чтобы вы и ваши гости смогли одновременно принять ванну, оранжевую, кабинет и личные комнаты.

— Что такое личная комната?

— Это — маленькая комнатка, где мы делаем те вещи, которые мы не хотим, чтобы видели другие члены нашей семьи, — сказал доктор.

— Мы называем их туалетными комнатами.

Доктор остановился.

— Это одна из тех вещей, из-за которых мне очень трудно объяснить вам Земную жизнь. Вы старомодны. Вы говорите на старом языке — Английском, вы сохранили систему семей, свои имена, свою бесконечную жизнь...

— Не бесконечную, — возразил Род. — Просто длинную. Мы работаем над этим и проводим тесты.

Доктор печально посмотрел на Рода.

— Я не хочу критиковать вас. Вы — другие. Совершенно отличаетесь от живущих на Земле. Вы найдете Землю нечеловеческой. Для примера, те апартаменты, о которых мы говорили. Две трети их пустуют. Квазилюди живут в подвалах. Записи утеряны; работа забыта. Если бы у нас не было таких хороших роботов, все вокруг нас рано или поздно развалилось бы на куски, — он посмотрел на Рода. — Вижу, вы не понимаете меня. Давайте разберем практический случай. Можете ли вы мысленно убить меня?

— Нет, — сказал Род. — Вы мне нравитесь.

— Я не это имею в виду. Не реального меня. Предположим, вы не знаете, кто я, и вы обнаружили, что я покусуюсь на ваших овец или на ваш струн.

— Вы не станете красть мой струн. Мое правительство защищает мою собственность, и вы не сможете ко мне подбраться.

— Ладно, ладно, не струн. Предположим, я проберусь на вашу планету без разрешения. Тогда вы убьете меня?

— Я не убью вас. Я сообщу о вас в полицию.

— Предположим, я направил на вас оружие?

— Тогда у вас будет сломана шея, — сказал Род. — Или нож в сердце. Или рядом с вами взорвется мини-бомба.

— Вот! — воскликнул доктор, широко улыбнувшись.

— Что вот? — спросил Род.

— Вы знаете, как убивать людей, если возникает необходимость!

— Все граждане знают, как, — сказал Род. — Но это не значит, что они станут делать это. Мы не совершаем нападений друг на друга, так как считают некоторые из земных жителей.

— Точно, — сказал Вомакт. — И именно таким Содействие пытается сделать человеческий род сегодня. Снова сделать жизнь опаснее и интереснее. У нас теперь есть опасности, болезни, сражения. Это — удивительно.

Род посмотрел налево, на группу сараев, мимо которых они проходили.

— Я не вижу никакого признака этого здесь, на Марсе.

— Здесь военное хозяйство. Оно осталось вне зоны Возрождения Человека, до тех пор пока эффект проекта не

будет изучен лучше. Тут, на Марсе, мы до сих пор ведем совершенную, спокойную жизнь. Никаких опасностей, никакого риска.

— Как же вы тогда узнали свое имя?

— Мой отец дал его мне. Он официально был Героем Пограничных Миров, вернулся домой и вскоре умер. Содействие привило людям любовь к именам до того как они научились получать за них привилегии.

— А что вы делаете здесь?

— Работаю.

Доктор пошел дальше. Род не чувствовал страха перед своим спутником. Землянин был просто бесстыдным и болтливым. Общаться с ним было нелегко.

Род взял Вомакта за руку.

— Слишком много для того...

— Вы все знаете, — сказал Вомакт. — У вас хорошее восприятие. Могу ли я рассказать вам все о себе?

— Почему нет? — удивился Род.

— Вы — мой пациент. Это может плохо сказаться на вашем самочувствии.

— Начинайте, — предложил Род. — Вы должны понимать, что я — выносливый.

— Я — преступник, — сказал доктор.

— Но вы живете, — ответил Род. — В моем родном мире, мы или убиваем преступников, или высылаем их с планеты.

— Я и был выслан, — сказал Вомакт. — Это не мой родной мир. Для большинства нас, живущих здесь, Марс не дом, а тюрьма.

— Что же вы сделали?

— Это так пугающе... — сказал доктор. — Я стыжусь этого. А они приговорили меня к условному заключению.

Род окинул его взглядом. Мгновение Род удивлялся: не мог ли он стать жертвой какой-то грубой шутки. Но доктор был серьезен. Его лицо выражало замешательство и горе.

— Я поднял мятеж, сам не понимая этого, — сказал доктор. — Люди могут сказать что хотят, и они могут напечатать по двадцать копий того, что хотят напечатать, и за всем этим стоит куча коммуникаций. Даже противозаконное напечатать. Когда началось Возрождение Человека,

мне поручили работать над Испанским языком. Я долго исследовал "La Prensa"¹ Шутки, диалоги, всевозможные объявления, доклады о том, что случилось в древнем мире. Но потом меня поразила одна яркая мысль. Я пошел в Земной порт и собрал новости с новоприбывших кораблей. Что случилось здесь, что случилось там. Вы и не представляете, Род, насколько это интересно человечеству! И то, что мы делали... выглядело так комично, так странно, так жалко. Конечно, новости поступали в машины, все маркированные "только для официального использования". Я игнорировал это, и напечатал один выпуск — ничего кроме правды. Настоящий выпуск газеты — все одни факты... Я напечатал настоящие новости... Род, рухнула крыша! Все люди, которые понимали Испанский были подвергнуты тестированию. Меня спрашивали, знал ли я закон? Точно, ответил я, я знал закон. Никаких массовых средств общения, не подлежащих цензуре правительства. Новости — мать общественного мнения, мнение — причина заблуждения масс, заблуждение — источник войны. Закон был прост, а то, что я думаю — не важно. Это был всего лишь старый закон. Я ошибся, Род, ошибся. Они не обвинили меня в нарушении новых законов. Они обвинили меня в бунте... против Содействия. Они приговорили меня к немедленной смерти. А потом они вынесли этот суровый приговор, приговор: прочь с планеты и всего хорошего. Когда я попал сюда, они выпустили меня, поставив условие, чтобы мои действия были лояльны. Но я не могу разгадать загадку: в любой момент я могу вернуться на Землю. Тут нет никаких проблем. Если они думали, что мое злодеяние до сих пор имеет отклики, они наказали бы меня, погрузив в сон, или выслали бы прочь с этой планеты еще куда-нибудь. Если они думали, что это неважно, они бы восстановили мое гражданство и просто посмеялись над случившимся. Но они не знают как одержать над этим верх. Мой квазичеловек изучил Испанский и квазилюди хранят эту газету в тайне. Я даже не могу себе вообразить, что чиновники сделают со мной, если обнаружат, что все идет не так, и узнают, кто начал все это. Вы, Род, считаете, что я не прав?

1 Известная испанская газета. (Прим. пер.)

Род посмотрел на доктора. Он не участвовал во взрослых решениях, и его раньше никто никогда не просил об этом. На Старой Северной Австралии люди держались в отдалении друг от друга. Самый подходящий способ делать все правильно — держаться своей возрастной группы.

Желая быть справедливым, он попытался думать как взрослый и сказал:

— Конечно, я думаю, вы, Господин и Врач Вомакт, ошиблись. Но не очень. Никто из нас не станет шутить с такой вещью как война.

Вомакт схватил Рода за руку. Жест был истерическим, почти безобразным.

— Род, — прошептал он очень настоятельно. — Вы — богаты. Вы из влиятельной семьи. Вы могли бы забрать меня на Старую Северную Австралию?

— Почему нет? — спросил Род. — Я в состоянии заплатить за всех гостей, которых приглашу.

— Нет, Род. Я не то имею в виду. Я хочу стать иммигрантом.

Такой поворот заставил Рода задуматься.

— Иммигрантом? — удивился он. — Кара за иммиграцию — смерть. Мы убиваем наших граждан, чтобы не способствовать росту населенности. Как вы думаете, мы дадим чужаку поселиться среди нас? И дадим ему струна? Что вы скажете на это?

— Ничего умного, Род, — ответил Вомакт. — Я не стану снова беспокоить вас этой просьбой. Я не стану снова просить. Это тяжело, прожить много лет, когда за дверью стоит смерть, стоит только позволить. Из-за этого я и не женат. Как я могу так жить? — Причудливая вибрация исказила его лицо, его бодрое настроение исчезло. — У меня есть лекарство, Род, лекарство для доктора, пусть он даже бунтовщик. Вы знаете, что это?

— Транквилизатор? — Род был потрясен вот таким открытым предложением помочь в иммиграции на Норстралию. Он никак не мог привести в порядок свои мысли.

— Работа — мое лекарство, — сказал маленький доктор.

— Работать всегда хорошо, — сказал Род, чувствуя помпезность утверждения. Все волшебство этого дня растаяло.

Доктор тоже почувствовал это. Он вздохнул:

— Я покажу вам старые хижинны, которые первоначально построили тут люди с Земли. А потом я пойду работать. Вы знаете, в чем заключается моя главная работа?

— Нет, — равнодушно ответил Род.

— Вы, — сказал доктор Вомакт, с печальной и злой улыбкой, — вам хорошо, но я должен сделать так, чтобы вам было еще лучше. И я должен сделать еще некоторые анализы.

Они добрались до хижин.

Руины не производили впечатления старых. Они напоминали дома скромных ферм Норстралии.

По дороге назад, Род печально заметил:

— Что вы собираетесь делать со мной дальше, сэр и доктор?

— Все, что захотите? — с легкостью сказал Вомакт.

— Прямо сейчас. И что же можно?

— Хорошо, — сказал Вомакт. — Повелитель Красная Дама заплатил за весь комплекс услуг. Сохранить вашу личность. Сохранить ваши мысли. Изменить ваш внешний вид. Сменить вашу служанку на молодую девушку, которая будет выглядеть так, как вам нравится.

— Вы не можете ничего сделать с Элеанор. Она обладает гражданскими правами.

— Но не здесь, не на Марсе. Тут она ваш багаж.

— Но ее официальные права!

— Это Марс, Род, но это — земная территория. Она подпадает под Земную юрисдикцию. Под прямой контроль Содействия. Мы должны сделать все правильно. Суровые вещи. Вы согласитесь перейти в разряд квазилюдей?

— Я никогда их не видел. Откуда мне знать? — ответил Род.

— И вы не сгорите со стыда?

Род засмеялся, ответив таким образом.

Вомакт вздохнул.

— Вы, Норстралийцы, смешные люди. Я скорее умру, чем допущу, чтобы меня перепутали с квазичеловеком. Это позор, презрение! Но Повелитель Красная Дама сказал, что вы можете гулять по Земле свободно, как ветер, если мы сделаем вас похожим на человека-кота. И я хочу еще кое-что сказать вам, Род. Ваша жена уже здесь.

Род остановился.

— У меня нет жены.

— Ваша жена-кошка, — сказал доктор. — Конечно, это не настоящее супружество. Квазилюдям это не позволяется. Но они имеют спутников жизни, и это чем-то похоже на женитьбу, мы иногда ошибаемся и называем их мужем и женой. Содействие уже выбрало девушку-кошку, которая станет вашей “женой”. Она отправится назад на Землю с Марса вместе с вами. Вы будете всего лишь парой милых кошечек, которые занимаются танцами и акробатикой для скучающего персонала ферм.

— А Элеанор?

— Я уверен, что кто-то убьет ее, приняв за вас. Ведь именно для этого вы привезли ее, не так ли? Разве вы не достаточно для этого богаты?

— Нет, нет, нет, — возразил Род, — богатство там ни при чем. Нам надо подумать о чем-то другом.

Пока шли обратно, они строили различные планы относительно того как защитить и Элеанор, и Рода.

Выйдя в шлюз и сняв шлемы, Род спросил:

— Когда я смогу увидеть эту мою жену?

— Вам она не понравится, — сказал Вомакт. — Она дикая, как огонь, и в два раза прекрасней, чем можно вообразить.

— У нее есть имя?

— Конечно, — сказал доктор. — Как у всех.

— Как же ее зовут?

— К'мепр.

ГЛАВА XI ГОСТЕПРИИМСТВО И ЛОВУШКИ

Тут и там люди ждали. Если бы новости достигали всех уголков мира, население всей земли из любопытства, страсти или жадности, прибыло бы в Земной порт. Но новости были давно запрещены. Люди знали только то, что касалось именно их. Земные центры остались небеспокоенными. Тут и там, пока Род совершал путешествие с Марса

на Землю, царило предвкушение чего-то. Более того, мир Старой, Старой Земли оставался спокойным, кроме вечно бурлящих внутренних проблем.

На Земле, день прилета Рода, внутри Земного порта.

— Они не допустили меня до встречи этим утром, хотя я и отвечаю за гостей. Это означает, что нечто витает в воздухе, — сказал Специальный Уполномоченный Тидринкер своему квазичеловеку Б'данку.

Б'данк, ждал весь скучный день, жуя жвачку и сидя на стуле в углу. Он знал намного больше об этом случае, чем его хозяин. Он изучал дополнительную информацию из секретных источников квазилюдей, но он решил ничего не рассказывать Тидринкеру. Поспешно проглотив жвачку, он сказал голосом, полным печали, успокаивая самого себя:

— Могут быть какие-то другие причины, Господин и Хозяин. Если они посчитали, что пора продвинуть вас по службе, они бы не допустили вас до встречи. А вы определено заслуживаете продвижения по службе, Сэр и Господин.

— Пауки готовы? — сердито спросил Тидринкер.

— Кто может что-то сказать о мыслях гигантских пауков? — печально ответил Б'данк. — Вчера я с помощью простых знаков три часа говорил со старшим пауком. Он хотел двенадцать емкостей меда. Я сказал, что дам ему больше... десять. Бедный дьявол не мог посчитать, хотя он-то был уверен, что сможет. Потом он радовался, что сумел заключить со мной выгодную сделку. Они должны забрать личность, на которую вы укажете, на вершину башни Земного порта, и спрятать ее так, чтобы люди долго не могли ее найти. Когда появлюсь я с емкостями меда, они передадут этого человека в мои руки. Но есть люди, которые выходят наружу из здания порта, они могут заметить меня и всех остальных. Я должен отвести схваченного человека в руины прямо под Бульваром Альфа Ральфа, туда, куда вы мне показали, Сэр и Господин, и там держать его в сносных условиях до тех пор пока вы не придете и не сделаете то, что собираетесь.

Тидринкер посмотрел в противоположный угол комнаты. Большое, напыщенное, красивое лицо было так печально, что он почувствовал досаду. Тидринкер слышал, что люди-быки (потому что они происходили от крупного рогатого скота) некогда были подвержены припадкам безумной неконтролируемой ярости, но он никогда не видел никаких признаков этого у Б'данка.

Он огрызнулся.

— Что тебя беспокоит?

— Почему я должен беспокоиться, Сэр и Господин? Вы должны беспокоиться за нас обоих.

— Чтоб тебя поджарило!

— Это не инструкция к действию, — сказал Б'данк. — Я могу предложить что-нибудь поесть, хозяин. Это успокоит ваши нервы. Все что угодно может произойти сегодня, и настоящему человеку очень тяжело ждать неизвестно чего. Я видел как многие люди от этого расстраивались.

Тидринкер усмехнулся сквозь зубы от такого максимального благоразумия. Он равнодушно взял дегидрированный банан из ящика стола и стал жевать его.

Одновременно он внимательно смотрел на Б'данка:

— Ты хочешь?

Б'данк с удивительной легкостью соскользнул со своего стула. Он очутился у стола, вытянул свои ненормальные, похожие на окорока руки и сказал:

— Да, сэр, в самом деле. Я люблю бананы.

Тидринкер дал ему один, а потом раздраженно сказал:

— Ты уверен, что никогда не встречался с Повелителем Красная Дама.

— Уверен, как может быть уверен любой квазичеловек, — ответил Б'данк, жуя банан. — Мы никогда не знаем, кто проводит меры по улучшению нашего физического состояния. Мы как бы заново рождаемся и не обременены знанием. Все, что было до этого забыто.

— Значит, ты допускаешь, что можешь оказаться шпионом или агентом Повелителя Красная Дама?

— Могу, но я не чувствую ничего такого.

— Ты знаешь, кто такой Повелитель Красная Дама?

— Вы говорили мне о нем, сэр. Говорили, что он самое опасное человеческое существо во всей галактике.

— Это правильно, — сказал Тидринкер. — И если я начну что-то делать против Повелителя Красная Дама, то с тем же успехом я могу перерезать себе горло.

— Сэр, проще будет и вовсе не похищать этого Мак-Бэна, — сказал Б'данк. — Элемент опасности заключен именно в этом. Если вы не сделаете ничего, все пойдет по-старому — тихо, спокойно.

— Ужас и беспокойство! Так всегда бывает. Не думаешь же ты, что я хочу уйти отсюда не попробовав снова обрести силу и свободу?

— Вы можете сделать так, сэр, — сказал Б'данк, надеясь, что Тидринкер угостит его еще одним восхитительным сухим бананом.

Тидринкер находился в замешательстве и не сделал этого.

Он встал и вышел из комнаты, в отчаянье, мучаясь от надежды, опасности и вынужденного промедления.

Вестибюль Колокола и Банка.

Дама Джоанна Гнэйд была первой. Она была очищенной, хорошо-одетой, встревоженной. Повелитель Джестокост, который следовал за ней, удивлялся: имеет ли она личную жизнь. Среди Руководства Содействия считалось плохими манерами спрашивать о личных делах другого Руководителя, даже персональные истории друг друга. Каждый день и минута которых были записаны в компьютерном кабинете в углу. Джестокост знал об этом, потому что он взглянул в свои собственные записи, используя имя другого Руководителя, так что смог увидеть, сколько печальных незаконностей записано о нем самом. Они, все кроме одной — самой большой, касались его дела с девушкой-кошкой К'мель. Ему удачно удалось стереть эту историю. (Теперь записи показывали его дремлющим.) Если же Госпожа Джоанна имела какие-то секреты, она хранила их при себе.

— Мой Сэр и Коллега, — сказала она. — Я подозреваю вас в явной настойчивости и любопытстве... порок более присущий женщинам.

— Когда вы постареете, моя милая, разница в характере между мужчиной и женщиной станут трудно различимыми, если в самом деле, они и существовали первоначально. И вы, и я — яркие личности, и каждый из нас имеет хороший нюх на опасность или неприятности. Не похоже, чтобы мы оба высматривали кого-то с невозможным именем Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн сто пятьдесят первый. Я помню об этом! Ты не думаешь, что это ловкая выходка с моей стороны?

— Скорее, — сказала она, тоном, который подразумевал обратное.

— Я ожидаю его сегодня утром.

— Вы? — спросила она с подъемом в голосе, который показывал, что он знал нечто неподходящее. — В сообщениях об этом ничего нет.

— Это так, — сказал Повелитель Джестокост, улыбувшись. — Я беспокоюсь из-за того, что солнечная радиация на Марсе поднялась на несколько десятков единиц, пока еще он не улетел. Этим утром она вернулась на три десятка. Это означает его приближение. Умно с моей стороны, не так ли?

— Слишком умно, — ответила она. — Почему вы спросили меня? Я никогда не думала что для вас имеет значение мое мнение. Однако, почему вы из кожи лезете вон? Почему бы вам просто не отправить его на корабле подальше так, чтобы это заняло большую часть его жизни, даже несмотря на воздействие струна, а потом вернуть его обратно?

Он внимательно смотрел на нее до тех пор, пока она не смутилась, но ничего не сказал.

— Мое... мое предложение было неприятным, я уверена, — запинаясь сказала она. — Вы и ваше чувство справедливости! Делая что-то неправильно вы всегда пытаетесь опереться на нас.

— Я не это имел в виду, потому что я думаю о Земле, — тихо сказал Джестокост. — Вы знаете, что он владелец этой башни?

— Земного порта?! — закричала Джоанна. — Невозможно.

— Возможно, — произнес Джестокост. — Я сам продал здание его агенту десять дней назад. За сорок мегакреди-

тов денег СНЗ. Это больше, чем мы могли надеяться иметь на Земле. Когда он внес их, мы стали платить ему три процента в год за использование его денег в своих интересах. Но это еще не все. Я продал ему и океан, тот который в древности назывался Атлантическим. И я продал ему три сотни тысяч привлекательных квазиженщин обученных для различных задач вместе с семью сотнями простых женщин соответствующего возраста.

— Вы имеете в виду, что все это сделали для того чтобы спасти доход Земли в три мегакредита в год?

— А разве нет? Понимаете, это же СНЗ деньги.

Она надула губы, потом расцвела в улыбке.

— Вас никогда никто не любил так, как я, мой Повелитель Жестокост. Вы самый чудесный человек из тех, кого я знаю и вы никогда не забываете ничего из того, что узнаете!

— Но это не конец, — сказал он с очень хитрой, милой улыбкой. — Разве вы не читали Список Улучшений (Возрождения) семьсот одиннадцать — девятнадцать — тринадцать Р, за который вы сами голосовали одиннадцать дней назад?

— Я просматривала его, — защищаясь сказала она. — Мы все читали его. Это о том, что случилось с фондами Земли и фондами Содействия. Представитель Земли не смог выразить недовольство. Мы все проголосовали за него, потому что доверяем вам.

— Вы знаете, что это значит?

— Честно говоря, не совсем. Вы не можете ничего сделать с этим богатым стариком, МакБэном?

— Не уверен, что он стар, — сказал Повелитель Жестокост. — Он может быть и молод. Однако все это слишком легко подняло налоги до одного килокредита. Налоги делятся поровну между Землей и Содействием, и предусматривают, что собственник не может вольготно обращаться с имуществом. Налог составляет один процент в месяц. Это очень маленькое замечание в сноске внизу на седьмой странице расценок.

— Вы... вы имеете в виду... — она задыхнулась от смеха, — что продав бедному человеку Землю, вы не только отобрали у него три процента дохода в год, но и сдираете с него двенадцать процентов налога. Благословение раке-

там, вы — чудо. Я люблю вас. Вы самый умный, самый смехотворный из всех — Управляющий Содействия! — Из Дамы Джоанны Гнэйд изливался поток смеха. Джестокость не знал обижаться или радоваться.

Пока она была в столь редко хорошем настроении, он собрался напомнить ей про полусекретный проект:

— Но не думаете ли вы, моя любезная, поскольку мы имеем такой неожиданный кредит, мы сможем немного меньше тратить на импорт струна?

Её смех замер.

— Что? — резко спросила она.

— Для квазилюдей. Для лучших из них?

— Нет. Нет! Не для животных, пока люди страдают. Мы безумны, думая об этом, мой повелитель.

— Я безумный, — сказал он. — Все правильно, я безумен. Безумие — для справедливости. И это я называю простым правосудием. Я не прошу вас вот так прямо согласиться. Но надо же относиться к ним чуть более справедливо.

— Они — квазилюди, — сказала она равнодушно. — Они — животные, — так словно эти слова привели ее к важному решению.

— Вы никогда, моя дорогая, не слышали о собаке по имени Джоан? — его вопрос содержал множество намеков.

Она не увидела в этом подвоха и равнодушно ответила: — Нет.

Потом она пошла обратно, изучая повестку дня на этот день.

* * *

В нескольких километрах под поверхностью Земли.

Старые машины поворачивались словно единый поток. Запах горячего машинного масла. Тут, внизу, не было излишеств. Жизнь и плоть тут были дешевле транзисторов. С другой стороны тут было меньше радиации, и труднее было быть обнаруженными. В ревущих глубинах жили спрятанные и забытые люди. Они думали о своем предводителе — маге, О'телекели. Иногда он думал и о себе.

Его белое, красивое лицо напоминало бессмертный мраморный бюст, его измятые крылья прижимались к нему

от усталости. Он позвал к себе своего ребенка первого яйца, девушку О'лемеланини.

— Он пришел, моя дорогая.

— Один, папа? Так обещано.

— Богатый.

Ее глаза расширились. Она была его дочерью, но не всегда понимала его силу.

— Откуда вы знаете, отец?

— Если я скажу тебе правду, ты согласишься дать мне стереть это из своего разума, так чтобы не было опасности измены.

— Конечно, отец.

— Нет, — сказал человек-птица с мраморным лицом, — ты должна сказать правильные слова...

— Я обещаю, отец, что если ты наполнишь мое сердце правдой, и если моя радость от этой правды будет полной, так что я мысленно взвою всем разумом, без страха, надежды или оговорок, и тогда я сама попрошу тебя забрать из моего разума всю правду или часть правды, которая может повредить нашему роду именем Первого Забытого, именем Второго Забытого, именем Третьего Забытого и ради Д'джоанны, ради тех, кого мы любим и помним.

Он встал. Он был высокого роста. Его ноги заканчивались ненормальными ступнями птицы с белыми когтями, сверкающими словно мать жемчужин. Его человеческие руки втянулись в места сочленения его крыльев. Или он сделал доисторический жест благословения над своей головой, в то же время нараспев цитируя звенящим гипнотическим голосом:

— Дать правду тебе, моя дочь, чтобы ты была счастлива, обладая этой правдой. Зная правду, моя дочь, ты получаешь свободу и право забыть!

— Дитя, мое дитя, кто твой брат, маленький брат, которого ты любишь...

— Оаакасус! — сказала она детским голосом, напоминающим голос впавшей в транс.

— Оикасус, как ты помнишь, изменил мне, моему отцу, перейдя в тело маленького обезьяно-человека, так что настоящие люди путают его в животным. Люди обучили его на хирурга и приставили к Повелителю Красная Дама. Он прилетел на Марс вместе с молодым МакБэном. Имен-

но на Марсе молодой МакБэн встретился с К'мель, которую я рекомендовал Повелителю Джестокосту для поручений. Все они вместе с этим человеком прилетят на Землю сегодня. Возможно, этот МакБэн хорошо отнесется к нам. Теперь ты узнала то, что хотела, дочь моя?

— Расскажи мне, отец, расскажи мне. Откуда ты узнал?

— Запомни истину, девочка, и не забудь ее! Сообщение пришло с Марса. Мы не можем коснуться Большого Мерцания или машин передающих кодом, потому что каждая запись у них ведется новым кодом. Но поменяв место работы друг может передать эмоции, идеи и иногда имена. Мне послали слова вроде: “богатый, обезьяна, маленький, кот, девочка, кое-что, хорошо” установив определенную скорость и высоту звука записи. Послание достигло нас и ни один криптограф в мире не сможет обнаружить их.

— Теперь ты знаешь, и теперь, теперь, теперь ты должна забыть!

Он снова поднял свои руки.

О'лемеланин посмотрела на него с естественной и радостной улыбкой.

— Я так рада и счастлива, папочка, хоть и знаю, что я только что забыла что-то хорошее и удивительное!

Тогда отец церемониально сказал:

— Не забудь.

И она ответила как положено:

— Я не забуду.

ГЛАВА XII В ВЫСОТЕ НЕБЕСНОЙ

Род прогуливался по краю маленького парка. Тут все было совершенно не похоже ни на один корабль, который он видел и о котором слышал на Норстралии. Тут не было шума, не было вибрации, никакого признака вооружения — только хорошенькая маленькая кабинка, откуда осуществлялся контроль полетом, да поляна невероятно земной травы. Род гулял по этой траве после пыльной земли Марса. Слышалось мурлыканье и шепот. Фальшивое

синее небо — очень красивое, нависло над ним, будто небесный свод.

Род чувствовал себя странно. Он стал обладателем усов — словно кот; усов в сорок сантиметров длинной, нависающих над его верхней губой — по двенадцать усиков торчало в каждую сторону. Доктор подкрасил радужную оболочку его глаз в ярко-зеленый свет. Его уши приобрели заостренную форму. Род выглядел словно человек-кот и носил одежду профессионального акробата. К'мель была одета так же.

Он не повелевал девушкой.

На фоне К'мель любая женщина Старой Северной Австралии выглядела как мешок топленого жира. Она была тощей, гибкой, угрожающей и прекрасной; мягкой при прикосновении, жесткой в движениях, быстрой, настороженной и прижимистой. Ее рыжие волосы сверкали с шелковистостью животного огня. Ее голос звучал сопрано, словно колокольчик. Ее предки по мужской и женской линии скрещивались с целью получения самой соблазнительной девушки Земли. Задача оказалась достигнута. Даже по реакции, К'мель казалась самой чувствительной. Ее широкие бедра и внимательные глаза возбуждали его мужское начало. Ее кошкообразное опасное женское тело чуть-чуть менялось при встрече с новым мужчиной. Настоящие мужчины, которые смотрели на нее, зная, что она — кошка, не могли отвести от нее глаз. Женщины обращались с ней так, словно она — нечто ужасное. К'мель путешествовала как акробат, но она уже тайком сообщила Роду МакБэну, что ее профессия — “гейша” — самка, фигуристая, язвительная, тренированная словно для того, чтобы играть роль госпожи для гостей из другого мира, в соответствии с законами и привычками для того, чтобы вызвать у них любовь. В то же время под страхом смертной казни ей запрещалось делать на это акцент.

Род понравился ей, хоть он и был вначале болезненно робок. Но с ее стороны не было ни шика, ни бахвальства. Однажды она пыталась заниматься бизнесом. Тогда ее невероятное тело увяло и превратилось в тень. Глядя на нее уголком глаз Род замечал это, потому что оно наложило отпечаток на ее мысли, ее сообразительность, ее юмор. А хороший юмор помогал им вместе коротать время. Род обнаружил, что пытается произвести на нее впечатление, хо-

чет доказать, что он — взрослый мужчина, только открывший, что в самостоятельных, искренних порывах, подсказанных ей ее сердцем, ее ничуть не заботит его положение. Он был просто ее партнером, и они работали вместе. Его работа заключалась в том, чтобы остаться в живых, а ее работа заключалась в том, чтобы сохранить его живым.

Доктор Вомакт сказал, чтобы Род не разговаривал с другими пассажирами: ни о чем не говорить друг с другом в присутствии других, и молчать если к ним кто-то обратится.

Там было десять пассажиров, которые смотрели друг на друга с неприятным удивлением.

Их было десять.

И все десять были Родами МакБэнами.

Все десять выглядели точно как Родерик Фредерикс Рональд Арнольд Уильям МакАртур МакБэн сто пятьдесят первый. Кроме К'мель и маленькой обезьянки-доктора. О'гентур был единственным, кто не был МакБэном, как и сам МакБэн. Настоящий МакБэн стал человеком-кошкой. Все остальные — каждый сам по себе был убежден, что именно он — настоящий Род МакБэн, а другие девять только пародии. Все они взирали друг на друга со смесью уныния и с подозрением, к которому примешивалось удивление. Точно так же поступил бы настоящий МакБэн, если бы оказался на их месте.

— Один из них, — говорил доктор Вомакт, — ваша спутница Элеанор с Норстралии. Другие девять — роботы. Все они скопированы с вас. Хорошая работа, не правда ли? — Он не мог скрыть своего профессионального удовольствия.

И теперь они все вместе увидят Землю.

К'мель отвела Рода к краю маленького мирка корабля и нежно сказала:

— Я хочу спеть тебе “Песню Башни” до того как мы приземлимся на вершину Земного Портала.

И ее удивительный голос пропел короткую, старую песню:

*Ах, вся моя любовь тебе отдана...
В вышине птицы кричат, и
В вышине облака летят, и
В вышине дуют ветра, и
Сердце трепещет лишь для тебя —
Отважного, храброго — только тебя.*

Род почувствовал себя немного странно, стоя здесь и глядя в никуда, но ему нравилось ощущение — голова девушки прижалась к его плечу. Его руки обняли ее. К'мель, как казалось, не нуждалась в нем, и не совсем доверяла Роду. Она не чувствовала себя взрослой... просто девочкой, не имеющей никакой цели в жизни и находящейся не у дел. Она была всего лишь девушкой. Его девушкой на время. Это было приятно, и у Рода появилось странное предвкушение будущего.

Скоро мог придти день, когда у него будет постоянная девушка, не на день, а на всю жизнь, не для того, чтобы скоротать опасное время, а для того, чтобы сложить судьбу. Род надеялся, что сможет стать таким же расслабленным и нежным с той девушкой, с которой он познакомится, как он был с К'мель.

К'мель сжала его руку, предупреждая о чем-то.

Род повернулся, посмотрел на нее, но она уставилась вверх и кивнула.

— Посмотри, — сказала она. — Прямо впереди — Земля.

Род обернулся к одеялу искусственного неба силового поля корабля. Оно было однотонным, но приятного синего цвета, подразумевавшим глубину, которой на самом деле не было.

Изменение произошло так быстро, что Род не был уверен — реально ли то, что он увидел.

На мгновение небо стало безжизненно синим.

Потом фальшивое небо скользнуло в сторону, так словно рассеченная резинка — резинка мелькнувшая синими пятнами и исчезнувшая.

И там было синее небо — Земное.

Дом Человека.

Род глубоко вздохнул. В это было трудно поверить. Небо само по себе не так уж отличалось от фальшивого “неба”, которое окружало корабль во время путешествия с Марса, но это небо казалось живым и сырым, не похожим ни на одно другое небо.

Но не вид Земли удивил Рода... его удивил запах. Род неожиданно понял, что на Старой Северной Австралии запахи были приглушены, пыльны для Землян. Земной воздух пах жизнью. Тут были запахи растений, во-

ды, вещей, которые Род и представить себе не мог. Воздух закодировал в себе миллионы лет воспоминаний. В этом воздухе люди выросли, а потом покоряли звезды. Влага не была той взлелеянной влажностью одного из закрытых каналов его родины. Тут существовала дикая, свободная сырость, которая рисовала существ живущих, умирающих, вытягивающихся и извивающихся, занимающихся любовью в окружении изобилия, которое не Норстралиец не мог понять. Не удивительно, что описание Земли всегда казалось неприятным и преувеличенным! Что такое струн, если люди могли платить за него водой — водой, дающей и несущей жизнь. Это был его дом, неважно, сколько поколений его предков прожило в искаженном аде Рая VII или среди сухих сокровищ Старой Северной Австралии. Род глубоко вздохнул, чувствуя как в него вливается протоплазма Земли, быстрые потоки создавшие человека. Род снова вдохнул земной воздух... И что такое долгая жизнь, даже со струном, для человека, который парил словно те корабли, летящие по расписанию в двадцати километрах над поверхностью планеты.

В этом воздухе было что-то странное, что-то чисто-сладкое для обоняния человека, освещающее дух. Один прекрасный запах господствовал над всеми остальными. Что это был за запах?

Род принялся, а потом совершенно отчетливо сказал сам себе:

— Соль!

К'мель напомнила ему, что он рядом с ней.

— Тебе это нравится, К'род?

— Да, да. Это лучше чем... — слова стихли. Он посмотрел на свою спутницу. Ее милая, дружеская улыбка дала ему почувствовать, что она разделяет каждую частицу его восторга. — Но почему вы без пользы тратите соль, распыляя ее в воздухе? — спросил он. — Что в этом хорошего?

— Соль?

— Да... в воздухе. Он такой густой, такой влажный, такой соленный. Или он как-то очищается кораблем?

— Кораблем? Мы не на корабле, К'рот. Мы уже приземлились на крышу Земного порта.

Род задохнулся.

Не на корабле? В Старой Северной Австралии не существовало гор больше чем на шесть километров возвышающихся над ГНУ — главным наземным уровнем, и все горы были пологие, стершиеся, старые, сглаженные за долгие эпохи ветрами в плавные складки. Вот такие горы были у него на родине.

Род огляделся.

Платформа была в две сотни метров длиной и одну сотню шириной.

Десять “Родов МакБэнов” разговаривали с несколькими людьми в форме. На противоположной стороне площадки на невообразимую высоту поднимался шпиль — возможно еще на полкилометра. Род посмотрел вниз.

Там лежала Старая, Старая Земля.

Водяное сокровище лежало перед ним — миллионы тонн воды, которая могла напоить галактику овец, омыть бесконечное количество людей. В воде, направо, у самого горизонта было множество островов.

— Западные острова, — сказала К’мель проследив направление его взгляда. — Они поднялись из моря, когда Диамони построили для нас это здание. Я имею в виду людей, когда говорю “нас”.

Род не обратил внимание на поправку. Он внимательно смотрел на море. Там медленно двигались маленькие пятнышки.

Он показал пальцем на одно из них и спросил К’мель.

— Это — мокрые дома?

— Как ты назвал их?

— Дома, которые мокрые. Дома, которые стоят на воде. Это они?

— Корабли, — сказала К’мель, ничуть не насмехаясь над Родом. — Да, это — корабли.

— Корабли? — воскликнул он. — Ты никогда не показывала мне их в пространстве. Почему ты называешь их кораблями?

К’мель начала очень спокойно объяснять.

— Люди построили корабли для путешествий по воде раньше, чем они построили корабли для путешествий по космосу. Я думаю, Старый Общий Язык позаимствовал название для космических судов из общеизвестных слов.

— Я хочу увидеть город, — сказал Род. — Покажи мне город.

— Отсюда я не смогу ничего показать. Мы слишком высоко. Никто не может много увидеть с вершины Земного порта. Но я могу тебе показать кое-что другое. Иди сюда, дорогой.

Когда они отошли от края, Род заметил, что маленькая обезьянка держится рядом с ними.

— Что вы тут делаете, возле нас? — спросил Род без всякой любезности.

Нелепое маленькое лицо обезьянки скривилось в знакомой улыбке. Лицо скривилось так же как и раньше, но выражение лица было иным — более самонадеянным, более чистым, более расчетливым, чем раньше. Смех и сердечность звучали в голосе обезьянки.

— Мы — животные должны подождать, пока пройдут люди.

“Мы — животные?” — подумал Род. Он вспомнил о том, что голова его теперь покрыта мехом, о заостренных ушах и кошачьих усах. Не удивительно, что он так легко чувствовал себя с этой девушкой, и что она так легко чувствовала себя с ним.

Десять Родов МакБэнов спустились по трапу, так что казалось, что дверь медленно проглотила их, начиная с ног. Люди прошли к простому регистратору, который казался головой без тела, лежащей на полу. Тем временем ноги последнего МакБэна стали исчезать. В самом деле выглядело это странно.

Род посмотрел на К'мель и О'гентура и искренне спросил их:

— Если люди имеют такой большой, влажный, красивый мир, полный жизни, почему они хотят убить меня?

О'гентур печально покачал обезьяньей головой, так словно он хорошо знал это, но говорить ему об этом было невыразимо тяжело и печально.

К'мель ответила:

— Ты — тот, кто ты есть. Ты обладаешь невероятной силой. Ты знаешь, что эта башня принадлежит тебе?

— Мне! — воскликнул Род.

— Ты купил ее, или кто-то купил ее для тебя. Большая часть этой воды — твоя, тоже. Когда ты имеешь так

много всего, люди у тебя все время чего-то просят. Или они сами забирают это у тебя. Земля — прекрасное место, но я думаю — это опасное место, для такого иномирца как ты. Не ты ли причина всех преступлений и подлостей в мире? Все бы негодяи спали, если бы ты не разбудил их.

— Почему я?

— Потому что вы — самый богатый человек, который ступил на эту планету, — ответил О'гентур. — Хоть эта планета большей частью и является вашей собственностью. Жизни миллионов людей зависят от ваших решений.

Они достигли противоположной стороны края платформы. Здесь, на краю земли, текли реки. Большую часть земли закрывали облака пара, такие как Род видел в Норстралии, когда закрывал канал с лопнувшим покрытием. Эти облака — неподдающиеся оценке — сокровища дождя. Род видел, как облака расходились у подножья башни.

— Погодная машина, — сказала К'мель. — Все города оснащены погодными машинами. Разве у вас на Старой Северной Австралии нет погодных машин?

— Конечно, — согласился Род. — Мы не тратим воду, давая ей плыть по открытому небу, вот так. Это хорошо. Я думаю экстравагантность этого, заставляет меня критиковать. Разве вы — земные люди, не найдете применения воды... вместо того, чтобы давать ей разливаться по земле или плавать по ней?

— Мы — не люди Земли, — сказала К'мель. — Мы — квазилюди. Я — кошка, а он — из обезьян. Не называй нас людьми. Это неприлично.

— Вздор! — заявил Род. — Я просто задал вопрос о Земле, не докучая вашим чувствам, когда...

Он прервался на полуслове.

Все трое обернулись.

На скате двигалось что-то, напоминающее сенокосилку. Человеческий мужской голос закричал где-то там. Крик был полон ярости и страха.

Род шагнул было вперед.

К'мель заметила его движение.

Она поймала его руки и всем своим весом стала тянуть его назад.

— Нет! Род, нет! Нет!

О'гентур замедлил его при движении, так что теперь Род не видел ничего, кроме вселенной коричневого меха. Он чувствовал как крошечные ручки впились в его волосы и потянули его. Род остановился и дотянулся до обезьянки. О'гентур предчувствовал это и метнулся на землю до того как Род сумел ударить его.

Машина поднималась по шпилью, почти исчезая из поля зрения, растворившись в небе. Раздался чей-то тонкий голосок.

Род посмотрел на К'мель.

— Все в порядке? Что это? Что случилось?

— Это — паук. Гигантский паук. Он похитил или убил Рода МакБэна.

— Меня? — пронзительно взвыл Род. — Лучше бы он не касался меня. Я остался бы в стороне.

— Ш-ш-ш! — сказала К'мель.

— Успокойтесь, — сказала обезьянка.

— Не шикайте на меня, и не успокаивайте меня, — сказал Род. — Я не позволю этим насекомым паразитам дотянуться до моей шкуры. Скажите лучше, что это за тварь. Это — настоящий паук? Или робот?

— Нет, — ответила К'мель. — Насекомое.

Род прищурился, глядя на сенокосилку, лезущую по поверхности шпиля башни. Он совершенно отчетливо разглядел человека в ее клешнях. Когда К'мель сказала: "насекомое", что-то щелкнуло в мозгу Рода. Ненависть. Внезапная перемена чувств. Сопротивление грязи. Насекомые на Старой Северной Австралии были маленькими, бесчисленными и свободными существами. Но даже в них Род чувствовал своих наследственных врагов. (Кто-то говорил ему, что земные насекомые превратились в настоящий ужас Норстралийцев, пока те жили на Рае VII.)

Род закричал на паука, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно громче.

— Эй... ты... спускайся!

Мерзкая тварь на башне задрожала с явным самодовольством и как казалось поудобнее сжала лапы. Она отправилась вверх.

Род забыл, что предположительно он — кот.

Он глубоко вдохнул влажный, но приятный воздух. На мгновение или два Род зажмурился. Он мысленно ненави-

дел, ненавидел, ненавидел насекомое. Потом он телепатически, что есть силы закричал так громко, как кричал дома:

*ненависть... плевки... плевки... рвота!
грязь... грязь... грязь...
взрыв!*

разрушение:

обломки:

*тошнота... сжатие... гниение... исчезновение!
ненависть... ненависть... ненависть!*

Яростный рев его беззвучного “гаварения” повредил даже ему самому. Род увидел как безвольно упала на землю обезьяна. К’мель побледнела и выглядела так, словно могла в любой момент исторгнуть пищу.

Род отвернулся от них и посмотрел вверх на “паука”. Достал ли он его?

Достал.

Медленно, медленно двигались в спазме тонкие лапы паука, освободив человека, чье тело полетело вниз. Род взглядом проследил полет “Рода МакБэна” и наклонился, когда влажный шлепок сказал ему, что тело его дубликата со всплеском разлетелось о жесткий настил верхней площадки башни. Тело падало с высоты в сотню метров. Род снова посмотрел на “паука”. Тот еще какое-то время карабкался на башню, а потом полетел вниз. Он тоже сильно ударился о пол и теперь лежал, умирая. Его лапы выгнулись, в то время как он погружался в свою личную, вечную ночь.

Род выдохнул.

— Элеанор. Ах, может быть это Элеанор!

Его голос сорвался на плач. Он побежал было взглянуть на факсимиле своего тела, забыв, что он человек-кот.

Голос К’мель прозвучал пронзительно, как вой, хотя был ниже по тональности:

— Молчи! Молчи! Стой! Заблокируй свои мысли! Молчи. Мы умрем, если ты не замолчишь!

Род остановился, тупо глядя на нее. Потом он заметил, что она совершенно серьезна. Он подчинился. Он остановился и не пытался говорить. Заблокировал свои мысли,

закрылся от телепатии, напрягся до такой степени, что его черепная коробка разболелась. Маленькая обезьянка — О'гентур, поползла по полу. Она выглядела потрясенной и больной. К'мель оставалась бледной.

Люди бежавшие к спуску, увидели их и направились к ним.

Послышалось хлопанье крыльев.

Необычная птица — нет, это был орнитоптер — приземлилась, впившись когтями в башню. Из него выпрыгнули люди в форме.

— Где он?

— Он прыгнул! — закричала К'мель.

Люди последовали туда, куда она указала, а потом повернули обратно, к ней.

— Глупости! — сказал один из них. — Человек не может тут прыгнуть. Тут барьер, поддерживающий корабли на месте. Что вы видели?

К'мель была хорошей актрисой. Она притворилась потрясенной и задохнулась, проглотив слова. Человек в форме надменно посмотрел на нее.

— Коты и обезьяна, — сказал он. — Что вы делали здесь? Кто вы?

— Меня зовут К'мель. Профессия — гейша. Прописка — Земной порт, нахожусь под началом Специального Уполномоченного Тидринкера. Это — мой дружок без положения. Имя — К'родерик. Он кассир ночного банка расположенного внизу. Он? — она кивнула в сторону О'гентура. — Я ничего не знаю о нем.

— Имя — О'гентур. Профессия — дополнительный хирург. Статус — животное. Я не квазичеловек. Всего лишь животное. Я прилетел на корабле с Марса с мертвым человеком, лежащим вот там и несколькими другими свободными людьми, которые были на него похожи. Они уже спустились.

— Заткнитесь, — приказал человек в форме. Он повернулся к приближающемуся к ним чиновнику и сказал. — Почетный субшеф, Сержант 587 докладывает. Использувавший телепатическое оружие исчез. Здесь только несколько тварей: два человека-кота и маленькая обезьяна. Они могут говорить. Девушка-кошка сказала, что видела как кто-то прыгнул с башни.

Почетный субшеф был рыжим и в форме выглядел намного красивее сержанта. Он ухватился за К'мель.

— Как он сделал это?

Род знал, что К'мель достаточно хороша, чтобы понять, что она вывернется от приближающихся неприятностей с помощью своих женских чар и бессвязных ответов. Естественно, она сохранит полный контроль над ситуацией. К'мель бормоча ответила:

— Я так думаю, что он прыгнул. Я не знаю, как.

— Это — невозможно, — возразил субшеф. — Вы видели куда он пошел? — рявкнул он на Рода МакБэна.

Род задохнулся от неожиданности... С другой стороны К'мель отвечала офицеру совершенно спокойно. Оказавшись между этими двумя не допускающими возражений существами, Род сказал:

— Э... ах... ах... вы видели...

Маленькая обезьянка-хирург бесстрастно перебила его:

— Сэр и господин, субшеф. Эти люди-кошки не слишком уж смысленные. Не думаю, что вы много вытяните из него. Красив, но глуп. Как и вся его порода...

Род замолчал и слегка покраснел после этого замечания, но заметил быстрый взгляд, которым наградила его К'мель. Она хотела, чтобы он молчал.

А потом она встряла в разговор:

— И еще я видела одну вещь, господин. Это может быть важным.

— Именем Колокола и Банка, животное! Говори, — закричал субшеф. — Перестань решать за меня, что я должен знать!

— Кожа того человека имела странный синий оттенок.

Субшеф отшатнулся. Его солдаты и сержант уставились на него. Серьезно и прямо он обратился к К'мель:

— Вы уверены?

— Нет, мой повелитель. Я только так думаю.

— Вы видели только одного? — пролаял субшеф.

Род, вдохновленный глупостью, поднял четыре пальца.

— Этот идиот думает, что видел четырех. Он умеет считать? — с криком обрушился субшеф на К'мель.

К'мель посмотрела на Рода так, словно считала, что это прекрасное животное и вовсе не имеет мозгов. Род, взглянув на нее, понял всю свою глупость. Это было имен-

но то, что получалось у Рода очень хорошо, с тех пор как он понял, что никогда не сможет “гаварить” или “слишать” дома. Он просиживал бесконечные часы среди разговаривающих людей, имея самое слабое представление о чем идет речь. Очень рано Род обнаружил, что если он сидит спокойно и выглядит глупо, люди и не пытаются втянуть его в разговор. А когда обращаются к нему голосом, кричат так, словно он глухой. Род попытался изобразить привычную, старую рожу и скорее обрадовался, что не может ее хорошенько повторить, так как К’мель смотрит на него. Даже когда она была серьезной, борющейся за их свободу и играющей — все это одновременно, ее корона волос сверкала словно само солнце. Среди всех этих людей, собравшихся на платформе ее красота и ее разум выделяли ее — хоть она и была кошкой. Род вовсе не был удивлен тем, что на него смотрят сквозь пальцы, когда рядом с ним была такая яркая личность. Он лишь хотел стать еще более незаметным, незаметно отойти и посмотреть, кто разбился: Элеанор или один из роботов. Если Элеанор уже погибла из-за него, в первые минуты большого аттракциона — посещения Земли, он понимал, что не простит себе этого до конца жизни.

Разговор о синем человеке сильно удивил его. Синие люди присутствовали в Норстралийском фольклоре как раса магов, живущая далеко-далеко; раса, которая с помощью науки или гипноза, может превращать себя в невидимок для других существ, если захочет. Род никогда не говорил с офицерами безопасности Старой Северной Австралии о проблемах охраны сокровищ струна от нападения невидимых людей. Ни о том, что они оказались не в состоянии проникнуть на Норстралию, ни о том, что Норстралийские официальные лица не принимают их чересчур серьезно. Он удивился, почему земляне не привели пару телепатов первого класса, и те не обследовали каждое живое существо, на верхней площадке башни, но судя по щебету голосов, который продолжался, и судя по тому, что Род видел, Земляне имели сверхъестественно слабые органы чувств, и не принимали меры, которые казались Роду правильными и эффективными.

Вопрос об Элеанор сам по себе получил ответ.

Часть солдат собиралась в группу, ожидая приказа и, одни из них, наконец, прервал спор между К'мель и О'гентуром — бесконечный спор относительно того, сколько синих людей могло быть на площадке башни, если тут вообще кто-то был.

Субшеф кивнул солдату, который доложил.

— Сэр и субшеф примите рапорт. Тело — не тело. Это всего лишь робот, который выглядит как человек.

В сердце Рода день вернул себе прежние, яркие краски. Элеанор была в безопасности где-то внизу в громадной башне.

Замечание, как казалось, придало решительности молодому человеку.

— Вызовите уборочную машину и сыщиков, — приказал он сержанту. — Осмотрите все вокруг и загляните вниз.

— Сделано, — сказал солдат.

Род задумался над странным замечанием, потому что ничего вокруг вроде бы не происходило.

Субшеф отдал другую команду.

— Пусть сыщики-убийцы появятся до того, как мы спустимся на скат. Любая ошибка в идентификации автоматически приведет к уничтожению объекта сканирующими автоматами. Это и нас касается, — и он добавил, обращаясь к своим людям. — Мы же не хотим, чтобы какой-то синий человек вышел вместе с нами из башни.

К'мель неожиданно и уверенно шагнула к офицеру и что-то прошептала ему на ухо. Его глаза округлились. Он слегка покраснел, а потом изменил свои приказы:

— Отмените вызов сыщиков-убийц. Я хочу, чтобы все оставалось как есть, и все были на прежних местах. Извиняюсь, люди, но вам на несколько минут придется соприкоснуться с квазилюдьми. Я хочу, чтобы мы были уверены, что никто не прокрадется в башню вместе с нами.

(Позже К'мель рассказала Роду, что она призналась молодому офицеру, что она может оказаться существом смешанного типа — получеловеком и отчасти животным, и что она — особая гейша для двух внеземных магнатов Содействия. Она сказала, что думает, что она точно идентифицирована, но не уверена; и что сыщики-убийцы могут уничтожить ее, если она не будет соответствовать конкрет-

ному образу. Сыщики могли бы, как она потом сказала Роду, поймать любого квазичеловека выдающего себя за человека, или любого человека, выдающего себя за квазичеловека, и они бы убили жертву разрушив магнетическую схему его органического тела. Эти машины очень опасны с тех пор как они стали убивать нормальных, узаконенных людей и квазилюдей, которые просто оказались не в состоянии оказаться в четком фокусе.)

Офицер был в левом переднем углу живого прямоугольника людей и квазилюдей. Они сомкнули ряды. Род почувствовал, как два солдата рядом с ним вздрогнули, когда прикоснулись к его “кошечьему” телу. Они отвернули от него свои лица, так словно от него плохо пахнет. Род ничего не сказал. Он только посмотрел вперед и сохранил на лице выражение довольной глупости.

То, что последовало после этого было удивительно. Люди пошли странным образом: все они одновременно подняли свои левые ноги, а потом правые ноги. О’гентур не мог сделать так же, так что после согласия — кивка сержанта, К’мель взяла его на руки и понесла, прижав к груди. Неожиданно солдаты стали стрелять во все стороны, простреливая всю площадку.

“Это, — подумал Род, — должно быть двоюродный брат оружия, которым Повелитель Красная Дама угрожал несколько недель назад, когда приземлил свой корабль на моей земле.” (Род вспомнил Хоппера, его нож, дрожащий как голова змеи, угрожающий жизни Повелителя Красная Дама; и он вспомнил неожиданный беззвучный взрыв — черный, маслянистый дым, и унылого Билла, глядящего на стул, где секунду назад сидел его приятель.)

Это оружие давало мало света, намного меньше, но его сила чувствовалась в вибрации пола и поднявшейся пыли.

— Ближе, люди! Правой! Не дайте синему человеку затесаться в наши ряды! — закричал субшеф.

Люди подчинились.

В воздухе запахло горелым.

На скате не осталось ничего живого, кроме них.

Когда скат повернул, впереди открылась самая необычная комната из тех, что видел Род. Она занимала всю верхнюю часть Земного порта. Род не смог даже приблизительно прикинуть, сколько гектаров она занимает, но в

ней вполне могла бы разместиться небольшая ферма. Там было несколько человек. По команде сублифе человеческие шеренги распались. Офицер внимательно посмотрел на людей-кошек Рода и К'мель и на обезьяну О'гентура.

— Вы останетесь здесь, пока я не вернусь!

Они остались не сказав ничего.

К'мель и О'гентур заняли дозволенные места.

Род смотрел вокруг так, словно глазами хотел выпить весь мир. В этой необычной комнате было больше антикварных вещей и богатств, чем на всей Старой Северной Австралии. Занавеси из невероятно богатого материала мерцали, спускаясь с тридцатиметрового потолка; некоторые из них казалось были грязными или находились в плохом состоянии, но даже одна из них, после уплаты 20000000 процентов пошлины на импорт, могла стоить больше, чем был в состоянии заплатить любой житель Старой Северной Австралии. Тут и там стояли стулья, некоторые из них достаточно хорошие, чтобы получить место в Музее Человека на Новом Марсе. Но здесь ими явно пользовались. Люди не выглядели особенно счастливыми несмотря на окружающие их богатства. Впервые в жизни Род понял, насколько спартанская полуобманчивая бедность делала его жизнь дома более ценной. Его народ имел не много, хотя имел право на бесконечное число огромных торговых судов с сокровищами, производящимися во всех мирах для их планеты в обмен на продлевающий жизнь струн. Но если бы их завалили сокровищами, они бы ничего не заметили и не смогли бы ничего получить. Род подумал о собственной коллекции спрятанного антиквариата. Тут, на Земле, ее бы даже постеснялись выбросить в мусорный ящик, но на Роковой Ферме она могла сделать его значительным человеком до конца жизни.

Мысль о своем доме заставила его удивиться тому, что Старый и Простой — Поч. Сек. мог бы сделать со своим противником на Земле.

“Долгий, долгий путь нужно пройти, чтобы добраться сюда,” — подумал Род.

К'мель привлекла его внимание, ущипнув за руку.

— Держи меня, — приказала она, — потому что я боюсь, что могу упасть, а Оикасус недостаточно сильный, чтобы поддержать меня.

Род удивился, кто такой Оикасус, когда с ними была только маленькая обезьянка О'гентур. Он также удивился тому, что К'мель нуждается в поддержке. Норстралийская дисциплина заставила его подчиниться, не задавая вопросов. Он поддержал К'мель.

Неожиданно, она резко упала так, словно ослабела или уснула. Род подхватил ее одной рукой, а другой наклонил ее голову к своему плечу, чтобы со стороны показалось, что ей тяжело и она переполнена чувством любви, а не лишилась сознания. Как приятно было держать ее маленькое тело, чувствуя насколько оно хрупкое и нежное. Ее волосы — сбившиеся и взлохмаченные ветром пахли соленым морским воздухом, который так удивил Рода час назад. "Она сама, — так подумал он, — самое величайшее сокровище Земли". Он заберет ее? Что станет он делать с ней на Старой Северной Австралии? Квазилюди отчасти под запретом, кроме тех случаев, когда они используются в военных целях под полным контролем правительства Содействия. Род не мог вообразить К'мель правящую сенокосилкой, или подстригающую гигантскую овцу. Мысль о К'мель сидящей всю ночь с одинокой и испуганной овцой была смешна. К'мель была гейшей, обрамленной в человеческое тело. Для таких как она не было места под комфортабельными, серыми небесами его дома. Красота К'мель увяла бы в сухом воздухе. Ее запутанные мысли увяли бы от утомительного однообразия фермерской культуры: собственность, ответственность, оборона, недоверие, трезвость. Новый Мельборн мог бы показаться ей сборищем грубых лачуг.

Род почувствовал, что у него начинают замерзать ноги. На башне его согревал солнечный свет, несмотря даже на прохладный соленый, влажный ветерок с удивительных "морей" Земли. Здесь, внутри было холоднее и более влажно. Род никогда раньше не сталкивался с влажным холодом, и ощущение оказалось необычным и неприятным.

К'мель пришла в себя, как только они увидели офиса, идущего к ним из другого конца огромной комнаты.

(Позже К'мель поведала Роду, что она пережила, когда потеряла сознание).

Вначале ее словно позвали, но как она не могла объяснить. Это заставило ее предупредить Рода. "Оикасус"

был, конечно, О'икасусом. Так звучало настоящее имя обезьянки, ныне величающей себя О'гентуром.

Потом, когда она почувствовала себя плывущей в полусне, а сильная рука Рода крепко обняла ее, К'мель услышала рев труб — двух или трех, играющих различные фрагменты чего-то путаного — милые музыкальные отрывки. Иногда они звучали в унисон, а иногда превращались в какофонию. Или человек, или робот — телепатически заглянул в ее мысли, пока она слушала музыку. Впечатление было такое, что к'девушка подсоединилась к одному из множества телепатических развлекательных каналов, которых на Земле полным-полно.

Наконец, пришли сообщения. Но их невозможно было отделить от музыки. Музыка вызвала всевозможные образы в ее разуме, потому что она была К'мелью — единственной в своем роде, индивидуальностью. Особенности фигуры или даже индивидуальные записи достигали ее разума и эмоции, вызывали у нее старые, давно забытые ассоциации. Вначале она подумала: "Огромная птица летит..." Все как в той песне, которую она пропела Роду. Потом она увидела глаза, огромные глаза, в которых светилось знание. И тут К'мель почувствовала странные запахи из Глубины — рабочего города, где трудились квазилюди, поддерживая цивилизацию, цветущую на поверхности, и где прятались нелегальные квазилюди. Наконец, К'мель увидела Рода, большими шагами спускающегося с площадки прогулочным шагом Норстралийцев. Это получилось просто. К'мель впала в забытие, в покинутые, запретные палаты безымянного страха, но быстро вернулась назад. Музыка в ее голове смолкла и она проснулась.)

Подошел офицер.

Он посмотрел на них пылливо и зло.

— Все в порядке. Расследование Особого Уполномоченного не обнаружило никакого синего человека. Мы все слышали о синих людях. И, конечно, мы знаем, что кто-то активировал телепатическую бомбу. Какая мощность! Половина людей в этой комнате повалилась с ног, когда она взорвалась. Такое оружие запрещено использовать в атмосфере Земли.

Он задрал голову.

К'мель благоразумно молчала. Род практиковался, изображая глупую мину, а О'гентур выглядел беспомощной, маленькой обезьянкой.

— Забавно, — сказал офицер. — Дежурный Особо Уполномоченный приказал мне отпустить вас. Откуда кто-то может знать, что вы — квазилюди здесь? Кто вы такие?

С минуту он с любопытством смотрел на них, а потом его любопытство увяло.

Он фыркнул.

— В чем дело? Убирайтесь. Убирайтесь. Вы — квазилюди, и вам не позволено оставаться в этой комнате, что бы там не случилось.

Он повернулся и ушел.

— Куда нам идти? — прошептал Род, надеясь, что К'мель сможет сказать, как ему спуститься вниз, на самую Старую Землю.

— Вниз на дно мира, а потом... — К'мель прикусила губу — ... и потом, дальше. У меня есть определенные инструкции.

— Могу ли я подбодрить и посмотреть на Землю? — спросил Род. — Ты, конечно, будешь со мной.

— Когда смерть прыгает вокруг нас высекая искры? Конечно, нет. Пойдем, Род. Скоро ты обрешь свободу, если раньше кто-нибудь не убьет тебя. Оикасус, ты отправишься своей дорогой.

Они сделали несколько шагов, а потом резко остановились.

Род тоже резко остановился.

Они — все вместе — втроем, обернулись.

Лицом к ним стоял высокий человек, одетый в официальные одежды. На его лице читались разум, храбрость, мудрость и какой-то особый оттенок элегантности.

— Я так и предполагал, — сказал он. — Вы меня знаете, — сказал он К'мель.

— Мой повелитель, Джестокост!

— Вы должны спать, — приказал он О'гентуру, и маленькая обезьянка рухнула грудой меха на пол. — Я — Повелитель Джестокост — один из Содействия, — сказал странный человек. — И я пришел, чтобы наскоро поговорить с вами. Может показаться, что мне нужно много времени, чтобы детально все обсудить, но на самом деле это

займет несколько секунд. Необходимо, чтобы вы знали свою судьбу.

— Вы имеете в виду мое будущее? — спросил Род МакБэн. — Я думаю, что вы, или кто-то еще, устроил все это.

— Мы можем на многое закрывать глаза, но устраивать похищения мы не станем. Я говорил с Повелителем Красная Дама. Относительно вас у меня есть планы. Возможно они сработают.

Легкая, недовольная улыбка появилась на лице выдающегося человека. Лево́й рукой он сделал К'мель предупреждающий знак, чтобы она не вмешивалась. Красивая девушка-кошка шагнула вперед, а потом выказав согласие жестом, остановилась и стала просто наблюдать.

Повелитель Джестокост упал на колени. Он гордо и свободно поклонился, затем наклонившись вперед — он устоялся на Рода МакБэн.

Оставаясь на коленях, Повелитель Джестокост сказал церемониально:

— Когда-нибудь, молодой человек, вы поймете то, что видели сегодня. Я — Повелитель Джестокост, не преклонял колени не перед мужчиной, ни перед женщиной всю свою жизнь. А я прожил столько лет, что и сам не все помню. Но теперь я преклоняю голову перед человеком, который купил Землю. Я предлагаю вам свою дружбу и свою помощь. Я предлагаю и то и другое без всяких оговорок. Сейчас я встану и поприветствую вас, как своего молодого друга.

Он встал и протянул руку Роду. Род пожал ее, по-прежнему сбитый с толку.

— Вы видели работу людей, которые хотели вашей смерти. Я протянул вам руку (и я могу сказать вам, что человек, который послал паука будет очень сильно и очень долго сожалеть об этом). Другие люди будут пытаться охотиться за вами за то, что вы сделали или из-за того, что вы — это вы. Я приготовил для вас то, что обезопасит вашу собственность и вашу жизнь. Вы на собственном опыте сможете убедиться каково ваше сокровище... если станете жить тут. У вас нет шанса остаться в живых без моей помощи. Я исправлю это. У вас один шанс из десяти тысяч остаться в живых. Со мной, если вы станете слушаться моих распоряжений, которые поведает вам К'мель.

Ваши шансы неизмеримо возрастут, тысяча к одному — в вашу пользу, вы будете жить...

— А мои деньги! — неожиданно “прагаварил” Род, даже не понимая, что он делает.

— Ваши деньги на Земле. Они — Земля, — улыбнулся мудрый, могущественный, старый чиновник. — Это — оплата необычных налогов. Это — ваша судьба, молодой человек. Помните это, и будьте готовы подчиниться этому. Когда я подниму руку, повторяйте за мной. Вы понимаете?

Род кивнул. Он не боялся, но не понимал сути происходящего. Внутри него начинал зарождаться звериный страх. Он не боялся того, что могло случиться с ним. Он боялся странной, дикой свирепости, таящейся во всем происходящем. И еще — Род никогда не слышал о человеке или мальчике, который оказался бы настолько одиноким.

Одиночество в невозможности вернуться домой было физическим. Одиночество несмотря на миллионы людей вокруг. Род чувствовал, что прошлое осталось за спиной и теперь жило собственной жизнью. Девушка-кошка рядом немного успокаивала его. Встретиться с ней ему помог доктор Вомакт. К Вомакту его послал Красная Дама. С Красной Дамой Род познакомился в своем родном мире. Все звенья были на месте, и их нельзя было поменять местами.

Но дальше никакой цепи не было.

Род понимал, что стоит над пропастью настоящего, смотрит на комплект необъяснимой громады земного прошлого. Это было место откуда произошли все люди. В древности в этих океанах ползали примитивные существа. Потом они выползли из этих соленых, богатых морей на сушу, которая лежала далеко внизу. И тогда они увидели звезды. Земля — дом всех людей, и он поглотит его — Рода.

Слова, мысли быстро текли из разума Повелителя Джестокоста, прямо в мозг Рода. Все было так, словно Джестокост обнаружил какой-то путь в обход препятствия и стал игнорировать врожденный дефект Рода.

— Это сама Старая Земля, откуда мы все родом, и куда мысленно, если не физически, возвращаются все люди. Это — самый богатый из миров, хотя богатства его измеряются в сокровищах и воспоминаниях, а не в струне.

Многие люди пытались править этим миром. У очень немногих это получилось и совсем ненадолго.

Неожиданно Повелитель Джестокост поднял правую руку. Не зная, почему он это делает, Род повторил его жест.

— ... У очень немногих это получилось и совсем ненадолго.

— Содействие сделало это невозможным...

Правая рука Рода оставалась в том же, поднятом положении. Род повторил:

—... Содействие сделало это невозможным.

— А теперь вы, Род МакБэн, со Старой Северной Австралии сами стали ее владельцем.

Рука оставалась поднятой.

— И теперь я, Род МакБэн, со Старой Северной Австралии стал ее владельцем.

Рука упала, но Повелитель продолжал "гаварить".

— Идите, тогда и смерть будет вокруг вас. Идите, повинувшись желанию своего сердца. Идите с любовью, не важно, выиграете вы или проиграете. Идите в мир, и это будет новый дом для вас. Идите к диким приключениям и к безопасному возвращению. Внимательно относитесь к К'мель. Она — мои глаза, следящие за вами. Моя рука на вашем плече. Я защищаю вас. Но идите... Идите, — рука поднялась.

— Иду, — отозвался Род.

Повелитель исчез.

К'мель потянула Рода за рукав.

— Твой путь, мой муж, ведет туда. Сейчас мы попадем на самую Землю...

Осторожно и быстро побежали они по ступеням, которые вели к невообразимой Земле.

Так Род МакБэн стал обладателем своего наследства, и удача улыбнулась ему.

ЭПИЛОГ И ИТОГИ

Как Род МакБэн CLI использовал выпавший ему шанс и наслаждался своим наследством... Во всем что случилось дальше ощущался привкус той первой и главной его встре-

чи с Повелителем Джестокостом. Детали же того, как все это происходило несомненно очаровательны (и несомненно, как-нибудь позже) я вам о них расскажу, но причина по которой эта хроника заканчивается на этом месте в том, что игроки сделали движения, как бы подводящие черту.

Часть игроков сошла с шахматной доски.

* * *

Старая Северная Австралия. Контора Содействия.

— Вы, бывший Поч. Сек. нашего правительства, обвиняетесь в превышении пределов полномочий Очсека и попытке нанести увечья или убить личность из особо приближенных к Ее Отсутствующему Величеству — господину Родерику Фредериксу Рональду Арнольду Уильяму МакАртуру МакБэну сто пятьдесят первому. И вам в дальнейшем предъявляется обвинение в злоупотреблении официальным инструментом правительства Государства для того, что называется незаконными целями, и использование одного мутировавшего воробья, серийный номер 0919487, особый номер 2328525, весом сорок-один килограмм и стоящего 685 миникредитов. Вы что-нибудь хотите сказать?

Хоугхтон Сим CXLIX закрыл лицо руками и заплакал.

* * *

Предсказывающая машина Абба Динго.

Джестокост был одним из Повелителей Содействия, который собрался напрямую воспользоваться предсказывающей машиной Абба Динго, находящейся в середине колонны, поддерживающей Земной порт. Большую часть времени машина вовсе не работала. Большая часть людей не обладала достаточным интеллектом, чтобы воспользоваться ей, но Джестокост решил попытаться.

В ночь после прибытия Рода, он спросил:

— Что случилось в мире?

Машина ответила:

— Что? Что? Все в порядке вещей.

— Сегодня в мире начало происходить что-то необычное? — закричал Джестокост.

Ответа долго не было. Джестокост подумал, что машина выключилась, но, наконец, машина заговорила с акцентом прошлых веков:

— Эта машина — холодная... холодная... холодная. Эта машина — старая... старая... старая. Ей тяжело говорить. Это — точно. Но что-то случилось в мире. Что-то странное — словно упали первые несколько капель надвигающейся бури с грозой, словно едва-едва сверкнула приближающаяся комета. Грядут перемены. Не те перемены, что можно остановить силой оружия. Эти перемены подкрадываются, словно забытые сны. Может быть это — хорошо. Перемены, перемены... и в центре всего этот мальчик. Один мальчик. Эта машина не может увидеть его...

Наступила долгая пауза, наконец Джестокост понял, что машине нечего больше сказать. Он прервал связь, и глубоко-глубоко вздохнул.

СОДЕРЖАНИЕ

Люди и кошки полковника Лайнбарджера.	5
<i>Предисловие Н. Трухановой</i>	
Самосожжение. Рассказ.	13
<i>Перевод Н. Трухановой</i>	
Сканнеры живут напрасно. Рассказ.	25
<i>Перевод Н. Трухановой</i>	
Подвиг и преступление капитана Суздаля. Повесть.	63
<i>Перевод Н. Трухановой</i>	
“Малинькие катята” Матери Хиттон. Повесть.	83
<i>Перевод Н. Трухановой</i>	
Бульвар Альфа Ральфа. Повесть.	111
<i>Перевод Н. Трухановой</i>	
Баллада о потерянной К’мель. Рассказ.	143
<i>Перевод Е. Михайлик</i>	
Погружение в море мрака. Повесть.	165
<i>Перевод Л. Сизого</i>	
Планета Шеол. Повесть.	197
<i>Перевод Л. Ткачука</i>	
Планета ураганов. Повесть.	245
<i>Перевод В. Жураховского</i>	
На планете драгоценных камней. Повесть.	323
<i>Перевод Л. Сизого</i>	
Покупатель планет. Роман.	353
<i>Перевод А. Тишкина</i>	

Літературно-художнє видання
Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 18

СМІТ Кордвейнер

ПЛАНЕТА ШЕОЛ
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І.Чудінова*
Редактор *Л.Москвич*
Художник *С.Павленко*
Художній редактор *О.Шамрай*
Відповідальний за комп'ютерну верстку *О.Яцук*
Комп'ютерний дизайн *Н.Паничєвої*

Здано до набору 18.07.94. Підписано до друку 10.01.95.
Формат 84х108/32. Папір книжково-журнальний.
Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друку арк. 26,88.
Умов.фарб.-відб. 27,46. Обл.-вид.арк. 28,13.
Замовлення № 5-30.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42.

ОП «Київська книжкова фабрика»,
252054, Київ-54, вул. Воровського, 24.

Т
Л

ПЛАНЕТА ШЕОЛ

